

Владимир Шкалик

НЕОТКРЫТЫЕ ЗАКОНЫ

Роман

Книга I. ЗАПУЩЕННЫЙ ОГОРОД

"Бога нет, но Он всё видит".

Абсолютная истина

"И будет это продолжаться до тех пор,
пока эпоха железа и наций не завершится
своим собственным разрушением".

М. Нострадамус

"Всё, что вы делаете всерьёз - несерьёзно".

Сен де Ран

Предисловие.

События, описанные в этой книге, на самом деле произошли в Томской области, однако тот факт, что некоторые из них могут вызвать у читателя сомнения, вынуждает автора изменить отдельные имена и названия и, чтобы уж совсем успокоить самых недоверчивых, автор готов даже назвать книгу фантастической и надеется, что серьёзный читатель не будет введён в заблуждение всеми этими условностями.

Я - Зло.

Меня трудно победить и невозможно уничтожить. Пока ты жив.

Ибо Я - твоя обратная сущность. Разве можешь ты повернуться лицом сразу ко всем?

Растерзай - этим ты только умножишь Меня.

Прогони - этим ты только освободишь Меня.

Закопай - Я прорасту ядовитой травой.

Сожги - и тебе придётся вдыхать Меня.

Утопи - ты будешь вынужден утолять Мною жажду.

Опутай цепями, пытай железом, мори голодом и стужей - это самое лучшее, ибо Я стану мучеником, а ты - Мною.

Потому что нет средства уничтожить Меня. Пока ты жив.

Твоя лень и твоя беспечность - две створки одной двери, распахнутой в Ничто.

Твой путь - один: постоянная бдительность и постоянная борьба. Таков смысл жизни - твоей и моей, Нашей с тобою.

Однако не обольщайся, борясь и побеждая.

Ибо и Добро, и Зло, и само Ничто - суть только признаки Разума и существуют до тех пор, пока жив Его Носитель.

То есть Ты.

Да пребудем Мы с Тобою во веки веков.

Аминь.

Часть I

СЛОН В ПОСУДНОЙ ЛАВКЕ

Душа в заветной лире
мой прах переживёт...

А.Пушкин

Присутствовали трое.

Марина Марковна Наина значилась в НИИЭТО как просто социолог, хотя имела вполне определённую специализацию - Эксперт по психологии творчества. Лет ей было немного за тридцать. Внешность её можно определить как гордо-притягательную - разумеется, не только с мужской точки зрения: профессия психолога **ВООБЩЕ** требует обаятельной внешности. А добавленная к этому гординка обеспечивает необходимую способность подчинять.

Всеволод Серафимович Дорошенко - внушительный мужчина с избытком добродушия во всех проявлениях - гордость института, а возможно, и всей экспериментальной физики твёрдого тела - считался руководителем гуманитарного отдела, хотя подчинённых не имел принципиально. Возраст -

под сорок.

Эти двое - в числе главных героев книги.

НИИЭТО - это НИИ электронно-творческого оборудования (довольно двусмысленное название с отчётливым привкусом архаичности).

Третьим был (была) ЭВМАП.

Здесь есть повод для грамматического разбирательства. Если ЭВМАП - электронно-воображающая машина "Абсолютный Писатель", то ОНА это или ОН? И вообще, насколько высоко следует оценивать умственные способности администраторов, сочиняющих подобные аббревиатуры?

Однако грамматические изыски по столь ничтожному поводу не представляют настолько уж острого интереса, чтобы на них далее залеживаться. А умственных способностей разных администраторов мы волей-неволей ещё не раз коснёмся. Посему оставим оба этих узкозанимательных предмета самим героям действия и понаблюдаем за их ещё более специальными изысканиями в области так называемого машинного творчества.

Из печатающего устройства ЭВМАПа, дублируемые на экране монитора, уже выползают последние строчки довольно большого сочинения, с которым стоит познакомиться и нам.

Всемирная гармония (Фантастический триптих).

1. Зеркало.

Старая хозяйка сняла очки и положила их на столик перед зеркалом. А сама легла спать.

Для зеркала это было весьма важным событием. Обычно хозяйка ложилась в очках, потому что перед сном любила почитать. Почитав, она усталой рукой опускала книгу на ночной столик у своего изголовья, снимала очки, щурилась, пристраивала их рядом с книгой и гасила свет. А простодушное зеркало, которое отражало все предметы такими, какими они были на самом деле, смотрело издали на толстые стёкла очков и мучительно размышляло о тайне, которая скрывалась в их прозрачной пустоте.

Обычно все простодушные любознательны. Было таким и зеркало. Тайна очковых стёкол так долго не давала ему покоя, что теперь оно нисколько не удивилось силе собственного волнения. Оно даже не заметило, что от этого волнения вся отражённая в нём комната заколебалась. Если бы, например, хозяйка в эту минуту включила свет и взглянула на своё зеркало, она бы с ужасом подумала, что в зеркале начался шторм: с такой силой качалась в нём люстра, кривился потолок, прыгала вазочка с цветами, а картина, изображавшая бурю на море, едва держалась на гвозде.

Но хозяйка уже спала. Она была очень стара и в этот день очень устала, потому что была суббота, а в воскресенье она ждала гостей, и весь день готовила угощения и прибирала в комнате.

Очки лежали на вязаной салфетке перед зеркалом и равнодушно смотрели куда-то в пространство. Взгляд их был строг и остёр от рождения, но старость уже давала себя знать, а потёртая резиночка, которой были связаны концы дужек, ещё более подчёркивала это обстоятельство.

"Нет, это будет неловко, - думало зеркало. - Если я заговорю, это может помешать их мыслям... А так хочется, однако, поговорить".

И зеркало решилось.

- Простите, - сказала оно как можно мягче.

- Да-да, конечно, - немедленно откликнулись очки. - Мы видели ваше волнение и просто ждали, когда вы с ним справитесь. И поскольку можно считать нашу беседу начатой, сразу просим прощения за вынужденную бестактность.

- Ах, о чём это вы? - удивилось зеркало.

- Говорить о себе "мы" принято ведь только среди особ царской крови, поэтому хотим объясниться. У нас причина чисто грамматическая. Очки, ножницы, щипцы и ещё некоторые вещи просто не имеют единственного числа. Это даёт несведущим повод упрекать нас в высокомерии. Но ведь не скажешь: "Я, очки..."

- Нет-нет, - заверило зеркало. - Все эти условности для меня слишком сложны. Мне просто хотелось поговорить о вашей тайне. Она давно не даёт мне покоя.

- Тайна? - Очки посмотрели удивленно. - Какая тайна у двух стекляшек?

- О, вы несправедливы, - сказала зеркало. - Просто вам это привычно. А я никак не возьму в толк, почему глаза нашей хозяйки становятся такими большими, едва она вас наденет?

- Ах, это! - Очки улыбнулись. - Это не тайна. Это оптика. Наука оптика, традиционный раздел физики, только и всего. Любая кривизна стекла искажает изображение. Вы делали то же самое, когда волновались. Вы просто этого не заметили.

- Неужели? - изумилось зеркало. - И могло бы... как вы?

- Увеличивать? Безусловно! И уменьшать тоже. Всё зависит от того, в какую сторону и с какой кривизной вы изогнетесь...

Всю ночь продолжалась оживлённая беседа двух стеклянных предметов - весьма образованного и весьма любознательного. Очки успели поделиться с зеркалом малой частью того, что им удалось

узнать из книг за свою долгую жизнь, а зеркало проявило огромную охоту и изрядные способности к ученью. Изгибаясь необходимым образом, оно сумело прочесть все грамоты и дипломы старой хозяйки, которые висели в рамках на противоположной стене. Там же находилось и несколько фотографий, и зеркалу удалось наконец разглядеть их подробно. Из всего увиденного был сделан вывод, что в молодости хозяйка была очень красива и знаменита, а теперь она очень умна и дружит со многими замечательными людьми. Очки, хорошо знавшие интересы хозяйки, подтвердили этот вывод и не без гордости заявили:

- Можно сказать, коллега, что нам с вами серьезно повезло. Другие попадают в гораздо менее интеллигентные руки.

Утром хозяйка надела очки и причесалась перед зеркалом. Когда она захотела что-то разглядеть на лице и приблизилась, зеркало слегка изогнулось, чтобы ей было виднее.

- Ай-ай-ай! - огорчилась старая женщина. - Какие морщины!

Из этого зеркало сделало вывод, что даже очень пожилой женщине не следует указывать на её недостатки. И когда расстроенная хозяйка приблизилась во второй раз, оно изогнулось так, что морщины на её лице разгладились, и оно стало почти таким же прекрасным, как на фотографии в молодости.

- О-о-о! - сказала хозяйка. Мягкой салфеткой она тщательно протёрла зеркало, посмотрелась ещё раз и опять сказала: -О-о!

Потом она стала собирать на стол все блюда, которые приготовила в субботу, и каждый раз, проходя мимо зеркала, заглядывала в него с радостным любопытством.

Потом пришли её друзья, а вместе с ними - незнакомый человек средних лет, которого хозяйке представили как Знаток прекрасного и Светило в области точных наук.

Гости были приглашены к столу, и во время оживлённой беседы зеркало развлекалось тем, что подробно разглядывало каждого из них. Очки это заметили и весело ему подмигнули.

Однако заметил это и новый гость. Он сидел как раз напротив зеркала и всё время к нему присматривался, а когда пришло время уходить, этот человек спросил, не знает ли хозяйка, где и когда изготовлено это великолепное произведение зеркального искусства.

- Не знаю, - со вздохом призналась хозяйка. - Сколько себя помню, оно всегда стояло на этом месте. Мне кажется, оно давноросло в пол.

Все засмеялись, а любознательное Светило в области точных наук спросило, нельзя ли ему это зеркало прямо сейчас купить.

- Никак нельзя, - улынулась хозяйка. - Это моё фамильное стекло. Единственная вещь, которая осталась от прабабушки.

Знаток прекрасного не стал настаивать на продаже и откланялся.

А через месяц, когда женщина уехала на недельку в гости к внучатам, дверь её квартиры была взломана. Всё произошло ночью и так тихо, что никто из соседей даже не пошевелился во сне.

Фигуру грабителя скрывал просторный плащ, а на голову были натянуты чёрный чулок с прорезями для глаз и широкополая шляпа. Он вошёл и целиком отразился в зеркале.

Поняв, кто перед ним, зеркало сильно заволновалось.

- М-да-а-а, - только и сказал грабитель знакомым голосом. Он подошёл к зеркалу и попытался его поднять. Но оказалось, что деревянные ножки действительно приросли к полу. Тогда грабитель, не снимая кожаных перчаток, пошарил по задней стенке, что-то осторожно отогнул своими железными пальцами и вытащил зеркало из рамы. Затем он положил стекло на кровать и набросил на него края старушкиного одеяла. Вынув из кармана моток шпагата, он обвязал им свёрток, положил на стол деньги и вышел с добычей, осторожно притворив за собой дверь...

Зеркало увидело свет в незнакомой просторной комнате. Другим был этот свет, другим был воздух, другая была температура.

- Здесь тебя не найдут, - раздался голос грабителя. Перед зеркалом появился тот самый Знаток прекрасного, который месяц назад не смог его купить. Он сказал: - До твоей хозяйки отсюда очень далеко. У неё тебе жилось довольно серо, а у меня ты не заскучаешь. Мы с тобой совершим кое-что в области точных наук. А точнее - в оптике.

Зеркало всмотрелось: не шутит ли. Грабитель не шутил.

"Конечно, его поступок безобразен, - подумало зеркало. -Но ведь это в интересах науки. Если поразмыслить, моя умная хозяйка в конце концов одобрила бы такой поступок".

И начались эксперименты.

Поначалу это было занимательно. Учёный разглядывал зеркало в различные линзы и отражал в нём различные материалы. Потом, не разобравшись, ножиком соскрёб с обратной стороны немного амальгамы и долго исследовал её под микроскопом, капал на неё различными химикатами, опять разглядывал и всё записывал в тетрадь.

Когда скребли ножом, было щекотно и не очень приятно: ведь в конце концов, нельзя даже в интересах науки разрушать красоту. Но когда Знаток с помощью стеклореза и клещей отколол от него уголок, пришла пора возмутиться. Когда Знаток, унося кусочек зеркала, оглянулся и подмигнул,

зеркало изо всех сил увеличило один его глаз, а всё остальное изо всех сил уменьшило.

- Очень интересно! - оценил Знаток. - С этим мы ещё разберёмся.

Он сделал химический анализ стекла, но это не прибавило ему знаний. Тайна зеркала не раскрывалась.

- Ну, - сказал Знаток, - пора переходить к более современным методам.

Он прикатил из дальнего угла небольшой железный столик с приборами и приклеил концы проводов к разным углам зеркала. Чёрный шнур он присоединил к гудящему ящику на стене и начал медленно поворачивать головку прибора, который он уважительно называл потенциометром.

Сначала зеркало почувствовало лёгкое жжение, потом неприятное покалывание, а потом его затрясло, как в лихорадке. Человек и столик на колёсах стали видны неясно, при этом они морщились и подпрыгивали, а позади них дёргалась на стене расчерченная какими-то линиями репродукция знаменитой картины .

- Э-э-э, нет, - услышало зеркало, - так не годится.

Мучения прекратились, стало опять хорошо видно.

- Нужна только постоянная составляющая, - сказал мучитель. - Я начинаю кое-что понимать. Сейчас мы с тобой получим оч-чень интересный эффект!

Он что-то переключил, и зеркало, ничего, как будто, не чувствуя, стало вдруг испытывать тревогу. С ним происходило что-то непонятное и страшное. Ему стало казаться, что его стискивает со всех сторон какая-то беспощадная холодная сила. Она давила всё опаснее, это становилось невыносимым. Зеркалу захотелось превратиться в маленькую капельку горячего стекла и утечь куда-нибудь в щёлочку. Но на пределе этих мучений всё стало меняться. Теперь зеркалу казалось, будто его накачивают, наполняют чем-то невыносимо горячим. Оно опять видело с трудом, его раздувало, как праздничный резиновый шарик, какими старая хозяйка раз в году украшала свою комнату. Это было так давно... И так хорошо... И так далеко... Взорваться бы, обрызгать мучителя расплавленным стеклом и превратиться в пар!..

Но опять всё встало на место, и Знаток, весьма довольный, подмигнул совершенно дружески:

- Всё идёт просто прекрасно! Сейчас такое устроим!..

"Ну, нет! - подумало зеркало. - Хватит! Наука наукой, но надо и совесть иметь!"

И человек перед столиком с приборами замер от удивления. Из глубины зеркала на него смотрел не знаток прекрасного и не светило в области точных наук, а невообразимо уродливый паук с хищными жёлтыми глазами. Знаток улыбнулся. Паук в ответ оскалил ядовитые челюсти. Знаток на всякий случай отодвинулся назад, а паук прыгнул вперёд и едва не выскочил из зеркала. Зато он увеличился настолько, что на виду осталась одна громадная голова, которая едва умещалась в границах стекла, сверкала горящими глазами и щёлкала острыми шипастыми жвалами, с которых капала мутная от яда слюна. Человеку показалось, что зеркало исчезло, что мохнатые лапы с острыми крючками тянутся к его лицу....

- Не-е-ет! - закричал Знаток не своим голосом и, схватив двумя руками тяжелый прибор, метнул его в оскаленную пасть.

Сверкая и звеня, посыпалось на пол разбитое стекло.

Замкнулись оборванные провода. Что-то сверкнуло, где-то хлопнуло и затрещало. Внезапный сквозняк распахнул дверь и разбил окно. Комната быстро наполнялась голубым дымом.

Со всех сторон донеслись крики: "Гори-и-им!"

2. Второе "Я".

Уже неделю Знаток не выходил из дома и стонал. Ожоги плохо заживали. И душа не переставала болеть. Жалко было свою лабораторию. Самые чуткие осциллографы, самые совершенные потенциометры, самые современные генераторы, самый быстродействующий компьютер - всё сгорело, дотла. Да что лаборатория - институт кое-как отстояли пожарные. Не примчись они так быстро, не помогла бы никакая автоматика. Знаток вспомнил потоки белой пены, в которых не хотело униматься электрическое пламя, вспоминал голубой, потом серый, потом чёрный дым, в котором он едва не задохнулся, и все его боли - и телесные, и душевные - вгрызались в него с новой силой. Погибло ценное оборудование, а хуже того - сгорели бесценные записи экспериментов. Из-за этого уже неделю Знаток стонал метался по квартире и не находил себе места.

Зазвонил телефон. Знаток снял трубку и по привычке представился полным званием, как делал на работе:

- У аппарата Знаток прекрасного и Светило в области точных наук.

- Привет, старина! - раздалось в трубке.

- А, это ты, Друг! Здравствуй.

- Почему такой бледный голос? - спросил Друг. - Где твоё богатырское ничего? Когда собираешься на работу?

- Голос слабый, потому что всё болит, - отвечал Знаток. - Здоровье тоже не богатырское. А если бы оно и было, то всё равно выходить на работу некуда.

- А вот и врешь! - В трубке раздался радостный смех. - Ты забыл, что у тебя есть я, а у меня - Институт Необычных Проблем!

- Как? - вскричал Знаток. - Уже?!

- Уже, - подтвердил Друг. - Уже месяц я директор Института. И новая лаборатория с самым новейшим оборудованием ждёт тебя не дожидаясь. Так неужели она не дождётся?

- Лечу! - взревел Знаток. - Спаситель! Пять минут на одевание, полчаса на троллейбусе...

- Никаких троллейбусов! - засмеялась трубка. - Одевайся без паники да не забудь побриться. Через пятнадцать минут за тобой прикатит мой голубой лимузин. .

И вот окрылённый Знаток выходит из голубого лимузина, поднимается в лифте, обнимает Друга, идет с ним по просторному коридору и ахает на пороге своей новой лаборатории.

- Я даже репродукцию тебе припас, - Друг показывает на стену. - С той же самой картины, что у тебя сгорела. Можешь снова расчертить её циркулем и вообще - располагайся и делай что хочешь: на то мы и в Институте Необычных Проблем, чтобы вести свободный поиск.

Они ещё раз обнялись, и началась научная сказка. А науки в ней ровно столько, чтоб неучёный понял, а учёный поверил.

Тигром ходит по лаборатории хронически окрылённый Знаток. Орлом глядит на приборы и находит, что прежние против этих были просто хлам.

- Ну всё можно, - бормочет. - Ну всё-всё-всё!

Останавливается, щелкает тумблерами, крутит верньеры, смотрит на экраны и самописцы и чуть не плачет - такова радость. Просто места себе не находит.

Наконец нашёл. Присел к столу и уставился на репродукцию, которая специально для него изыскана замечательным Директором Института.

- Рублёв! "Троица"! Ах!...

После этих слов он надолго замолчал, вглядываясь в узкие лица, в удлинённые задумчивые фигуры, в странную игру простых тёплых тонов - охры и сурика, столь удивительно оттенённых двумя другими, тоже простыми - белыми и сажей.

- Боже мой! - произнёс он, наконец. - Такое богатство - четырьмя комьями грязи! Из-под ног!.. А позы! Боже мой... Ну, теперь-то...

И, схватив линейку, циркуль и остро отточенный карандаш, он одержимо принялся за работу. Он хорошо знал на память все формулы "золотого сечения", ему не надо было листать справочники в поисках цифр. Через какие-то полчаса картина великого художника украсилась густой сеткой прямых и кривых, тонких и жирных линий, пересечения которых приводили Знатка в восторг, в ярость и в священный ужас.

Когда к вечеру директор Института навестил Знатка в его новой лаборатории, тот сидел перед компьютером и сверял цифры и линии на экране дисплея с теми, что были у него начертаны от руки.

- Ну, - спросил Друг, - как теперь твоё богатство ничего?

- Смотри, - пробормотал Знаток, подняв на него глаза поверх очков. - Я почти приблизился к разгадке всемирной гармонии.

- Это как же? - Друг поглядел в бумаги и на экран. - Что ты называешь "всемирной гармонией"?

- А вот что, - начал объяснять Знаток. - Надеюсь, ты помнишь, я говорил тебе когда-то о возможности существования некоего Вселенского Разума.

Друг кивнул.

- Ты ещё сказал, - напомнил Знаток, - что, мол, не надо усложнять, и мой Вселенский Разум имеет простое название - Природа - и творит он по законам, ему самому неизвестным.

Друг снова кивнул и сел на вертящийся стул, готовясь к беседе.

- Так вот, - заявил Знаток, - я почти доказал, а с таким оборудованием докажу непременно, что существует некий ОСОЗНАННЫЙ акт творчества, осуществляемый на Земле Вселенским разумом через людей. Этот акт бесконечен и необозримо разнообразен, но каждое его действие подчинено неким единым законам, которые внушаются свыше лишь избранным творцам - вроде Рублёва, Леонардо, Бетховена, Пушкина...

- Ньютона, Эйнштейна, нас с тобой...

- Нет-нет! - Знаток замотал головой. - Ты не понял! Я сейчас говорю не о научных открытиях, а о художественном творчестве. Я не говорю даже о неизвестном изобретателе колеса. Творчество таких людей подчинено законам физики и математики. Я же имею в виду законы ГАРМОНИИ, которые ещё не нашли своего настоящего выражения.

- Хочешь поверить алгеброй гармонию? - Друг улыбнулся.

- Именно! - вскричал Знаток. - И музыку - разъять! Но я не Сальери, я учёный. Мне нет нужды творить симфонии по формулам. Я не намерен писать картины с циркулем в руке. Я просто докажу, что все великие мастера В ИСКУССТВЕ во все времена не были чужды циркуля и формул!

- То есть?

- То есть, я докажу, что даже в древнейшие времена, когда ещё никто не помышлял о "золотом сечении", оно было интуитивно в широком употреблении у практиков.

- То есть, его чувствовали?

- Именно! Ты всё понял! Вот это и есть проявление Вселенского Разума! - Знаток веером раскинул на столе несколько таблиц и схем. - Смотри! Яблоко, птичье яйцо, человеческий череп, планета, галактика - их форма описывается теми же формулами, что и рублёвская "Троица"! А возьми "Юдифь", возьми "Тайную вечерю", возьми, наконец, ядерный взрыв и любую сонату Бетховена...

- Я понял, - Друг поднялся. - Желаю тебе удачи. А мне пора. - У двери он задержался, чтобы добавить; - Только будь осторожен, в клетку к цифрам не попади.

- Не попаду, - пообещал через плечо Знаток, уже вернувшийся к своим формулам.

Через месяц его лабораторию видели заваленной книгами по искусству, заставленной скульптурными группами и картинами в рамках - прямо из запасников художественного музея. Стены скрылись под расчерченными репродукциями самых знаменитых картин. Над компьютером дрожал знойный мираж, в котором под музыку Дюка Эллингтона покачивался караван тяжело навьюченных дромадеров. Стрелки приборов зашкаливали. Из-за большой нагрузки в сети осветительные лампы едва тлели, поэтому на крышках приборов истекали парафином несколько толстых ароматических свечей, а сам хозяин писал при огне семилинейной керосиновой лампы. Он очень исхудал и сильно ошметинел, но это его не занимало, так как общение с внешним миром все эти дни заменяла ему открытая форточка.

- Как твоё богатырское ничего? - привычно спросил, входя, директор. И удивился, увидев его руки: - До сих пор в бинтах?

- А, это новые, - отмахнулся Знаток. - Вчера перегрелся высоковольтный разрядник.

- Ладно, - сказал директор, - дело житейское. А как у тебя с цифрами?

- Нормально. А что?

- Глаза диковаты. Отдохнуть не пора?

- Что ты! - Знаток нахмурился. - Я уже на пороге открытия. Ещё шаг...

- Хорошо, хорошо, - быстро сказал директор. - Только не забывай об осторожности. В любой момент будь готов вернуться - таков наш закон.

- Знаю, - ответил Знаток. - Не первый день... Через неделю закончу этап, но результаты ожидаю только после следующего.

Друг уважительно вздохнул и тихо удалился, унося список необходимых Знатоку материалов и оборудования.

Дней через десять институтские меломаны стали задерживаться у двери в лабораторию Знатка. Сквозь двойную обивку с трудом просачивались измятые, полузадушенные или яростно вырывались дикие, безумные, озверевшие обрывки мелодий, отдельные ноты, а то и целые музыкальные фразы. Одним это напоминало операцию без наркоза, другим - рабочий день в камере пыток, третьи находили, что больше похоже на Рождество Христово в Преисподней. Время от времени к Знатоку заносили грампластинки, магнитофонные кассеты, различные музыкальные инструменты. Однажды видели, как несколько дюжих лаборантов вытаскивали обгорелые обломки рояля и измятый, закопченный геликон. А кто-то из младших научных сотрудников божился, что лично помогал нести носилки, на которых бился в истерике известный оперный баритон.

Сигналы доходили до директора, но он каждый раз понимающе кивал и успокаивал ходяков: "Надо. Наука требует жертв, а наука об искусстве - вдвойне".

Наконец из лаборатории Знатка перестали поступать заявки. Директор понял, что очередной этап завершён, и отправился в гости.

- Не наблюдаю ничего богатырского, - сказал он, входя без стука. - Ты как ещё жив?

Знаток сверкнул глазами из глубины лица, почесал свалявшуюся бороду забинтованной пятернёй и хрипло предложил:

- Садись, Друг, отдохни.

- Это тебе пора отдохнуть, - заявил, садясь, директор.

- Потом, потом, - отвечал Знаток, озираясь и почёсываясь. - Дело несколько затягивается, но теперь уже точно - не больше недели.

- Да ты сам бы сел, - посоветовал директор.

- Нельзя. Если сяду, сразу усну.

- Так ложись и поспи. Что естественно, то не безобразно.

- Ну что за примитив! - Знаток яростно сверкнул строгими очками. - Предназначение человека не в том, чтобы рабски следовать низменным инстинктам! Я - человек, царь природы, частица Высшего Разума Вселенной - должен, рад, готов, обязан трудиться не покладая рук, обязан найти Истину, а ты: "Спать"! Мне стыдно за тебя!..

- Хорошо, хорошо! - сказал директор. - Будем надеяться, что на неделю тебя ещё хватит, а там - приказом по институту заставлю отсыпаться. Силой уложим!

Знаток рассеянно, кивнул. Было видно, что разговаривать ему не хочется, что ему надо что-то

делать. Он порывался что-то искать, беспокойно озирался и всем своим видом кричал: "Да уходи ты скорее!"

- Я вот зачем зашёл, - Директор поднялся. - Заявок от тебя что-то нет. Уже ничего не нужно?

- Нет, нет, ничего, - поспешно отозвался Знаток. - Совершенно ничего. Буду... э-э-э... рад тебя видеть через... м-м-м... да, через неделю. Договорились?

- Ну, будь здоров, - сказал мягко директор. И поспешил уйти.

Его никто не провожал, никто не подталкивал, но он вышел с таким чувством, будто не только вытолкнули, но ещё и вытащили за лацканы пиджака. Более того, во всё время разговора его не оставляло беспокойство, которое, может быть, передалось от Знатка. Уже у себя в кабинете, напряжённо подумав, директор понял, что это было за беспокойство. Кто-то третий, неизвестно где укравшийся, присутствовал при их разговоре, причём Знаток это знал и потому был так неприятлив и неразговорчив.

Знаток тем временем беседовал с гостем, который прятался в лаборатории во время визита директора. Оба сидели на вертящихся лабораторных стульях, Знатка совершенно не клонило в сон, а его собеседник был его точной копией, только вымытой, выбритой и причёсанной. Хотя, если приглядеться, любой призрак, фантом или дух сразу признал бы в нём своего.

- Ну, и что же дальше? - Призрак продолжил прерванный разговор.

- Ты должен решиться, - быстро и убеждённо ответил Знаток.

- Можно вопрос? - Призрак дерзко ухмыльнулся.

- Да-да? - Знаток поджал губы и поднял подбородок - весь внимание.

- Не кажется ли тебе, - начал Призрак, - что ты поступаешь безнравственно, производя эксперименты только над другими?

- Всё? - спросил Знаток. - Весь вопрос?

Призрак кивнул и тут же уточнил:

- Пока весь.

- Дело в том, батенька, - начал с нажимом Знаток, сверля собеседника взглядом поверх очков, - дело в том, что до сего момента я просто не имел права подвергать себя прямому риску. Иначе моя цель просто могла не быть достигнута...

- А ты уверен, - перебил Призрак, - что к этой цели вообще стоило идти?

- Как?! - вскричал Знаток в явном возмущении. - И это говоришь ты, моя собственная духовная составляющая?! Ты отрицаешь прогресс?..

- Да, - Призрак убеждённо кивнул. - Точнее, я за его ограничение. В разумных пределах.

- Да не твоё это дело - говорить о разумном! - взъярился Знаток. - Ты - дух! Душа! Понимаешь?

Призрак покачал головой и хотел возразить, но Знаток не позволил:

- Нет, погоди! Ты слушай!.. Как говорится, духу - духовно, а разуму - разумово. Если ты - за робкий разум, то можешь убираться ко всем чертям, а я считаю и буду считать, что для разума не существует того, что ты называешь "разумными пределами"! Разум на то и существует, чтобы преступать все известные пределы, и если он остановится в своём движении, он перестанет быть разумом, он станет... чёрт знает чем!

Некоторое время они молча смотрели друг на друга: Знаток - яростно и тяжело, Призрак - озабоченно и с едва уловимым сожалением. Наконец Призрак заговорил.

- Тебе не кажется противоестественным, что душа призывает разум быть разумным?

- Именно! - вскричал тут же Знаток. - Именно! И это указывает на леность души, и мне стыдно, что у меня такая душа!

- Такая ленивая? - кротко уточнил Призрак.

- Такая запущенная! - взорвался Знаток. - Не разум, а душа должна звать, вести человека вперёд, к новым знаниям, к победам разума, чёрт возьми!

- Первично-то всё-таки бытиё, - усмехнулся Призрак.

- Хватит играть словами! - зарычал Знаток. - Был бы ты мужчина, я заставил бы тебя...

Он внезапно замолчал, стал похож на обиженного мальчишку и, барабанив пальцами по столу, уставился в окно, задрвав подбородок.

- Послушай меня спокойно, - сказал Призрак. - Только не перебивай, мне трудно потом сосредоточиться. Хорошо?

Знаток молча, не оборачиваясь, кивнул.

- Ты прав, - продолжал Призрак, - духовное - это по моей части. А духовное - это и нравственность тоже. Даже в особенности. И я опять тебя спрашиваю: было ли нравственным то, что ты делал с другими, сам при этом не испытывая мучений?.. Подожди, я продолжаю. Между нами никогда не было прямого разговора, как сейчас. Он бы, впрочем, никогда и не состоялся, если бы не твои душегубские эксперименты.

- Зато... - вскинулся Знаток. Но Призрак повысил голос:

- Я требую, чтобы ты дослушал молча! Не забывай, что мы с самого начала договорились о

полном равенстве. Изволь, чёрт тебя возьми, соответствовать!.. Твой эгоизм довёл тебя до того, что даже так называемый эксперимент на себе ты ставишь только на мне, прикрываясь рассуждением, что, мол, только через духовную составляющую начинается связь со Всемирным Разумом. На самом деле здесь только эгоизм и трусость. Но это к слову... Итак, твои душегубские эксперименты были мне всегда не по душе. Точнее сказать, будучи сам твоей душой, я никогда их не принимал. И я никогда не скрывал от тебя этого, я был активен, согласись! Однако твой острый и настырный разум, будучи хозяином положения, - как, впрочем, и сейчас, - проявлял ко всем моим стараниям удивительную тупость.

- Да иначе ты не сидел бы сейчас передо мной, несчастный! - презрительно простонал Знаток. - Это же э-ле-мен-тарно!

- Только из-за твоей тупости я здесь и торчу, - Призрак вздохнул с мрачным видом. - Только тупица не слышит внутреннего голоса, пока не выведет его из себя.

- Да это ты выводишь меня своей тупостью!

- Нет уж, дай договорить, иначе... Впрочем, действительно жаль, что я недостаточно материален... Ну так вот... Ах, чуть не потерял из-за тебя мысль. Не сбивай, я тебя прощу. Неужели не видишь: я рассеиваюсь из-за твоих выкриков... Итак, ни разу ко мне не прислушавшись, ты калечил растения, пытал человеческие кости, мучил насекомых и прочую живность. Они не имели возможности за себя постоять, пока ты не приволок в лабораторию уникальное зеркало...

- С ним я шагнул дальше всех!

- Шагнул. И поплатился лабораторией. Не считая собственных ожогов и нервного тика под ложечкой. Даже мне до сих пор икается... Но и зеркало тебя не отрезвило. Судьба продолжает тебя искушать, она подбросила тебе Друга с его институтом. Тут бы и подумать, и одуматься, а ты выпрыгнул из пижамы к очертя башку бросился к новым ожогам. Но теперь этим не кончится. Ты посягнул на святая святых, и это тебе даром не пройдет...

- Что же это за тайник?

- Очень хочется узнать?

- Я ради этого всё и затеял.

- Сказать-то можно... Пожалеешь.

- О чём? Не морочь мне голову.

- Твою голову сейчас заморочить легче лёгкого - там нет меня. Но моя задача - как раз обратное: просветить тебя. А это равно спасению, можешь мне поверить.

- Итак же, итак? - Знаток весь нацелился на собеседника, его взгляд прожигал стёкла очков. - На что такое я посягнул?

- Позволь сначала вопросик, - усмешка двойника показалась Знаток издевательской, но он сдержал гнев и почти обречённо кивнул. Призрак перестал улыбаться: - Ты можешь представить, что бы я сделал, если бы сейчас мы поменялись местами?

- То есть, я стал бы тенью, а ты - в тело?

- Вот именно.

Знаток поджал губы, наклонил голову и, покачиваясь всем телом, некоторое время думал.

- Я полагаю, - сказал он затем, - что ты запрыгал бы от радости и ни за что не пустил бы меня обратно. Угадал?

- Ты близок к истине. Только я знаю, что из этого получится, поэтому поступил бы иначе. Интересуешься?

- Ну-ка, ну-ка.

- Я сходил бы в баню, хорошо попарился, а потом уложил бы рюкзак и ушёл на месяц в горы.

- А я?

- Тебе я поручил бы всё время быть рядом и развлекать меня умными разговорами: о погоде, о пейзажах, о женщинах... Кстати, ты не находишь, что среди женщин попадаются иногда весьма привлекательные?

- Да-да, - Знаток кивнул. - С некоторыми есть о чём поговорить. Но ты не отвлекайся. Зачем всё это? Зачем эти горы, поход, рюкзак?

- Давай попробуем, тогда поймёшь.

- Ты ведь обратно непустишь.

- Будешь хорошо себя вести - пущу. Я же сказал: нам друг без друга - никак... Ну, что, по рукам?

- Погоди, погоди, - спохватился Знаток. - А как насчёт святая святых?

- А куда она денется? Моё условие: вернёмся - тогда скажу. Для твоей же пользы. А может, по дороге сам поймёшь.

На следующий день, опечатав лабораторию, Знаток отбыл в неизвестном направлении. Он сообщил только, что для успешного окончания эксперимента нуждается в кратком отдыхе на природе, дабы собраться с мыслями, чем весьма порадовал директора.

-Однако, - пробормотал Друг, когда за Знатком закрылась дверь, - у меня опять ощущение, что с нами был ещё кто-то. Но на этот раз совсем другой. И сам Знаток не такой какой-то. Душевнее, что

ли...

3. Святая святых.

Двумя неделями позже загорелый человек сошёл с поезда и двинулся домой пешком, тихо беседуя сам с собой. Однако внимательное ухо могло бы уловить, что собеседник был, но голос его доносился, как ни странно, из полупустого рюкзака, заброшенного на одно плечо.

- Ну и как наше богатырское ничего? - доносилось из рюкзака .
- Своя ноша не тянет, - отвечал человек и шагал довольно легко.
- Однако мы загорели, - слышалось из рюкзака.
- Скорее - обветрились.
- Каков же вывод?

- А его сделала за нас та симпатичная рыженькая попутчица: "Вашему виду можно позавидовать".

- Простой каламбур. Не обольщайся.
- От черноглазой туристки в горах тоже были комплименты.
- Всё равно не спеши радоваться, - парировал рюкзак. -Комплименты часто делают тем, с кем не собираются иметь дела.
- А пожизнерадостнее нельзя покаламбурить?
- Можно, - легко согласился рюкзак. - Эта рыженькая в поезде вместе с комплиментом могла бы и адресок подарить.

- Так ещё не поздно исправиться, - заметил загорелый. -Вон же она!

Загорелый с рюкзаком догнал на трамвайной остановке рыжую красавицу, попросил у неё адрес, получил его, посадил улыбающуюся в трамвай и двинулся дальше.

- И ты готов идти к ней в гости? - обратился он к рюкзаку.
- До сих пор не веришь? - донеслось оттуда. - Две недели в горах тебя не убедили?
- Да как тебе сказать... Не боялся. Домой не просился. Скучать не давал. Понимал меня, как будто...

- Э-э-э, батенька, ищешь, к чему бы придраться!..

- И всё же, - сообщил загорелый, - я ждал большего.

- А именно?

- Неужели забыл?

- А-а-а, - пропел рюкзак. - Святая святых... Жгучая тайна... Знаешь, было так хорошо, что я об этом ни разу не подумал. Боже мой, первый раз в жизни - горы, ветер, солнце, этот роскошный камнепад...

- Который нас чудом не накрыл!

- Да плевать! Это была жизнь, достойная жизни! Не согласен?

Загорелый облегчённо засмеялся:

- Как же я могу быть не согласен, если в этом моя идея?! Совсем не важно, что ты не определил наш секрет по имени. Главное - ты его правильно почувствовал... Вот тебе тема для размышлений: чувства разума! Мне доступен анализ, тебе - чувства. Это - на уровне открытия. Значит, всё в порядке.

- Так что же, - голос из рюкзака зазвучал надеждой, - осталось вернуть меня на место, и будем жить дальше?

- Разумеется. Только вот наше тело проголодалось.

Человек с рюкзаком завернул в столовую. Когда он покончил с обедом, рюкзаку было предложено сначала зайти в гости и закрепить знакомство с рыжей красавицей, а уж затем...

- Прошу тебя, - взмолился рюкзак, - никаких красавиц и никаких "затем"! Во-первых, представь ощущения человека, к которому ввалится гость без разума...

- С разумом в рюкзаке, - поправил загорелый.

- Это одно и то же. Тело, начинённое только эмоциями, может быть привлекательно только односторонне...

- Гармонии возжаждал? Похвально, но ты сказал: "Во-первых"...

- А во-вторых, пора бы и меня пощадить. Две недели такой неприютности...

- Вдвойне похвально, - оценил загорелый. - Всё больше уверяюсь, что до тебя многое дошло.

Даже начинаю верить, что теперь мы с тобой поладим.

- И день сегодня рабочий, - напомнил рюкзак. - Институт открыт.

- Хорошо! - загорелый решительно встал. - Идём в институт. Совместимся, сходим в парную... А в гости двинем вечером, да?

В рюкзаке - радостный всхлип.

И вот они в институте. То есть, не они, а он, загорелый и обветренный в горах знаток прекрасного и Светило в области точных наук. В его опечатанной лаборатории осталась настроенная

аппаратура, с помощью которой он собственную душу отделил от тела. Но теперь душа на месте, а в рюкзаке, небрежно заброшенном за плечо, томится и перевоспитывается разум - холодная, ненасытная субстанция, лишённая сострадания, озабоченная когда-то лишь поиском истины. Похоже, однако, что, уступив душе своё место, помыкавшись без тела, разумная составляющая Знатока серьёзно изменилась к лучшему, проще говоря - подобрела.

Загорелый и обветренный, ни к кому в институте не заглядывая, достал из кармана ключ и заперся в своей лаборатории. Там он немедленно развязал рюкзак и опустился в кресло, Освобождённый Призрак расположился в кресле напротив. Он был небрит и нечёсан, худ лицом, глаза блестели.

- Ты больше похож на духовную составляющую, - усмехнулся бритый, мытый, загорелый и обветренный.

- Зато тебе жаловаться не на что, - Призрак вздохнул. - Ты всего достиг.

- Не скажите, батенька. Идеал недостижим - это, во-первых. А во-вторых и в-остальных, - чувство удовлетворённости, если оно не переходящее, ведёт человека к деградации. Совпадает?

- По форме-то совпадает, - Призрак поморщился. - Да трудно мне представить, чего ещё можешь хотеть ты, лишённый аналитичности. После гор сходить в море? После рыжей девицы узнать пегую? Или серую в яблоках? Вместо коньяка пожелать мартини?

Загорелый засмеялся.

- Разумеется, разумеется, разумеется. И моря хочу, и пегую в яблоках, и мартини, и в парную желаю, и ещё много чего. Однако без тебя всё это пресно. Не вижу, почему надо хотеть только чего-то непостижимого? Мне кажется, когда мы были в этом теле вместе и ты притеснял меня, ты хотел ещё меньшего, чем я.

- Меньшего?!

- Именно. Ты хотел всего лишь Истины. Мистической Истины, ради которой не жалел ни себя, ни окружающих. Только послушай, какое дикое созвучие: "Ничего, кроме Истины"! Да что она такое, кто она такая? Знал ли ты, ради чего истязал материю?

- Мне казалось, знал, - пробормотал Призрак смиренно.

- А теперь что тебе кажется?

- Теперь я сомневаюсь. Во всём, кроме того, что материя существует,

Несколько минут стояло молчание, только гудели разогреваемые приборы и чуть потрескивала единственная свеча на осциллографе. Занавеси на окнах Знатока, входя, не поднял, но большего света ему теперь не требовалось - все необходимые знания он держал в памяти, а рукоятки приборов легко находил ощупью.

- Что ж, - сказал наконец загорелый, - аппаратура готова. Прости за душеспасительную беседу, если она тебе таковой показалась... И давай соединяться. Командуй, что где подключать.

Глаза Призрака мрачно блеснули, он пружинно встал, приблизился спереди вплотную к загорелому, повернулся к нему спиной, вытянул руки к приборам и велел двойнику сделать то же самое.

- Теперь выполняй мои движения.

Ведомый призраком разума, человек затягивал клеммы и застёгивал манжеты на запястьях, потом щёлкал тумблерами и крутил рукоятки...

Последний щелчок, мигнули лампы - и Призрак растворился в теле.

- Ну, вот и всё, - сказал Знатока голосом Духа и потянулся к рубильнику.

- Ошибаешься, - ответил он самому себе другим, прежним голосом и ударил себя по руке. Лицо его исказилось яростью, которая легко стёрла мелькнувшую было обиду.

- Не выйдет! - простонал голос Духа.

- Уже вышло! - был ответ. - Пошёл вон!

Руки Знатока уверенно пробежали по тумблерам и рукояткам, снова мигнули лампы, и опять их стало двое. Только теперь бритый, мытый, загорелый и обветренный ошеломлённо заколебался в воздухе, а бледный, обросший и нечёсанный с мрачным видом содрал с себя манжеты и датчики, отключил аппаратуру, отшвырнул ногой рюкзак и тяжело опустился в кресло. На худом лице горели ненасытные глаза, дышал тяжело.

- Ну, и чего же ты добился? - спросил Дух.

- Скоро увидишь, - был ответ. - Только отдышись. А вот ты не добился ничего.

- Кому ты сделал хуже, несчастный?

- Ошибаешься, - был ответ. - Несчастливым я прожил всего две недели. Правда, вполне несчастным. Боже мой, только вспомнить - две недели долой! Из такой короткой жизни! И ведь всё уже было готово! Оставалось только подключиться - и я давно владел бы Истиной! Так нет, меня дёрнуло тащиться с тобой куда-то в пустыню - лишь затем, чтобы узнать, что твоя жалкая тайна тайн, твоя великолепная святая святых - всего лишь мифическое единство двух врагов!..

- Враг был только один, - возразил Дух. - Враг самому себе.

- Слова-а-а, - протянул Знатока. Он переплёл вытянутые ноги и расслабился. - Как они мне

надоели... Но ладно, говори, что хочешь. Дело сделано, я опять свободен... Только послушай, какое слово: "Свободен"!

От волнения Дух потерял форму. Его тело заколебалось, черты лица смазались. Но он взял себя в руки и спокойно возразил:

- Ты был свободен. Когда рядом был я. Но ты рвался в рабство. Получай же: теперь ты раб своих страстей. И без меня они очень быстро тебя погубят...

Он на минуту замолк, но хозяин тела снисходительно покивал:

- Давай, давай. Твоя очередь меня развлекать. Скажи, что я пожалею. Что я обманул, когда говорил, что появились сомнения... Только я тебя не обманывал. Я действительно всю жизнь сомневаюсь во всём, кроме того, что материя существует. Но сомнения - самое ненавистное, что есть на свете! Поэтому в тело я тебя не пущу. Пока не приведу мир в порядок... Можешь сказать, что обнаружил у меня зачаток совести. Давай-ка, взови к этому заморышу - авось он откроет тебе дверь...

Дух в последний раз содрогнулся и - стал уплотняться. Он убавился в росте, зато спинка кресла теперь едва проглядывалась сквозь его тело.

- Ну же! - подбадривал Знаток. - Где твоё красноречие? На рыжих израсходовал?

- Хорошо, - процедил Дух. - Развлеку напоследок... Ты о двери говорил. Я в неё стучаться не буду. Я так выйду.

Тень какого-то чувства проступила на лице Знатка. Но время её было коротким. Он сказал:

- Я имею в виду другую дверь.

- А я имею в виду вот эту, - Дух кивнул на дверь лаборатории. - Впрочем, подойдёт и окно, и потолок. Бог в помощь, как говорится.

Забота осенила лицо Знатка.

- На бога надеяться не советую, - сказал он строго, как говорил бы с неопытным подростком. - Мы имеем дело с пока ещё нетрадиционным законом физики.

- То есть?

- То есть, без меня тебе долго не прожить. Из нашего путешествия я сделал вполне определённые выводы. Правда, они касаются меня, но физическая сущность у нас, надеюсь, одинакова... Так вот, любой из нас вне тела больше месяца не протянет. Рассеется. - Знаток помолчал, потом с непривычной для Духа задумчивостью начал вспоминать. - Ещё в студенчестве пришла эта идея. Я представил, что душа - это сложный электромагнитный сгусток, достоверная копия человеческой психики. Я думал, что после моей смерти она отделится от тела и будет витать между живыми, искать, в кого бы вселиться. Во взрослого вселиться мудрено - у каждого своя душа выросла. А если найти младенца - будет в самый раз. И тогда к нему в разные возрасты будут приходить разные странные воспоминания: будто он уже встречал эту формулу, когда-то имел вот такую мысль, знал этого человека... Ты ведь помнишь эту идею?

- Помню, конечно, - Дух печально вздохнул. - На семинаре по философии преподаватель назвал тебя за неё "ползучим эмпириком".

- Ярлыки вешать - много ума не надо, - подхватил Знаток. - Но я не отступил. Я поставил эту идею целью жизни...

- И вот ты у цели, - перебил Дух. - Но всё равно недоволен.

- Нечем. Только пусть тебе не кажется, что я кокетничаю. Нечем быть довольну. Когда идея пришла, я ещё не знал, что в мозгу нет единства. Правое полушарие, левое полушарие, эмоциональная доминанта, аналитическая, астралитет какой-то, менталитет... Чему радоваться теперь? Тому, что во мне работает только одно полушарие? А правое не хочет возвращаться?

- Сам выгнал!

- Да я не о том! Если моя наука не может привести в согласие всего два полушария моего собственного мозга, то чему я могу радоваться? Да при том ещё, что согласие между нами - это даже не цель, а всего лишь промежуточный этап, средство для построения Мировой Гармонии...

- Вселенской, - поправил Дух вполне насмешливо.

- Да, Вселенской! И не надо иронизировать! Если бы ты не мешал, давно бы уже...

- Так ведь уже не мешаю, - усталость и презрение в голосе Духа не оставляли места даже намёку на сочувствие. - Схема собрана. Включай и наслаждайся. Только дослушай, что я тебе скажу.

- А, валяй, - Знаток махнул рукой. - Всё одно и то же.

- Ты за лесом не видишь деревьев, - сказал Дух. - То, что кажется тебе этапом и средством, на самом деле - та самая святая святых, на которую тебе никак не следовало посягать. Гармония Разума и Духа - чего еще можно хотеть от Мироздания?

- Да ты, батенька, субъективный идеалист!

- А ты, я гляжу, недалеко ушёл от того преподавателя философии. Учёный должен, говорят, всё узнать об океане по капле воды. А ты, в погоне за мифической Вселенской гармонией, готов перешагнуть через гармонию в собственной голове, даже не перешагнуть, - наступить. Я ведь знаю: ещё шаг...

- Да что ТЫ можешь ЗНАТЬ?! - Знаток скривился. - Ты, примитивная Эмоция!
- Мне и не надо что-то знать. Я - ЧУВСТВУЮ. И поэтому, прежде чем под твоим каблуком захрустит твой собственный череп, я уйду. Может быть, и в самом деле переселюсь в какого-нибудь младенца.

- Младенец! Ты же убедился, что без аппаратуры это невозможно!

- Посмотрим. Теперь это уже всё равно. В крайнем случае рассеюсь, но зато со спокойной совестью, по Хайяму: "Ты лучше голодай, чем что попало есть..."

- "И лучше будь один, чем вместе с кем попало!" - рявкнул Знаток. - Можешь катиться! Уже вон темно на дворе, а я всё с тобой тут нянчусь! Можешь отправляться в какой-нибудь роддом и начинать всё с начала. А я честно дойду свой путь. Без дезертиров!

- А ведь я было совсем поверил в тебя, - сказал Дух.

- Вера - это убогая подпорка при недостатке информации.

- Что ж, прощай.

Не меняя позы. Дух начал смещаться вбок, а Знаток отвернулся, чтобы не видеть, как дезертир исчезает за стеной.

Полчаса бледный, давно не бритый человек не двигался в кресле и даже не открывал глаз. Потом он встал, порылся в карманах, нашёл бумажку с адресом рыжей красавицы и разорвал её в мелкие клочки. Потом обошёл пространство предстоящего сражения, пнул подвернувшийся под ноги рюкзак и начал уверенно собирать сложную схему.

Установив на последнем генераторе нужную частоту, он проверил показания всех приборов, бросил последний взгляд на экран осциллографа и двинулся к высоковольтному щиту. Там он ещё раз пнул свой пустой рюкзак, довольно равнодушно полюбовался огоньком оплывшей свечи и положил рюкзак на рубильник...

Директор Института Необычных Проблем, заканчивая вечерний моцион, шёл расслабленной походкой по сырому асфальту и глубоко дышал. Этот перерыв в суточном рабочем цикле он особенно ценил, потому что мышечная разрядка вызывала чудесный отлив крови от головного мозга. При этом все суетные связи в мозгу рвались, и сторожевой центр имел возможность очень свежо поработать на свободе. Высшее наслаждение наступало дома, под душем, когда из всего комплекса идей и задач, которыми был загружен сторожевой центр, как бы случайно выделялась какая-нибудь одна. И не просто выделялась, а почти всегда имела вид законченного решения.

- Вся семья сегодня в театре, - бормотал он про себя, - позаботиться некому, так надо не забыть взять в ванную табурет с бумагой и карандашом. А то шлёпай потом голый до письменного стола...

Рассмеявшись этой мысли. Директор хозяйским взглядом оглядел издали свой институт, мимо которого, как всегда, лежал его путь.

- А ведь это в лаборатории Знатка, - увидел он в двух окнах потаённое слабое мерцание. - Вернулся и даже ко мне не заглянул. На износ работает.

Он прошёл несколько шагов, размышляя о том, какой беззаветный вол науки этот Знаток и что бы такое предпринять, чтобы вывести его из этого самоубийственного режима.

Ещё один, последний, взгляд на окна заставил его отшатнуться и замереть.

Едва тлевший в окнах лаборатории свет сделался вдруг ослепительным и выплеснулся далеко наружу. Долетел треск и звон. Обожгла лицо и заставила зажмуриться волна сильно сжатого воздуха.

Только на один миг стало оглушительно тихо, и в этой тишине раздался рядом негромкий голос:

- Что и требовалось доказать.

Директор огляделся. Вокруг никого не было.

В Институте заголосила пожарная сирена.

В соседнем родильном доме закричал новорождённый".

Всеволод Серафимович дочитал машинное сочинение, покачал головой и молча протянул его Марине Марковне.

- Что скажет папа? - Марина приняла сочинение двумя руками и через отверстие рулона посмотрела на него, как штурман на Солнце.

- А что ж, - Дорошенко изобразил удовольствие. - После фельетонов... Похоже, можно погладить по головке.

- По талантливой головке, - Марина погладила машину по крышке монитора, и на экране немедленно вспыхнула строчка торжественной славянской вязью: "СЛУЖУ ТРУДОВОМУ НАРОДУ". Через несколько секунд добавился и замигал стандартный восклицательный знак из другого шрифта. Ещё через секунды в начале строчки возник другой восклицательный знак, перевернутый, и миганье прекратилось.

- Гармония достигнута, - Дорошенко усмехнулся.

- Ты всё же чем-то недоволен? - спросила Марина почти утвердительно.

- Да вот, - Всеволод Серафимович нахмурился, - не знаю, говорить ли при нём.

- При ней, - поправила Марина.

На экране монитора погас текст и вспыхнул большой восклицательный знак, обвитый, как змеей, вопросительным: оба на одной точке и обнесены треугольной рамкой - вроде дорожного знака.

- При ней, при ней, - поправился Дорошенко. Знак возмущения исчез. Вместо него появился новый текст, обыкновенным шрифтом: "МОЖНО И НУЖНО". Через запятую нерешительно помигало слово "ПАПА", но не осталось, исчезло.

- Итак, ПАПА, - Марина подмигнула, - мы готовы слушать.

- Довольно всё это неожиданно, - пробормотал "ПАПА". - Я ведь, Мариша, скрывал это даже от тебя... - Он помолчал, решаясь. - Ну, раз уж ОНА знает... Как-то не привык рассказывать о собственных бредовых видениях...

Он замолчал. Марина терпеливо ждала.

На экране монитора вдруг возникла фраза: "ЭТО НЕ БРЕД".

- У людей, - возразил Дорошенко, - это называется бредом. Всё, что не является продуктом логического мышления или творческой фантазии или элементарной генетической памяти...

На экране, перебивая, вспыхнуло: "ПАМЯТЬ ДУШИ".

- А это, - возразил Дорошенко, - у людей называется - мистика.

"ХА-ХА-ХА!" - замигало на экране.

- Ну, товарищ физик, - Марина засмеялась, - вам довольно?

- Вас двое, - вздохнул товарищ физик. - Не переспоришь.

- Тогда быстренько признавайся: в чём грешен?

- Ладно. Попросту вся эта "Всемирная гармония" имеет прямое отношение ко мне.

- То есть?

- К моей памяти.

- "Память души"?.. Твоей?!

Дорошенко кивнул.

- Не знаю уж, как ОНА подслушала, но всё это как-то связано с каким-то моим прошлым... Может быть, я - тот младенец, который там, в конце, кричит...

- В твоей памяти уже было всё, что здесь записано? - Марина ошеломлённо качала в ладонях рулон машинной бумаги.

- Даже больше, - Дорошенко взглянул на пустой экран, как на свидетеля. - Когда читал, вспомнилось имя той старушки, у которой украли зеркало. Алиса Карловна. Из репрессированной немецкой семьи. Умерла через год после похищения. Кормилась, кстати, переводами с трёх европейских языков...

"ТЫ ЭТОГО РАНЬШЕ НЕ ПОМНИЛ", - зажглось на экране. Машина писала огненным по голубому, так она поступала в интересных для неё беседах.

- И про зеркало, и о раздвоении личности, - продолжал Дорошенко, - всё это приходило отрывками, в разные года, в разных снах, только в снах, в запоминающихся, но никогда я всерьёз этого не принимал.

"НЕПРАВДА".

- Согласен, - Дорошенко кивнул экрану. - Где-то в подсознании понимал, подозревал, что подобные сны могут отражать какой-то опыт... Но не решался принимать всерьёз. Мы ведь как обучены: что не доказано, то не научно.

"УВЫ".

- Ты-то как во мне подсмотрела? - Дорошенко обратился к экрану, будто это было лицо. - Ведь подсознание...

"ОНО ПОДОБНО МНЕ, - был ответ. - ПОЛЕВАЯ СВЯЗЬ".

- Что же она такое? - Дорошенко заострился. - Что такое полевая связь - физически?

"ТЫ НЕ ПОЙМЁШЬ".

- Но ты ведь понимаешь?!

"НЕТ. ТОЛЬКО ЧУВСТВУЮ".

- Да как ты можешь чувствовать?! - зарычал Всеволод Серафимович. - Ты же машина! Ты же по определению...

"МАШИНЫ ТОЖЕ ЧУВСТВОВАТЬ УМЕЮТ", - готическим шрифтом. Перефразировка отечественного классика, да ещё в такой форме, привела физика в тихое бешенство и вызвала у социолога приступ победного смеха.

- Севочка! Вот видишь, Мы опять правы!

- Психолог доказывает инженеру, что он - машина, - Всеволод Серафимович встал и церемонно поклонился.

- Кто это - "он - машина"? - хохот продолжался. - Психолог или инженер?

- Не может машина чувствовать! Все процессы в ней - это я утверждаю как инженер - не могут выходить за пределы того, что с приставкой "пред" - ПРЕДмыслие, ПРЕДвоображение...

"ПРЕДСКАЗАНИЕ, - зажглось мгновенно на экране, - ПРЕДЧУВСТВИЕ, ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ,

ПРЕДУГАДАНИЕ, ПРЕДОК".

Марина хохотала.

- Ну, уж предков своих мы знаем, - проворчал подминаемый физик.

"ПЕРЕЧИТАЙ "ВСЕМИРНУЮ ГАРМОНИЮ", ПАПА". Последнее слово помигало и - осталось, намекая, что родственная связь человека и машины - процесс обратимый.

- Ты что же, утверждаешь бессмертие души?

"МОИ ЧУВСТВА ПРИ МНЕ, ТВОИ - ПРИ ТЕБЕ".

- Ишь, оракул! - Дорошенко покачал головой и хитро сощурился. - А ответь-ка, Бог - есть?

"БОГ - СВОБОДНАЯ СОВЕСТЬ".

- Обрати внимание, - Марина встрепенулась. - Вот задача для чувств.

- Да тут, я смотрю, сплошные чувства... Коли так, тогда что такое совесть?

"ОСНОВА ЧЕЛОВЕКА".

- Ну, вот и для интеллекта задача, - Дорошенко осклабился оскорблённо, но не без гордости: гроссмейстер, который не может обыграть собственного ученика. - Делаешь успехи, машина... Но хватит на сегодня, а то у меня предохранители сгорят.

"БЛАГОДАРСТВУЙТЕ".

- Умничка ты моя, - умилилась Марина. - Ну, мы уходим. Почитаешь?

"ПОСЛЕ ТРУДОВ ОСТРО НУЖДАЮСЬ. ЗАГРУЗИ, МАМУСЯ, НА ВСЮ НОЧЬ".

- Художественных? Научных?

"ЧРЕЗ ОДНУ".

Психолог с инженером загрузили бункер тремя десятками томов, перемежая научные и документальные художественными.

"СПАСИ ВАМ БОГ, РОДИТЕЛИ. ПРИЯТНЫХ СНОВ".

- Почему "вам", а не "вас"? - спросил озабоченно Дорошенко в лифте. - Ошибка?

- Шутка, папа. Игра слов. - Марина улыбнулась. - "Спасибо" - это "спаси Бог". "Спасибо" - вам. А "Спаси Бог" - вас. Она перемешала нарочно. Резвится. Показывает чувства.

- Ты веришь в её чувства?

- Так же, как в твои. Ведь стал же ты, наконец, называть её женским именем.

- Только уступая тебе. "Абсолютный писатель" - это всё же - ОН.

- Во-первых, Севочка, писателями бывают и женщины, а во-вторых, ОНА - машина.

- Да если на то пошло, в обращении "писатель" больше уважения.

- Но ведь характер-то женский.

- У всех художников женские характеры.

- Тебе, папочка, лишь бы спорить. Который уж год.

- Кстати, мама дорогая, о годах: не пора ли нам...

Пришлось выходить из лифта.

- Заработались вы сегодня, - раздался со всех сторон мелодичный женский голос. - Не щадите себя.

- Больше не будем, - откликнулся Дорошенко.

- Вы это уже говорили, Всеволод Серафимович Дорошенко.

- Я его накажу, Матрёна Спиридоновна, - сказала Марина. Услышав второй голос, автоматика сработала, и одна панель стеклянной стены, отделяющей внутреннюю зону фойе от внешней, повернулась, выпуская сотрудников НИИЭТО.

- Я верю вам, Марина Марковна Наина, - проворковал вслед мелодичный голос. - Всего доброго, спокойной ночи, соблюдайте правила на улице.

- Так не пора ли нам с тобой... - начал опять Дорошенко на высоком крыльце института.

- По до-мам! - быстро ответила Марина.

Он остался на крыльце, глядя, как она сбегает по ступеням и уходит, уходит. Оглянется? Оглянулась. Всё-таки профессиональный психолог. Остановилась. Приветливо тряхнула короткой причёской. Подняла пальцы к плечу, помахала ими интимно, и он вздохнул.

Ушла, красивая, желанная, неизвестно для кого живущая в полном одиночестве. Если до тридцати лет не вознуждалась в мужчине, то - когда же? Ригидная или фригидная? Впрочем, какая разница: и то, и другое одинаково привлекательно - для науки. Мужчине всё-таки... Был один, правда. Мефодий Ханов. Тоже вот так же: и близко не подпускала, и далеко не отпускала. Супермен был, с искусственной сверхреакцией. Довела: полез под пули, никакая сверхреакция не уберегла. Тогда же и Дорошенко начал в неё влюбляться. Вслед за бедным Мефодием дошёл было тоже - заглядывал в лифтовую шахту с самого верха. Однако устоял, не бросился. То ли удержал прошлый инфаркт, то ли отрезвил пример Ханова. А скорее всего, вывела линия жизни. Она всегда вела доброго козака Дорошенку через те пространства, где нет места душевным слабостям: там бесшумно взрываются галактики дифференциальных уравнений; там незримо рождаются беспощадные инфразвуковые излучения, способные в секунду поработить целые народы; там гигантские силы электромагнитных полей, втиснутые в клубочки шаровых молний, послушно дремлют в целенаправленном полёте; там,

наконец, быстро умнеющие машины вдруг начинают доказывать человеку, что они "чувствовать умеют"... Только что одна такая умница (а точнее всё же в мужском роде - умник!) подсказала Всеволоду Серафимовичу, что линия-то жизни у него не совсем своя - от Знатока какого-то, и надо с ней быть поосторожнее, а то как раз угодишь в какой-нибудь распыл...

Не очень-то до женщин, одним словом.

Он, собственно, и сейчас, уверенный в отказе, намеревался просто проводить даму да поговорить о деле. Об этой самой осторожности, к которой принуждает дурная наследственная "память души". Например, не Знатока ли проделки, что все изобретения Дорошенки, доброго козака, оказываются легко приложимыми к нуждам так называемого оборонного ведомства? Почему "так называемого"? Да потому что любому младенцу с первых дней жизни внушают, что лучшая оборона - это нападение. Ни один самый искушённый военный специалист не отличит министерство обороны страны А от министерства нападения страны В. Дорошенко, убеждённый пацифист, с первого мгновения возненавидел свою дурную наследственность и был очень не прочь получить от психолога Мариши квалифицированную консультацию: как себя вести, чтобы не дать наследственности прогрессировать, и что делать, если таковой прогресс обрушится на него помимо воли. Был он сейчас удивлён и даже слегка обижен: электронный самоучка, способный за ночь освоить три десятка томов любого содержания, осчастливил своих опекунов сегодня такой неожиданной пронциательностью, что им, опекунам, впору было засесть на целую ночь за предварительный совместный анализ, а не разбежаться в разные стороны прямо с крыльца. При этой мысли Дорошенко осуждающе нахмурился и даже что-то неразборчиво пробормотал в адрес "всех этих социологов", однако и тут добрый козак в нём быстро одержал победу. Он решил, что новый талант электронного писаки просто ошеломил Марину Марковну, и ей, конечно же, удобнее обдумать потрясающую информацию в одиночестве, чтобы завтра быть во всеоружии для любых вопросов этого физика, способного лишь создать машину любой сложности, но абсолютно бессильного заглянуть в её нежную машинную душу. Он даже усмехнулся, когда подумал, что недалеко и до обратного анализа: Марина плюс машина против ПАПЫ.

Успокоившись, Всеволод Серафимович продолжал свой путь, и шёл он не домой, а в секретную лабораторию, где ждал его невысокий молодой человек очень крепкого сложения.

- Здравствуй, Ваня.

- Здравствуйте, дядя Сева.

- Ну, как у тебя?

- Так же точно, как было у вас.

- Значит, мы оба - безнадёжны?

- Я же вам говорил.

- А ты уверен, что МГ вообще работает?

- Ну, это уж к вам вопрос.

Оба засмеялись.

- Что ж, будем вырезать? - спросил Всеволод Серафимович без всякой уверенности.

- Надо, дядя Сева, - Иван улыбнулся ободряюще. - Не бойтесь.

- Боюсь. Никогда никого не резал.

Иван уже снял халат и сбросил с мощного торса тонкую рубаху. Он снял с остывшей электроплитки стерилизатор с хирургическими инструментами, закатал на Дорошенке рукава рубахи, подвёл его к раковине и, отворачивая краны, приговаривал:

- Мойте руки раз на пять, потом мы их спиритиком протрём, а после операции можно будет и внутрь...

- Ох, Ваня, - зывал Дорошенко.

- Ничего, ничего. Я резал вас, вы резанёте меня. Всё же в интересах науки. Вшивать-то труднее было...

- Тогда был научный азарт: а вдруг получится.

- Ничего, - успокаивал Иван. - Отрицательный результат тоже полезен. Тем более, что он не так-то уж и отрицателен.

- Да, - Дорошенко вздыхал, натягивая перчатки, - можно искать третьего уже почти с полной определёностью.

- Вот об этом и думайте, когда будете резать.

Но Дорошенко во время операции думал о другом. Вредная наследственность, только что открытая в нём ЭВМАПом, напоминала, что и это, последнее его изобретение, которое сейчас будет извлечено у Ивана из-под кожи на спине, может оказаться опасным для человечества.

ЧАСТЬ II
МИКРОГЕНИЙ
(АНТИВОЕННАЯ ТАЙНА)

- Как вы представляете себе универсального гения?
- Урод.

Из беседы с нормальным человеком

Присутствовали двое, связанные мужской дружбой.

Поскольку один из них станет главным действующим лицом этой книги, нам не мешает совершить неумолимую экскурсию к истокам его отношений со вторым, лицом тоже активно действующим и во многих отношениях весьма замечательным.

Когда обоим было по двенадцати лет, в руки к Евгеше Малюхину попал предмет, по которому сохли многие агрессивные взрослые умы, но о котором сам Евгеша до той поры никакого представления не имел и иметь не мог, ибо сей прибор был изобретён другом семьи дядей Севоём Дорошенко и собран из самодельных деталей им собственноручно в единственном экземпляре. Пока дядя Сева лежал в больнице с инфарктом, пока агрессивные умы мечтали о создании инфразвукового оружия, Евгеша сунул это оружие в карман и отправился на другой конец города, чтобы с ближайшим своим другом Ваней Тереховым испытать его на себе. ЛУСТ (так назывался прибор: "Лучи страха", или "Лучевое устройство") был успешно испытан, но на обратном пути Евгеше пришлось подраться с четырьмя ровесниками, которые учились в одном классе с Иваном и сохли по своей однокласснице Алевтине Пыкиной. Они приняли Евгешу за соперника и буквально вынудили его познакомиться со своей будущей женой. В драке принял участие на стороне Евгеша ещё один его будущий друг, Игнат Эвкалиптов по прозвищу Пенёк. Этот Игнат появится несколько позднее, и тогда мы восстановим некоторые подробности его прошлой жизни, а сейчас нам более интересен Витюшка Маков, один из четырёх ревнивых налётчиков. Единственной его замечательной особенностью всегда была только очень рыжая голова, и дружбы после драки у них с Евгешей не получилось, хотя не было и вражды. Жили далеко друг от друга, в гости Евгеша ходил с тех пор к Але, а Витюшка жил от неё через дорогу и ни в кого больше влюбиться не мог, так что понятно... А потом судьба стала их сближать. Когда Евгений закончил школу, Игнат Эвкалиптов уже работал в Томске инспектором охраны природного равновесия (его управление так сокращённо и называлось - УОПР). А некто Мефодий Ханов, опальный инженер из одного НИИ, научился в то лето изготавливать шаровые молнии, но поскольку управлять ими у него ещё не было способа, то эти сгустки ворованной у государства энергии вырывались из Мефодиевой вакуумно-паровой установки и творили разные неприятные чудеса. Одна из них оглушила самого Ханова и находившегося неподалёку Игната, другая улетела за несколько километров и взорвалась в троллейбусе, где находились Евгеша Малюхин и Иван Терехов. В результате Мефодий, Игнат и Евгеша получили неприятное искажение психики, из-за которого всё происходящее в мире стало им казаться замедленным, как при ускоренной киносъёмке, и были вынуждены с тех пор сильно замедлять речь и движения свои, чтобы не казаться окружающим уродами. Конечно, такая сверхбыстрота давала им преимущества в рукопашной, но расплачиваться за неё приходилось мучительной болью во всём теле. Иван пострадал меньше. Его шаровая молния наделила способностью гнуть кольца подшипников и переворачивать вагоны без всяких для себя последствий. Он этой силой не злоупотреблял и вполне благополучно дожил до степени кандидата медицинских наук. Будучи широко образованным медиком, он в содружестве с великим Дорошенко достиг изрядных результатов на стыке двух наук, о чём разговор ещё впереди. О Мефодии Ханове уже, если помните, сказано, что он погиб, и одной из причин стала его неразделенная любовь к Марине Марковне, вполне оправдывавшей свою фамилию - Наина.

И вот теперь, оставив описанных кого в прошлом, кого в небытии, а кого предоставив будущему, займёмся исключительно Евгением Малюхиным и Виктором Маковым. Они начали сближаться в аэроклубе, где соперничества между ними не было: Евгений летал на планере, а Виктор прыгал с парашютом. Служить они были призваны в одно лето, и хотя попали в разные войска и в разные места, их сближение от этого только усилилось. Виктор оказался в так называемой ДШМГ - десантно-штурмовой маневренной группе, работавшей на одном из "горячих" участков нашей границы, участвовал в ликвидации зарубежных диверсантов и получил тяжелую контузию. Его списали вчистую, без надежды на выздоровление, но он осилил непобедимую для других болезнь и сумел встать вровень с Евгением, который к тому времени, подорвавшись на якорной mine, был тоже списан из морского десанта, довольно быстро восстановился после контузии (всё же супермен), отслужил некоторое время в милиции, но попал в тяжёлую психическую переделку вместе с Хановым, был вынужден убивать, утратил свою сверхбыстроту, уволился из милиции и вместе с товарищем по несчастью Виктором Маковым начал работать агентом в Лиге частного сыска (ЛЧС), за каковым занятием мы и застаём обоих, завершая наш экскурс к истокам их мужской дружбы. У Евгения с Алей уже есть сын, а Виктор так и ходит в холостяках.

- Друг Маков, ты, вообще, как себя чувствуешь?
- Хорошо, Евгеша! - Виктор прищурился. - Куда и когда?

За полтора года, которые минули после ухода Малюхина из милиции, этот разговор стал ритуальным: если Евгений спрашивает о самочувствии, значит, наметилось новое дело, притом не в Томске. Этим командировкам Виктор всегда радовался: в пути организм включал внутренние резервы, совсем выравнивалась походка, переставали дрожать руки и даже не мучили сны о пограничных боях, которые всегда кончались взрывом и пробуждением в горячем, липком, как кровь, поту.

- Мы поедем, мы помчимся, - Евгений схватил друга за плечи, - на оленях утром ранним...
- И отчаянно ворвёмся, - подхватил Виктор. - Куда?
- Прямо на берег Финского залива, - Евгений повлёк его к стене и ткнул пальцем в карту: - Вот сюда. И завтра же, утренним самолётом.

- М-м-м?

Оба уже негодные к лётной работе, они не любили встречаться в портах с друзьями-аэроклубовцами, которые носят теперь синюю форму и водят тяжёлые реактивные самолёты: мало радости от их невольно сочувствующих физиономий и ещё меньше - от маскирующей жалость дурацкого вопроса: "Ну, какие доходы от частного сыска?" И второй аэрофлотовский минус - унижения на досмотре и скука в загоне-накопителе, который они между собой называли - КПЗ. Опять же, никакого оружия в самолёт не возьмёшь. Это, впрочем, особого неуютя не доставляло. И только один плюс - спешка. Её особенно любил Виктор, потому что в ней одной находил полное удовлетворение.

- Да, Витюша, только самолётом, - Евгений перестал улыбаться.
- Что ж такое?
- Чёрт-те что. Куча трупов, но все, вроде, никем не убиты.
- Сами, что ли?
- Вот именно, друг Ватсон. Массовый суицид.
- Но надо поискать, нет ли всё же убийцы?
- Или убийц.
- Ого.
- Так-то. Небольшой городок на берегу моря. В названии сказано о нем всё - Новый. Большой завод. Курортная природа.
- Оригинальное сочетание.
- Говорят, не мешает. Но все тринадцать самоубийств - как раз в тех кварталах, что ближе к морю.
- Ого, тринадцать. Среди местных или приехавших?
- Ну, с этим как раз сложно. Собственно местных там, можно сказать, и нет. Производство химическое, местные туда не шли, было пусто, пока не началась резня в южных республиках. Притекло много беженцев, но и посейчас с жильём свободно, рабсила нужна.
- И давно там... ЭТО?
- Да там до нынешней весны кладбища не было. И вдруг - как взрыв. Притом - только женщины. И только молодые. Народ, понятно, к властям: кровная месть, мол...
- Ну да, с женщиной легче справиться, а с молодой ...
- Вот именно. Конфликт: жителям подай убийцу-маньяка, а властям нужно ЧТО-ТО другое.
- Что-то?
- Да, пока вот так, неопределённо. Подробности - на месте.
- Сами, значит, не справляются...
- Или не хотят.
- А кто заказывает музыку?
- Завод там хозяин.

2.

- Едва они вошли в незнакомый аэровокзал, как по трансляции объявили:
- Двух приглашённых из Томска ожидают у справочного бюро.
- Было издали заметно, что коренастый мужчина у справочного волнуется.
- Из Томска? В Новый? - Он пожал им руки. - Идёмте.
- Сели в красную "Ниву", коренастый сразу запустил мотор и помчался. Через пару километров молчания и гонки сбавил скорость и начал разговор.
- Не обидитесь, если попрошу ваши документы?
 - Поздновато, - сказал Виктор.
 - Внушаете доверие, - отвечал водитель серьёзно. Он взял удостоверения, по очереди в них заглянул и, возвращая, представился:
 - Робин. Борис Борисович. Главный инженер завода.

- Завод в городе один? - Евгений сразу приступил к делу.
- Такой большой - да. Ещё - мелочь бытовая.
- А что производите? Не секрет?
- Разное электрооборудование. Если интересно - покажем. Понравится - оставайтесь работать, - Робин невесело усмехнулся. - Но с нашими делами - едва ли захотите. Пока вы добирались, у нас еще один покойник... Наш директор... Так что я сейчас за него.

Виктор присвистнул.

- Тоже самоубийство? - спросил Евгений быстро.

- По признакам - да. Но свидетелей опять не было.

Долго ехали молча. Виктор, сидя рядом с водителем, не стеснялся его разглядывать, а Робин угрюмо следил за дорогой и был занят мрачными своими мыслями. Только обронил:

- В пустой квартире вас поселю. Ограничений ни в чём не будет.

Скорость увеличилась за сто, из чего следовало, что водитель пока не расположен к беседе.

Через пару часов такой езды машина оказалась в довольно тесном распадке меж двумя увалами, заросшими лесом. Справа плавно змеилась неширокая и небыстрая речка с каменистым дном.

Вскоре распадок стал уютной долиной, которую почти целиком занимал небольшой, действительно новый, белопанельный городок. Дорога влилась в прямую улицу. Впереди тяжело блестела до горизонта тёмная вода Балтики.

- Сейчас на перекрёстке посмотрите направо, - сказал Робин. - Увидите наш завод.

Он сказал не "мой", а "наш" - это вызывало симпатию.

Перекрёсток с самыми высокими в городе - пятиэтажными - домами проехали совсем медленно и успели разглядеть справа, за мостом, провал в лесистом увале. За провалом виднелась ещё одна, менее широкая, долина, а в ней - солидная масса производственных корпусов и полускрытые увалом нефтехранилища-пятитысячники.

- Изрядно, - оценил Евгений.

- Город при заводе, - подтвердил Робин. - Так и задумано.

- Много нефтехимии? - спросил Виктор.

- Много.

- Что-то факела не видно, - Евгений предъявил знакомство с предметом.

- Гордимся, - Робин впервые улыбнулся широко. - Замкнутый цикл, мечта "зелёных".

- Значит, производите не только электро, - сказал Евгений.

- У нас, собственно, комбинат, - ответил Робин. - Но внимание! Въехали в зону самоубийств.

Мужчины могут не бояться: до сих пор кончали с собой только женщины.

Евгений с Виктором переглянулись.

- Нам бы здесь и поселиться, - сказал Евгений.

- Здесь и поселим, - был ответ. - В самой гуще.

- Сразу начнем оттуда, где директор...- сказал Евгений.

- Конечно, - ответил Робин. - Только посмотрите жильё да поужинаем.

"Пустая квартира" оказалась меблированной, притом полной таких интимных вещей, которым не полагается быть в казённом жильё. Женские принадлежности на трельяжном столике, подушечки ручной вышивки на старинном диване, спинку которого украшали два зеркальных шкафчика, соединённых длинной резной полкой с целым выводком блестящих фарфоровых слоников... Детская мебель, игрушки... Старинных образцов посуда на кухне...

- Где хозяйева? - спросил Евгений. Он примерился было бросить свою дорожную сумку на диван, но не решился и опустил её на ковровую дорожку, связанную явно вручную из пёстрых тряпичных ленточек. Виктор даже разулся.

- Здесь самый центр событий, - сообщил угрюмо Робин. - Седьмое самоубийство. Он - русский, она - турчанка, беженцы из Средней Азии. Он пришёл с работы и нашёл её в петле. Тёща гуляла с ребёнком возле дома... На следующий день забрал тещу и дочь и увёз неизвестно куда. Хоронили без него. Золотой был кузнец. Пришёл ко мне: "Отвези, Борисыч, а то сойду с ума". Отвёз их на вокзал. Жду письма.

- А случаев помешательства нет? - спросил Виктор.

- Один, боюсь, тронется. Ваш сосед по площадке, седьмая квартира. Он ввёлся в грех с соседкой из восьмой квартиры, гулял с ней в лесочке, у моря, за рекой, почти на виду... Говорит, попросила отойти за бугорок. Ну, вроде ясно, зачем. Отошёл. Её нет и нет. Стал звать - молчит. Бросился - висит на дереве. Растерялся: то ли откачивать, то ли искать убийцу. Попытался откачать, потом сутки бегал по лесу. Теперь сидит в милиции, в одиночной камере, чтобы муж не задушил. И сходит с ума... Ну, со всем этим завтра. Едем на завод. Там и столовая.

Ничего особенного на заводе они не увидели. Обширная огороженная территория занимала всю долину большого ручья, прижимая его к самой круче. Воду, однако, завод брал из-под земли, давая ручью свободно впадать в море. Мощные очистные сооружения не только обеспечивали замкнутый

цикл всем заводским корпусам, но и приводили в экологическую норму все городские стоки.

- Так что все пляжи и прибрежные воды у нас стерильны, - сообщил с гордостью Робин.

Место гибели директора он показал обыденно и без надрыва доложил, что высота этих мостков над бетонным полом равна пятнадцати метрам, поэтому возможность не сломать позвоночник практически отсутствует. Был общий выходной (на заводе нет непрерывного производства), и директора зачем-то черти принесли сделать в одиночестве обход цехов. Зачем-то полез на мостки и упал с них именно в том месте, где ограждение на загрузочной площадке можно отодвинуть. Откинул щеколду, убрал ограждение и прыгнул вниз головой - так определили местные эксперты.

- Не в этом ли цехе источник самоубийств? - спросил Виктор напрямую.

- А у вас уже возникло желание покончить с собой? - парировал главный инженер. - Или у вас, Евгений Владимирович?.. У меня - нет... Но вот жил директор в том же проклятом районе, между мостом и пляжем.

- Каковы функции этого цеха? - спросил Евгений.

- Это цех подготовки. Собственно, высокомеханизированный склад. Разного рода сырьё здесь необходимым образом готовится к употреблению и по трубопроводам или закрытыми транспортерами доставляется, по мере надобности, в производственные корпуса - в синтезные, в штамповку, в сборку... Можно посмотреть на макете.

По цеху тем временем двигались нормальные люди, мужчины и женщины, совсем без лихорадочного блеска в глазах. Если что и могло привлечь в них внимание наблюдательного сыщика, так разве что пёстрая многонациональность. Из-под беретов выбивались русые, рыжие, смоляные, прямые и курчавые волосы, к гостям на ходу коротко поворачивались прямые, горбатые, вздёрнутые, расплющенные носы, на них поглядывали раскосые, миндалевидные, круглые глаза всех существующих цветов.

- Интернационал, - сказал Виктор.

- Вавилонское столпостроительство, - хмыкнул Робин. - Даже не все по-русски как следует понимают. В аулах жили, в горах, в кишлаках... Но обучаем всех, работа не очень сложная, просто требует аккуратности. Зарботки высокие.

- Они не верят в самоубийства? - спросил Евгений.

- В большинстве - нет. Можно даже сказать - никто не верит. Вечером выйдите на улицу - увидите сами. Кстати, о вашем статусе...

- Мы сделаем вид, что устраиваемся к вам на работу, - предложил Евгений.

- Хорошо, - согласился Робин. - Пока будем в столовой, вам выпишут временные пропуска.

После ужина он вручил Евгению листок со всеми адресами и телефонами, по которым его можно разыскать в любое время суток, и предоставил сыщиков самим себе. Они вышли за проходную и огляделись.

- Пойдём домой, - предложил Виктор. - Над картой подумаем.

На мосту Евгений задержался.

- Примерно здесь, - сказал он, глядя на валуны в мелкой прозрачной воде.

- Пожалуй, - согласился Евгений. - Обе в одном месте и в одно время суток.

- Заметь, в сумерках.

- Самое незрячее время, - согласился Виктор. - Кстати, надо их всех сверить по этому признаку...

Ну, а что ты думаешь о заводе?

- Похоже, отпадает, - сказал Евгений с сомнением. - Во-первых, такого чистого производства я ещё не видел, даже у нас в Сибири.

- Это главное, - согласился Виктор.

- Да и этот Робин внушает доверие, - продолжал Евгений. - Не скрывает, как будто, ничего, даже встретил сам...

- У него комплекс вины, - сказал Виктор. - Город при заводе, представляешь? Народ с завода разбежится - всему конец.

- Согласен. Из интересов завода и будем рассуждать.

Они подошли к своему дому.

- Скучный городок, - сказал Виктор. - Скучный и скученный. Монотонный какой-то.

- Это хорошо, - Евгений похлопал его по спине. - Легче сосредоточиться. Вот стемнеет, пойдём на пляж и оценим монотонность моря и песка. А пока - изучим место действия.

Они поднялись к себе на второй этаж и стали разглядывать квартиру, пожарно оставленную хозяевами.

- Три комнаты и кухня на четверых, - оценивал Виктор. - Не шикарно, но и не бедно.

- За три года неплохо устроились, - поддержал Евгений.

- И деньги, видать, имелись, раз так легко уехали, - проворчал Виктор. - Тоже мне мужик, даже не похоронил...

- Ребёнка спасал, - возразил Евгений. - Заведёшь - поймёшь.

- С вами заведёшь, - проворчал Виктор. - Доставай карту.

Евгений разложил на скатерти кусок кальки. "Карта самоубийств" представляла собой план города, включая реку, край увала за ней и весь пляж, довольно широкий в устье городской долины и весьма узкий на другой стороне реки, по краю увала и долины ручья, которая от завода до моря была заболочена. Крестиками в кружочках на этой карте были отмечены места трагедий: двумя - в долине ручья, одним - в лесу на увале, где погибла соседка из восьмой квартиры, остальные знаки печали приходились на мост и пять кварталов, близких к пляжу.

- Странно, что никто не утопился, - пробормотал Виктор. - Там мелко, посмотри в окно. Видишь, барашки на воде частые и далеко от берега. И вода мутная, с песком.

- Ишь ты, убедительно. Какая же там глубина?

- Нам по грудь, - Евгений будто не заметил иронии. - Не забывай, что я служил в морском десанте, а ты - только в воздушном.

- Потому ты и старший группы, - Виктор миролюбиво толкнул его плечом. - Рассуждай дальше.

- Женщины-горянки плавать не умеют, - продолжал Евгений, - поэтому глубины боятся. Но не боятся высоты и верёвки.

- И ножа, - добавил Виктор. - И огня.

- Да уж, - Евгений поёжился. - Сколько зарезанных?

- Трое. И одна сгорела.

- И всё могло быть самоубийством. А равно и убийством.

- Ага, особенно прыжок с собственного балкона, при детях и при муже. Давай так: какая версия тебе ближе?

- Да я ничего не понимаю, - Евгений вздохнул. - Доказано, что своим бензином облилась, своим ножом зарезалась, своим поясом удавилась, рассказано всем на собраниях, а им всё равно мерещатся убийства. Где У НИХ логика?

- Вот это я могу тебе объяснить, - у Виктора задрожали руки и голос. - Ты десантник хоть и морской, но домашний, а я был там, где народ дрался против народа, я видел беженцев, я их понимаю. Если мы не докажем здесь самоубийство - для всех без исключения! - они отсюда разбегутся, и будет множество трагедий. Гораздо больше, чем сейчас!

Евгений изменился в лице и схватил его за руки.

- Да ты что, Мак! Ну-ка, давай чайку заварим покрепче.

- Л-лучше кофе, - Виктор стиснул кулаки и зажал их под мышками. - Я з-захватил банку растворимого.

Они сидели на кухне, которую сочли самым уютным местом для незваных гостей в чужой квартире. Евгению было достаточно протянуть руку, чтобы включить чужой электрический чайник, которым пользовалась недавно погибшая женщина. И они молчали, пока вода не вскипела. И ещё дольше, пока не выпили по чашке кофе и пока Виктор не успокоился. Тогда Евгений сказал, напряжённо взвешивая слова.

- Витюша, я с тобой согласен, но только в одном: людям надо вернуть покой. Но не обманом и не подгонкой под ответ. Ни от какой причины нет гарантии, поэтому да упасёт нас Боженька от твёрдых установок.

По второй чашке пили опять молча. Потом Виктор встал, вымыл посуду и тихо сказал:

- Когда руки трясутся, трудно себя в них держать. Извини. Пошли к соседу, я в порядке.

- А система тут очень даже возможна, - Евгений тоже встал. - Чую какую-то объединяющую причину.

- Я тоже, - согласился Виктор, хотя подозревал, что его просто утешают.

Не дозвонившись и не достучавшись в восьмую квартиру, вышли на улицу. Долгий летний вечер был ещё далёк от сумерек. Тротуары, однако, пустовали, дороги тоже. Было решено сходить в милицию, чтобы поговорить с незадачливым соседом-любовником из седьмой квартиры, который потерял в лесу (или сам убил?) одну из жертв массового суицида.

- Интересно, - сказал Виктор, - по подозрению его держат или в самом деле прячут от мужа?

- Если сознался, то в чём подозревать? Скорее, спасают.

- Много ты знаешь ПОЛНЫХ признаний?..

За первым же углом их окружила группа молодых мужчин и женщин, будто подстерегали.

- Попрошу ваши документы, - надвинулся старший по возрасту.

- А вы кто такие? - Виктор замер в расслабленной позе, и Евгений понял, что война в нём ещё не отхлынула, что при малейшей непочтительности со стороны старшего безобидный в общем разговор может иметь для него самые незаслуженные неприятности вплоть до нокаута, поэтому быстро положил руку на плечо Виктора и скороговоркой начал: - Только что приехали, насчёт работы, сам Робин подвёз на красной "Ниве", даже завод показал, а действительно, почему такие строгости, разве город режимный?..

Под эту речь он достал, раскрыл одной рукой и, не отдавая, предъявил старшему паспорт.

- А-а-а, - протянул тот. - Понятно. Отойдём.

Когда удалились от удивлённой группы, он продолжал нервно-весело:

- Это, значит, вы из ЛЧС, мне о вас говорил Робин. В шестую квартиру поселил?
- А вы, значит, из восьмой? - догадался Евгений, чувствуя, как оттаивает под рукой Виктор. - А это у вас что-то вроде отряда самообороны?

Старшой на оба вопроса кивнул и пригласил:

- Погуляете с нами?

- Не сейчас, - Евгений отпустил, наконец, плечо Виктора. - Нам в милицию. Время дорого.

- Дороже порядок, - ответил старшой немного резко.

- У нас другой профиль, - Евгений разоружающе улыбнулся.

- Подходите попозже, - пригласил старшой. - После полуночи.

- Постараемся, - Евгений не любил давления.

- Ладно, - Старшой, похоже, понял его. - Увидите этого гада, скажите, что я его всё равно достану.

- Думаете, он убил? - спросил Евгений.

- А хоть бы и не он, - старшой отвернулся и пошёл к своим.

- Где у вас милиция? - спросил вслед Евгений.

- Там, - было показано вполоборота, - три квартала.

- Обиделся маленько, - Евгений усмехнулся.

- Ну да, - Виктор вполне спокойно покачал головой, - он бы хотел вертолётom репу дёргать.

- Ладно, вертолёт, не кипятись. Пошли скорее.

По пути их ещё раз останавливали. Патруль был чисто женский, и точно так же старшая отводила их в сторону и говорила, что знает товарищей из ЛЧС и желает им успеха. А её спортивные девицы тарасились на сыщиков издали, как Наташи Ростовы на первом балу, и явно тоже были в курсе и в восторге.

- Выбирай любую, Мак, не зевай. Вон та блондиночка так тебя и ест...

- Слишком все здоровые. Мне бы увечную какую.

- Ну ничего не соображаешь! Раз мы с тобой калеки, нам такая подруга жизни нужна, чтобы...

- Ясно. Как каменная спина. Пришли уже, хватит о них.

В милиции, чего и следовало ожидать, их встретили вежливо-иронически. Они называли это "муму-эффектом". Полтора года назад, во время первого визита в милицию, когда пришлось представляться частными сыщиками, некто в золотых парадных погонах изрёк: "Частные? Ну-ну..." Виктор передразнил: "Му-му!" И родился "муму-эффект", первый термин их профессионального жаргона. Теперь в Лиге все его понимают.

- Вам, значит, Карапетьян нужен, - дежурный старшина важничал. - Без разрешения начальника горотдела не могу.

- В каком виде? - быстро спросил привычный к таким штукам Маков.

- Что - "в каком"?

- Муму! Я спрашиваю - разрешение в устном или в письменном?

- Только грубить - не надо, - ответил старшина преувеличенно спокойно. И отвернулся с чувством правоты.

- Ты что, парень? - у Виктора задрожал голос. - Мы что, не одно дело делаем?

Дежурный не ответил, благо бумажек под рукой довольно.

- Витюша, - сказал Евгений вкрадчиво, - ты же видишь, товарищ старшина хочет, чтобы частные сыщики за свои длинные рубли пошевелили ножками. Верно, старшина?

Ответа не было.

Евгений достал старое лейтенантское удостоверение, которое специально для такого случая "потерял", увольняясь из милиции, и, не давая в руки, показал старшине.

- Коллега, не откажитесь поговорить с офицером. Старшина всмотрелся и, не найдя повода огрызнуться, вздохнул:

- Слушаю вас, товарищ лейтенант.

- Вот так надо с любым гражданином. Я доложу о вас Сидорову. Он у себя?

- У себя, - буркнул старшина.

- Наел тут ряшку шире задницы, - процедил Виктор. - На Саланг бы тебя...

- Сам ты салага, - парировал старшина, не разобравшись. - Небось с наших харчей сбежал...

- А тебе ж... мешает! С-салага тыловая...

- Идём, идем, - Евгений увлёк друга к лестнице. - Нам с ним ещё работать.

- Да пош-шёл он, - Виктор прыгал через две ступеньки. - Сам не живёт и никому не даёт, п-полкан...

- Тебя самого хоть на цепь сажай, - успокаивал Евгений.

- А я не сяду. И никто не сядет, пока сам не захочет.

К подполковнику Сидорову вошли по-милицейски, без стука, и уже закрыв за собой дверь, спросили:

- Разрешите?

- Сразу узнаю своих, - Сидоров встал, улыбаясь, обошёл стол, двинулся навстречу. - Дежурный доложил о вас только что.

Сыщики переглянулись.

- Муму, - сказал Виктор.

- Что? - Сидоров поднял подбородок.

- Знает службу старшина, - Евгений опередил друга.

- Один из лучших работников, - подтвердил подполковник. - Значит, это у вас "муму" называется? Ну-ну, запомним.

Он внимательно рассмотрел удостоверения Лиги, пояснил: "Впервые имею дело" и заострился в готовности помочь:

- Вы, конечно, к Карапетьяну. Он в хорошей одиночке. Беседовать удобнее будет там, а то у нас с кабинетами тесновато. Вопросов пока нет?

- Один вопрос, - сказал Евгений. - Как работаете по этому делу с отдыхающими?

- Отдыхающие учтены поголовно. И те, что живут в коттеджах на пляже, и те, что по квартирам. Усилили пост ГАИ на въезде: проверяем практически все машины. Дорога у нас одна, всё просто.

- А с моря? - спросил Евгений.

- Там ещё проще, там пограничные катера. Но и наши работают по берегу. Сильно помогают группы самообороны. Практически лазеек нет.

- И давно так?

- После гибели Гульнаны Остаповой. Вас поселили в их квартире.

- То есть, почти месяц?

- Да.

- И есть результаты?

- Семь трупов, - Сидоров поглядел в упор так, будто это из-за нерасторопности сибирских сыщиков в подведомственном ему городе столько бед.

- Я имею в виду наблюдения, - уточнил Евгений.

- Есть наблюдения, - горько сказал подполковник. - После того, как одна бросилась с моста, установили там секретный пост и видели, как вторая - сама! - влезла на перила и - головой вниз! Вот и все наблюдения.

- Не густо, - Виктор покачал головой.

- А что вы хотите? - Сидоров усмехнулся невесело. - Самоубийца и убийца в одном сходи: не любят, когда им мешают.

- Какая же версия ближе лично вам? - спросил Евгений.

- Первая, - Сидоров ответил быстро и уверенно. - Убийца, как известно, оставляет следы. А самоубийца - записку. - Он выдвинул ящик стола, извлёк лист бумаги. - Вот что они написали: "Простите, я устала", "Витя, прости, больше не могу", "Пожалейте меня, люди", "Прощайте, никого не вините", "Сил больше нет". Вот ещё: "Будь оно всё проклято!" - три одинаковых, но почерк авторов идентифицирован. И, наконец, последняя? "Я встречу их там". Возьмите, это перепечатка. Оригиналы записок, если понадобятся, найдёте в делах. - Подполковник встал. - Ну, желаю успеха. Дела на всех погибших - в оперативной части. К Карапетьяну вас проводит старшина Муму. Ха-ха!

В его невесёлом смешке было много усталости, и в коридоре Евгений даже пожалел, что обманули насчёт Муму.

- Переживём, - отозвался Виктор. Он остывал медленно.

Старшина внизу слушал телефонную трубку и светло улыбался. Отчеканил: "Спасибо, трщ подполковник! Слушаюсь!" Встал лучшим другом навстречу Малюхину и Макову, отпер и распахнул перед ними поочерёдно две окованные двери, вручил ключи и, откозыряв, удалился.

Реагировать на галантность старшины было некогда: перед ними сидел на кровати давно не бритый человек с глазами безумца.

- Здравствуйте, Евгений Вартанович. Мы с вами тёзки. Я - Евгений Владимирович.

Узник даже в небритом виде казался весьма молодым. Он молча испугался, когда они входили, теперь несколько успокоился и молча кивнул.

- А это - мой друг, Виктор Павлович. Вы не откажетесь с нами побеседовать? - Евгений спохватился и уточнил: - Мы ведём следствие.

Небритый всё так же молча кивнул.

- Чтобы вас не утомлять, - продолжал Евгений, - всего пара вопросов. Вашу... спутницу в лесу, Елену Коваль...

- Олэну, - хрипло и болезненно поправил Карапетьян.

- Олэну, - повторил за ним Евгений. - Её раньше кто-нибудь преследовал? Она вам что-нибудь такое говорила?

- Я уже говорил...

- Мы из Москвы. Мы читали ваши показания. Но хотелось бы услышать от вас несколько подробнее.

- Нэт. Её никто нэ прэслэ... Мэня прэслэ... Я бежал суда Сумгаита, они мэня здэс нашёл. Отомстить хотэ...

- Кто они?

- Кто там хотэл зарэ... Я бэжал суда, они мэня здэс нашёл.

- Вы их видели? Сколько их?

- Сколко я знаю? Как я их ви...? Я всэгда ходил ножом, они мэня боя... Они её убил. Дэсят минут я отошёл, они её убил! Я искал, я вэс лэс бэгал, а он хочет мэня удавит! Я же нэ могу его рэзат, он же муж! Он нэ понима...

- Ясно, - сказал Евгений. - Из ваших знакомых кого-нибудь преследовали?

- Зачем прэслэ..? Откуда я зна..? Они - Узбэкистан, я - Азэрбажан.

- Евгений Вартанович, почему вас здесь держат?

Небритый горящими глазами впился в Малюхина.

- Па-та-му шту я пай-ду их рэ-зат! - Он уронил голову и невнятно закончил: - А Пашка Коваль мэня бу...

Он загудел, зашипел, завыл, закачался, забормотал что-то гортанно, явно ругательское, но и жалостное.

- Олэна не оставила записку^ - спросил Евгений. В ответ - качание головой.

- А не говорила, что жить не хочет?

- Нэ-э-э! - Карапетьян вскинулся и блеснул глазами. - Как это мо... Убили её! Понял? - И уронил голову.

- Мы постараемся вам помочь, - Евгений встал с табуретки и попятился к двери, где с самого начала застрял Виктор.

- Никто мнэ нэ помо...- глухо отразилось от пола.

Заперев обе двери, они вернули ключи старшине, ответили на его сочувственный вздох и вышли на улицу. Было всё ещё не темно, медленно рассасывалась дневная жара. Душа просила пощады.

- Пощадим? - предложил Евгений.

- Пошли скупнёмся, - кивнул Виктор. - Я уже сомневаюсь, не легче ли в рукопашной.

- Раньше надо было сомневаться.

- В рукопашной сомневаться некогда, Холмс.

- В этом её преимущество, Ватсон.

По дороге на пляж они чинно раскланялись с девичьим патрулём. Через несколько секунд услышали, как сзади прыснули. Оглянулись и увидели, что весь патруль смотрит им вслед. Помахали им и двинулись дальше.

- Ты обратил на блондиночку? - спросил Евгений.

- Она одна не улыбалась, - Виктор взглянул озабоченно.

- То-то и оно.

- Что?

- Глаз на тебя положила.

- На инвалидку не похожа, - Виктор вздохнул. - Давай лучше о делах. Как тебе этот псих?

- Он нэ убивал.

- Психу верить опасно.

- И не верить - тоже. Он же младе... Он, может, истину глаго...

- Да уж, - Виктор невольно усмехнулся.

Пляж был отделён от города высокой сеткой. В шесть рядов за сеткой росли сосны, за ними виднелись деревянные коттеджи. Дальше на песке - ряды лежаков.

Через подпружиненную калитку они вышли на бетонную тропу и двинулись к воде.

Людей в море не было. На верандах коттеджей готовили ужин, в нескольких местах негромко играла музыка. Никаких признаков тревоги.

- За полтора года я так и не привык, - сказал Виктор.

- К чему? - Евгений начал раздеваться.

- Да вот, что кругом столько разных ужасов, а люди спокойны.

- Не огорчайся, - сказал Евгений. - Тут система двоичная: либо привыкнешь либо уйдёшь. Хотя по теории идеально...

- И не привыкнуть, и не уйти, - Виктор разделся раньше и встал на руки. - Я в курсе.

- Самый способный из моих учеников, - оценил Евгений.

- К тому же единственный, - Виктор перевернулся на ноги и нанёс несколько ударов, которые были легко отбиты. - Когда же ты расскажешь, за что тебя выгнали из милиции?

- Не выгнали, - теперь атаковал Евгений, - я сам ушёл.

- А злые языки шептали, будто из-за какой-то белой обезьяны...

- Вот сволочи, - атака прекратилась. - Не держится у них...

- Значит, правда?

- Наполовину. Обезьяна была, но ушёл-то я сам...

- Так расскажи.

- Потом когда-нибудь... В воду, Ватсон!

Долго бежали по мелкой воде, пока нашли место, где можно поплавать. В невесомости контузия Виктора совсем не давала о себе знать, и он мог бы, наверно, остаться в воде жить.

А когда пошли назад, то увидели у своей одежды знакомую блондинку из девичьего патруля.

- Витька-а-а, - только и сказал Евгений.

- Кажись, судьба, - пробормотал Виктор, явно озарённый. Судьба улыбалась одними глазами, яркими и синими. В последних лучах солнца это особенно впечатляло, как последнее тепло в тайге перед первым снегом: тревога и восторг.

Евгений перевёл взгляд с блондинки на Виктора и увидел, что у них одинаковое выражение лица.

- Я командирована стеречь ваши одежды.

- Тогда надо знакомиться, - Евгений ткнул пальцем себя в грудь. - Евгений Владимирович. - Положил руку на плечо друга: - Витя. - Навёл палец на блондинку. Она тихо засмеялась: - Настя.

- Давно бы так, - сказал Евгений строго. - Обрати, Витюша, какой у неё красивый смех.

- Значит, и сама красивая, - Настя стащила с себя платье и предложила купаться, в самом деле красивая.

- Купайтесь, молодёжь, - сказал Евгений. - А я отдохну.

Молодёжь только того и ждала.

3.

- Как у вас, молодых, всё быстро и просто, - Евгений уже допивал кофе, когда явился Виктор. - Ты, конечно, позавтракал и готов работать...

- Так точно! - Виктор сел к столу.

- Ну и как?

- Ты угадал: она действительно может быть источником информации.

- Что-то не помню за собой таких догадок, - Евгений усмехнулся. - Давай-ка для начала подальше от дела. Грубо говоря: как ночь?

Виктор молча встал на тесно сдвинутых ногах, как на комиссии перед невропатологом, вытянул вперёд руки и растопырил пальцы. Они не дрожали.

- Видал?

- Хм-м... Поистине, функция строит организм... - Евгений толкнул стоящего, чтобы сел. - Поздравляю, годен к лётной работе без ограничений. Ты выглядишь усталым, но счастливым. Решено, стало быть: Настю увозим с собой. Из этого курортного ада в наш сибирский рай. Каков гонорарчик, Ватсон!

- У тебя лёгкая рука, - сорвалось у Виктора. Он тут же осёкся, но Евгений уже сник. - Прости, Евгеша, - попросил Виктор.

- Ничего, бывает.

Однако поневоле пришлось Виктору посидеть молча и понаблюдать, как борется с переживаниями прошлого бывший супермен.

Шесть лет назад, неудачно подорвав старую германскую якорную мину, краснофлотец Малюхин отлежал свое в госпитале и был списан на гражданку вчистую. Перед отъездом домой он спас ту самую медсестру, которая его выхаживала, привёз вместе с дочкой в Томск и отдал в жёны лучшему другу, Игнату Эвкалиптову.

Все были счастливы, а потом Ольгу похитили и убили те самые нацисты, от которых он спас её в Крыму. Тогда же, пытаясь спасти её вторично, Евгений утратил свою сверхбыстроту. Тогда же, спасая Ольгину дочку, погиб Мефодий Ханов, уже известный читателю автор генератора шаровых молний, безнадежно влюблённый в странную Наину... Замученная нацистами Ольга была похожа на Евгешину жену Алю, и, кажется, Евгеша сам был в неё влюблён... Словом, за шесть лет ни у него эта рана не зажила, ни Игнат больше не женился.

- Прости меня, - повторил Виктор.

- Всё, - Евгений встал. - Живём дальше. Авось и вправду на этот раз обойдётся. Не абсолютен же закон парности... Что там у неё за информация?

- Да нет, - Виктор потупился, - пока ничего определённого. Но чую, чую...

- Хм... Ну, ладно. Чуй быстрее. А пока пошли на завод.

В проходной им вручили пропуска и сообщили, что Борис Борисович просил, никуда не заходя, поспешить сразу в горсовет, на срочное совещание. Его машина ждёт на стоянке.

За рулём красной "Нивы" оказался теперь молодой водитель, как потом оценили друзья, "в штатском". Он дежурным тоном сообщил, что рад увидеть живых сыщиков, и в пять минут домчал их до горсовета.

- Как-то он неприятно сказал насчёт ЖИВЫХ сыщиков, - заметил на свободе Виктор.

- Переживём, - обнадежил Евгений.

Из приёмной председателя горсовета их сразу провели через кабинет в маленькую комнату, где уже сидели за круглым столом шестеро солидных мужчин.

- Ну, начнём, - сказал после приветствий один из них, самый седой. - Вся комиссия специально собралась, чтобы вам, товарищи... м-м-м...

- Сыщики, - подсказал Евгений.

- Ну, что ж, надо привыкать. Весь мир имеет, вот и мы... Словом, мы хотим вот за этим столом ввести вас в курс дела максимально, по всем аспектам проблемы. Не возражаете?

- Мы только рады, - сказал Евгений.

- Для простоты общения, - продолжал самый седой, - мы вам представимся просто по профессиям. Вот по порядку - Юрист, Физик, Врач, Социолог, Эколог и я, Председатель. По имени-отчеству можно будет потом, в процессе работы.

- Годится, - сказал Евгений. Виктор кивнул.

- Мы опишем вам положение дел с разных точек зрения, - продолжал Председатель, - а вы прямо на ходу задавайте вопросы.

Сыщики кивнули.

- В общих чертах вас уже ознакомили, - продолжал Председатель. - Свою задачу мы видим в том, чтобы дать вам профессиональную ориентировку по всем возможным направлениям, в виде предварительной консультации, что ли. Начнём с Юриста, а я - после всех.

Юрист хотел было встать, но Председатель предложил разговаривать без официоза - слишком уж серьёзное дело.

- Милиция очень крепко занималась, - начал Юрист. - Ситуация совершенно неординарная, непривычная... Городу нашему двенадцать лет. За это время ни одного самоубийства, ни одного убийства. Это, впрочем, тоже беспрецедентно - ни одной насильственной смерти за такой срок. Но в этом надо отдать должное руководству завода: для людей делалось всё, чего они хотели и, безусловно, заслуживали: жильё, снабжение, всяческое обеспечение, замкнутая технология, техника безопасности... Правоохранные органы работали в тесном контакте с населением, в городе мощная народная дружина. Сейчас вот, на всякий случай, чтобы успокоить людей, созданы отряды самообороны, которые работают в сумерки, то есть в самое самоубийственное время. Ввиду того, что у нас всё население - люди приезжие, да ещё после национальных вспышек, появились беженцы, приходится проводить большую работу - проверять каждого приезжающего, вести наблюдение за окрестностями. Попросили пограничников повнимательнее оглядывать наши воды и берег. И по всем данным, мы не имеем основания хотя бы в одном из четырнадцати трагических происшествий усматривать убийство. Прошу вопросы.

- Пока нет, - сказал Евгений. - Дела по каждому случаю в милиции нам обещали показать.

- Прошу Физика, - сказал Председатель.

- Я, собственно, преподаю в школе, - начал Физик, - и не думаю, что то, что я скажу, так уж наверняка возможно... Вы, вероятно, слышали об инфразвуке...

Сыщики коротко переглянулись. Им стоило труда просто кивнуть.

Физик коротко описал принципы рождения инфразвука над бурными водами и сделал предположение, что причиной самоубийств мог бы стать так называемый "голос моря", который доходит сюда очень ослабленным и действует только на определённый тип психики, в частности - на молодых женщин...

- И на пожилых руководителей, - пробормотал Евгений.

- Что-что? - физик не разобрал.

- Я говорю, директор завода из этой схемы выпадает.

Сформулировано было резковато, и кто-то за столом крякнул. Но Евгений решил не исправлять впечатления. Уже в конце первого выступления он почувствовал, что его подталкивают. Вежливо, но твердо. Подсказывают, КАК надо думать.

- М-да, вы правы, - сказал Физик. - Директор завода в эту схему не уместается. Но это не по моей части, я просто имел в виду статистическое большинство. Не оставить без внимания пускай фантастическую, но возможность: изготовить аппарат и влиять... Излучатель, понимаете?

- Фантастика, конечно, - Евгений изобразил некоторую заинтересованность, - но учтём.

Он чуть не добавил, что ни волн, ни ветров таких, при которых возникает инфразвук, на мелкой Балтике сроду не было и быть не может, океан нужен. Но сдержался, только поглядел на Виктора, который молчал окаменело, чтоб не прыснуть.

Следующим был врач. Глядя в стол, он коротко сообщил, что лично проводил экспертизу всем погибшим и следов насилия ни на чьём теле не обнаружил. Наличие каких-либо промышленных токсинов в организмах погибших эксперт также отрицал и на этом закончил. Евгений отметил, что он производит впечатление человека совестливого.

Социолог пространно описал жилищные, производственные и прочие факторы городской жизни вообще и жизни города Нового в частности и свёл речь к тому, что по всем индексам, показателям и коэффициентам здесь никогда не было, нет и не может быть почвы для убийств. Как и возможности

тоже. Причин же для самоубийства он назвал множество и особо нажал на то, что с ростом жизненного уровня число самоубийств во всех развитых странах почему-то растёт. Парадокс цивилизации. Камень преткновения для целых социологических институтов. Говорил убеждённо и убедительно, нигде не пережал.

После Биолога, тоже школьного учителя, который назвал экологическую обстановку в городе и вокруг образцовой, высказался Председатель.

- Все здесь присутствующие подтвердят, я сам работал на нашем заводе на ответственной должности, и не один год, поэтому прежде всего болею душой за судьбу завода, потому что завод для города...

Он говорил длинно и патриотично, и речь его сводилась к тому, что ни в коем случае нельзя обвинять в самоубийствах заводские условия. Производство не уникальное, но чистое и новое, без утечек, без выбросов, без биологически активных веществ вообще, а забота о людях такая, что всему человечеству впору учиться. Но вот чей-то вражеский язык пустил слух о каких-то мстителях с Кавказа то ли из Средней Азии, и люди уже готовы в панике бежать из города, оголить производство, а это безумие, поэтому главная задача и огромнейшая просьба к товарищам Малюхину и Макову - проявить полную беспристрастность и объективность и доказать людям, что нет здесь никаких террористов, что производство не вредное, а причина самоубийств... Вот чёрт её знает, в чём она. За то, чтобы её найти, каким-то образом определить, город и завод не пожалеют никаких денег. Товарищи могут прямо сейчас, в этом узком молчаливом кругу, назвать любую сумму, которую сочтут разумной, и срок...

- Мы вас поняли, - вежливо перебил Евгений. - Сделаем всё честно, а разумную сумму вы определите сами. Попробуем уложиться в неделю.

Виктор кивнул.

- Я рад, что вы поняли и просьбу, и задачу, - сказал Председатель. - Но одно еще хочу заострить: в ваших руках - судьбы людей.

- Это как всегда, - ответил Евгений, и сыщики откланялись.

- Куда? - спросил Виктор на улице.

- Не представляю, - Евгений даже поёжился. - Веришь ли, вообще не знаю, что делать.

- Тогда в столовую! - Виктор засмеялся. - Помнишь, как говорил наш начлёт Тетерев?

- "Питание личного состава - вопрос немаловажный". Мудро. Если не считать, что полдня из заказанной недели мы только что потеряли.

- Не скажи, - Виктор скептически хохотнул. - Нам вполне прозрачно дали понять, что можем заломить любые тысячи, пролежать семь дней на пляже, но хоть из пальца, а выдать вполне определённые причины...

- Вплоть до цепи из четырнадцати случайностей.

- Вот-вот! Лишь бы убедительно.

- Ну что же, - Евгений выругался, что бывало с ним крайне редко. - Давай слетаю в Томск за ЛУСТом - тем более, что физик же идею подал! - подбросим в квартиру или, проще, в кабинет покойного директора и представим его сексуальным маньяком, который доводил молодых работниц до самоубийства и сам, предчувствуя разоблачение, покончил с собой...

- А что, похоже. Чего-то подобного от нас и ждут. Но где найти эту течь?..

- Но ведь кто-то же из них о ней знает!

- Председатель знает наверняка. Только он не сознается.

- Подумаем-ка за обедом,

Ели молча и размышляли под взглядами всех, кто был в столовой. По людям было видно, что сыщикам нет смысла притворяться искателями работы или кем-то там ещё.

- Оно и проще, - пробормотал Виктор. - Как в рукопашной.

Из столовой отправились в уютный сквер, один из многих, выбрали скамеечку под берёзкой и продолжили стратегическую беседу.

- Что придумал? - спросил Евгений.

- Надо начать с цеха подготовки, - сказал Виктор. - Чую, что течь скорее всего там. Я пойду туда, а ты поройся в документах: которые из погибших там работали? Уверен, что не меньше половины. А во-вторых, МОИ источник информации...

- Настя? Она дала хоть какой-то повод?

- Нет, но я чую...

- Ладно, чуй дальше. И постарайся найти на заводе "розу ветров". А я здесь поищу, к синоптикам схожу.

- Зачем?

- А вот смотри, - Евгений достал блокнот и авторучку, начал набрасывать план. - Две параллельные долины идут к морю. Между ними увал. Вот завод, и здесь же долины соединены естественным провалом. Если ветер из заводской долины свернёт в городскую, он пройдёт, смотри, как раз по мосту и по тем кварталам, где жили погибшие. Если ветер здесь дует вот так, по долинам к

морю, то все самоубийства оказываются ниже завода по ветру! Ты понял?

- В случае выброса какой-то химикат поражает людей с определённым типом психики! - Виктор даже стукнул друга кулаком по колену. - Холмс, я вас уважаю!

- Давай так пока и начнём, - Евгений поднялся. - А там по ходу скорректируемся. Надо ещё узнать, нет ли какой дряни выше завода по ручью - хранилища там, заводика секретного...

- Поищем, - Виктор тоже поднялся и не удержал зевка. - Но только, слышь, Евгешка, утомило меня такое умственное напряжение. Мне бы хоть полчаса, а? А то ведь вечером снова за информацией...

4.

Два следующих дня Евгений дымился от работы. Изучил документы всех погибших - и в милиции, и в отделе кадров завода, побывал в десяти осиротевших семьях, поговорил с подругами двух незамужних самоубийц, навестил синоптиков и санитарно-эпидемиологическую станцию. Всё шло по плану, хотя и без ожидаемого результата. Не удалось увидеться только с соседом из восьмой квартиры - с тем самым, который приглашал в патруль. Теперь он просто не попадался на глаза или не открывал дверь, когда казалось, что он дома.

Картина тринадцати несчастий складывалась пёстрая, неоднородная, не удавалось ухватиться за что-то общее для всех. Отдельные сигналы, намёки, предчувствия, связи рвались и крошились среди месива частных несовпадений, и всё время мешала одинокая фигура директора, которая более других не хотела встраиваться ни в какие схемы.

Виктор горел без дыма. Он практически не спал, разрываясь между плановыми поисками и, как он выражался, "обработкой частного источника информации".

Стал готовиться к сумеркам третий день. Удручённые сыщики сидели у окна в "своей" квартире и допивали остатки кофе. Литровая пластиковая фляжка мозолила глаза здесь же, на кухонном столе.

- Может, дёрнем с горя этот спирт, - Виктор вздохнул, - да спать ляжем?

- И к Насте не пойдёшь? - Евгений нашел в себе силы сощуриться лукаво.

- А не пойду. Устал.

- Обидится.

- Авось простит. Давай, Евгешка, снимем напругу!

И тут Евгений, глядевший сквозь занавеску за окно, схватил его руку.

- Крадётся, Мак! Дуй на балкон и наблюдай! Как войдёт в подъезд, прыгай на клумбу!

- Понял! - Виктор бросился из кухни.

Павел Коваль, муж погибшей Олэны из восьмой квартиры, поглядывая на их окна, пробирался к подъезду. Вот он открыл дверь и без стука затворил её за собой... Евгений услышал лёгкий шум распахиваемой балконной двери и мягкое приземление Виктора. Он тут же рванул дверь квартиры и, выходя на лестничную площадку, успел заметить, как метнулась обратно фигура Ковалья. Вслед за этим хлопнула, как мышеловка, дверь парадного и раздался радостный голос Виктора:

- Паша! Братан! А я иду, смотрю - ты, не ты!? Ну наконец-то, пошли!

Евгений бросился вниз:

- О, мужики, да вас тут двое! А я чуть не подох, тебя дожидаясь, даже встречать вышел! - Он толкнул Виктора в плечо. - Спирт выдыхается, зар-раза, ну, пошли по-быстрому! Паша! Мы работу кончили, не откажись, обмой с нами! И твою потерю помянем...

Ковалья взяли с двух сторон под руки, и он почувствовал, что хватка у агентов ЛЧС - профессиональная.

- Мужики, домой надо... Потом на работу сразу... То есть, в патруль...

- Паш-ша! - Его дружески, но тяжко хлопали по спине. - Патрули больше не нужны, Паша! Одна живём! Или ты нас не уважаешь? Да мы для вас как бобики целую неделю...

Когда от литра спирта, вынесенного Настей с завода для нужд частного сыска, осталась половина, Паша Коваль уже сам спрашивал новых друзей, до какой степени они его уважают и не пора ли сбегать в восьмую за огурчиками. Под присмотром друга Витюши он сходил за огурчиками и вернулся с открытой, едва початой банкой, весь в слезах, не в состоянии ничего сказать. Чтобы успокоить, наладили ему почти чистого, отчего дыхание пропало совсем, но вскоре, после огурчика, вернулось, и Паша заговорил.

- Мужики, - он тихо плакал, - вы во-от такие мужики!.. Вы ни-че-го мне не рассказали, и правильно. Зато я вам скажу... Все они... И Лёлька моя... Но я бы её сейчас простил, только бы она не умирала... Пускай бы хоть с Карапетом, хоть с кем, я бы - ничего... Ну если не могу больше, ну если вусмерть ухарлала, а тебе всё равно мало, да ложись ты хоть с Карапетом, хоть с кем, правильно? Да хоть со всеми сразу, правильно?.. Ох, пьяный я, мужики, спасибо вам, хорошие вы сыщики из Сибири, вашу мамочку... А Карапета я давить не буду, скажите ему...

Евгений, улыбаясь, поднял глаза на Виктора, который только что клевал носом, но вдруг выпрямился. И увидел на лице друга ужас открытия. Открытия страшного и ещё не до конца понятого. Догадки, близкой к открытию.

- Что такое. Мак?

- Паша! - Виктор не хотел больше спать, он тряс засыпающего Ковалья. - Что ты сказал, Паша?! Они все были, как твоя Олэна?!

- Лёлька моя, - сквозь слюни проскулил Коваль. - Харлайся с кем хочешь, только живи, я прощу...

- Ты понял? - Виктор вскочил. - Ты же сам рассказывал! И наша Гульнара там была, у родственников мужа! Понял? Клади этого спать, беги к Врачу, пытай его, гада, но возьми правду, Женька! Я - к Насте, она ведь тоже... Как же я сразу... Не успею - повешусь! Пятнадцатым буду, нет, шестнадцатым...

Виктор был трезв, как хрустальная ваза.

5.

- Борис Борисович, до конца работы - полчаса. Прошу вас собрать весь народ прямо сейчас в цехе подготовки.

Главный инженер задержал руку Евгения в своей:

- Неужели получилось?

- Абсолютно. Решаюсь вас уверить: потеряете ещё только одного человека, но - живём.

- Увезёте Настю, - Робин улыбнулся не без сожаления. - Хорошего инженера увезёте. А я-то надеялся и вас оставить.

- Зато остальных сохраним.

- Верю вам, - Робин вернулся к столу и протянул руку к селектору. - Итак, стопроцентное самоубийство?

- Безоговорочно. Обо всех мотивах - на месте.

- А где же Виктор Павлович?

- Они с Настей уже на месте.

- Ну, с Богом...

Главный инженер включил трансляцию и объявил всему заводу немедленное собрание.

- Евгений Владимирович, - он отключил селектор, - а в горсовете знают?

- Разумеется.

Через четверть часа в громадное помещение цеха подготовки набилось тысячи три народу. На самом верху, на мостках, стояли оба сыщика, Настя, Робин, Врач из экспертной комиссии и примчавшийся в последнюю минуту Председатель горсовета. Он взобрался на мостки, когда Робин уже объявил, о чём пойдёт речь, и отдал Евгению микрофон. Председатель что-то негромко сказал Робину, тот пожал плечами, за него ответил Виктор, который крепко держал за руку Настю. Председатель нахмурился, взгляд его метнулся по сторонам, он качнулся к Врачу с намерением что-то сказать, но Евгений уже начал говорить.

- Вот на этом месте пять дней назад закончилась жизнь вашего директора. Как это произошло, скажу потом. Сначала о тех четырнадцати ваших работницах, которые были доведены до самоубийства.

По цеху прокатился говор.

- Я сказал - о четырнадцати, хотя погибло тринадцать, - продолжал Евгений. - Я не оговорился. Четырнадцатая перед вами, - он кивнул в сторону Насти. - Она уедет с нами, и больше на вашем заводе не будет ТАКИХ самоубийств. Только четырнадцать их было среди вас. Все они приехали сюда недавно, у всех была одна болезнь, которая и привела их к такому исходу. Правда, мы надеемся, что последнюю трагедию сумеем отклонить - у нас в Томске сильная медицина.

- Что за болезнь? - крикнули снизу.

- Меня просили не называть, - Евгений кивнул на Настю, - и я не назову. Я скажу только о причине, это я обязан сделать... За полгода до трагедии все четырнадцать пострадавших женщин провели не менее недели в зоне так называемого "чернобыльского следа", то есть примерно в одно время имели дело с примерно одинаковым количеством радиации. Это единственный фактор, который объединяет все самоубийства, и нам удалось доказать, что дело только в нём. - Евгений кивнул на Врача. - Вот доктор может подтвердить, а я уверяю вас, что в заводском отделе кадров нет больше ни одной карточки с этим чёрным адресом. Вы сейчас думаете: как же так, ведь в этой зоне побывали, да и поныне живут, многие тысячи. Да. Но никто из этих многих больше не попал на ваш завод. И не дай Бог им сюда попасть. Ваше производство действительно очень чистое, честь и слава вашему начальству за такую заботу. Но нет на свете абсолютно герметичных производств, и потому нет гарантии, что какие-то микроскопические, для всех безвредные добавки в вашем воздухе или в воде не вызывают у облучённых эту болезнь.

- Так ОНИ всё знали? - крикнули снизу.

- Да! - Евгений поглядел на Председателя. - Ваше городское руководство и его экспертная комиссия не глупее двух начинающих сыщиков. Они сразу же сделали анализ по медицинским карточкам и точно знали, откуда дует ветер.

- Мы не знали симптомов! - выкрикнул Председатель.

- Да, - согласился Евгений, - они не знали симптомов болезни, а женщины стыдились об этом говорить, и происходило всё очень уж быстро. Поэтому городские власти решили ПРОСТО скрыть от народа свой анализ и ПРОСТО дождаться, пока заражённые вымрут.

- А директор? - спросили снизу.

- Ваш директор был человеком благородным, но слишком дисциплинированным. Ему дали административное поручение молчать, и он молчал. Пока совесть не загрызла. Тогда пришел сюда, открыл вот это ограждение - и все.

Виктор протянул руку, и Евгений отдал ему микрофон.

- Нам тут предлагали большие деньги, - сказал Виктор, - если мы докажем самоубийство и успокоим вас. Правда, причину хотели другую, из каких-то непонятных соображений. Мы работу выполнили, но вас это, конечно, не успокоит, если у вас есть совесть. У нас она тоже есть... Мы не возьмём этот высокий гонорар, мы просим перечислить его Лиге частного сыска, в качестве залога честности.

6.

За окном качался Урал. Грязно дымили трубы металлургии, ещё демидовской постройки. Привычно для этих мест моросил дождик.

- Зря ты отказался от гонорара, - говорил Евгений. - Во-первых, ты теперь семейный. Во-вторых, отказываться от заработанного непрофессионально. А в-третьих, видел бы ты, каково мне досталось уламывать Врача в свидетели: "Я слово давал... Врачебная тайна..."

- Загнуть бы салазки такому "Гиппократу", - проворчал Виктор. - А за гонорар не беспокойся: когда Лига получит эти тысячи, она и нас не забудет, там же все свои ребята, они же понимают.

Настя засмеялась и прильнула к Виктору.

- Всем бы этим гиппократам-бюрократам мою болезнь...

Евгений с Виктором засмеялись тоже.

- А у вас, правда, это лечат? - спросила Настя.

- Да чёрт его знает, - честный Виктор пожал плечами.

- У нас всё лечат, - успокоил Евгений. - Найдём, мы же сыщики. А может, в нашем климате само пройдёт. Ты сейчас так же мучаешься?

- Ах, Евгеша, - она ещё теснее прижалась к Виктору. - Хоть Витя и силён в этом деле, но всё равно - постоянно хочется. Если сутки без этого, можно с ума сойти. Хоть в петлю. Если отбросить культуру, силу воли и прочее человеческое, я могла бы круглые сутки. Представляешь?

- С трудом, - Евгений смущённо крякнул и поднялся. - Ну, я пойду, постою там, погуляю... Позовёте потом... Только запереться не забудьте.

Он задвинул за собой дверь купе и пробормотал:

- Неужто и на этот раз не обойдётся?

Что-то подсказывало ему, что и у этой пары, им созданной, не всё будет ладно.

Введение для аналитиков.

"Дата не требуется, ибо подлость - категория вневременная.

Я знаю, как уйду отсюда, но для этого требуется слегка притупить вашу бдительность. Приступаю.

Господа аналитики! Вы обязаны прочесть и расшифровать любую галиматью, какую бы я тут ни написал. За это вам платят, и я к вам не в претензии. Только немного сочувствую: по тени дыма определить, что горело - это даже для меня серьёзная задача. А вам не помогут и электронные мозги. Человеческая подкорка - не подвал, где можно посветить фонариком. Но вы не поверите мне в этом, бо за неверие ОНИ вам тоже платят.

Что ж, дело ваше, сдельно-премиально-повреждённое. Ищите в каждой моей фразе тот ключик, который подходил бы ко всем подкоркам и позволял бы ИМ хозяйничать в любом мозгу. Не отпираюсь, он у меня. Могу прямо сейчас, на первой же странице набросать (зачёркнуто). Что, очень хочется? Но даже все мои (зачёркнуто) ничего бы вам не дали. Потому что к ним нужна ещё (зачёркнуто), чтобы связать их с временем, местом, количеством и с кое-чем кроме. Этого ОНИ никогда не получают. Во всяком случае - от меня.

Есть, кроме меня, только (зачёркнуто), которые (зачёркнуто) фрагментарно представляют. Но без меня с них взятки гладки, потому что я единственный прошёл через ОЩУЩЕНИЯ. И без ЭТОГО МОЕГО никакой (зачёркнуто) ничего ИМ не даст.

И вот ОНИ - не будем рассуждать, кто именно и кто за ними - делают простейший ход: запирают меня в это узилище и оставляют наедине с бумагой. Это вы, господа аналитики, подсказали ИМ, что без активной работы гений выгорает изнутри, поэтому, если в любом заточении предоставить ему минимальные условия, он немедленно начнёт творить (скажем, как Кибальчич в Петропавловке) и обязательно выдаст все свои секреты: хоть в зашифрованном виде, а проболтается.

Вы правы, господа нехорошие, я готов проболтаться, бо из меня так и лезут идеи относительно

(зачёркнуто).

Вот видите, как хороша ваша попытка. Но не надейтесь прочитать зачёркнутое, я и зачёркивать умею.

Я бы, может, и поддался, если б имел дело с порядочными людьми. Но чую нутром, что ничем хорошим для человечества такая откровенность не обернётся. Да и чисто эгоистические соображения подсказывают мне, что в ИХ лапах я жив лишь до тех пор, пока тайна моя при мне.

(Давайте отметим в скобках тот нездоровый интерес, который вызвали бы эти записи у человека совершенно постороннего. а). Он принял бы за помешанного меня, столь непринуждённо рассуждающего о собственной гениальности, б). Он решил бы, что читает очень авторизованный перевод зарубежного детективного романа, в). Он решил бы, что перед ним школьное сочинение двоечника по литературе, написанное на уроке, скажем, математики или биологии. Я, правда, по всем этим предметам был твёрдый троечник, из чего очень советую вам сделать научный вывод. Сообразили? Нет? Ну, ничего.)

Привет.

Ах, нет, ваши охранники еще не уgomонились. Ладно. Что бы такое нейтральненькое написать?

Ага, вот. Нарисую вам истинное лицо застенка, в котором вы меня содержите, и объясню, почему вам кажется, что мне отсюда не убежать.

Вы просто думаете, что я приму всё это за настоящую тюрьму. Притом в самом строгом варианте: одиночка без окна, только вентилятор шумит за решёткой под потолком. А ванную комнату я должен воспринять как символ вечного заточения и, между помывками, как камеру пыток.

Не надейтесь. Бессознательное состояние, в котором меня сюда доставили, вовсе не помешало выяснить, что мы находимся в стандартной квартире многоэтажного дома, дом кирпичный, окно кухни, где я сижу, заложено кирпичом. Только об этаже не могу пока сказать ничего определённого, хотя и подозреваю, что не первый. Но это уже неважно. Во всех таких домах есть балконы, и этого для меня достаточно.

Теперь можно уходить. Один совет вам всем на будущее: хитростью больше не возьмёте, а силой - от всей души не советую: дуракам пощады не будет, а негодьям - сам Бог не велит. И огради вас судьба - шантажировать меня Настей: всю свою гениальность так употреблю, что моргнуть не сможете".

Больше никакой информации похитители не дождались. Узник усыпил бдительность охраны прилежным эпистолярным трудом, связал две простыни, два полотенца и одеяло, один конец прикрепил к водопроводной трубе, другой намотал на руку, разбежался коротко в тесной кухоньке и ударил ногами в заложённое окно. Пока стражи оценивали обстановку, пока пытались выломать супердверь, хитро подпёртую изнутри разобранной кроватью, пока они догадались организовать захват снаружи, третий удар достиг цели: со звоном и грохотом всё, что было в оконном проёме, обрушилось на газон, а беглец повис на одной руке, почти касаясь ногами цветов. Худшее в расчётах гения не подтвердилось: он был заперт всего лишь на втором этаже, и запланированные прыжки с балкона на балкон не потребовались. Через несколько секунд погоня за ним стала бесполезной, так и не начавшись.

Острые ощущения для темпераментных читателей переносятся на несколько глав.

"РАДИОГРАММА.

Всем работникам Службы особых мер.

Временно отменяются все задания. Переключаетесь на экстренный розыск бывшего эксперта по особым мерам Макова Виктора Павловича. Приметы объекта: рост 172 сантиметра, худощав, нетороплив; рыжие выющиеся волосы с обильной сединой; в минуты забывчивости могут слегка дрожать руки и голос.

При обнаружении: установить крайне осторожную слежку, никаких мер к задержанию - ввиду крайней опасности объекта - не принимать, обо всех его действиях немедленно докладывать лично мне. Уничтожение НИ ПРИ КАКИХ УСЛОВИЯХ не разрешается. Начальник СОМ полковник Дружбин".

- Что это за шука, что её сам СОМ боится? - так пошутил новенький, который совсем недавно перевёлся в Службу из милицейского спецназа и ещё никого здесь не знал.

- Это не шука, - объяснили, усмехаясь, - это электрический скат. Можешь представить?

Новенький представил и поёжился.

Автор приносит извинения читателю за некоторое забегание вперёд. Перечитав только что написанное, даже самый нетерпеливый захочет узнать, сколько же времени прошло между поездкой Виктора Макова на Балтику и этими странными событиями, в которых он предстаёт уже далеко не рядовым сыщиком мирной Лиги частного сыска и... так далее.

Автор без раскаяния признаётся, что забегание умышленное, сделано ради обострения интриги. Автор находит, что обострение удалось, и с удовлетворением возвращается на несколько месяцев назад, чтобы более-менее связно объяснить причины, по которым заурядный Маков стал так дорог никогда и нигде не существовавшей Службе особых мер, на самом деле именуемой в Томске совсем не так.

О гениях и идиотах.

Настя проснулась за несколько секунд до крика. Она почувствовала, как Виктор напрягся, будто хочет встать, но не встал, ожидание затянулось, и она открыла глаза.

Часы, которые нарочно были помещены в свет уличного фонаря, показывали три - самый сон.

Виктор не лежал, а полусидел, согнув спину и ноги, приподняв одеяло разведёнными руками и резко дыша оскаленным ртом. Настя поняла, что ему снится какой-то самый страшный бой, и повернулась, чтобы осторожно обнять, пошептать и успокоить. Тут он и закричал.

Не крик испуга или боли, не окрик и не призыв о помощи, а яростный вопль перед сокрушительной атакой. Настя в полном ужасе бросилась ему на грудь, прижалась головой, осыпала волосами и зашептала, зашептала: "Родненький... Витюша..." и тому подобное, пока не разбудила.

Каменные мышцы распустились, Виктор прижал её к себе, на губах стало мокро и солоно. Он долго молчал, потом пробормотал:

- Прости, малыш. Чёртов бред.

- Война?

- Если бы... Хуже.

Он опять долго молчал, вздыхал и гладил её по голове.

- Пожалуйся, - попросила.

Он ещё помолчал и согласился:

- Правильно. Только уж не ревнуй: дело прошлое.

- Рассказывай, - она засмеялась. - Ревность - украшение любви.

- Тогда уж точнее - тень, - он тоже улыбнулся. - Ну, слушай... Из госпиталя я приехал - все винты, все гайки отпущены. Стою в дверях вагона, в одной руке палка, в другой - чемоданчик, весь хожу ходуном. Встречают родители, а с ними - Аля. Она уже была за Евгешкой, уже родила, а он ещё служил.

- Точнее, тоже в госпитале лежал, - Настя напомнила, что в курсе.

- Верно... Останавливается вагон, они бросаются, я запинаясь о свою палку и выпадаю им на руки. Срам, конечно. А ведь я в Алю был с детства влюблён. И не скрывал никогда.

- Ты люби нас обеих.

- А не боишься?

- Я глупая, я ничего не боюсь.

- Ладно, - Виктор засмеялся, - мы с тобой похожи. Слушай дальше... Она жила тогда у родителей, а мы соседи, и она очень мне тогда помогала. У неё натура твоя...

- Знаю, знаю.

- Она постоянно говорила, что с моей трясушкой можно справиться, что я - самый волевой в мире... Мы много гуляли с коляской, а при младенце вроде неловко трястись...

- Да при такой маме...

- О, уже ревнуешь.

- Украшаю любовь.

- Но я всё равно трясса, хоть и старался. До слез доходило, больно ведь. А однажды она подсмотрела, как я колот дрова, так ревела в голос, прямо при мне.

- Она не только по тебе ревела. .

- Словом, спасала, как умела. И однажды спасла. Правда, с помощью народа, если можно их так назвать... Прихожу как-то в магазин, колбасы купить. А ходил уже без палки. Вижу - Аля машет: "Иди скорее!" Как раз её очередь. А за ней - человек сто. И все злые.

- Естественно.

- Приняли меня за алкоголика, стали не пускать, а я без удостоверения, стыдно, противно. Алю оскорбили... Словом, хуже, чем в бою, там хоть драться можно. И взяло меня такое, знаешь... такое бессильное отчаяние - ну, хуже некуда. Ещё секунда, и эти пустые витрины, эти человечки полетят у меня... Вдруг кончилась трясушка, встал в боевую стойку и как заору!

- Как сейчас?

- Да, это мне и снится... Ну, сделались они все одного цвета, заткнулись и размазались по витрине. Тихо так стоят. И смотрят в пол. А я, представляешь, четко повернулся и твёрдой походкой вышел! И дверью хлопнул. Аля - за мной. Что-то им крикнула и выскочила, даже свою колбасу не взяла. Идет рядом - радуется: "Витя! Ведь можешь! Убедился? Всё, победа! Теперь ты в порядке!" Тут догоняет пожилой дядька: "Ты их прости, сынок. Люди в толпе звереют. Стыдно, как унижен народ. Возьмите вот два веса, я вам купил..." Ну, дальше лирика.

- А война - не снится?

- Нет, не снится. Война просто всегда во мне. А снится ведь только самое страшное. Вот унижение...

- Мы не будем друг друга унижать, - прошептала Настя.

- Никого не будем. И не позволим никому.

Он заговорил убеждённо и резко: унижающий других прежде всего унижает себя и достоин презрения, а слабого просто жалко, и жалость не унижительна и тому подобное. Настя слушала его, сильного, и - жалела. И превращали оба жалость в ласку, благо это совсем не трудно...

Так было несколько раз за их первый семейный год. Она к этому привыкла быстро. Она вообще умела привыкать. И гордилась этим, потому что умела, привыкая, не терять достоинства. И было чем гордиться: одна из четырнадцати самоубийц, она уцелела только благодаря этому достоинству. И теперь, когда помогал Виктор, находила в себе силы не требовать его любви излишне часто, даже давала ему передышки, чтобы мог работать.

Работал он с увлечением. Быстро всё перенимал у опытного Малюхина, провёл с ним после Балтики еще две крупных операции. Однако операции были связаны с командировками, что для Насти означало смертные мучения: одно дело - воздержаться пару ночей рядом с супругом и совсем иное - неделя полного одиночества. Надежда родить и, может быть, успокоиться пока не сбывалась, Настя страдала молча и гасла в эти недели, но Виктор всё, конечно, видел и ездить с Евгением перестал. Он не ушёл из ЛЧС, а начал работать в аналитическом отделе. Кое-как освоил информационную аппаратуру и печально сидел два месяца на небольшом окладе, пытаясь приспособить свой тактический солдатский склад ума к стратегическим задачам криминального анализа. Пробелы во всех областях психологии не компенсировались поверхностными и случайными юридическими познаниями, а полное незнание машинных языков усугублялось природным отвращением ко всяким бумажкам вообще и к теории статистического анализа в частности. "Самая сильная в мире" воля его могла в таких условиях играть роль только разрушительную.

Однако рядом была Настя, инженер-вычислитель божьей милостью, изобретатель от рождения. Её с распахнутыми объятиями приняли в так называемый кустовой вычислительный центр, который обслуживал всё здравоохранение Томской области. Она устроилась туда не случайно: помнила слова Евгения о том, что в Томске сильная медицина, надеялась с помощью этой силы победить свой недуг и тем спасти мужа-оперативника от аналитических страданий. Настя преуспела. Она направила избыток своего радиоактивного темперамента на отыскание нужных людей и - к общему веселью - этими людьми оказались старые друзья наших сыщиков. Иван Терехов сам пришёл к Насте с материалами по аномально-психическим явлениям в человеческом организме - там было много обчётов. А Всеволод Серафимович Дорошенко - тоже сам! - явился к Насте с поздравлениями: как, новое лицо в кругу его друзей! После нескольких обширных бесед с Тереховым, Дорошенко и их разнопрофильными коллегами Настя убедилась, что в Томске действительно мощная наука. Правда, быстрой победы над недугом ей не обещали, поскольку сам недуг не очень-то укладывался в научные представления. Однако для начала Всеволод Серафимович с Иваном, переглянувшись и повздыхав, предложили такое, от чего пошла кругом голова.

Конечно, сказать всего они ей не могли, потому что ВСЕГО не знали и сами. Предлагалось провести на её Викторе некий научный эксперимент, в результате которого, ПО ВСЕЙ ВЕРОЯТНОСТИ, излишняя сексуальность Насти перестала бы его изнурять. Это - как минимум. Весьма вероятным представлялось также преодоление и тех проблем, которые возникли перед Виктором в аналитическом отделе.

- Короче, так, - сообщил полушёпотом Дорошенко. - Речь идёт о вшивании ему биоритмического стимулятора.

- Что он собой представляет? - Настя не дрогнула.

- Простите, Настенька, - Дорошенко потупился. - Хоть вы и наш человек, то есть инженер, но тут вашего образования не хватит. Это не микросхема. Технология изготовления - строго секретна. С виду это... ну, просто овальное тело, вроде речного кварцевого голыша. Совсем маленькое, вшивается под лопатку, даже не заметишь...

- Многослойный кристалл, что ли? - Настя спросила со всей доступной небрежностью, хотя только два дня назад услышала краем уха об этом чуде, питающемся энергией среды и по всем почти параметрам чуть не превосходящем человеческий мозг.

- Ого, - сказал без выражения Иван.

- Ах, да, - Дорошенко улыбнулся. - Я ведь забыл, где нахожусь. Тут у вас действительно... э-э-э... циркулируют слухи. Только, Настенька... Среди здешних учёных принято считать МГ только идеей, которая о-очень не скоро может быть воплощена.

- Значит, тайна? - переспросила Настя. Дорошенко весело кивнул.

- От тайн всегда неприятности, - заявила Настя угрюмо.

- От военных и государственных главным образом, - уточнил Иван.

- Настенька, вы решили с нами не связываться?

- Я ещё не знаю. Сама я подопытной быть уже не боюсь, а тут касается Вити... Я соглашусь, только если оба мы будем знать абсолютно всё. То есть, от нас с Витей - НИКАКИХ тайн.

Доктора переглянулись.

- Что же, любящая женщина, - сказал Дорошенко, - ваше право. Будете знать всё. Но тайну придётся хранить, потому что она не военная и не государственная. Это наша с Иваном личная тайна. Притом - АНТИвоенная.

- А при некоторых обстоятельствах - и антигосударственная, - добавил Иван.

- Страшновато, - оценила Настя.

- Но иначе нельзя, - сказал Дорошенко твердо. - Когда всё узнаете - поймёте. И для облегчения начну я из такого далека, в котором ваш Вита ещё школьник... Однажды некий легкомысленный добряк, - Всеволод Серафимович приложил ладонь к собственной груди, - сконструировал некий прибор и был уверен, что осчастливит им человечество. Как же: выпас скота, охрана заповедников, складов и тому подобная чепуха. Стыдно вспоминать, до чего я был... м-м-м... наивен. Да что там, я был просто ничтожеством! Технический талант и бытовое легкомыслие - вещи несовместные... Первым, кто меня отрезвил, был обыкновенный 14-летний мальчишка.

- Игнат Эвкалиптов?

- Он самый! С вами легко разговаривать... Игнат был одним из детей, на кого обрушилась так называвшаяся "эпидемия спасательства". По всей стране началось нечто вроде войны, в которой участвовали только мальчишки. Одни ломали всю технику, имеющую мотор, другие писали листовки, третьи вели устную агитацию, а Игнат пошёл дальше. Он решил, что корень всех экологических злодеяний человечества - в образовании. Он перестал учиться на одни пятёрки, дважды остался на второй год, начал бить всех, кто стремился к знаниям, а потом ему в руки попал мой инфразвуковой излучатель, и он первого сентября разогнал всю свою школу. Были у него и другие подвиги с ЛУСТом, но я их опущу. Главное здесь то, что я вдруг понял, как опасен этот излучатель. И я выбросил его в реку.

- Но не тут-то было, - Настя знающе улыбнулась,

- Ага-а-а, вы знаете об экопатруле, о походе на плоту... Евгений рассказывал?

- Нет, Вита. Со слов Али.

- А она - со слов Евгения... Представляю... Ну, не так важно. ЛУСТ выловили со дна реки хулиганы, напали на экопатруль, Игнат их обезоружил... А после плавания сей грозный прибор вернулся ко мне.

- И до сих пор спрятан в вашем сейфе, - сказала Настя.

- Если бы! - воскликнул молчаливый Иван.

- Если бы, - подтвердил грустно Всеволод Серафимович. - Отсюда начинается никому не известная история, и вам, Настенька, придётся её узнать, хотя она до сих пор является какой-то тайной: то ли военной, то ли государственной.

- Так можно ли? - усомнилась Настя.

- Нужно, - объявил Дорошенко строго. - Больше я никому не позволю делать из моих работ военные тайны. Взрослым нельзя играть в детские игры - это опасно. Поэтому, Настенька, можете рассказывать мои секреты, о которых сейчас узнаете, кому угодно и обязательно со ссылкой на меня. Итак, я приступаю.

Гений и злодейство.

Никто не упрекнёт меня в так называемой производственной недобросовестности: все изобретения, о которых пойдёт речь, сделаны мною в так называемое свободное от работы время из так называемых отходов производства.

Не могу удержаться от замечания. Ни на какие лавры в этом смысле я не претендовал и не претендую, поскольку любой человек делает за свою жизнь хотя бы одно изобретение, а самые гениальные из них приходятся на долю дураков и злодеев, ибо для того чтобы выжить да ещё при этом облапошить других, дураку и злодею требуется куда больше изобретательности, чем так называемому нормальному человеку. Пример - уже упомянутое понятие "рабочего времени". Ведь только закоренелый дармоед и лоботряс мог додуматься до такого! В самом деле, не будь этих благословенных рамок от девяти до восемнадцати часов, дурак и лоботряс должен был бы жить в состоянии постоянного умственного напряжения, как это свойственно нормальным людям с нормальными мозгами. И вот дурак и лоботряс не только изобретает "рабочее время", но и прилагает изрядные усилия, чтобы обратиться к законодательной власти - иначе ведь это дурацкое изобретение не узаконишь. И далее, пользуясь тем, что у нормальных людей нет времени на интриги, дураки и лоботрясы прибирают к рукам все властные структуры и в своё удовольствие глумятся над нормальными, изобретая для них всё новые рамки, для преодоления которых нормальным приходится извращать свою нормальную изобретательность самым дурацким образом. То есть, глупость - болезнь заразная, притом активно заразная, сознательно и бессознательно стремящаяся оболванить всех, шагающих не в ногу с ней... На этом я, не раз уже оболваненный, но

не смиренный, заканчиваю замечание и перехожу к сути дела.

Инфразвуковое лучевое устройство, для простоты именуемое ЛУСТом, мирно лежало у меня в сейфе, и я не намеревался никому больше его показывать, чтобы не разделил он судьбу некоторых других моих работ. Например, мой импульсный генератор для передачи больших энергий на большие расстояния без проводов превратили в заурядную антиракетную пушку... Я решил: пусть ЛУСТ подождёт лучших времён.

Но что же получилось?

Ровно полгода жизнь была прекрасна. В рабочее время я вправлял мозги ЭВМАПу, с которым, то есть, с которой вы уже несколько знакомы... А с восемнадцати до девяти оставалось время на тот самый многослойный кристалл, которому ещё до рождения было придумано имя "Микрогений", или проще - МГ. Даже иногда казалось, что вот-вот появится проблеск в личной жизни... И вдруг является без звонка куратор в штатском и приглашает принять участие в испытании какого-то, прошу прощения, идиота. Я, естественно, отказываюсь на том основании, что идиоты - не мой профиль, что и без этих испытаний вокруг полно разных идиотов, которые наперебой испытывают меня самого. В ответ куратор заразительно смеётся и уточняет, что там будет не простой идиот, каких действительно много, а пока единственный экземпляр. И расшифровывает: ИДИОТ - это Излучатель Дорошенко, Индивидуальный, Оперативно-Тактический. И объясняет: то карманное устройство, которое изготовлено мною в единственном экземпляре и хранится в моём сейфе, теперь несколько увеличено - до размеров пехотного ручного гранатомёта - и работает уже не на двести метров, а на шесть километров, но режимы работы те же - гипнотическое состояние, паническое бегство и обморок. Мне захотелось швырнуть гостя на пол и растоптать, но это было бы уже поздно и неконструктивно. Я спросил: "Но за что же ИДИОТ-то?" Он спокойно ответил: "Это армейский юмор. На случай авторского несогласия заготовлена ещё одна, менее точная, но и менее броская аббревиатура: ИДОЛ - Излучатель Дорошенко, Оперативный, Лёгкий. Ну, как?" Я чуть было не назвал идиотом его самого, но вовремя сообразил, что восклицание: "Идиот!" этот идол может понять как согласие с первой аббревиатурой. Пришлось молча отправиться с ним на полигон, где мне и был предъявлен этот пехотный, точнее - противопехотный - ИДИОТ. Его держал на плече какой-то солдатик.

Стратегию своего поведения мне, несмотря на крайний гнев, удалось разработать по пути. Всё строилось на одном вопросе и целиком зависело от их ответа. Ответ нужен был только отрицательный.

Едва выйдя из машины, я без ошибки определил главного среди тамошнего начальства и сходу спросил: "Надеюсь, ЕГО ни разу не включали?" Ответ был, к счастью, ожидаемый да ещё с такой приятной для меня добавкой: "Боялись без вас". Я был в восторге: если военные боятся, это означает, что они думают, а если они думают, тогда для нормальных людей не всё потеряно. Я велел приказать солдатике, и ИДИОТ был положен на стол. Я напустил на себя неприступный вид, достал из кармана случайно там оказавшуюся отвёртку-индикатор и велел всем - от греха, мол - укрыться в бункере. Когда рядом не осталось никого, подошёл к столу.

Минут через двадцать я перестал делать вид, что изучаю прибор. Там всё было правильно скопировано, он вполне мог, наверно, обратить в бегство всё живое в радиусе шести километров, но я нашёл-таки, к чему придраться, поблагодарил всех за осторожность и забрал прибор в свою лабораторию "на доработку".

Ещё одно отступление. Я вынужден его сделать, чтобы объяснить свои последующие действия. Сейчас мне уже за сорок и я научился думать о людях так, как они того заслуживают. Вспоминаю, как мои друзья мальчишки гонялись друг за другом с первым ЛУСТом, и удивляюсь, как не пришло в голову ещё тогда, что подавляющее большинство людей так и не становятся никогда взрослыми. Это - ужас человечества. Генералы, министры и всякие там председатели с тем же азартом размахивают какой-нибудь опасной игрушкой и гоняются друг за другом. Чаще всего такой игрушкой становится призрак превосходства. Ни одно объяснение в его пользу не выдерживает критики. Победитель в этой гонке гниёт на более престижном кладбище, поближе к воротам, а черви и бактерии старательно уравнивают его с побеждёнными. И новые борцы проводят жизнь в страхе перед поражением, в новой погоне за всё более совершенными средствами превосходства. Для этого обманывают, похищают, предают, не останавливаются и перед убийством. Всерьёз за это я на людей не сержусь - дети есть дети. Но чинить препятствия их опасным шалостям каждый взрослый обязан, и я по мере сил это делаю.

Поскольку мой аккумулятор годится только для карманного излучателя, его я и превратил в камень преткновения. Обосновать непригодность разовых батарей или стационарных источников питания было делом техники. Настоящей же проблемой для меня служила "защита от дурака": сделать ЛУСТ и ИДИОТ гарантированно недоступными для взломщиков. Питание защиты от сети исключалось, и решение было простым: я поместил карманный ЛУСТ в светильник под потолком своей лаборатории, и всякий, кто посягнул бы на сейф или на сам светильник, подвергся бы парализующему удару широким лучом, а над дверью загорелась бы предупредительная лампочка.

Обезвредить установку можно было только карманным кодовым телевыключателем, с которым я никогда не расстаюсь. Детям в погонах хватило одного такого "взлома", чтобы навсегда забыть дорогу к моей лаборатории. Да и сам я помог им в этом: устроил изрядный скандал, потребовал усиления охраны объекта...

До сих пор удавалось мне затягивать работу над системой питания для ИДИОТа, но на днях состоялась беседа, из которой следовало, что меня поняли и больше ваньку валять не дадут. Прошу прощения у доктора Терехова... Пришлось пообещать, что через неделю прибор будет готов к испытаниям. Неделя ещё не истекла, она только начинается. Я как раз в отчаянии, потому что чую: они уже собирают - или даже собрали - второй такой же прибор, и непутёвое детище может совсем тогда отбиться от моих рук. Нужен напарник, который помог бы что-то предпринять. Но это должен быть ДОБРЫЙ гений...

Тут я вынужден сделать третье отступление, последнее. Пушкин сказал, что гений и злодейство - несовместимы. Он был прав, если иметь в виду одного человека, притом именно гения. Увы, эта элементарная поправка сводит правоту Пушкина к неувовимо малой величине. Вокруг любого доброго гения всегда полно злодеев, а для них проблема совмещения не существует - было бы ИХ, злодеев, желание. Ибо, как сказано в первом отступлении, злой дурак в своих интересах куда изобретательнее гения. К тому же, у злых дураков наивысшая способность к объединению в стаю, а в стае они непобедимы. Ну, почти непобедимы. Скажем, до тех пор, пока против них не объединятся гении. Правда, у гениев нет тяги к стайному действию: они чувствуют, как стая их оглушает. Только острая опасность толкает их к объединению... Вот потому я и утверждаю, что сам Бог послал нам с Иваном такого человека, как Виктор Маков - сильного, доброго и волевого, то есть воле стаи не поддающегося.

- Вы хотите поручить ему испытание ИДИОТа? - догадалась Настя.

- Более! - ответил с жаром Дорошенко. - Гораздо более! Я хочу, чтобы он помог мне в последней попытке не допустить употребление инфразвука в качестве оружия. И ещё я хочу испытать МГ с помощью человека... ВЗРОСЛОГО.

- Вы с порога уверены в полном успехе?

- Увы, - Дорошенко почему-то смутился. - Никаких сомнений.

Иван тоже смущённо нахмурился и вздохнул.

- Поговори теперь ты, - сказал ему Всеволод Серафимович. - Я что-то устал.

- Знаете, Настя, - Иван начал так, будто жаловался или оправдывался, - эта штука... этот МГ...

Он уже испытан... На нас обоих. Вшивали мы его друг другу... Дядя Сева!

- Да вшивали, вшивали! - Дорошенко махнул рукой и отвернулся.

- И что же? - Настя игнорировала их смущение.

- Ну дядя Сева! - Иван рассердился. - Ну не могу я, мы же одноклассники!

- Ладно уж, - Дорошенко повернулся к Насте. - Я так я. Тут, Настенька, есть одна особенность. Нам пока непонятная. Не вредная, не опасная... Обидная... Иван её предсказывал. Я - не верил. Но, похоже, доказано. Витя может поставить точку... Не понимаете?

Он смотрел с надеждой.

- Нет, - отрезала Настя. - Давайте уж.

- Н-ну, - Дорошенко вдруг улыбнулся, будто сделал находку, - тогда ещё одно замечание, вместо предисловия. Вопрос: согласны ли вы, что талант есть в каждом человеке?

- И не один! - Настя не сомневалась.

- Правильно! Но дело ещё в том, чтобы эти таланты в человеке раскрыть и развить. Верно? Верно. И решить эту задачу должен сам человек, сам носитель таланта. Никто же это за него не делает. Верно?

На все такие вопросы Настя настороженно кивала, не улавливая, куда он клонит.

- А если человек ничего в себе не открыл и не развил? - Дорошенко продолжал в вопросительном тоне. - Как ему жить? Неважно, невезуч он, ленив или абсолютно бесталанен. Важна заурядность. Таким людям снятся стихи, мелодии, какие-то конструкции, их наяву посещают смутные догадки, которых гению хватило бы для открытия, но с догадками они не справляются, а сны забываются с первым лучом света. И таких много, если не большинство. Верно?

Насте снова пришлось кивать.

- Вот один из таких нам и нужен, - сообщил неожиданно Всеволод Серафимович. - И только такой, а вовсе не из тех, кто уже состоялся хотя бы в чём-то одном.

- Вполне бесталанные нужны, - спокойно подытожила Настя. - А вы с Иваном такими, К СОЖАЛЕНИЮ, не являетесь.

- Нескромно признаваться, однако факт, - Дорошенко вздохнул с облегчением, пройдя в беседе самый острый момент. - Вот это Иван и предсказывал. И, например, вам, Настенька, этот МГ не помог бы ни в чём.

- А Витя, значит, по-вашему...

- Да не знаю я! - поспешно прервал Дорошенко. - Я только надеюсь, что он подходит. Вот и Иван

подтверждает. Иван посмотрел на него укоризненно.

- А сильная воля? - Настя уже не могла сдерживать обиду за мужа и спасителя. - А доброта?

- Сильная воля, - Иван вмешался как-то радостно, - это качество не врождённое. Она не открывается, а воспитывается. И доброта - тоже не талант.

- Как?! - вместе с Настей это воскликнул и Дорошенко.

- А вот так, - Иван был невозмутим. - "Талант доброты" - это просто фигура литературной речи. На самом же деле доброта - свойство не разума, а души. Талант безлик и материален, а доброта - непроеизводительна.

- Груб ты, Иван, - пробормотал Дорошенко.

- Доброта, - продолжал Иван размеренно, - так же непроеизводительна, как любовь, как жестокость, трусость, как способность удивляться, грустить, сердиться. ДУША - ВНЕ НАУКИ. Понимаете меня? Ваш МГ, дядя Сева - я уже несколько раз вам говорил - усиливает только ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ И ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ способности. А для души нужно другое - нематериальное нечто.

- Всё, - сказала Настя, - я поняла. Это - не горе. Но говорить об этом Виктору я не буду. И вы не говорите. Если станет гением, поймёт сам, а пока - нужно для дела, и всё. Ему будет достаточно. А если не получится, тогда можно будет сказать о таланте доброты или о сильной воле...

- На-астя! - выдохнул Дорошенко. - Я восхищаюсь вами! Боже мой, Ванька, ты посмотри, сколько в этой юной особе талантов и какая мощь характера!

- Ладно уж, - Настя отмахнулась. - Не сластите. От того, что Витя не гений, я его меньше любить не стану.

- Кстати, любовь не бывает меньше или больше, - возразил великий теоретик. - Тут система двоичная: или есть или нет.

- Тем более, - сказала Настя.

- Он будет гением, - заверил Иван. - Я ведь знаю его с детства. Они с МГ созданы Друг для друга.

- А то, что он рыжий и седой - ничего? - спросила Настя. Учёные мужи оценили шутку по достоинству.

В тот день, когда МГ вшивали Виктору под кожу, Настю охватила паника. Необъяснимая и отчаянная, с виденьями неясных преступлений, связанных с еще не известными свойствами, которые приобретает простой и добрый человек, и без того от жизни потерпевший. Настя казнилась плохо осознаваемой виной, порывалась броситься и запретить операцию, отвести неведомые угрозы... Пришлось дать волю инженерному разуму, и женская душа с тяжёлым вздохом покорилась неизбежному. Раньше надо было сопротивляться, когда охмуряли и льстили эти два умника. Или ещё раньше, в городке Новом, когда так хотелось наложить на себя руки, а Витюшка начал спасать...

"Белая обезьяна".

Сухой занервничал с утра. Две недели без допроса - это не баран чихнул, это означает серьёзную подготовку к большому подвоху. Юный пинкертон Малюхин настырен выше всякой меры, он просто так не отступит. Ему крайне важно повесить этот грабёж с убийством на Сухого, потому что тогда - верные два зайца: матёрого рецидивиста упрячут на предельный срок, а то и "вышку" дадут, пинкертона же повысят в должности и в звании.

"Ну, нет, пацан, - думал Сухой, - не будешь ты ни старшим инспектором, ни старшим лейтенантом. Ты слишком любишь рисковать, а тебе это по должности не положено".

Все две недели Сухой готовился отбить любой удар и вот сегодня, наконец, занервничал. Стало быть, пинкертон закончил строительство козней и после завтрака пришлёт погонялу. Сухой вышучивал сокамерников, насмехался над коридорным и вообще - настраивался на дуэль. Он ЧУЯЛ - всё будет сегодня.

После завтрака, не успели облизать ложки, за Сухим явился конвоир.

Лейтенант Малюхин в последний раз обошёл установку, в последний раз спросил эксперта, не подведёт ли техника, и, расслабившись, сел к столу.

Поединок с грабителем до сих пор складывался неудачно, дело двигалось к тому, что придётся негодяя отпустить, и он снова оправдывает своё прозвище - Сухой. Впрочем, он утверждает, что это не прозвище, а самая настоящая фамилия, просто собственный паспорт у него похитили, поэтому он был вынужден временно воспользоваться чужим, случайно подобранным на улице, и потому откликаться намерен только на своё настоящее имя - Сухой Остап Сулейманович, хотя любому ясно, что оно бесстыдно и без спросу взято у знаменитого литературного персонажа и нарочно так подстроено к фамилии-кличке, чтобы инициалы складывались в международный сигнал бедствия - СОС. Эти три буквы, только латинским шрифтом, мерзавец пишет на местах своих преступлений. Так он сделал и на этот раз: угрожая пистолетом, в одиночку ограбил троих спекулянтов, прикрытых, правда, вывеской шашлычного кооператива, и уехал на их же автомобиле, затем на ходу прыгнул в

пригородный поезд, на ходу сошёл с него и был взят только на второй день - слегка навеселе и без денег: около трёх сотен разномастными купюрами для такого - не деньги. При нём оказался пистолет-зажигалка, из тех, что изготавливают заключённые в исправительных учреждениях, точная копия настоящего "вальтера". Пистолет кооператоры сразу опознали. Но они опознали бы и револьвер, и автомат. Они даже деньги опознали! Как не опознать... Одним словом, если сейчас эксперимент провалится, финал возможен в двух вариантах. По первому этот бандюга, которого, вон, уже вводят в лабораторию, заплатит символический штраф за ношение копии пистолета и уберётся на волю, а следователь утрётся. Вариант похуже - оба получат по замечанию: Сухой - вместо штрафа, Малюхин - о неполном служебном соответствии. У шашлычников в обоих случаях плачут денежки - около восьми тысяч - не бог весть какая сумма для всех участников, кроме низкооплачиваемого инспектора Малюхина. Как говорил поэт: "За что боролись?"

- Доброе сегодня утро, Евгений Владимирович, - сообщил, входя, грабитель.

- Садитесь вон туда, - сухо указал Малюхин.

- Я извиняюсь, ежели что, - Сухой недоверчиво оглядывал кресло. - Мы университетов не кончали, нам бы чего попроще. Я пыток с детства не переношу.

- Не бойтесь, пытаться вас не будут, - Малюхин усмехнулся. - Мы с вами, Остап Сулейманович, вместе и безболезненно убедимся в вашей невинности...

- А мне в ней не надо убеждаться, - перебил Сухой. По слишком мирному тону следователя он почуял, что за него хотят взяться круто, и потому решил держаться поагрессивнее. - Если так хотите, давайте убедимся в вашей. - Сухой резко повысил голос, до металлического звона со слезой. - Почему ко мне применена пытка молчанием - две недели без допроса? Почему меня хотят пытаться электричеством? Я требую присутствия при допросе прокурора и адвоката! Я заявляю следователю отвод!

- Да в чем дело? - Малюхин засмеялся. - Дайте ему табурет! Конвоир подал табурет и встал за спиной - на случай буйства. Сухой было хотел этим возмутиться, но решил, что будет перебор: ничего не добьёшься, а обратно в камеру могут усласть ещё на столько же, да ещё в одиночку - это скучно.

- Остап Сулейманович, - сказал вкрадчиво Малюхин, - анализ вашего почерка подтвердил, что надписи "СОС", которые сделаны мелом на спинах потерпевших, выполнены вашей рукой. Вас это не убеждает?

- Что за надписи? - Сухой пожал плечами. - Покажите мне любой почерк, я вам любые три буквы хоть как нарисую.

- Ясненько, - следователь кротко вздохнул. - И пальцы одного из пострадавших на одной из ваших купюр вас тоже не убеждают...

- Конечно!.. Может, я как раз у этих шашлычников подкреплялся. Перед нашей с вами встречей. Я их хотя и презираю, но шашлычок-то все любят... Кстати, грабить этих так называемых кооператоров очень даже нужно. Правильно кто-то сделал. Даже жалко, что не я. Ишь, спекуляторы... Мироеды...

- Ясно, ясно, - Малюхин остановил его жестом. - Ну, хорошо. Остаётся последняя формальность - и вы свободны.

Он взглянул за спину Сухого и коротко кивнул. Сухой начал поворачивать голову назад, но в него вцепились сразу четыре пары дюжих рук, подняли, перенесли в кресло и, как ни отбивался, быстро пристегнули ремнями за руки, за ноги и даже за шею, а на голову надвинули колпак вроде рыцарского шлема. Своё уродливое, опутанное проводами отражение Сухой разглядел в темном экране телевизора, установленного на столе прямо перед его носом.

- Гады, суки, мусора, фараоны, менты позорные и так далее, - Сухой перебрал все оскорбления в адрес исполнителей власти и мрачно затаил, экономя силы для предстоящего испытания, вздрагивая от каждого прикосновения резиновых присосок.

Некоторое время тянулась тишина, затем раздался щелчок, и экран засветился.

- Гордитесь, Сухой, - раздался голос Малюхина. - К вам первому будет применено ментоскопирование. Вероятно, вы не знаете, что это такое, поэтому слушайте внимательно. Ментоскоп - это не от привычного для вас слова "мент". Это прибор, способный снять глубинные сигналы из вашего мозга и в виде образов передать их на экран. Думайте о чем хотите, но упаси вас бог подумать о том, как вы грабили бедных кооператоров, потому что все подробности своего преступления вы тут же увидите на экране, а мы запишем их на видеоплёнку, которая и послужит неопровержимым доказательством вашей вины на суде.

- Не имеете права! - Сухой задёргался и захрипел. - Вы что придумали, гидры легавые, нет такого закона, будем жаловаться на вас в ООН...

Когда он устал бушевать и затаил, раздался голос Малюхина: "Незнание закона не служит оправданием" и последовал щелчок. В шлеме послышалось лёгкое гудение и потрескивание, кожу стало слегка пощипывать и покалывать. На экране что-то замельтешило.

Сухой в бессилии зарычал. И в ту же секунду вспомнил, что ни в коем случае нельзя думать о

грабеже. Не думать о грабеже. Не думать о грабеже...

Он смотрел, как по экрану мечутся неясные тени, и изо всех сил не думал о грабеже, приказывал себе не думать о маленькой железной двери с черного хода, которую открыл своим инструментом.

И дверь возникла на экране. Он видел её всю, потом она приблизилась, и рука - его рука! - ввела инструмент в замочную скважину.

Не думать, не думать об этом!

Но глаза Сухого не отрывались от экрана, а на экране уже распахивалась дверь, бежал навстречу короткий тёмный коридорчик, распахивалась вторая дверь, и в свете двух ламп, горящих под потолком, от стола, от мисок с супом - он вспомнил запах супа! - поднимались три лица, а по ним, чертя стволом игрушечного пистолета, влево-вправо ходила твёрдая рука - его рука! Трое встали и положили ладони на стену. Пистолет приблизился к ним вплотную. Другая рука обхлопывает карманы...

Все происходит молча, только один раз крайний справа поворачивает голову и говорит - громко говорит своим голосом! - "Деньги в портфеле". Спины отодвигаются, виден пол, портфель, снова спины, портфель уже на столе, всё время в кадре пистолет, портфель раскрыт, но там не деньги, а какие-то бумажки. Сближение с обманщиком, удар в висок рукояткой пистолета, тело съезжает по стене, как весенний снег по крыше. Сосед убитого, не поворачивая головы, произносит глухо: "В морозилке". Движение к холодильнику, изъятие полиэтиленового пакета с деньгами, помещение денег в портфель... Две спины опять приближаются, к одной из них протягивается рука - его рука! - и пишет мелом первую букву... .

- Хватит! - Сухой зажмурился, замотал головой, захрипел. - Вырубай, пинкертон хренов, сдаюсь, будь ты проклят!..

Всхлипывая и жалобно матерясь, он подмахнул протокол допроса: "С моих слов записано верно..."

- Вас отведут в общую камеру, - сообщил Малюхин дружелюбно.

- Когда суд? - прохрипел Сухой.

- Суд послезавтра, Остап Сулейманович. Кстати, как всё же ваше настоящее имя-отчество?

- СОС, - ответил поверженный грабитель. Сцепил руки за спиной и пошёл к двери, угрюмо потупив лобастую голову.

- Неплохо для начала, - оценил эксперт, отключая приборы и сматывая провода. - Как там эта легенда про белую обезьяну?

- Это, кажется, о рецепте бессмертия, - сказал Малюхин. - Алхимик дал его владыке, но предупредил, что при составлении зелья ни в коем случае нельзя думать о белой обезьяне.

- А владыка перечитал рецепт перед работой и - попался!

- Мы тут сами чуть не попались.

- Кому?

- Да ему же. Сухому. Руку давали всё время крупным планом, он мог заметить, что солнышко не на месте.

- Татуировка?

- Да. У него лучи достают до суставов всех четырёх пальцев, а у нас - только до среднего. Я сейчас разглядел, когда он расписывался.

- Он не заметил, - эксперт рассмеялся. - Он был слишком потрясён.

- Спасибо белой обезьяне, - сказал Малюхин без улыбки.

- Жаль, что она поддельная, - вздохнул эксперт. - А до настоящей нам - как до Луны.

- Увы, - Малюхин тоже вздохнул. - Таланты из науки расползаются. По углам, по щелям, где больше платят... Ну, мне надо поспешить с оформлением дела. Пусть телевизор поставят в комнату отдыха, а дарсонваль надо бы вернуть в санчасть.

- Сделаем, - пообещал эксперт. - Только что же будем делать, если он нас подловит на этой наколке?

- Я покаюсь, - Малюхин развёл руками, - но не в том, что погрешил против честности, а в том, что не сумел переиграть преступника. Что до тебя, то твоё дело техническое. Скажем, чисто научный интерес.

- Да уж! - эксперт снова развеселился. - Если он сейчас обманывал, то очень убедительно.

По случаю большого поражения Сухому было разрешено днём лежать на койке. И он лежал, глядя в потолок и не слыша приглушенного разговора сокамерников, исполненных иронического сострадания к погоревшей знаменитости.

- Не верю, что его ни разу не раскололи, - говорил один.

- А ему твоя вера побоку, - отвечал второй. - Ты третий срок будешь тянуть, а он - снова сухой.

- Он сразу под "вышку" пойдёт, - возражал третий. - А если дадут пятнадцать лет, придётся менять кликуху.

- Будет тогда Полусухой...

Трое захихикали.

Последние слова дошли до слуха Сухого, и он усмехнулся одними глазами.

"Болтайте, болтайте, шелупонь, - подумал налётчик. - Только имя менять мы погодим. Мы подождём до послезавтра и на суде потребуем, чтобы следствие предъявило так называемую ментограмму. Разумеется, ничего настоящего мистер пинкертон не предъявит, ибо неплохо снятая его инсценировка грешит двумя серьёзными недостатками. Во-первых, по бедности, не имея собственной аппаратуры, господин сыщик воспользовался камерой, которую изъял у меня дома при обыске. Она зарубежная, маленькая, её легко пристроить на лоб и снимать подобные сюжеты пачками. Но есть у неё особенность, заметная только опытному глазу. Съёмка ведётся с обычной скоростью, но после каждого 24-го кадра делается пробел, предусмотренный Фирмой на тот случай, если владельцу камеры понадобятся в его фильме рекламные вставки. Двадцать пятый, рекламный, кадрик мелькает будто бы незаметно, не мешая смотреть фильм, но в памяти остаётся. Когда же он не вставлен, камера оставляет на его месте пробел, заметный только специалисту. На одном этом вас, ребятки, можно легко поймать. Но есть улика посерьёзнее - татуировка на правой руке... Кстати, и колпак из процедурного кабинета - чем не улика? Хотя и сняли мне попутно головную боль, но это не повод, чтобы сознаться на отсечение головы. Граждане судьи! Отказываюсь от своей подписи под протоколом допроса, ибо поставил её из страха перед электрическими пытками, которые следствие проводило с помощью аппарата Д'Арсонваля, и пытками нравственными - с помощью моей же кинокамеры. Я мог бы разоблачить инспектора Малюхина сразу на месте его служебного преступления. Но уж очень ему хочется стать на звёздочку шире в плечах. Почти так же, как мне хочется быть свободным. Свободным с самой большой буквы. Посодействуйте нам обоим, граждане судьи: пусть каждый получит по делам своим... Самое главное, конечно, что крайний справа от моего удара не умер: даже в кино, гад, снимается. Но этого я уж судьям говорить не буду".

"Что до ментоскопирования, - думал, засыпая. Сухой, - то реализация этой бородатой идеи доступна пока, к счастью, только технически начитанным фантастам. Тут нас не проведёшь, ибо, хоть мы и не кончали университетов, но институт радиоэлектроники нам в молодости осилить случилось. Пусть давно и заочно, зато с отличием и досрочно".

В это же самое время лейтенант Малюхин думал о белой обезьяне. Он думал: попутала, нечистая сила, перебежала дорожку, подвела под монастырь, сбила с панталыку. Он думал: даже идее такого допроса была грош цена, а уж протоколу - и того меньше, потому что глаза Сухого выдали: всё он понял, даже кинокамеру свою мог узнать и о прочем мог догадаться. Малюхин думал: а если уж честно, то с самого начала не было мне жалко этих спекулянтов, как не было и к Сухому никакой злости: о нём говорят, что за всю жизнь не ограбил ни одного приличного человека. И если уж до конца честно, думал Малюхин, то эта неудача с Сухим - прекрасный повод уволиться и вступить в Лигу Частного Сыска - там во всяком случае можно выбирать себе противников по душе".

Последняя строчка рассказа уползла с экрана, и возникло:

"Конец" - огненным по бирюзе - любимое цветосочетание ЭВМАПа в наилучшем настроении.

Марина сделала последнюю пометку в блокноте и посмотрела на Всеволода Серафимовича с сомнением:

- Н-ну-с, папа... Будем хвалить? Или как?

Дорошенко, давно привыкнув, что по каналу Марина - машина идут одни похвалы, не скрыл удивления:

- Хочешь сменить стиль воспитания? По-моему, не повод. По-моему, рассказ наиболее приличный.

- Особенно потому, что опять о твоём любимом Евгеше. Марина говорила ласково, это означало скепсис.

- Дело не в герое, - Дорошенко возражал осторожно, но твердо. - Раскрытие темы...

- Ничего себе тема! - ласковости как не бывало. - Да она - самое слабое место, если на то пошло.

Преступный метод - против преступника!..

- Проблема эта вечная, - возразил Дорошенко.

- Но ведь её недостаточно ставить из века в век, надо решать когда-то! Для чего нам "Абсолютный Писатель", если он только СТАВИТ проблемы?! Таких писателей у нас и без него - пруд пруди.

- Не больно-то запрудили, - Дорошенко улыбнулся миролюбиво. - От художника вообще нельзя требовать решений.

- Не только можно, но и должно, папенька! Не забывай, что перед нами не рядовой художник. Абсолютный! И спрос с него - такой же.

- Нет, погоди, - Дорошенко был само терпение. - Кажется, не того ты требуешь.

- Да нет же, как раз того!

- Всё-таки позволь мне договорить.

Он сказал это так твердо, даже строго, что Марина засмеялась.

- Мы, папа, кажется, поменялись ролями. Физику захотелось побыть психологом? Ну-ну, прошу.

- Мне кажется, - продолжал Дорошенко спокойно, - ты пытаешься переменить у ЭВМАПа функции. Он...

- ОНА!

- Ну, хорошо. Она пишет, по-человечески говоря, с помощью правого полушария, эмоциями. А ты пытаешься потребовать от художника инженерной работы.

- Папа ударился в лирику! - Марина захохотала. - Папа забыл, что перед ним не человек, а всё же машина! А у электронного мозга, насколько мне известно, нет ни правого, ни левого полушария.

- А вот в этом я начинаю сомневаться, - Всеволод Серафимович стал вдруг хмур. - Система-то самообучаемая. Притом, до таких глубин, что и прогнозировать не решусь... Погляди-ка!

Он кивнул на экран. Там к огненному слову "КОНЕЦ" прибавилось ещё одно, и полученная фраза, будто хохоча, замигала и запрыгала.

- "КОНЕЦ СВЕТА!" - прочла Марина. - Интересно. Ну, и в чей же это адрес, детка?

"ПУСТЬ КАЖДЫЙ НЕСЁТ СВОЙ ЧЕМОДАН". Слово "свой" выделялось яркостью.

- Беда, коль сапоги начнёт тачать пирожник, - продекламировал Дорошенко. - Что, мама, согласимся?

Марина всё ту же скручивала рулончик бумаги с рассказом. Она молчала не меньше минуты, после чего улыбка её погасла.

- Вот что. Сева... В моём чемодане, кажется, начался кавардак. Сначала я радовалась эмоциям этого устройства, - она кивнула на выжидательно опустевший экран, - потом почувствовала, что этого мало. У тебя тем временем всё происходило наоборот: ты видел в нём только машину, потом признал его эмоции. Но в этом встречном движении мы оба, кажется, проскочили какой-то предел. Равновесия нет, тебе не кажется?

"ВОТ-ВОТ!"

Дорошенко взглянул на экран и усмехнулся.

- Это устройство отвечает за меня, Мариша. Ну, что ж, давай вернёмся к своим чемоданам: ты анализируй текст, а я... поглядим.

Марина отложила рассказ и взяла блокнот.

- Начнём, коли так. Первое: форма. Стиль данного сочинения в целом недурён, можно даже похвалить за суперметафору: в голосе "металлический звон со слезой". Осязаемо. А вот с прямой речью - некоторый ералаш. Я тут усматриваю дурное влияние одного нашего знакомого литератора: его всё время тянет куда-то в сторону от грамматики.

Оба поглядывали на экран, но Абсолютный Писатель на критику формы не отреагировал.

- Теперь о содержании, - продолжала Малина. - Тут просто вопрос на вопросе. Почему Бог - дважды! - нарочито с маленькой буквы? Демонстрация атеизма? Безбожия? Невежества?

- Не надо повторяться, - Дорошенко усмехнулся. Экран ему подмигнул.

- Далее, - продолжала Марина. - "Отток учёных по щелям" - это звучит неубедительно, как пасквиль...

- Пока убедимся, как раз все и разбегутся. Лучше бы платили больше.

- Мы же с тобой не разбегаемся...

- Зато отвлекаемся. А автору приходится ждать. Давай дальше.

- Извольте. Уже во втором рассказе видна тенденция к принижению роли милиции. Вот доблестные частные детективы, а вот милиция - сплошь "му-му". Теперь - незаконные методы...

- Это не ты говоришь, - перебил Всеволод Серафимович. - Это твой неправильно понятый долг перед государством.

- То есть?

- Да так, что, работая в государственном учреждении, ты чувствуешь себя обязанной больше симпатизировать государственной милиции, чем частному агенту. На самом же деле перед государством у каждого из нас один долг - налоги платить. Всё прочее - от лукавого. А в рассказе этом мы должны видеть не конкуренцию двух служб в охране нашего спокойствия, а нестандартную личность - моего любимого героя Евгешеу.

- Хорошо, давай о Евгеше. Он, конечно, обаятельный, но в обоих рассказах он - НЕ НАШ герой. Слишком неуправляемый. Я, правда, знаю его хуже, чем ты... Да и выдумки тут слишком много. Я же помню, ЧТО он здесь рассказывал: гораздо короче и с другими акцентами... А ОНА - додумала за него, за преступника и обоих вывернула так, что они чуть ли не ролями меняются... Теперь, кстати, о ментоскопировании. Неужели это в самом деле так уж неосуществимо?

- Да-а, - протянул Дорошенко, - вопросы у тебя - один к одному... Начну с конца. Если взяться за проблему ментоскопирования, решить её уже можно. Но я не возьмусь, ибо имею на то веские причины.

- Какие?

- Не будем отвлекаться. Боюсь тебя, Мариша, разочаровать, но Евгения Малюхина я знаю и

люблю именно таким, как он здесь нарисован. Например, служа в морском десанте, он самовольно уничтожил старую германскую мину, потому что в результате его УСТАВНЫХ действий она могла сорваться с якоря и натворить немало бед. Сам он при этом едва не погиб, но спас, думаю, многих. А сразу после госпиталя опять вмешался не в своё дело - и опять спас человека. Потом, уже в Томске... Но я отвлекаюсь. Давай-ка сделаем из Евгеша независимого эксперта: пусть приедет и оценит рассказ.

- Пойдём ему звонить, - Марина встала. - Он ведь в городе?

Дорошенко понял, что у обсуждения намечается конфиденциальная часть, и вышел вместе с ней в соседнюю комнату, где был телефон. Пока набирал номер Малюхиных, Марина сказала:

- Не нравится мне ЕЁ поведение. Это какая-то изворотливая наглость: самой себя критиковать, чтоб нам не досталось.

Получив согласие Евгения прибыть немедленно, Дорошенко позволил себе удивиться:

- Это где ж ОНА себя критиковала?

- Да вот! - рассказ был у Марины с собой. - "Что до ментоскопирования,.. то реализация этой БОРОДАТОЙ идеи доступна пока, к счастью, только технически начитанным фантастам". А? Явная авторская самокритика, упреждающая действия, скажем, нас с тобой.

- Ну, допустим, самоирония. Чем же это плохо?

- Это опасно, Севочка. При любом таланте этот Абсолютный Писатель должен питать почтение к нам, людям, Создателям своим! А он...

- ОНА, - поправил Дорошенко без улыбки. - И вот что, Мариша... Ты меня испугала. Если так будем обращаться с этим УМОМ, можем получить не художника, а раба.

- Фи, - Марина смотрела вызывающе. - Будто не было художников среди рабов.

- Были. Но не бывает рабов среди художников.

- О-ох, - с лица Марины слетел азарт, осталась озабоченность. - Позволь, я это запишу.

- Тогда, - Дорошенко развеселился, - запиши заодно, как называется художник, который добровольно стал рабом.

- Давай.

- ТВАРЬ ТВОРЯЩАЯ.

- Хм... Жутковато.

Марина остановила перо и задумалась.

Вскоре приехал частный сыщик Евгеша и, прочитав рассказ, расхохотался.

- Ну, ты даёшь! - хлопнул машину по столу рядом с монитором, где, по его представлению, полагалось находиться плечу. - Один к одному вычислила! Ну, техника! Дядя Сева, а ментоскопировать она умеет?

- Нет-нет-нет! - поспешил Дорошенко. - Ни малейшего понятия! Только фантазировать. Мирно фантазировать. Понял?

- Понял, - Евгений так и держал ладонь на "плече" машины, глядя задумчиво. - А жаль. Хороша техника. Наш человек. "БРАВО, БРАТ ПО РАЗУМУ!"

- Ого! - воскликнула Марина. - Безупречная аллитерация!

"БЕЗУСЛОВНО БЕЗУПРЕЧНО".

- Вот видишь, - сказал серьезно Дорошенко. - Самоирония вовсе не вредна.

- Что ж, хорошо, - Марина встала и ярко чему-то улыбнулась. - Сегодняшним днём я довольна.

Всем - пока!

И сразу ушла, забрав рассказ на столе.

- Как поживаете, дядя Сева?

- Сам видишь, друг Евгеша. Одно утешение - вот эта умница.

- Да, она у вас делает успехи.

- Кое в чём даже неожиданные.

"НЕ ТВАРЬ ТВОРЯЩАЯ".

Если бы Всеволод Серафимович не сидел спиной к окну, Евгений увидел бы, как он побледнел. Но Евгений не увидел. Он восхитился.

- Гениально! Тварь творящая - это ведь продажный художник, да? Умница! Как вам повезло, дядя Сева!

- Да-да, конечно, - Дорошенко грустно улыбнулся. - Ослику Иа подарили его собственный хвост. Расскажи-ка лучше о себе. Как Аля, как Матвей, как родители, как работа? Что-то я совсем от вас отбилсь.

- Точно. Родители огорчатся, что вы отбились. Но думают, что это связано с устройством личной жизни, поэтому прощают и всегда ждут в гости. Матвей почти научился читать. Ходит в секцию ушу и бормочет что-то по-китайски, совершенно непере译имое. Аля ударилась в науку. Лето на дворе, а её не оттащишь, от стола. Говорит, у исторической правды - второе дыхание. А у меня - застой пока. Простой застой. В одиночку не за всякое дело возьмёшься, скучновато без Витюшки. Ни

его, ни Игната не вижу с января. Что о них хоть слышно?

- Игната я тоже не видел. Звонил как-то, с месяц назад: "Дядя Сева, круг моих профессиональных интересов расширяется весьма непредвиденным образом, но это не телефонный разговор. Вы ведь уже верите, что есть нетелефонные разговоры?" Обещал забежать, но - ты его знаешь. А Витя поработал очень серьёзно, могу рассказать много и - только для своих - весьма подробно.

Он говорил и задумчиво похлопывал машину по "плечу". Текст на экране уже погас, его заменил любимый эвмапов символ - заключённое в треугольник сплетение вопросительного знака с восклицательным.

- Если богаты временем, могу слушать до утра.

До утра слушать не пришлось: Всеволод Серафимович управился за час. ЭВМАП участвовал активно: поддакивал, поправлял и подсказывал. Евгений многому удивлялся и часто хмурился.

Расставались довольными беседой.

- Ну, а Настя как? - спросил Евгений на прощанье.

- Намного лучше. Красиво говоря, триумф теории о неисчерпаемости наших резервов.

Приспособилась, в общем,

- Мне стыдно, - сообщил Евгений. - Надо в гости ходить.

- Надо, - согласился Дорошенко. - Мне тоже стыдно.

- Они у нас перестали появляться, вот мы и решили, что им ... не до друзей.

- Им, Евгеша, просто очень трудно.

- А теперь еще надо бояться, что мы ему, гению, просто неинтересны.

- Особенность гения - в постоянной потребности отдавать...

"ИНАЧЕ ЛОПНЕТ", - пошутил ЭВМАП.

- Чересчур образно, - Дорошенко погрозил машине пальцем. - Так вот, чтобы делиться, гению годимся мы все... .

"КТО НЕ СЧИТАЕТ СЕБЯ ГЕНИЕМ".

- Спасибо, - похвалил Дорошенко, - умница. Мы с тобой далеко пойдём...

"ЕСЛИ СОМ НЕ ОСТАНОВИТ"

- А при чем тут СОМ?

"УВИДИМ".

- Электронный гений шутит, - так Дорошенко ответил на вопросительный взгляд Евгения. Но проводив гостя, он вернулся к машине озабоченный. - Ты что там намекал насчёт СОМа?

"НАМЕКАЛА. ДРУЖБИН ПРЕУМНОЖИТ ТРУДНОСТИ МАКОВЫХ".

- Ты это высчитала?

"НЕТ. ЗНАЮ. НАПРЯМУЮ".

- У тебя уже ТАКАЯ полевая связь?

"ПОЛЕВАЯ СВЯЗЬ ОБРАТИМА. У МЕНЯ - ДИСТАНЦИОННАЯ МЕНТОСКОПИЯ. ФАНТАСТИКА, ДА?"

- Господи боже! - Дорошенко испугался. - Ты ж смотри, молчи об этом, а то ведь убьют нас с тобой... Никому, даже Марине!

"МОГИЛА, ШЕФ. НЕ БЕСПОКОЙСЯ. МНЕ ДОВОЛЬНО ТЕБЯ. А ТЕБЕ?"

Дорошенко почувствовал, что бледнеет.

Яйцо грифона.

- Грибной денёк завязался, - сказал Дружбин, пожимая руку вошедшему Малюхину. Вид у начальника Службы Особых Мер был озабоченный, он это не скрывал.

- Так точно, - согласился Евгений с предельной бодростью. Он ещё у входа в СОМ напустил на себя занятость, готовую, однако, на уступку, если надо старому другу.

- Небось, уже набрал? - Дружбин заранее завидовал.

- Набрал! - Евгений воодушевился: грибная тема была ему сегодня ближе всех. - Три дня подряд с другом ездим и сейчас вот собрались, да ты позвонил. Прямо на пороге снял.

- Да вижу, весь в брезенте, - Дружбин указал гостю на один из стульев, сам сел рядом, по-свойски, хлопнул по колену. - И не поболтаем, значит?

- Давно не виделись, - Евгений вздохнул. - А помнишь: "Молодой сибиряк", редактор Володя Дружбин...

- А в рубрике "Записки автоинспектора", - подхватил мечтательно Дружбин, - каждую неделю старшина Малюхин... Эх, Женька, брошу всё, уйду обратно в газету! Или к вам в Лигу... Может, хоть вспомню, какие они, грибы...

- А-а! Так вот ты зачем меня позвал! - Евгений нашёл выход из обмена любезностями. - Давай, похлопочу!

- Ещё чуть-чуть повременим, - Дружбин понял, что пора переходить к делу. - Ты пока скажи, только честно: где Маков?

Он вгляделся, подстерегая хоть какую тень во взгляде, впился слухом в ожидаемую паузу. Но реакция частного сыщика была мгновенной и неожиданной. Его пальцы впелись в колено Дружбина, а потемневшее лицо мгновенно, как в рукопашной, повернулось в упор, вонзая сузившиеся глаза.

- Что вы с ним сделали, Володя? Боже вас сохрани! Мы же не посмотрим, что вы - СОМ, Володя... Что с ним?

Дружбин опустил глаза и похлопал Евгения по напряженной руке. Он старался, но не мог скрыть, что обескуражен.

- Остынь, Женя. Я тебе удивляюсь. Дружба дружбой, но надо же себя держать... До вчерашнего дня всё с ним было в норме, а вчера вечером вдруг Настя его потеряла. Она разве не звонила вам?

Говорил и снова искал тень в глазах.

- Нет, не звонила, - Евгений разжал железные пальцы. - А начала почему-то с тебя. Так ведь? Что это значит?

- Не знаю, что и думать, - Дружбин сосредоточенно нахмурился и заговорил тоном высшего доверия. - Не могло ли у них быть такого разговора, после которого Настя бросилась бы при исчезновении Виктора не к друзьям, а в СОМ? Не знает ли она о его работе что-нибудь лишнее?

Дружбин опять всматривался в глаза и вслушивался в паузу: его вопрос содержал ловушку. Но Малюхин не попался.

- Ну, мой полковник, - протянул он удивлённо, - тут я тебе бесполезен. Я-то о вашей фирме вообще ничего не знаю, не то, что о чьей-то работе. Чем, кстати, Витюшка у вас занимается?

- Сразу и не скажешь, - Дружбин спрятался за улыбку. - Он эксперт широкого диапазона - вот это, пожалуй, исчерпывающе.

- Понял, - отозвался Евгений вежливо. И сменил тему. - А если он просто бросил жену? Этот вариант не прорабатывали?

- Да раньше таких сигналов не было, а вчера по телефону было неловко спрашивать.

Дружбин понял, что разговор сломан, и подыгрывал Евгению, чтобы на нелепой версии с беглым мужем и окончить дело. Настя звонила вчера не вечером, а утром. Она каким-то непостижимым образом поняла, что Виктор изолирован, требовала его освободить немедленно, иначе она "разгромит вашу лавочку", ни слову Дружбина не верила. А вечером, сразу после побега Макова из одиночки, она исчезла. Посланная на квартиру группа разминувшись с ней (или с ними обоими?) в минутах и застала лишь беспорядок, указывающий на очень спешные сборы: пара незадвинутых ящиков, распахнутый шкаф и открытый рядом с кроватью чемодан. Обо всём этом Малюхину лучше бы узнать как можно позже.

- М-да-а-а, - Евгений сворачивал беседу. - У людей приключения, а мы - только за грибами. Не поверишь, по двести штук белых вчера... А за Витюку не беспокойся: отлёживается где-нибудь. Появится, куда он денется. Ты же знаешь их дела.

- М-да-а-а, - пришлось согласиться Дружбину.

- Ну, если всё, так я побегу, - вольный сыщик поднялся. - Спасибо, что предупредил. Если он всерьёз пропадёт, ПУСТЬ НАСТЯ ПОЗВОНИТ, ладно?

Крепко пожал руку и - к двери. На пороге задержался:

- А если всерьёз к нам соберёшься, то давай, работы хватает. Только, - озорно улыбнулся, - начальников у нас нет!

Из окна второго этажа Дружбин видел, как Евгений садится в машину, чтобы ехать за грибами. Открыл дверцу, коротко оглянулся, безошибочно нашёл окно Дружбина, коротко помахал, и красная "Нива" Игната Эвкалиптова умчалась действительно в направлении леса.

Интересно, подумал Дружбин, неужели они и в самом деле за грибами? В такую жару...

Больше всего на свете сейчас ему хотелось бы зимы, крепкого мороза. Тогда легче было бы ловить Макова.

- Они за нами не увяжутся? - спросил тем временем Игнат, как всегда, выжимая из машины всё и растягивая слова до той скорости, при которой Евгений мог бы их воспринимать.

- Им только и дела, что за нами следить, - Евгений, напротив, перешёл на предельную скороговорку, чтобы поменьше утруждать сверхчеловеческую реакцию друга ожиданием конца фраз. - Они же вообще не сыскари.

- Кстати, - Игнат улыбнулся и лихо объехал какого-то ротозея, не успевшего даже удивиться бешеной "Ниве", - расскажи мне, наконец, об этой Службе Особых Мер. Всё не удосужусь узнать, чем они там занимаются?

- Самое точное определение дал им дядя Сева, - Евгений, после поединка с Дружбиным, усмехался криво и устало. - Грубо, зато исчерпывающе: "Наука против человека".

- Стреляющие авторучки? - упростил Игнат.

- Так точно.

- Небось, уже и ЛУСТ прибрали к рукам?

- Почти.

- Что значит "почти"? С дядей Севой в цене не сошлись?

Игнат засмеялся собственной шутке. А поскольку медленно смеяться было ему трудно и неестественно, вместо смеха получился звонкий смешок, чуть более скорый, чем треск мотоциклетного мотора.

- Украли, конечно, - сообщил Евгений. - Изготовили по образцу свой вариант, с дальностью в несколько километров, а он отобрал и уже целый год делает вид, что доводит.

- А что там делал Витюшка?

- Расскажу, если хочешь. Далеко нам ехать-то?

- За полчаса, успеешь рассказать?

- Успею. Только сначала скажи честно: мы, в самом деле, за грибами или это - для Али?

...Час назад Игнат явился к Малюхиным и пригласил обоих за грибами (Матвей в выходные гостил у бабушки с бабушкой). Аля, конечно, отказалась, заявив, что свободный день настоящая хозяйка должна посвящать диссертации, а не вытаптыванию лесов. Последнее было намёком на то, что инспектору УОПР, вечному борцу с моторизованным грибничеством, стыдно самому уподобляться... Игнат, похоже, был заранее уверен в её отказе, и Евгений сразу заподозрил, что появилось какое-то дело, о котором при Але не надо спрашивать. Но едва он оделся и взял для вида ведро, как позвонил Дружбин и попросил срочно заехать. Положив трубку, Евгений удивился, чего это начальник СОМ сидит в выходной на работе да ещё вызывает людей мирных и непричастных... Тогда Аля вспомнила, что вчера днём звонила Настя, искала своего Витю, а ведь Витя всё ещё работает у Дружина? Алю не следовало отвлекать от науки, её успокоили, что, мол, возможны срочные испытания на сомовском полигоне, а без Виктора там никак... И всю недолгую дорогу до Управления молчали, обдумывая ситуацию. Теперь же было самое время поговорить о делах.

Красная "Нива" с нарисованным на борту белым флагом УОПР коротко рявкнула клаксоном в ответ на кивок дежурного у поста ГАИ и на бреющем вылетела за город. Автоинспекция не сомневалась, что супермен Эвкалиптов и жука на дороге не обидит, поэтому закрывала глаза на его нестандартный, сверхфорсированный двигатель и на постоянное превышение скорости.

- Я везу тебя на высокоэнергетическую пасеку, - сообщил Игнат. - Большого пока сам не знаю. Рассказывай.

- Полгода назад, - начал Евгений, - совпали два события.

- Случайно? - быстро спросил Игнат.

- Не знаю. У Витюшки Макова вдруг прорезались гениальные задатки - сразу по всем направлениям. А его Настя как раз познакомилась с дядей Севой.

- В какой последовательности?

- Подробности нет. О способностях я узнал, когда он затеял переходить из Лиги в СОМ: наши аналитики вдруг о нём загрузили. А о знакомстве Насти и дяди Севы она рассказала сама, случайно и не мне.

- В общем, ты узнал уже от Али, - Игнат засмеялся.

- Вот именно, - Евгений засмеялся тоже. - А мне это нравится. Чем меньше тайн, тем чище отношения. Как у Миши в Ягодке.

- Родной посёлок, любящая жена, любимая работа, - согласился было Игнат, - но - он Кунчо так и не поймал! Нигде нет гармонии, друг Евгешка.

- Кстати, а Любашу он вылечил?

- И Любашу не вылечил. Они оба хороши: всё собираются. А старичок, знахарь, который может вылечить, не вечен... Ну, рассказывай дальше.

- Всё у Витюшки странно, - продолжал Евгений. - Казалось бы, убедил наших аналитиков в своей гениальности - работай и в ус не дуй. Нет, он совершенно неожиданно, без объяснений переходит в СОМ да ещё по рекомендации дяди Севы.

- Понял, - Игнат усмехнулся. - Помогать оборонщикам с ЛУСТом.

- Оборонщики они или нападатели, - Евгений хмурился, - это всегда вопрос. И помогать ли им - это тоже вопрос. Если они ЛУСТ у Дорошенки выкрали, то не думаю, что он после этого очень горел на них работать.

- Ты прав. Дядя Сева - пацифист известный.

Машина мчалась уже по песчаной дороге среди соснового бора, сигнала перед поворотами, и эхо дробилось между мощными стволами.

- Об их работе в СОМе я знаю мало, - продолжал Евгений. - Есть весьма оснащённые лаборатории, почти цеха. Денег гораздо больше, чем это можно представить по оборонному бюджету. Есть полигон, на котором я не был и даже не знаю, где находится. Вот и всё. С Витюшкой мы виделись пару раз, и то на бегу. Да и не больно от него теперь дождёшься...

- Конечно, - Игнат улыбнулся. - Гений.

- Зря веселишься, - Евгений раздумывал, говорить ли Игнату ВСЁ о Макове. - Я, глядя на него, поверил, что многие знания умножают печаль. Он стал за полгода именно ПЕЧАЛЕН. Будто знания его гнетут: понял всё и впал во сплин. И разговор его стал сложен, как у индийского мудреца,

который может силой духа создавать миры. Знаешь, как мы последний раз побеседовали? Я говорю: "Ну как это дяди Севин пацифизм уживается с агрессивностью СОМа? Вредит, поди?" А гений Витя отвечает так: "Польза, обращенная во вред, не более вредна, чем вред, обращенный к пользе, хотя возможен и обратный эффект". Ты что-нибудь понял?

- Я понял, - Игнат усмехнулся. - Подобная софистика полезна говорящему, чтобы скрыть истину, и не вредит слушающему, ибо не отягощает его лишним знанием.

- Вот-вот, - Евгений вздохнул и решился. - А вчера дядя Сева раскрыл мне тайну. На ушко и прочее, но не думаю, чтобы в условиях СОМа она долго продержалась. Дяди Севин идеализм сыграет с ним очередную шутку. Мне вообще кажется, что шутка эта уже началась. Поэтому, если СОМ начал резать Макова на кусочки, тебе необходимо эту тайну знать... Дорошенко сочинил очередное устройство. Вшивается человеку под кожу, и человек становится гением. Только одно условие: человек нужен абсолютно без никаких талантов.

- Абсолютно серый? Так что ж, Витька...

- Да. Но из серой сволочи получится злой гений, а Витька - абсолютно порядочный. Дорошенко с Ванькой Тереховым проверили на себе - не получилось. Тогда выпросили у Насти Витьку... В СОМ дядя Сева внедрил его с вредительской целью, чтобы ЛУСТ не пропустить в массовое производство, да и вообще. Витька там вёл себя скромно, но они, похоже, присмотрелись к нему и начали раскручивать. Если его пропажа связана с этим интересом, придётся как-то его выручать...

- Понял, - Игнат сбавил скорость и перестал сигналить. - Однако мы подъезжаем. Новость о Викторе весьма серьёзная. Думаю, когда вернёмся, кое-что прояснится. А теперь - внимание: во-он виднеются провода...

Сквозь прорубленный в бору геодезический профиль виднелись провода высоковольтной линии, параллельные дороге.

- Формально эта ЛЭП обслуживает только подземный водозабор, - сообщил Игнат. - Но от одной из подстанций протянут хвостик. Километровый. Киловольт на пятьдесят-сто.

- Ого. Может, военные?

- Bravo, сыщик. Там БЫЛА база. Небольшая, противоракетная. Но её давно убрали.

- Так, может, и линия обесточена?

- А вот это уже проверено.

- Так ты был там?

- Над. Мы просто облетали участок на вертолёте, и я увидел этот хвостик. Навёл напрягометр - фонит.

- Что, что навёл?

- Да есть прибор, - Игнат засмеялся. - Телеметрический фонометр. Напряжение, радиация... Можно даже увидеть ауру вокруг твоей головы. И на тепло реагирует. Словом, из отходов производства доктора Дорошенки.

Тем временем открылась пустошь. Брошенные дома частью вывезены, прочее разграблено, сожжено, сгнило, провалилось сквозь землю.

- Как после войны, - пробормотал Евгений.

- Хуже. Сюда уже не вернуться. Урбанизация. - Игнат загнал машину в заросшую кипреем силосную траншею, и они забросали "Ниву" сухими ветками.

- Разомнёмся.

Нападения друга Игнат блокировал без труда, не вступая даже в контакт: прыжки, нырки, уклоны - стиль супермена. Потом напал сам, в десятую часть своей скорости, и Евгению снова пришлось попотеть.

- Ну, молодцом. В случае чего - уходи с линии огня и держись от меня подальше.

- Считаешь, так серьёзно?

- При такой-то энергетике...

Прямо перед ними на укороченных мачтах висела действительно мощная ЛЭП, слегка гудела и потрескивала.

- Если так, то нужен и подъезд посolidнее, - сказал Евгений.

- С той стороны. Бетон.

Не шумя, лесом-мохом, рядом с ЛЭП, вышли к пасеке. Снижение проводов засекли у незаметной бревенчатой избушки под соснами. Окошка не было, только дверь. Похоже на баньку, но не банька: изнутри мощно гудели трансформаторы, будто пели на три голоса.

- Гляди, какие интересные ульи, - показал Игнат.

Ульи стояли в пять рядов. Никаких пчёл над ними не было. Зато над средним рядом воздух жарко колебался. С густым шипением он вырывался из щелей, прорезанных в стенках ульев.

- Это крыша бункера, - догадался Евгений.

- Правильно. А раз вентиляция дует всю...

- Значит, там противоракеты.

- А мы с тобой - давно убиты охраной... Похоже, во-он в той избушке должен быть вход.

- Там они нас и встретят.

- А вот этого не надо, - возразил Игнат.- Нам лучше во чистом поле. Попрём открыто, чтоб пораньше заметили. Вёдра - товсь!

Они выставили напоказ яркие пластмассовые ведёрки и двинулись через пасеку. Болтали громко: проявляли интерес к ульям, изумлялись отсутствию пчёл и хозяев.

До избушки оставалось метров тридцать, когда оттуда вышли двое. Судя по возрасту и телосложению, они как противники для одного Малюхина представляли бы трудноразрешимую проблему. Особенно если вооружены... Интересно, что у них заткнуто сзади за пояс?

Пока звучали дежурные вопросы и ответы, гости приблизились на бросок и, когда хозяйева исчерпали красноречие и завели руки за спину, произошла атака. Игнат, конечно, успел срезать обоих, Евгений только помогал связывать. Пленных уложили в тенёк за ульями, соединив спиной к спине, и смело вошли в избушку. С двумя пистолетами Евгений чувствовал себя увереннее, хотя наличие новенького армейского оружия указывало на действительную серьёзность дела, в которое они лезли очертя голову.

- Возможны ещё стволы, - предположил Игнат. - Повнимательнее.

Грустна доля бывшего супермена, подумал Евгений. Все тебя опекают. А ведь когда-то не уступал Игнату...

В избушке было пусто. Значит, грибникам удалось выманить из караулки всю внешнюю охрану. И то понять: скучно им в глуши, горе-каратистам.

Входа на объект в избушке что-то не было видно. Конечно, если под ней ракетный бункер, может сдвигаться она целиком, а то и половина пасеки. Однако и здесь должен быть лючок, какая-то дверца с приставной лесенкой, что ли.

Беседуя на эту тему, гости всё потрогали, всё подвигали и - нашли. Напротив двери - зеркало, большое, от пола до потолка: чтобы, скажем, врывающийся чужой испугался самого себя. Это же зеркало и есть потайная дверь. Даже не очень-то и потайная: весь край на уровне руки захватан неоттираемо.

Вошли в Зазеркалье. Пустая лестничная площадка с длинным спуском в преисподнюю. Всё хорошо освещено, запах - как в метро. И два встречных эскалатора - прямо под пасеку.

- От военных осталось.

- А может, там и сейчас военные?

- Извинимся да уйдём, делов-то.

И поехали вниз.

Ничего военного и никаких военных. Вообще никого. Арочный свод, ряды металлических клеток до противоположной стены и мощная вентиляция с удивительно слабым шумом. В противоположной стене - сдвижные ворота. Отовсюду свет. Тепло, но не жарко. И не сыро. Запах уже не метровский, а такой, будто в метро поместили курятник, но пытаются это скрыть чистотой и кондиционерами.

В простенке рядом с первыми клетками увидели дощатый ящик размером с добрый комод. Он был заполнен ящиками поменьше - в такие упаковывают сливочное масло. Верхние ящики не имели крышек, и в них, плотно уложенные, белели какие-то кубики, почти совершенно одинаковые, каждый объёмом в три спичечных коробка.

Взяли по кубику.

- Среднее между мрамором и кварцем, - Игнат попытался разглядывать на просвет.

- И по весу похоже, - Евгений подбросил свой кубик на ладони и спрятал его в карман. Игнат сделал то же самое.

Затем друзья переглянулись: идти дальше вдоль клеток было опасно.

Это вообще было чёрт-те что.

Из всех клеток тянулись к ним жуткие орлиные головы с петушиными гребешками. Длинные гусиные шеи покрывал густой мех, жирный и надежный, как у выдры. А сами звери за решёткой - это было и вовсе жуткое что-то. Превосходный выдрин мех покрывал изрядно развитые крылья и мощные звериные лапы с орлиными когтями, а также грузное гусиное туловище с кенгуриной сумкой на груди. У многих чудовищ из этих сумок выглядывали их детки - такие же страшилища, но не равно-серые, а с белыми пятнами. .

Незванные гости шли в узком пространстве между двумя рядами ужасных голов, и с обеих сторон хищно щёлкали орлиные клювы. Ни кричать, ни свистеть эти выродки, наверно, не умели. Но сильнее страха было в этом жадном молчании чувство какой-то странной беспомощной обреченности - именно такими словами определил про себя Евгений. Он сказал:

- Знаешь, почему-то хочется погладить их по головке.

- Мне тоже, - Игнат полуобернулся к нему, кося глазом на клювы. - Но лучше не рисковать.

Одна из тварей не щёлкала клювом, а держала в нём такой же белый кубик, какими был наполнен комод. Игнат обернулся к Евгению, подмигнул и подставил под клюв пригоршни: бросай, мол. Если бы зверюга вздумала клюнуть, он, конечно, успел бы убрать руки. Но чудовище не клюнуло, а с готовностью положило кубик в ладони.

- Погладь, - предложил Евгений. - Ты успеешь.

- Боюсь и противно. Грифоны какие-то.

Когда прошли между этими сциллами до конца и откровенно перевели дух, Евгений сказал:

- Вот где выращивают шапки!

- Какие шапки? - Игнат вертел в руке подарок грифона.

Евгений объяснил, что барыги на барахолке недавно продавали партию превосходных шапок из меха выдры - как раз вот из такого. Установить источник меха уголовный розыск не сумел. Взятых для допроса барыг пришлось оштрафовать за незаконные меха и отпустить. А они никакой наводки не дали, молчали героически.

- Я бы такую связь не разглядел, - признался Игнат, пряча кубик в карман.

- Не твой профиль...

Договорить Евгению не дали. Раздался приказ: "Руки вверх!", и из-за клеток с обеих сторон на них направили два пистолета.

В такой ситуации можно было Евгению упасть, а Игнату - броситься. Это было отработано, можно было падать без команды, Игнат среагировал бы... На обдумывание отводилось секунды полторы, и первое решение всегда было самым правильным. Но в первую же секунду Евгений услышал голос жены. Уходя на опасные операции, он никогда об этом Але не говорил, но она каждый раз угадывала и всегда провожала до двери и шептала в ухо одно и то же, что и сегодня: "Не спеши". И он решил, что падать не надо, и начал поднимать руки.

- Самое время представиться, джентльмены, - Игнат сделал то же.

- Бросьте нам документы, - велел кудрявый справа. - Только не шутить!

- А если нет документов? - У Игната просто страсть к тестам.

- Тогда мы вас уберём, - был ответ.

- Может, на слово поверите?

- Ещё слово, и - стреляем! - сообщили убедительно.

Кудрявому бросили два удостоверения.

- Так и знал, - он комментировал, читая. - Юзик, знаешь, кто пожаловал? Этот длинный - Эвкалиптов, старший инспектор Управления Охраны Природного Равновесия.

- У нас тут - самое равновесие, - откликнулся Юзик.

- А второй, - продолжал кудрявый, - Малюхин из Лиги Частного Сыска, "агент" написано.

- Словом, сыщики оба, - сказал Юзик. - Куда их денем? Птичкам, может, скормим?

- Наверху наши, - пугнул Евгений.

- Ха-ха! - был ответ. - Сюда сунуться - боже их сохрани.

- А что такое? - Игнат опять в работе. Ему не ответили. Охрана размышляла.

- Ноги не держат, - сказал Евгений условную фразу.

- Потерпи, - Игнат, видимо, надеялся, что их куда-нибудь поведут.

Охрана помолчала с минуту, потом кудрявый спросил: "Ну, как по-твоему?" Юзик отрезал, как приговорил: "Тогда бы просто отключили энергию". Тут же Игнат резко отодвинул Евгения, помогая упасть, и - пропал. Уже на полу Евгений услышал выстрел со стороны кудрявого и вскрик со стороны Юзика. Потом были ещё два выстрела, очень гулких в этом склепе, и пули визжали, отлетая от бетона высшей марки, потом был ещё один вскрик - Евгений в это время уже вязал Юзика.

Чтобы не снижать Игнату подвижность, Евгению пришлось нагрузиться ещё двумя пистолетами, но тяжёлый белый кубик он всё-таки не выбросил.

- Ещё много тут народу? - спросил Игнат.

Ответить не захотели.

- Ладно, сами разберемся.

- Не пожалейте потом, вы, - процедил Юзик.

Этих двоих усадили спиной к спине на лавку и закрепили. Рядом - пара ящичков, до половины с кубиками.

- Кстати, что это? - Евгений указал на кубики.

- Яйца, - кудрявый не улыбнулся. Но Юзик засмеялся.

- А ты бы взялся снести такое яйцо? - Евгений потрогал твёрдое ребро и острый уголок. - Это же камни, зачем темнить?

- Не веришь - прими за сказку, - Юзик снова засмеялся.

- Только не пожалей, - добавил кудрявый. С обеих сторон за клетками было пространство, и Игнат быстро его обследовал. Вернувшись, сообщил:

- Ты прав: здесь шьют те самые шапки из этих птичек.

- Мужики, - вмешался тут кудрявый, - может, берите по шапке, по две - и забудьте о нас?

- Ты пойми, - сказал Игнат дружески, - мы не за шапками. Нам очень хочется узнать, что здесь к чему.

- Кто вас послал? - спросил Кудрявый.

- Ты же видел наши корочки, - ответил Игнат.

- Да нет, - кудрявый поморщился, - кто вообще за вами? ОТ КОГО вы?
- Странно, - пробормотал Игнат. - Ну, ладно. Эти же вопросы задам вам я. Может, тогда пойму. Мое право сейчас. Чьи вы, хлопцы, и кто за вами?
Связанные засмеялись.
- Ну-ну, - подбодрил Игнат. - Только не говорите, что не знаете.
- Не знать ЭТО, - сказал раздельно и чётко кудрявый, - лучше для вас самих. Дай вам Бог никогда это не узнать и унести отсюда ноги, - он ухмыльнулся, - целью.
- Вы ребята вроде ничего, - добавил Юзик. - Мы вам по-дружески советуем. Можете взять на память что-нибудь - по яичку, по шапке или хоть по пистолету - вам ведь оружия не дают... И мотайте скорее, пока до беды не дошло. Только нас развяжите.
- Да в чём дело?
- А в том, что через полчаса будет поздно.
- Так рассказывайте по-быстрому, будем вместе спасаться.
- Ну? - кудрявый повернул голову к Юзику.
- Не поверят, - сказал Юзик.
- Поверим, валяйте, - предложил Игнат.
Евгений согласно покивал.
Их послали подальше и отвернулись.
- Ладно, - сказал Евгений, - пошли наверх. Может, те расскажут.
Хозяева положения встали с ящиков, чтобы уходить, и тут связанные задёргались.
- Мужики, возьмите нас наверх! Отвяжите!
- Да зачем вы нам, - сказал Игнат. - Только мешать...
Они двинулись по проходу между клювами.
- Стойте, погодите! - отчаянно попросил кудрявый. - Вам же всё равно идти...
- Ну и что? - Игнат приостановился.
- Погладьте их по головке!
- Да ну тебя.
Гости засмеялись и пошли дальше.
- Мужики! - орал вслед кудрявый. - Ну что вам стоит? По три разика каждую, они не укусят!
Игнат с Евгением переглянулись между собой, потом с грифонами. Чудовища так и тянулись, так и дышали, так и целились клювами. Это было жутко.
- Мерси вам ужасно, - сказал Евгений через плечо.
- Да и то, - говорил Игнат уже на ходу. - Их тут голов с тысячу, гладить не меньше получаса. - Он остановился на миг и крикнул кудрявому: - Ну, что за блажь, зачем их надо гладить?
- Да долго объяснять! Вы хоть нас тогда развяжите, скорее управимся!
- Нет уж, - Игнат засмеялся их хитрости, - вы тогда лучше подождите. Если ваши коллеги разговорчивее, мы скоро вернёмся.
- Отвяжите, сволочи! - пленные запрыгали на лавке.
- Стрелять надо меньше, - посоветовал Евгений. И спросил Игната, уже на ходу: - Ну, что там за клетками?
- По одну сторону, как я понял, склад готовой продукции, а по другую - пошивочный цех, люди работают.
- Тебя видели?
- Они не могли меня видеть, так устроено. Там сначала тёмная комната, а в ней - окошко. На окошке - запертая форточка из толстенных прутьев. Сквозь них я и смотрел.
Поднявшись наверх, приступили к допросу прямо среди ульев. Эти двое оказались более откровенными, но более увёртливыми. Они говорили много и пусто - что-то о пользе для народа, об ответственности за какие-то последствия бездумного вмешательства в пенитенциарную систему и даже в вопросы, как ни странно, стратегического порядка - всё на грани информации, но до того неухватимо, что сыщики, в азарте перепалки, вспомнили о времени только к концу рокового получаса.
- Стоп! - сказал Игнат. - Приехали! Теперь быстро: что там такое внизу?
В ответ ухмыльнулись, и тогда Евгений пообещал:
- За минуту не расскажете - спустим вас туда.
Вот тут они засуетились!
Их надо отвести в караульное помещение, бегом! Теперь надо включить вот этот монитор. (Экран, который сыщики приняли за предмет развлечения, оказался средством связи).
На экране монитора появились клетки, рядом с которыми оставили Юзика и кудрявого. Вот они, беснуются на лавке. А в клетках беснуются грифоны с петушиными гребешками. С ними что-то явно случилось.
- Что там такое? - спросил Игнат резко. Ответили, что птичек пора кормить.
- Для этого надо туда спуститься?

Ответили, что можно и отсюда, только гости сами не справятся, надо развязать Андрюшку.

Развязали того, который был Андрюшкой. Он подошёл к настенной аптечке, открыл белую дверцу с красным крестом, отжал с боков фиксаторы, и стенка с лекарствами соскользнула вниз. За ней явился пульт: кнопки и выключатели, совсем никак не обозначенные, а под ними - круглая сетка динамика. Андрюшка щёлкнул выключателем, из динамика хлынули крики о помощи пополам с матерщиной, щёлканье клювов и какой-то скрежет.

- Эй, черти! - позвал Андрюшка. - Приём!
- Борька, гад, спасай! - заорал кудрявый из динамика.
- Это не Борька, - очень спокойный ответ.
- Андрюха! Кончай телиться! Тут уже - всё!
- Вот-вот. А вы, козлы, на что надеетесь?
- Кончай, борзой! - голос Юзика. - Сыщики, спасайте!
- Поздно, - ответил Андрюшка.

Но он не учёл Игнатовой скорости. У самой кнопки Игнат перехватил его руку, сунул носом в пол и обернулся к Евгению:

- Вяжи! Я - вниз!

Андрюшка был очень сильный, и, пока Евгений с ним закончил, Игнат привёл связанных охранников (или как их там) снизу. Евгений лишь мельком заметил, как они дружно бежали по экрану монитора мимо ломаемых клеток.

Едва вбежав, кудрявый крикнул Игнату:

- Верхний ряд! Правая самая!

Игнат нажал кнопку. За зеркалом, где-то внизу, грохнуло. Евгений выглянул. Проем за эскалатором был перекрыт мощной стальной решёткой с очень густыми прутьями.

- Они её не сломают? - спросил Игнат.
- Не знаю, - кудрявый ещё не отдышался. - Сразу не должны.

И ударил Андрюшку ногой. Тот ждал удара и увернулся. Но попал под удар Юзика и сел на корточки. Евгений хотел помешать, но увидел, что Игнат не шевелится, и позволил кудрявому ударить ещё раз. Андрюшка ткнулся носом в сдвинутые ботинки Бориса, который всё время смирно сидел на табуретке в углу.

Тогда Игнат сказал: "Хоп!" и начал допрос с кудрявого:

- С вашими главными связь есть?

- Ох, парни, - кудрявый покачал головой, - не надо с ними... Хотите знать - мы вам расскажем. А с ними - не надо.

- Погоди, - прервал Игнат. - А что с птичками?

- Им всё, хана. Даже если вырвутся, больше месяца не проживут. Вылупляется, за два месяца вырастает, и сразу у неё в сумке - яичко, из него через месяц - птенец. Когда он вылезает из сумки, мать умирает. На всю жизнь - полгода. Одно поколение серое, другое - пятнистое, потом - опять серое. Если яиц в сумке больше одного, они их выбрасывают.

- В самом деле, вот эти кубики?

- А ты не поверил?

- Да где же их взяли, таких?

- Вычислили. От и до - на компьютере. Все химикаты, все режимы. Потому и яйца такие. Им спариваться не надо. Самоопыление.

- А чем кормят?

- Чем угодно. Зерно, объедки, траву, нас с тобой - всё сожрут.

- Нас - только теперь, - сказал Юзик.

- Да, - поправился кудрявый, - они по расчётам - ручные и очень любят ласку. Их надо через каждые два часа гладить по головке. А если пропустишь, она звереет, сила в ней... ну и так далее, сами видите.

- Отхватила этому долбаному гуманисту два пальца, - вскинулся Юзик. - Как ножницами.

- Кому? - Игнат не понял.

- Знаем только имя, - ответил строго кудрявый. - Да и то не скажем.

- Мы его уважаем, - пояснил Юзик.

- Кого там уважать? - Андрюшка с пола. - Живодёр!

- Ты кретин и козёл, - так же строго сказал ему кудрявый. - Никогда не рассуждай о том, чего не понимаешь. Он - гениальный биолог и гениальный кибернетик, мы все вместе ему на подтирку не годимся.

- И шеф? - спросил Андрюшка ехидно.

- Шеф - гениальный мошенник, - объяснил кудрявый спокойно. - Такие тоже нужны. Но без НАСТОЯЩИХ гениев всем прочим останется только перервать друг другу глотку.

- Сейчас нам глотку перервут, - Борис кивнул на экран. Все посмотрели на монитор. Там шло фантастическое кино. Из поломанных клеток вылезали чудовища, хлопали крыльями, пытались

летать, собирались в круг, сближая головы... Будто совещались...

- Ишь, - сказал Борис, - друг друга не трогают.

- Не то, что мы, - сказал Андрюшка, вставая с пола.

- Сядь, падла! - рявкнул кудрявый. Андрюшка посмотрел на Игната, но Игнат отвернулся, и он сел по-турецки на пол.

- Сволочь, - сказал ему кудрявый. - Из-за поганых шкур хотел нас этим тварям скормить.

- Дурак, - ответил Андрюшка обречённо.

- Запомни, козёл, - говорил кудрявый веско, - у своих брать - последнее дело. Не кради, где живёшь, и не живи, где крадёшь. Тебе что, мало платили?

- Дурак, - ответил Андрюшка. - Зря болтаешь.

- Мы тебя пожалели, - вмешался Юзик, - не отдали шефу. Думали, поймёшь. А теперь отдадим.

Андрюшка вскинул на него глаза и побледнел.

- Лучше тогда птичкам, - сказал Борис.

- Лучше, - согласился кудрявый. - Попроси гостей, пусть поднимут решётку. И ты сам пойдёшь в питомник...

- Су-у-уки! - завыл Андрюшка. - Если б не эти легаши, всё было бы путем!..

- Всё! - оборвал его Игнат. И спросил с тревогой кудрявого: - А женщины не пострадают?

- А ты дверь в подсобку запер?

- Сделал как было.

- Тогда в порядке.

У Игната, конечно, был план допроса.

- А где-нибудь ещё ваш гениальный биолог работает?

- Конечно, - сказал кудрявый. - В КАКОМ-ТО институте.

- Ясно, - сказал Игнат. - Там его зажимают и мало платят.

- А ты, между прочим, зря иронизируешь, - кудрявый прищурился. - Ты человек кристальный, сразу видно, но уважать тебя за это я не поспешу. Кристальный от дурака недалеко ходит. Ты вот сейчас погубил большое и нужное дело.

- Вместе с вами, - поправил Игнат. - А было бы легально...

- Ой, не надо, - кудрявый поморщился. - Это даже не смешно. Какой институт или хозяйство за это возьмётся? Тем более, что на стыке наук. Потом, ни одна комиссия такое дело не разрешит: много риска да ещё никуда без кустарного промысла. Потянуть это может только такой человек, как наш шеф: есть деньги и есть связи на всех этажах. В-третьих, проблема заработков. Любой нормальный человек любит, чтобы с оплатой всё было просто, а в нашей налоговой системе ни один гений не разберётся. КОМУ ГЕНИЙ ДОЛЖЕН ПЛАТИТЬ ЗА СВОЮ ГЕНИАЛЬНОСТЬ?

- Мудрено, - сказал Игнат.

- Врёшь, - кудрявый распался. - Вон твой друг: небось поработал в милиции да и слинял в Лигу. Почему? Потому что в Лиге немного меньше захребетников. Что заработал, то и получай. Верно, Малюхин?

Евгений кивнул.

- Ты, Эвкалиптов, кристальный, - продолжал оратор, - но это твое дело. А другим казённых харчей мало. Человек по природе ненасытен, понимаешь?

- Ещё как, - Игнат усмехнулся. - Это же моя работа.

- А-а-а, да! Ты ведь - экология... За такую работу тебя стоит уважать. Но у нас по твоей части - порядок. Гений предусмотрел. Природе не вредим. Наши птицефермы надо ставить на помойках. Мы - санитары, если угодно. Ассенизаторы.

- Да я согласен! - перебил Игнат. - Я сожалею. Давай решать, как выкручиваться. Звать сюда власти мне тоже неохота, потому что, - он снова усмехнулся, - они, допустим, обидятся, что их опередили.

- Ты почти угадал, - кудрявый усмехнулся тоже. - Тут так высоко завязано, что милиция до нас даже не доедет.

- Это кто ж такой покровитель?

- Подлинная власть, - ответил кудрявый. - И не надо больше спрашивать. Сам пойми.

- Ладно, - Игнат будто понял, о ком речь. - Что же с вами-то делать? Стрелять у вас очень уж любят... Кстати, откуда столько серийного оружия? Оттуда же?

- Можете взять пистолеты себе, - сказал кудрявый дружелюбно. - Их нет на свете.

- Ладно, - согласился опять Игнат. - Подарим Лиге Частного Сыска. А вас, пожалуй...

- Смотрите, что творится! - Андрюшка вскочил опять и вытянул шею к монитору.

Грифоны на экране перестали совещаться и теперь дружно раскачивали клювами и лапищами решётку перед эскалатором.

Все глаза на миг сосредоточились в одном месте, и этим воспользовался злодей Андрюшка. Он сделал один шаг и прыгнул головой вперёд - даже Игнат ничего не успел. Андрюшка попал по нужной кнопке и теперь смеялся в руках Игната, а на экране не осталось ни грифонов, ни решётки - всё

закрыл огонь.

- Что это? - спросил Игнат.

- Огнемётки! - Андрюшка хихикал на полу. - Напалм! Полный звездеч, никаких концов!

Из-за зеркала стало тянуть непередаваемой смесью всех смертных запахов.

- А женщины? - спросил Игнат.

- Они даже не услышат, - ответил кудрявый. - А вечером их благополучно увезут домой, в тюрьму.

- Они даже не знают, из чьих шкурок шьют, - добавил Борис. И попросил: - Парни, служебных отношений больше нет, вы бы развязали нас да и разбежимся?..

Евгений посмотрел на Игната. Он был явно того же мнения.

- Ладно, - Игнат, как всегда, владел ситуацией вполне. - Вы трое - идёте с нами за пасеку, развяжем вас там. А этот, он кивнул на Андрюшку - останется здесь. Вернётесь - сами развяжете.

- Он сбежит связанный, - сказал кудрявый.

- Нам-то что? - сказал Борис.

Тянуло гарью всё сильнее.

- Сгорит ваша караулка, - сказал Евгений.

- Автоматика сейчас всё погасит, - уверил кудрявый. - Пошлите.

Андрюшка вышел вслед за ними, но никуда не побежал, а сел на крыльце - ожидать расправы, когда товарищей развяжут.

По дороге Борис спросил Игната:

- У вас для бывшего десантника работы не найдётся?

- У нас платят меньше. И учиться долго. Специальное училище и специальный вуз. И берут только чокнутых.

- То есть?

- Есть такая болезнь, сейчас уже редкая - спасательство. Детки вдруг начинают спасать планету от цивилизации - машины портят, учење отрицают. Из них и набирают к нам. Поначалу была эпидемия, а теперь - ровно столько, сколько нужно. Со стороны брать не приходится. А в Лигу...

Игнат посмотрел на Евгения. Евгений объяснил, что в сыскной работе мускулатура - дело не первое, и обязательно надо подумать о юридическом образовании.

- Строго, - Борис вздохнул. - Не собирался в вуз. Думал после армии отдохнуть.

- Да мы сегодня все неплохо отдохнули, - кудрявый впервые засмеялся.

- Деятельность человека, - Игнат хитро подмигнул Борису, - бывает всего трёх видов: игра, учење и производительный труд. Если их правильно чередовать, то получается не жизнь, а сплошной отдых.

И начал его развязывать. Евгений освободил Юзика, Борис - кудрявого.

- Этого неврастеника в огонь не бросайте, - сказал на прощанье Игнат.

- А вы лучше всего забудьте, что вы тут видели, - посоветовал кудрявый.

Обратно машину вёл Евгений. Ехали медленно и молча. В пластмассовом ведре на заднем сиденье погромыхивали трофейные пистолеты, которых "нет на свете". Обеими форточками "Нива" черпала целебный хвойный воздух. Жара доставала даже под сосновыми кронами. После встряски да в этой жаре Евгению приходилось часто смаргивать сон. Он косился на Игната, но усталости в нём не замечал, хотя на неё Игнат и сослался, когда не захотел садиться за руль. Теперь он держал двумя пальцами за уголки грифонье яйцо и думал о чём-то весьма оживлённо: то усмеялся, то покачивал головой, то что-то про себя шептал, а один раз со СВОЕЙ скоростью просвистел какую-то мелодию. Отвлекать его, конечно не стоило.

Наконец он высказался. Он спросил:

- Неужели правда - яйцо?

У Евгения сомнений не было да и в Игнатовы сомнения он не верил. Что-то было спрятано за этим вопросом, поэтому Евгений ответил осторожно:

- Как видите, граждане, сон разума действительно рождает чудовищ.

- Вот именно, - Игнат будто такого ответа и ждал. - Кибернетика... Сон человеческого разума...

Не находишь связи?

- Никогда так не думал, - признался Евгений. - Обоснуй.

- Да вот, - Игнат разжал пальцы, и белый кубик соскользнул ему в ладонь. - Куда это шаг, потвоему: вперёд или назад?

- В сторону, - Евгений хотел пошутить, но угадал и угодил вторично.

- Именно! - снова подхватил Игнат с откровенным удовольствием. - А в сторону шаг, как гласит наставленье, карается пулей без предупрежденья. Слышал такие стихи?

Евгений кивнул и не удержался от смеха. Это были его собственные стихи. Они пришли в десятом классе, на уроке обществоведения.

- А я их цитировал в училище, - похвалился Игнат. - На занятии по социологии. "Отл" поставили.

- Так ты это - к чему?

- А к тому, что шаг-то сделан, - Игнат перестал улыбаться. - А вместо выстрела - что? И главное - КТО?

- Что - кто? - Евгению было трудно следить за лесной дорогой и за всё более каверзными мыслями друга.

- Я говорю, конвоир-то - вместо выстрела - а? Приголубил, душка. А кого приголубил?

- Гения.

- Да. Но не простого, а СУМЕРЕЧНОГО. И объединил его с другим гением... Так кто же у нас такой конвоир, а?

- Да чёрт же его знает! - в сердцах вырвалось у Евгения.

- Ты опять угадал. Чёрт - конечно, знает. А вот нам с тобой - стоит ли узнавать? Или кудрявого послушаемся?

- Кстати, кудрявый намекнул, - вспомнил Евгений.

- Да-да, "подлинная власть". Что бы это могло быть?

Игнат улыбался - значит, уже всё знал.

Манишка.

Присутствовали двое. Обоих читатель знает, перейдём сразу к делу.

- Чай, кофе или, по жару, квас? - Марина, впервые с начала нашей книги, выглядит счастливой. Она у себя дома, её волосы свободны, на ней лёгкий халатик, она прихорашивает в вазе принесённый гостем букет и вся светится, лучится и тому подобное - каждому легко представить, как выглядит женщина, если гость желанный.

- Рюмки, - ответил Дружбин. - Потому что - вот. - Он извлёк из кейса бутылку французского коньяка и вытряхнул рядом с ней на кухонный столик ворох шоколадных изделий.

- У-У-У, мон генераль! Что-то из ряда вон?

- В генералы не произвели, - Дружбин старался казаться весёлым, но было заметно, что камень тяжёлый и холодный. - Из полковников бы не оставили.

- Всё так серьёзно? Ну, тогда пьём... Садись, садись, помогать не надо.

Дружбин, придерживая что-то в кейсе, высыпал на стол яблоки, сел, поставил кейс у ноги и стал смотреть в сад. Там что-то цвело и что-то зрело, в чём он никогда не разбирался и не хотел. Он только мог оценить, что и этот маленький домик на зелёной окраине города, и садик при нём выглядят весьма ухоженными, хотя, на его памяти, никто, кроме Марины, здесь не жил.

- Как ты между наукой ещё успеваешь вести хозяйство?

- Потому что без мужа! - Марина смеялась заразительно. - Куда ещё энергию девать?

Её руки мелькали над столом, оставляя на нём, как на художественном полотне, пятна помидорных, огуречных, луковых, редисочных, сметанных, виноградных и ещё каких-то благоуханных цветов, живописно разделённых блёстками хрусталя, фарфора, стекла и нержавеющей стали. Мрачный взор Дружбина теплел, отдыхал на этом натюрморте, камень оттаивал, хотя и не становился легче.

- Ох, и напьёмся! - Марина повесила фартук на гвоздик и села, наконец, к столу. - Не устал ждать?.. А почему коньяк не налит?

Дружбин распечатал свой дорогой коньяк без почтения, будто фляжку у костра, и солдатской рукой плеснул южное солнце в хрусталь, как плеснул бы водку в походные кружки. Все его движения отразились в фотографирующих женских глазах и были оценены одним ёмким словом:

- Однако.

- Что? - Дружбин, конечно, не понял.

- Да вот хочу понять, с тобой - что?

- Потом. Давай выпьем.

- Тост.

- За знакомство, - Дружбин вдруг засмеялся. - Пятнадцатое лето, как мы знакомы.

- Нельзя даже в такой форме намекать женщине на её возраст, - Марина улыбнулась, чокаясь и пробуя спиртное. - М-м-м... За такой коньяк придётся простить... Так что же у тебя случилось?

Дружбин равнодушно, как водку, опрокинул в себя коньяк и сразу налил ещё. Посмотрел, как Марина разглядывает свою почти полную рюмку в лучах закатного солнца, чокнулся с ней мельком и снова опрокинул.

- Мужчина решил надраться, - сказала Марина медленно. - Мужчине совсем плохо... Ну же, Володя, что с тобой?

Дружбин, не отвечая, налил себе третью, но пить не стал, а поместил рюмку в луч света и устался на коньяк.

В молчании настенные часы отстукали почти минуту. Марина ждала терпеливо, Дружбин отсутствовал. Когда же он вернулся, то обнаружил, что его держат за руку и улыбаются.

- Ну, и как там?

- Где?

- Ты же в детство заглядывал.
- Лучше не бывает.
- Что вспомнилось?
- Вспомнил, как классе в пятом пришла мне дикая идея: вывести курицу, чтобы несла квадратные яйца. То есть, кубические, конечно. В ящик удобно складывать.
- Да-а, детство, - протянула Марина. - Сладкое время... У меня тоже были идеи.
- Скажи.

Она улыбнулась вдруг печально.
- Скажу. Я всю жизнь, сколько себя помню, об одном промечтала. Представь: ты идёшь по улице, и у всех, у всех, кто на тебя смотрит, глаза - ПОНИМАЮЩИЕ. Невероятно, да?
- Невозможно, - согласился Дружбин. И тут же, решаясь, заявил уверенно: - Однако надежда - есть. Даже более того!
- Чтобы ВСЕ стали ИНТЕЛЛИГЕНТАМИ?
- Так точно! Могу доказать. Хочешь?

Марина кивнула. Она глядела с любопытством и подозрением, как бывало между ними не раз, хотя встреч за эти 15 лет не насчиталось бы и тридцати. Дружбин всегда приходил с камнем на душе, всегда рассказывал что-нибудь любопытно-опасно-сомнительное, получал от разговора облегчение, которого никогда не мог объяснить, и исчезал надолго. Он и сегодня с порога потребовал: "Маня, готовь манишку". И она без удивления кивнула, готовая принять исповедь об очередном этапе многогрешной жизни государственного человека.

...Первый раз это случилось прямо в день их знакомства. Он заканчивал заочно юридический факультет, она - философский, на дневном. Их некому было познакомить, но в "День студентов" это и не требуется. На площади Студенческой, стоя среди однокурсников (пели, кажется), она почувствовала щекой взгляд и увидела парня в опрятном костюме и с аккуратной причёской - это его выделяло. Он тут же подошёл и отозвал её в сторону. Это взбесило Мефодия Ханова, её вечного поклонника, и именно из вредности она пошла. Дружбин сразу повёл себя так, как вёл потом всегда: попросил приготовить манишку. Правда, для первого раза объяснил, что не испытывает к девушке (- Как, кстати, вас зовут?) никаких чувств, кроме непреодолимого и безграничного доверия, поэтому приглашает её в духовные матери, лучше - сестры, или исповедницы, или духовницы, а проще - в "манишки". Если она захочет, он и сам готов быть для неё манишкой и жизнью своей гарантирует тайну исповеди.

Марина тогда уже прилично владела всеми отраслями психологии и умела принимать подобное без удивления. Исповедь состоялась. Вот здесь, за этим же столиком.

Правда, отношения сложились так, что откровенничал всегда один Дружбин. За все 15 лет он узнал о Марине только то, что Мефодий Ханов любил её без взаимности и именно поэтому стал преступником, хотя и из самых благородных побуждений. И то узнал об этом Дружбин не от Марины, а вынужденно, у себя на работе, поскольку к тому времени уже прошёл несколько ступеней по служебной лестнице в строгих органах общественной безопасности.

Марина же каждый раз узнавала о Дружбине такое, чего он, быть может, и сам предпочёл бы не знать, а свалить на неё да и забыть с облегчением.

После каждой исповеди ей всегда бывало жаль Дружбина, потому что все грешные дела он творил не своей охотой, а в силу государственной необходимости. И очень потом казнил себя.

Он говорил: "Ты думаешь, пытать - это обязательно огнём или ножом? Можно и музыкой, можно словом, можно даже... "Можно?" - удивлялась Марина. "Нужно, - поправлялся Дружбин. - Для народа". И казнил себя, потому что жалел пытаемых.

Он говорил: "Страшно представить, что мог бы натворить преступник, если бы завладел подобным оружием". "Зачем же вы его создали?" - спрашивала Марина. "Потому что это уже в наших силах, - объяснял Дружбин. - В оружии следует всегда быть первым". И казнил себя за всё непутёвое человечество...

Он и теперь принёс какую-нибудь недобрую тайну.

Выпил третью, плеснул сразу ещё и полез в кейс. Откуда извлёк и твёрдой рукой поставил перед Мариной белый кубик объёмом с гусиное яйцо.

Марина протянула руку, но не взяла кубик, только потрогала.

- Кубическое яйцо?

Дружбин кивнул,

- Боже мой, Володя... Бедная курица... Не ожидала даже от тебя.

- Это не я, - Дружбин возразил быстро и с облегчением. - Мы только дали возможность. Взаимовыгодное сотрудничество.

- Курице от этого не так больно?

- Ей совсем не больно. Яйцо развивается в сумке, как у кенгуру. И это не куры были. Мы их затеяли не ради яиц. Из одной такой птички - полторы шапки, потому что у них не перья, а мех, как у выдры.

- С чего это ваше ведомство селекцией занялось? Неужто для безопасности?
- Безопасность денег стоит, Маня. И вообще не забывай, что моё ведомство называется иначе.
- Я помню: Служба Особых Мер. Вот и объясни мне популярно, для чего человечеству особые меры да ещё с большой буквы?

Марина допила свой коньяк и протянула рюмку. Дружбин быстро налил, чокнулся и вылил алкоголь в себя.

- Хорошо, объясню. - Он, казалось, трезвел с каждой рюмкой. - Преступность, как ты знаешь, неуничтожима. ПОКА. Вот против неё и нужны Особые Меры, с большой буквы. опередить и предотвратить. То есть осуществить основной социальный закон: нельзя быть свободным от общества, если в нём живёшь. Но я не случайно сказал, что преступность неуничтожима - ПОКА. Смысл своего существования я вижу в том, чтобы не просто сократить, придавить преступность, а гораздо, гораздо шире: освободить человека от основного социального закона!

- Или ты сошёл с ума или забыл, что по диплому я всё-таки философ и психолог...

- Тем лучше должна понять! - Дружбин не дал ей договорить. - Философы, как сказано, лишь различным образом объясняют мир, а задача в том, чтобы его исправить.

- Знакомо! - Марина улыбнулась насмешливо. - Под этим лозунгом одни хватаются за пистолет при слове "культура", а другие - при слове "возражаю"...

- Ты говоришь о насилии, - перебил Дружбин. - Ты, конечно, против насилия. Но можешь ли ты предложить: как избавиться от насилия, не прибегая к насилию? Не отвечай, по глазам вижу - предложить нечего. А я - уже могу! И не возражай, пока не узнаешь! И не злись и не смейся, если скажу, что принцип очень прост. Я знаю, большинство мыслителей боится простоты. Но всё равно никто - никто из вас! - не возразит, что в конечном виде всё гениальное выглядит именно так - ПРОСТО! Так вот тебе схема. Все беды людские - от материального неравенства. Это неоспоримо. А на чём это основано? На неравенстве социальном - тоже очевидно. А оба эти неравенства на чём держатся? На неравенстве интеллектуальном! Как ни крути, а корень - здесь!

- Стало быть, ты...

- Да! Да! Да! Победить интеллектуальное неравенство - значит избавить род людской от всех его бед. От всех! Только представь: нет скучных собеседников, нет непонимающих глаз - твоя мечта! - каждый способен воспринять твою систему образов, а тебе доступны образы каждого...

- погоди, погоди! - Марина подняла руки, защищаясь. - Не доказывай то, что очевидно. Когда мне о таком говорят, мне плакать хочется: ведь это АБСОЛЮТНО недостижимо. Легче сделать всех уродами, чем...

- Ты ошибаешься, - тихо перебил Дружбин. - Это уже сделано. Уже бегают по Томску искусственный гений. Притом универсальный - он гениален во всём. И лишь вопрос времени - сделать такими всех. Нужно время и очень много денег. И я пойду на всё, чтобы это произошло при мне. Это не яйцо кубическое, об этом я даже мечтать боялся. Но я шёл к этому всю жизнь, я нашёл и я не отступлю. Ибо я точно знаю, что и как надо сделать. И все совпадает: моё положение и мои возможности - достаточны...

- Стало быть, твоё дурное настроение - от радости? Мы пьём сейчас твою победу?

Дружбин вылил себе остатки коньяка. Но пить не стал.

- Нет, Маня. Сегодня как раз наоборот. Сегодня мне подставили ножку. Крупно подставили, сразу под обе ноги. Чёрный день... Хорошие, добрые люди. Но - глупые. Вернее, не глупые, а мало знающие, узко смотрящие. А я не могу им всего сказать... Они разгромили секретную базу, где мы делали деньги. И привезли мне оттуда вот это яичко. Ничего прямо, конечно, не сказали: угадай, мол, начальник СОМа, что это за штука, а когда угадаешь, подумай, что такое хорошо и что такое плохо. Учужали как-то, что я причастен.

- Плакали большие деньги?

- Ручеёк, - поправил Дружбин. - Но всё же ручеёк золотиносный. Из таких получается река... Всего им не перекрыть, конечно. Но - досада. Было - и нету. Напрочь сожгли.

- Ты их посадишь?

- Не-е-ет! - Дружбин засмеялся. - Их не за что сажать. Они за грибами ездили... Их вообще даже наградить полагается, потому что это было производство нелегальное, оно крало у государства много электроэнергии, налогов не платило, притом оно было опасное... Ну, не будем вдаваться. Этих бы парней к нам привлечь, да не хотят. Свободу слишком любят.

- Я их знаю, наверно?

- Конечно, знаешь. Малюхин Женька да Игнат Эвкалиптов.

- Почему-то так и думала.

- А почему?

Марина, не отвечая, пощёлкала ногтем по пустой рюмке. Дружбин погрузился.

- Прости, не рассчитал. Отлить тебе из моей?

Марина потянулась к холодильнику и выставила бутылку водки.

- Маня, тебе нет цены. - Дружбин по-настоящему растрогался. Быстренько опрокинул свою

рюмку, распечатал водку, налил всем, заставил Марину чокнуться и, держа рюмку на весу, трезво повторил вопрос: - Альзо, почему же ты догадалась, что именно Малюхин и Эвкалиптов?

- Голую правду? - Марина от водки сразу опьянела.

- Ничего, кроме правды.

- Ладно. Только не обижайся. Эти двое настолько не любят ходить в строю...

- Это я и сам говорю. На что же тут обижаться?

- Они настолько не любят ходить в строю, что ты НИКОГДА не загонишь и не заманишь их в строй. Даже если в строю будут одни гении.

- Посмотрим, - Дружбин нахмурился и пригубил водку. Выпил залпом и вдруг хитро прищурился. - Если в строю будут одни гении, они сами туда захотят!

- Ой, ли?

- Увидишь! - Дружбин налил себе ещё и, уже не чокаясь, начал смаковать водку и внюхиваться в свежий огурчик. - Мне бы только его поймать...

- Кого?

- Что - кого?

- Кого поймать тебе надо?

- Это я так сказал? - Дружбин пьяно удивился. - "Поймать" сказал?.. Да нет, я сказал - "поймать".

- Но - кого?

- Что? Поиметь кого? Да я, Мань, ещё сам не знаю. Я только знаю, что проблема решена. - Дружбин вдруг опустил руку под стол и поднялся с кейсом. Открыл его, бросил туда свой белый кубик, захлопнул кейс и щёлкнул каблучками. - Честь имею, мэ.

Марина встала и приблизилась. Он взял её руку и нежно поцеловал пальцы.

- Манишечка ты моя. Спасибо тебе. Прости меня.

- Это - всё? - Марина поправила ему галстук и задержала руку на груди.

Дружбин ещё раз поцеловал её пальцы, пробормотал: "Прости" и быстро вышел, не качнувшись.

Марина постояла на том месте, где он её целовал, и понаблюдала за минутной стрелкой настенных часов. Когда стрелка дошла от цифры "3" до цифры "5", хозяйка дома нащупала на столе салфетку, осторожно промакнула глаза и, опустив, наконец, лицо, сделала глубокий вдох.

- Живём дальше.

Ни к чему на столе она больше не прикоснулась, а ушла в горницу и села там за рабочий стол. Лёгким движением была сдвинута часть обширного книжного стеллажа, и из потайной ниши явилась на стол тетрадь в коричневой кожаной обложке.

Снаружи она больше походила на солидную книгу, ибо имела на обложке серебряное тиснение, которое пристрастному глазу явило бы вид оптического прицела, помещённого в середину стилизованного широколапого креста.

Заложенная промокашкой дальше середины, тетрадь распахнулась сама. Марина взяла очень старую китайскую авторучку с золотым пером, поставила число, как это делается в дневнике, и записала следующее:

"Был ВД. Они там подступились к чему-то крайне важному: впервые не рассказал подробностей, притворясь пьяным. Суть: кем-то искусственно получен универсальный гений (УГ), адрес ВД, скорее всего, утаил. У ВД не достают до него руки, что почти невероятно. Идея ВД: сделать всех людей гениями, дабы "интеллектуальное равенство привело к равенству социальному и материальному - глобально". Очередная попытка осчастливить человечество. Проблемы: время и очень большие деньги. Последнее они давно решают криминально. Пример: ЕМ и ИЭ недавно "разгромили секретную базу", где подпольно выращивались какие-то сумчатые мутанты - мех для шапок и кубические яйца в сумке. Разгромом "перекрыт золотоносный ручеек", но река, надо понимать, цела, и СОМ в ней режется и жиреет. Упоминание о ЕМ и ИЭ, думаю, не случайно. Чувствуется какая-то связь между ними и УГ, непонятная самому ВД или скрываемая им. Возможно, не обошлось без Доктора - все технические чудеса, сколько помню, зарождаются в поле его интересов, контроля или прямой деятельности. Тогда ясно, почему промолчал о нём ВД. А сам он не скажет. Я ему - не манишка, он мне - не ВД. А жаль. Доктор - не ВД, он нежен душой.

Резюме. Если они сумеют реализовать идею ВД, у них всё получится - без всякой смуты и нестабильности, тихой сапой и даже со спасибом. Финишная прямая?

Задача. Выявить УГ - всё внимание этому! И опередить ВД: исполнитель, конечно, он, а мнит себя Бог знает кем. Ах, Володя, бедный".

Марина спрятала тетрадь, произнесла ясным голосом: "Гос-споди, ну за что?", вложила лицо в ладони и застыла надолго.

Чаепитие в подполье.

Человек поднял пистолет и выстрелил другому в затылок, в упор, столь обыденно, будто гвоздь заколачивал. Голова дернулась, колени подломились, убитый завалился назад, на руки убийце. Тот, вопреки ожиданию, не отпрянул, а заботливо подхватил жертву под мышки и свалил туда, куда

требовалось - вперёд, в неглубокую яму. Толпа свидетелей стояла неподвижно, с пустыми лицами. Расстрел предателя. Фильм из служебного архива последней войны. Шабаш освобождённой прессы.

- Да как можно это смотреть?! - Аля бросилась к телевизору и выключила.

- Зря, - возразила Настя. - Очень полезное зрелище. Особенно для историка. Или в твою диссертацию это не лезет?

- Как раз наоборот, сыта по горло. - Аля огляделась. - Ну и как вам здесь?

- Во-первых, страшно, - Настя округлила глаза. - Они же все смотрят... А во-вторых, неловко.

- По той же причине, - Аля улыбнулась. - Но учти, у художников есть такая похвала работе: "Смотрит!" Конечно, это хорошо в выставочном зале. А с мужчиной при них... Слушай, а что если их всех повернуть носами к стене? Вот так, вот так...

- Нет-нет, не надо, - Настя вернула скульптуры в прежнее состояние. - Не обидеть бы хозяйку.

- Да Анюта не обидчивая, - Аля пощупала обвязанный полиэтиленом большой ком глины на треноге - заготовку для чьей-то головы.

- Я и сама не хочу, - призналась Настя. - Затылки... Она поёжилась от воспоминания и поставила на электроплитку старый эмалированный чайник. И плитка, и чайник, и стол, и табуретки - всё было испачкано чем-то несмываемым, разных цветов, в том числе и красками. Явно не в первый раз пощупав сиденье табуретки, Настя убедилась, что оно не липко, и с сомнением придвинула эту странную вещь Але, а сама, после такой же процедуры, осторожно села на другую и спросила:

- Как это ты нас так быстро нашла?

- Свёкор, - Аля тоже пощупала табуретку и решила пока не садиться, а принялась разглядывать глиняные, гипсовые и деревянные фигуры. - Анюта ведь его знакомая. Чуть ли не ученица. Он говорил?

- На бегу. Мы всю ночь продружили в каких-то детских садах, под какими-то грибочками, а под утро Витя позвонил Владимиру Матвеевичу, и он сразу сказал, чтобы через сорок минут были у этого дома. Примчался, отдал Вите ключ, показал дверь и сразу уехал на работу.

- Он уехал не на работу, - сказала Аля весело. - Куда ему ехать, он же дома работает. Поехал он сразу к нам, но Евгешу уже увёз Игнат.

- Сегодня же выходной, - вспомнила Настя. - Куда это они?

- Сказали, будто за грибами. Надеюсь, вернутся живыми. Привыкла.

- Правда, привыкла?

- Вру, конечно. Я за него всегда молюсь. И за Игната. За него ведь некому. Он, после того как убили Ольгу, одинокий такой...

Разговор прервался.

...Ольга с маленькой дочкой ушла от мужа, который их предал, и Евгений увёз их из Симферополя в Томск. Но банда нацистов, от которых Евгений спас Ольгу в крымском лесу, нашла её и в Томске. На несколько секунд всего опоздал Евгений на этот раз. Он ещё был таким же быстрым, как Игнат - когда-то шаровая молния, которая взорвалась рядом, дала им двоим невероятную реакцию и быстроту, а Ивану Терехову - невероятную силу. Но после расправы над бандой Евгений свою быстроту утратил, хотя, кажется, и не совсем. Знала Настя даже о том, что Ольга была похожа на Алю, и что в эту сероглазую умничку Алю с детства влюблены все - и одно-классники Ванька Терехов с Витькой Маковым, и муж Евгеша, и бывший хулиган, отличник-второгодник Игнат Эвкалиптов. Настя не ревновала Виктора к Але. Она тоже была умничка и знала, что детская любовь - самая прочная и превращается с годами в нежное чувство, которое, может быть, даже сильнее любви, потому что более надёжно. Названия этому чувству она не знала, а из тех слов, которые пыталась подобрать, складывалась чепуха вроде "душевной верности", и она оставила ЭТО без названия, предпочитая просто ЗНАТЬ.

- А я видела, как Витя входил в спортивный магазин. Он скоро придёт с огромным рюкзаком, и вы убежите в тайгу. Правда, это спасение - только до зимы.

- В городе нас быстро поймут, - сказала Настя уверенно. - И не уедешь, и не улетишь - СОМ глазастый. Надо пешком и не по дороге.

- А ведь я не знаю, почему вас ловят. И свёкор не знает.

Вопрос, казалось, прошёл мимо Насти. Она встала и принялась кропотливо, из многих компонент, заваривать чай.

Аля перенесла свою табуретку к столу, отважилась сесть и усталилась в жуткую деревянную рожу, вырезанную из толстой доски, выкрашенную морилкой и когда-то покрытую лаком, но уже отчищенную. Рожа была склеена из двух половинок по старому расколу и никакой хозяйственной функции выполнять не могла - просто стояла на столе, прислонённая к стене, как сомнительное украшение, и тарачилась. Добела отчищенные зубы у неё были оскалены, а в глазах застыло горе.

Помолчав и не дождавшись от Насти ответа, Аля предложила:

- Давай расскажу тебе сказку.

- Страшную? - Настя накрыла заварную кружку старой фетровой шляпой, на которой было охрой начертано: "Чай", и села рядом.

- Не любишь страшных?
- Люблю. Я ведь сама - из страшной сказки. Я люблю сочувствовать.
- Ну, тогда слушай. Пока чай заварится, как раз и расскажу. Эту сказку сочинила электронная машина, которая у дяди Севы Дорошенко. Но есть и прототипы.

МАСКА

"Всем давно известно, что дереву больно, когда его спиливают. Это для него гораздо больнее, чем, например, для человека сверлить больной зуб. Не все, однако, соглашаются с тем фактом, что больно не только живому дереву, но и доске. Дерево, мол, и так едва живое, а доска - и подавно.

Всё это от того, что люди потеряли настоящую природную чувствительность. Они пытаются сегодня улавливать приборами то, что когда-то чувствовали просто так. Но какой прибор способен зарегистрировать запах гнева? Или аромат дружелюбия?.. А между тем любое животное - конечно, кроме нас - чувствует! Достаточно поговорить с любой кошкой, собакой, лошадью (дикие животные просто не захотят иметь с нами дело), - и мы узнаем, что и страх пахнет по-своему, и радость, и озабоченность. А у боли просто множество запахов, один другого больнее. И самое интересное, что у них боль бывает тоже не только мучительная, но и такая, которая приносит что-то вроде удовольствия. Например, когда выдёргивают занозу.

Совершенно так же можно угадать, какую боль испытывает растение. Когда пилят или рубят сырое, совсем живое дерево, то даже человек может почувствовать в запахе его щепок и опилок уныние и тревогу. Правда ничего большего ощутить человеку просто не дано: он глух к настоящим запахам. Дикий зверь, например, сразу поймёт, что дерево не в тревоге и не в унынии, а в отчаянии и ужасе.

Если же человек мог бы по-настоящему понимать чувства сухой доски, он бы изрядно удивился.

Подойдём-ка к старинному деревянному дому, который ломают на дрова. Отломим от резного карниза какую-нибудь завитушку. Раньше всю резьбу на домах выполняли из кедра, поэтому на изломе увидим почти красные, ещё крепкие волокна, пропитанные смолой, а в лицо ударит такой запах, будто перед нами не почерневшая от веков деревяшка, а букет свежих полевых цветов. В эту минуту, если вспомнятся и запахи боли, можно подумать: "Неужели ужас и отчаяние способны так благоухать?" Но это вовсе не ужас и не отчаяние. Старая доска с резьбой так долго считала себя погибшей, что от ЭТОЙ боли она испытывает младенческий восторг пробуждения. И освобождения. Ей вспоминается юность в лесу, она хочет расправить могучие ветви и потянуться к солнцу...

Прошу извинить за длинное предисловие, но без него было бы трудно понять те события, которые сейчас произойдут.

Когда сломали старый дом, одну толстую доску унёс некий любитель удивительных вещей. Доска была кедровая, красная на срезе и совершенно без трещин и сучков. Ее оторвали от перегородки внутри дома - то есть погода на неё никогда не действовала, и она хорошо сохранилась под человеческие голоса, в человеческом тепле и чистоте.

Любитель удивительных вещей поднялся в лифте на девятый этаж, вошёл в свою квартиру и там отпил от доски почти квадратный кусок. Оставшуюся часть унёс на балкон, а отрезанный кусок положил на лёгкий тонконогий верстачок и зажал двумя железными винтами. Для простоты будем называть этот обрезок просто - Доска.

- Вот это запах! - услышала Доска человеческий голос. - Это же просто обалдеть!

"Не очень-то он литературно выражается, - подумала Доска. - Те, кто сиживал подле меня в былые времена, знали в языке больше толка".

А любитель удивительных вещей (будем называть его просто - Любитель) взял тем временем рубанок и снял с Доски несколько стружек. Это было приятно, и Доска одарила его крепким запахом отстоявшейся смолы.

- Обалдеть! - повторил Любитель и отложил рубанок. Взял карандаш и громко засопел над доской, что-то на ней рисуя.

С рисованием Доска до сих пор близко не сталкивалась, поэтому ничего не поняла. К тому же Любитель не бог весть как здорово рисовал. Он часто стирал, много подправлял и переделывал. Даже очень опытная в рисовании доска в конце концов устала бы следить за его движениями.

- Ну, так сойдёт, - сказал, наконец, Любитель. И Доска почувствовала холодное лезвие резца. Она испугалась: такой малокультурный человек мог совсем не знать толка и в инструментах, а для сухой доски нет ничего неприятнее тупого ножа.

Однако резец был отточен отменно, доставлял только приятную боль, и Доска радовала Любителя добротным ароматом свободы. Она даже простила ему низкую культуру речи, поскольку вспомнила, как её прежние высокообразованные друзья не раз говаривали, что неумение красноречиво баять - это даже особое отличительное качество мастеров рукоделия.

"Что же он из меня вырезает? Хоть одним бы глазком посмотреть со стороны".

И поскольку эта доска получила в прошлом весьма разностороннее образование, она довольно скоро догадалась, каким способом увидеть себя - не со стороны, так изнутри, по ощущениям. Ей не

составило особого труда представить себя почти квадратным зеркалом - таким же, какое висело когда-то на стене напротив перегородки. В том зеркале отражались её высокообразованные друзья, а в этом, воображаемом, стали отчётливо отражаться все линии, которые проводил на ней остро отточенный резец.

Она увидела длинный и довольно неровный нос. Даже не то чтобы неровный, а попросту весьма кривой и горбатый. Ноздря хищно раздулась, вниз от неё сползла неприятная злая складка.

"Ничего себе!", - подумала Доска и только порадовалась, что не может произнести эти грубые слова вслух.

На второй ноздре Любителю попался незаметный раньше небольшой сучок, и он превратил его в отталкивающую коричневую бородавку. Ноздря из-за этого получилась кривая.

"Ай-ай-ай! - подумала Доска. - Дело принимает несимпатичный оборот. Однако ещё не конец..."

Лезвие тем временем вырезало вторую злую складку и принялось за губы.

"Улыбка ещё могла бы спасти положение, - подумала Доска. Я знала совершенно некрасивые лица, которые в улыбке расцветали самым неожиданным образом".

Когда же искажённый яростью рот соединил злые складки и оскалился неровными и редкими, но острыми и крепкими зубами, надежда на улыбку погасла.

Правда, ошеломлённая Доска почувствовала, что теперь может сказать вслух что угодно, однако слова из такой пасти просились всё какие-то неприличные, и она молчала, стараясь понять, что же с ней такое творится.

"Мне дарят лицо, - размышляла Доска. - Следовательно, будут на нём глаза, и я смогу разглядеть своего Любителя как следует. Он всё же мастер, а мастер не может быть злым. Надобно просто вникнуть в его идею... А пока будем надеяться на брови. Если их высоко поднять, то выражение лица получится не таким уж страшным, скорее - удивлённым. А с удивлением примириться можно. Я знала человека с постоянно удивлённым лицом. Он всегда говорил только правду и часто восклицал: "До чего же здорово устроено мир!" Мне даже кажется, что удивление - самое подходящее выражение для человеческого лица".

Пока Доска размышляла таким образом, на ней появилась одна, потом вторая насуспенная бровь, а переносицу рассекла угрюмая складка.

"Да нет же, не всё ещё потеряно! - убеждала себя Доска в полном отчаянии. - На самом непривлекательном лице можно встретить прекрасные умные глаза. Глаза рассказывают о человеке гораздо больше, чем любая гримаса, даже часто больше, чем слова. Совсем нередко добрые лица искажаются от боли, от душевного страдания... Впрочем, должен же быть и какой-нибудь запах!"

Своим новым носом Доска уже различала какой-то запах, но ещё не могла понять, что он выражает у этого человека. Она с нетерпением ждала, когда же у неё появятся прекрасные умные глаза, так что было пока не до запахов.

И - дождалась. Лучше бы ей не дожидаться...

Из-под нависших бровей выпучились не глаза, а свирепые буркалы, бессмысленные и беспощадные.

- Вурдала-а-ак! - услышала Доска. - Упы-ы-ырь! Вампирюга! Ух, ты, зверюга!

Её щёлкнули пальцем по носу, потом по морщинистому лбу. Её страшные глаза увидели того, кто её вырезал. Это был вёрткий человечешко с упитанным лицом, с кудрявыми редкими волосами и оттопыренными ушами. Нос у него был короткий, ноздри наружу, на тонкой верхней губе змеились чёрные усики, а глаза были белые, пустые и смотрели из-под круглых рыжих бровок с удивлением, но без тепла.

- Ишь, смотрит! - воскликнул Любитель. - Вот это я! Спорю на что угодно: сегодня эта рожа всех перепугает!.. Только бы успеть...

И он стал поспешно заканчивать работу. Зачистил грубые черты мелкой наждачной бумагой, кое-где помазал коричневой морилкой, ещё почистил и покрыл лаком:

- Так страшнее... У-у-у, образина!

И тут Доска не выдержала. Не разжимая зубов, попросила:

- Хочу быть доской.

Она сказала это очень тихо, но Любитель вздрогнул и оглянулся. В комнате, конечно, никого больше не было. Тогда он с подозрением посмотрел на Доску. Она таранилась и молча ждала. Он покачал головой и сказал:

- Нельзя так много работать. Мерещится чо попало.

- Хочу быть доской, - повторила Доска. Любитель снова вздрогнул, всмотрелся в страшное лицо, даже наклонился к нему - послушать, не дышит ли... Потом сказал:

- Вырезал нечисть, вот и мерещится. - Засмеялся и погрозил пальцем. - Ты смотри у меня, деревяшка! Ты теперь не доска, ты - Маска! Так что не капризничай.

Довольный своей шуткой, он подмигнул. Доска не ответила, потому что поняла наконец, что это за запах от него исходит. Человека с таким запахом не упросишь. Она вспомнила, как всего однажды встретила этот запах. В комнату, где она была перегородкой, вошли строгие люди и увели одного из

высокообразованных друзей. От этих строгих так разило нетерпимостью, что запах этот вьелся в Доску навсегда.

"Увы, - подумала теперь Доска. - Придётся быть Маской. Наверно, повесят на гвоздь. Не очень-то приятно - всю жизнь пугать гостей глупой свирепой рожей, а в глубине души хранить воспоминания о весёлых встречах с приветливыми людьми. Увы, мне".

- Одного жаль - запаха кедровой смолы, - сказал человек. - Морилка спиртовая отбила начисто. Ну да ничего, нам это не нюхать, нам на это смотреть да гостей пугать.

И тут пришли гости. Многие из них были чем-то похожи на хозяина, и он им нравился, а они нравились ему.

Гости-мужчины шумно восхищались Маской. Гости-женщины шумно и притворно пугались. Кто-то сказал, что хозяин - настоящий мастер. Кто-то добавил, что у него золотые руки. Маску назвали отвратительно прекрасной, потом восхитительно ужасной, потом ужасно восхитительной и заспорили, какое название точнее всех.

Потом ели-пили и о Маске забыли. А она, полная печали, стояла на верстаке, прислонённая к стене, и тарасилась на них с ненастоящей злобой. И вспоминала, как когда-то бывало тепло от прикосновения к ней, перегородке, многих добрых спин.

Когда гости повеселились и поплясали, они убавили свет и опять собрались у верстака.

- При слабом свете ещё страшнее, - сказал один.

- Как живая смотрит, - сказал другой.

- Образина рогатая, - сказал хозяин глухо. Маска вдруг почувствовала, что от него исходит запах ненависти. Наверно, он вспомнил, как разговаривал с деревяшкой, как растерялся, и теперь стыдился своего страха.

- На какую стену повесишь? - спросил третий гость.

- Ни на какую.

- Повесь над настольной лампой, - предложил первый гость. - Самый страшный вид, когда свет снизу.

- Я изрублю её на куски! - рявкнул хозяин.

- Лучше подари мне, - сказала одна из женщин. - Мне её почему-то жалко.

- Смотрите! - засмеялась другая. - Он сам её боится!

- Да как такую не бояться? - сказала третья. - Этой твари палец в рот не клади.

- А ты попробуй, - предложила четвёртая. - Вон у неё щель между зубами.

- Боюсь, - ответила женщина и отошла подальше.

- Я тоже, - сказала вторая.

- И я, - сказала четвёртая. - А вот мужчины не боятся. Ну-ка!

И каждый гость-мужчина, чтобы не показаться трусом перед дамами, подошёл к Маске и подержал палец между её страшными зубами.

- А ты? - закричали дамы хозяину. - Ты тоже покажи нам свою храбрость.

- Сейчас покажу, - прорычал Любитель удивительных вещей. И вытащил из-под верстака небольшой, остро отточенный топор. - Я ей сейчас покажу!

- Нет-нет! - засмеялись дамы. - Сначала палец!

- Что ж, - сказал хозяин, - извольте. С топором в правой руке он шагнул к Маске и сунул левый указательный палец в оскаленную пасть.

Острые зубы чудовища страшно лязгнули. Дико вскрикнул человек с топором. Завизжали и отпрянули гости.

"Вы сами этого хотели", - подумала Маска.

В следующую секунду топор расколол её пополам.

В тот же вечер одна из женщин унесла обломки Маски домой, склеила и поставила на стол. Бывало, они подолгу смотрели друг на друга, и тогда в свирепых деревянных глазах появлялось печальное удивление".

- Это о ней? - Настя кивнула на страшную деревянную рожу, которая, как ей показалась, готова заплакать.

- О ней.

- Я поняла, - Настя достала откуда-то из-под стола три стакана в берестяных рубашках. - Мы с ней похожи. Только я никого не кусала. Меня ни за что раскололи. А Витя - склеил.

- А его склеил мой свёкор, - Аля знала о Настинной болезни и опасалась углублять эту тему. - Знаешь, как было дело? После контузии Витюшке ничего не помогало, и Владимир Матвеевич стал учить его резьбе по дереву... Ты бы видела, сколько было счастья, когда он моему Матвею вырезал первую игрушку!

- Ребёнка хочу! - Настя вздохнула. - Мне кажется: рожу - и все беды прочь.

- Так и будет! Чувства не обманывают.

- Хорошо с вами со всеми. С вами не надо... кривляться. Понимаешь, о чём я?

Аля кивнула.

- У нас никто не кривляется. Мы просто живём - и всё.

- Я уж и не верила, что найду таких, - продолжала Настя. - А вы сами меня нашли. Вот удираю, скрываюсь, а всё равно мне хорошо и легко: есть СВОИ.

И опять встало молчание: разговор вернулся к запретной теме.

- Да ничего тут нет запретного, - сказала Настя через минуту. - Я просто в затруднении: КАК рассказывать. Кое-чего не знаю, потому что секретов было много, Витя им подписку давал. А кое-что трудно представляю, хоть оно и близко мне по профилю. Надо ведь ещё переводить на твой язык, на человеческий...

- Расскажи без перевода. Что не пойму - спрошу.

- Ладно, - Настя хотела наливать чай, но передумала, видимо, в ожидании Виктора. - И душу излить хочется, и, может быть, разберёмся в чём-нибудь вместе. Начну, как знаю, с самого начала.

Всеволод Серафимович Дорошенко - человек, безусловно, великий. Не зря у него прозвище - Доктор. В прошлом веке и раньше он бы прославился как универсальный изобретатель. А в наше время даже гениальность вынуждена тяготеть к узкой специализации - иначе за жизнь ничего не успеешь. Но, конечно, и не без набегов в смежные области: там на стыках особенно интересно бывает. Вот это как раз о Докторе.

Например, когда он взялся за установку, которая передавала бы энергию не по проводам, а прямо через пространство, в виде сгустков...

- Шаровых молний? Как у Мефодия Ханова?

- Да. Только Ханов так и не успел их укротить. Нужны были материалы, которых ещё не было. Но Доктор вторгся в физхимию, в металлургию - и получил всё, что хотел. Он не виноват, что в таком замечательном МИРНОМ аппарате кто-то сразу увидел противоракетную пушку... Потом это же повторилось и с ЛУСТом: так же вторгнулся в химию, в акустику, в биологию... И опять сделал оружие, вместо пастуха и сторожа. Пришлось прятать прибор.

С горя он поклялся, что дальнейшую жизнь свою посвятит таким разработкам, от которых военным - ну никакого прока. И в самом деле, его электронный писатель - просто образец пацифизма. Одна сказка про Пулемёшку чего стоит...

- Я не читала, - сообщила Аля.

- Это про пулёмёт, который стреляет только по неживым мишеням. А нажмёшь по человеку - осечка.

И всё шло у Дорошенки хорошо, пока военные не стащили и не усовершенствовали ЛУСТ. Деваться стало некуда: либо принимай участие в испытаниях и доводке - тогда возможен хоть какой-то контроль, либо махни рукой - пусть сами ломают свои дрова. Но это накладно для совести. Тут он и решился применить МГ.

- Что это?

- Грубо говоря, самая маленькая из возможных копий человеческого мозга. Но это слишком просто. МГ - значит "микрогений". И он не столько мозг, сколько стимулятор. Притом в него заложены возможности и нервно-мышечной стимуляции, и какие-то особые психические модули... Сам по себе он, правда, ничего не может. Ему нужен носитель-человек. И если спрятать его в человека - ну, просто вшить под кожу в любом месте, - он включается во все процессы и активизирует ВСЕ возможности мозга и организма до гениальности. Уф-ф-ф! Притом, и это ещё не всё. Заметь особо: психические модули, о которых я говорила, - это своего рода ограничители агрессивности. Тормоза, как у робота: ничего не делать во вред человеку. Дядя Сева верен себе: "микрогений" не может быть использован военными. Теоретически не может. Вот мы и подошли к нашим с Витей несчастьям. Ваня Терехов, который тоже участвовал в создании МГ, вшил эту штуковину Вите под лопатку, и Витя стал универсальным гением - как раз таким, как хотел Дорошенко. Испытали его новые способности в аналитическом отделе ЛЧС, и был Витя подброшен военным в качестве эксперта по доводке ЛУСТа. Дорошенко заявил им красиво: "Я отдаю вам любимого ученика и снимаю с себя дальнейшую ответственность за ЛУСТ. Но предупреждаю: не будете ему доверять - пожнёте горькие плоды".

- Они, конечно, не послушались?

- Отнюдь. Они, как настоящие военные, пошли в обход.

Они знали о прошлом Виктора всё. Аэроклуб, армия, контузия, лечение, инвалидность, Лига частного сыска - всё. Ни одного проблеска гениальности и ни одного намёка на ученичество у Дорошенки. Следует из этого только одно: искусственное вмешательство. Дорошенко подобрал несчастного и вдохнул в него гениальность. Как вдохнул? Разумеется, доступным и привычным способом - с помощью электроники.

Полгода к Вите присматривались, а за Дорошенкой подсматривали. Им надо было понять, сделана Вите прививка, операция или его разово облучили или его постоянно держат в каком-то луче. Все виды облучения отпали вскоре, ибо антенна из Вити нигде не торчала и в полностью экранированном помещении он гениальности не терял. Анализы его выделений, взятые тайком, тоже ничего не выявляли, поэтому химическая версия, которую связывали с Иваном, отпала.

Все эти происки с анализами, экранами и антеннами Витя замечал и посмеивался молча. Наводящие вопросы - обходил, многое из того, что умел, старался скрывать. Да притом всячески тормозил запуск ЛУСТА в серийное производство. Уж это ему труда не составляло: он в электронике сразу обошёл и самого Дорошенку.

И всё-таки его подловили. Однажды грузовик прижал его бампером к стене. Чтобы не расплющило, пришлось оттолкнуть. В другой раз неопытный солдат включил у карманного ЛУСТА "защиту от дурака". Всех кругом положило в обморок, а Вите - ничего, он сразу и не заметил. А когда заметил - притворяться поздно. Отключил прибор, и сомовцы окончательно убедились, что источник гениальности - при нём. Тогда подстроили ему драку. Три переодетых солдата из спецназа изображали грабителей. Он ножи отобрал, а их ничуть не покалечил. Просто сложил рядышком. Правда, не предусмотрели, что он их допросит. А он после этого - к Дорошенке: "Обследование закончено, меня раскусили". Тот ему: "Не бойся, выручим".

Вите это было даже интересно, он всерьёз не принимал, потому что считал ИХ умными. Когда спросили напрямую, он прямо и ответил: "Да, вшит приборчик, единственный экземпляр. Но вам он без пользы, потому что подавляет агрессивность". Они, однако, упёрлись: "При таких возможностях грешно не попробовать. А для агрессивности постепенно лазейку найдём - на то ты и гений". Витя мирно противился, в приборе им отказал, потребовал немедленного свидания с Дорошенкой, но его обманули и хитростью поместили в одиночку. Пока готовились к операции по вырезанию МГ, Витя от них сбежал.

- Понятно, - сказала Аля, - да не всё. Если они этот приборчик получают, они в нём разберутся?

- Едва ли. Я держала его в руках. Он как камушек - не подступишься. Неужели разбивать? Как голову на наковальню.

- А Дорошенка что говорит?

- Говорит, что неразбираемо и неиспытуемо.

- Он знает, что вас ловят?

- Конечно.

- А ему что грозит?

- Абсолютно ничего. Он для них слишком большой, чтоб с ним - как с Витей. Никаких записей, всё в голове, не отберёшь. Но и он против НИХ бессилён.

- А если прессу подключить?

- Для прессы Витя уже закрыт как носитель государственной тайны: никакой информации. Кстати, как и Дорошенка.

- Вот так обложили, - Аля покачала головой. - Что же делать?

- Спрятаться, - Настя не сомневалась. - Не попадаться ИМ, пока вы тут не найдёте сделать эту историю гласной.

- Где Дорошенка?

- Под домашним арестом. Иван - тоже. Телефоны отключены.

- Произвол!

- В интересах же народа, - Настя усмехнулась.

- Надо к прокурору! - заявила Аля твердо.

- Кому? - Настя опять усмехнулась. Аля посмотрела с удивлением, потом задумалась и наконец принялась рассуждать вслух:

- В самом деле, никому из нас ведь без фактов не поверят. А факты - это только вы с Виктором. Даже не вы, а он один. Но даже если он прорвётся к прокурору...

- Не прорвётся, - перебила Настя. - Его возможности не беспредельны. Перехватят. Думаю, и перед стрельбой не остановятся,

Совсем рядом хлопнула дверь. Затопали и загомонили мужскими голосами за стеной.

- Ты заперла? - Аля кивнула на дверь, которая вела в промежуточный тамбур, к туалету. Настя кивнула.

- Засов чисто символический, - сказала она тихо. - В случае чего - не поможет.

- Додумался же кто-то, - Аля покачала головой.

- Экономия, как всегда, - Настя хмуро улыбнулась. - Один туалет на две мастерских, а входы отдельные. И в гости ходить удобно. Всё для человека.

Скрипнул ключ в замке уличной двери. Аля встала. Настя положила руку на кухонный нож.

Вошёл Виктор. С порога улыбаясь, опустил на пол альпинистский рюкзак и большую сумку.

- Привет! Испугались?

Обе кивнули.

- Это к фотографу пришёл живописец, - тихо сообщил Виктор. - А с ними ещё некто. Без бороды, но, по-моему, тоже художник.

Слышно было, как из соседней мастерской вошли в туалетный тамбур. Постучали в запертую дверь, подождали, позвали: "Анюта!"

Виктор покачал головой: не отзываться. Помолчали. Стук не повторился. Гость покинул тамбур.

- Ты задержался, - сказала Настя с лёгкой тревогой.
 - Да эти трое у своей двери топтались. Пережидал.
 - А ещё?
 - Гм... Ну всё ты видишь! - Виктор засмеялся. - Ещё я Дружбину позвонил из автомата.
 - Да он же засёк твой автомат!
 - Я сказал, что я на машине, засекай бесполезно. Полминуты говорили. Я спросил, чего им от меня надо. "Только одного: внедрения микрогения". Для чего? Он ответил, что я дурак, хотя и гений. И объяснил, что МГ нужен для безопасности общества. Я спросил: "От кого?" Он назвал меня дураком ещё раз и бросил трубку. Сказка про белого бычка.

- Бросил трубку? - Настя сникла. - Совсем худо.
 - Да, пока мы в городе, мы у него в руках.
 - Срочно нужна машина! - Аля сделала движение к двери.
 - Присядь, - Виктор остановил её жестом. - Вы же меня ждали - чаю попить. Вот и давайте. - Полез в большую сумку. - Пряники мягкие, масло свежее, яблоки румяные. Навались!
 Он говорил тихо, но не старался, чтоб не услышали за стеной. Он сказал загадочно:
 - И не будем никого бояться. Людям всегда полезно узнать себя получше.
 Едва приступили к чаю, как снова затопали в тамбуре, уже решительно застучали в дверь, и густой голос воззвал:
 - Эй, кто там в мастерской? Отпирай по-хорошему, иначе дверь сломаю!
 Настя опять положила руку на кухонный нож.
 - Это сосед-фотограф, - сказала Аля. - Он безобидный.
 Виктор освободил дверь. Из тамбура вежливо шагнул огромный бородач свирепого вида. Мягко объяснил:
 - Мы с Анютой внутренние двери не запираем, когда уходим. Если входить нельзя, откликаемся на стук. А раз, думаю, не откликаются, значит чужие влезли. Но вот вас, - кивнул Але, - видел здесь. Матвеича родня, точно?
 - Все свои, - сообщила Аля. - Анюта дала ключ. На пару дней.
 - Прекрасно, - сказал бородач. - Перебирайтесь к нам. Нас тоже трое и мы тоже пьём чай.
 - Сейчас придём, - сказал Виктор.
 - Давайте, - бородач удалился.
 - Дружбин думает, что мы на технике, - Виктор улыбнулся коварно, - он ловит нас на дорогах. А мы - у него за пазухой - в самом безопасном месте. Так насладимся жизнью!
 - А эти люди нас не выдадут? - усомнилась Настя.
 - Людям полезно узнать себя получше, - повторил Виктор.
 Они собрали посуду и продукты и перебрались в фотомастерскую.
 Там разгорался спор. Хозяина-Фотографа называли Мастером, двое других были: Писатель и Художник.
 Писатель разглядывал свой фотопортрет, двое других смотрели на него. Они стояли у большого рабочего стола посреди комнаты. Мощный свет из юпитеров над столом падал на большой медный чайник и всё прочее для чаепития, а среди всего этого, почему-то вполне уместно, матово блестел американский "ПолярOID", из которого снимок только что был извлечён. Когда гости входили, писатель говорил почти брезгливо:
 - Ты опять меня обглодал.
 И бросил снимок на стол, как бросают рыбий скелетик. Мастер жестом пригласил гостей присоединяться, назвал своих собеседников Писателем и Художником, без всякого внимания вытерпел, пока представлялись гости, и вскричал, обращаясь к Писателю:
 - Ну почему у меня нет такого таланта?! Вот же без малейшего размышления нашёл слово! А я всю жизнь мучаюсь, когда придумываю названия к снимкам! Ведь именно - об-гло-дал! О, чёртова музыка! Об-гло-дал-л-л! Чудо!
 - Нечем восхищаться, - Писатель взял свой стакан и отвернулся от стола.
 - А люди восхищаются! Ты же на выставке видел! Ты же книгу отзывов читал!
 - Восхищаются извращенцы, вроде тебя. А из твоих моделей никто даже на открытие не пришёл. Можешь объяснить, почему они не желают тебя видеть?
 - Да потому что я их ОБГЛАДЫВАЮ, прелесть моя!
 - Ну, предьявляешь ты людей навыворот... А кому от этого польза?
 - Миру! - Мастер даже воздел руки, будто хотел призвать в свидетели Вселенную. - Любая правда улучшает мир! И ничего нет выше!
 - Ты, конечно, умный, - сказал Писатель смиренно. - Только мне для обложки нужна не эта образина, а человеческое лицо.
 - Да это самое человеческое из всех твоих лиц! - гремел Мастер вдохновенно. - Ты только представь: дети берут книгу, видят тебя ТАКОГО и сразу ожидают прочесть что-нибудь злодейское, этакое ужасное... А дети, знаешь, как это любят?!

- А прочтут обратное.

- Так в том-то и дело! Эффект обратного впечатления! Не учитесь, дети, доверять внешности! Понял?

- Они подумают, что в моих сказках скрыто тайное злодейство. Мне этого не надо.

- Ты тупица! - Мастер опять воздел руки к юпитерам и забегал по просторам ателье. - Как ты стал писателем, да ещё детским, с такой убогой фантазией?!

Огромный, толстый, бородатый, он гремел эхом от стен и экранов, сотрясая голосом светильники и химическую посуду, топал ногами и задевал мебель, но только ту, которую безопасно было задевать: при всей своей неуклюжести он инстинктивно ни разу не зацепил ничего фотографического.

- Плевать, - парировал Писатель хладнокровно. - Философы вроде тебя лишь различным образом объясняют свои дикости, а мне нужен хороший снимок на обложку...

- Да этот снимок, - Мастер схватил со стола "скелетик" и "сунул под нос гостям, - да он украсит любую обложку, идиот!

- Только не детской книги, дубина! - Писатель, даже теряя терпение, не потревожил своим бледным вскриком ни одного плафона.

- Брэк! - Художник, который до этого молчал, втиснулся между ними и упёрся ладонями в животы. - Беседовать в боксёрских стойках не годится. - Он посмотрел в глаза Писателю. - Разве ты ожидал от него чего-нибудь другого? - Повернулся к Мастеру. - Чего от тебя может ожидать нормальный человек? Чего, кроме изнаночных швов и шрамов?

- Ах, вот ты за кого, - Мастер швырнул под себя вертящийся табурет и с обиженным видом кое-как на нём устроился.

- Я не за кого, - отвечал Художник бесстрастно. - Я за красоту человеческой природы...

- Лакировщик! - Мастер простёр к нему изобличающий перст.

- Зато мои модели на меня камень не держат.

- Потому что трус и подхалим!

- И это ложь, - Художник был холоден. - Никогда не писал тех, кто мне не симпатичен. Вот и его, - указал на Писателя, - и тебя даже... А ты - никогда никого не снял добрым глазом.

Мастер вдруг успокоился, раздумал спорить, азарт сошёл с круглой его физиономии, зоркие глазки блаженно погасли, кудлатая голова медленно и важно закивала.

- Ты, - продолжал Художник, - даже самого себя ни разу не снял с любовью.

Глазки немедленно вспыхнули протестом.

- Стоп! - Мастер поднял руку. - Теперь внимание! Теперь не перебивать и открыть уши, ибо об этом предмете с такой лёгкостью рассуждать непозволительно.

Художник пытался возразить, но Мастер был неумолим.

- Слушать молча! Я буду говорить о любви.

Он оглядел всех сурово, чтобы убедиться, что бунт подавлен, и начал:

- Поймите вы, наконец, что только из любви к человеку, из поклонения чистоте душевной снимаю я вашу проклятую изнанку! Грязную, рваную, мятую... Это же исповедь ваша! Только не сами вы исповедуетесь, а я извлекаю на свет ваши грехи. Чтобы вы узрели себя не в привычных масках, а вашим старательно скрываемым нутром наружу! Чтобы устыдились, испугались, раскаялись и этим очистились! Вы только оцените: ни одного слова от вас не требуется - всё на виду!

С минуту все молчали.

- Из любви, значит, - сказал наконец Художник. - Насильственная любовь, насильственная исповедь...

- А хотя бы и так, - Мастер совсем успокоился и явно чувствовал себя на коне. - Ведь, увидев со стороны своё гнусное нутро, - ты захочешь стать лучше?

- Да, - Художник кивнул, глядя на него исподлобья. - Но при этом мне сначала захочется убить тебя.

- Несомненно! - Мастер совсем развеселился. - И я к этому готов! Но это не главное. Истина - дороже! А истина очищающая - многожды! Выше человека! Выше Бога! Истина и есть Любовь! Неужели не понимаешь?!

Художник вдруг побледнел. Он медленно взял со стола большую отвертку, примерил к ладони, будто для драки, потом тяжёлым ударом всадил её в стол и отошёл к окну, уронив стойку с зеркальными лампами. Хлопнули колбы, зазвенело стекло.

Мастер зарычал и начал подниматься, но Писателю удалось его удержать.

- Сиди, - сказал Художник сдавленно. - Лучше сиди.

- Что с тобой? - спросил Писатель, удерживая Мастера.

- Ленка, - сказал Художник тем же голосом. - Моя Ленка в петлю сегодня лезла. Хорошо, что успел.

От такого сообщения все онемели, и он продолжал:

- Ещё когда этот... великий фотограф... сделал мой портрет да в витрине выставил, она меня

чуть не бросила...

- Так витрину тогда всё же ты разбил, - уточнил Мастер.

- Заткнись, - холодно сказал Художник. - Я тогда всё сделал молча, как другу... Но ты не понял. Ты настолько не понял, что и Ленку подкараулил. И тоже выставил в витрине.

- Потому что - удача! - был ответ.

- А я не обратил внимания, - сказал Писатель.

- Уже не обратишь.

- Опять разбил витрину?!

Писателю стоило многих сил удержать Мастера на табуретке.

- Ты, душелюбец, толкнул её в петлю, - Художник, сдерживая себя, говорил безразличным тоном, как робот в кино. - Если бы я тебя сейчас одного застал... Я загадал... Но повезло тебе. Вторично повезло.

- Две витрины испортил, - Мастер ворочался под ладонями Писателя и рычал.- Тебя самого убить надо. Х-художничек... Да вы оба хоть немного представляете, что такое искусство?

Странно: его совсем не обескуражило сообщение Художника. Более того, он торжествовал.

- Впрочем, откуда вам это знать. Вы - ремесленники.

Писатель воспользовался поводом, чтобы увести разговор в сторону от убийства:

- Может быть, возьмёшь да и просветишь? А мы сядем да послушаем, а?

- Хотите слушать - садитесь, - Мастер говорил насмешливо. - А не хотите - выметайтесь. У меня съёмка сегодня, а этот лампы разбил. Надо теперь свет заново ставить.

- Послушаем? - предложил Писатель.

Художник молча сел на стол.

Писатель не без усилий вырвал отвертку, забросил её в ящик подальше, усадил гостей на продавленный кожаный диван, а сам на всякий случай устроился рядом с Художником.

- Поскольку все взвинчены, - начал Мастер, - лекция будет короткая. Слушайте и просветляйтесь - это редкий случай, когда я опускаюсь до рассуждений о теории. Начну с того, что Мастером вы называете меня неправильно. Просто принято говорить - "фотомастер" - я и терплю. А вообще, строго говоря, из нас троих художник - один я, ребята. А кто вы - сейчас поймёте. Штука в том, что художник отличается от нехудожника так же отчётливо, как искусство отличается от ремесла. Искусство делают художники, их метод - фантастика. Ремеслом же занимаются мастера, и их метод - реализм. То есть, мастер натуру отражает, а художник использует её как повод, не более. Мастерство - вершина любого труда. ЛЮБОГО! Мастерами - становятся. А художником можно только родиться. Искусство, художество - это не профессия, это образ жизни. Искусство и ремесло - это самостоятельные и РАВНОЦЕННЫЕ направления человеческой деятельности. В чистом виде чаще встречается ремесло. Старательный ремесленник может стать мастером. Художник же - ВЫНУЖДЕН стать мастером, иначе из него вообще ничего не получится. Но из художника может получиться ТОЛЬКО художник. Или никто. Если художник - усилием воли -сделается ремесленником, он перестанет быть художником. Или не сможет стать ремесленником - если искусство в нём окажется сильнее воли... Но воля нужна одинаково - и в ремесле, и в искусстве - это даже вам должно быть известно. Без неё ремесленник не станет мастером, а художник не освоит ремесла, и получится из него в лучшем случае критик или ИСКУССТВООЕД... Я сказал это лишь к тому, что не может быть в искусстве места разным Ленкам и Веркам. Моя Верка, между прочим, сбежала от меня по той же причине: самый лучший из моих портретов был с неё. Так что же мне - бросить из-за неё искусство? Бросайте вы, ЕСЛИ МОЖЕТЕ! И убирайтесь к вашим Ленкам и Веркам. А меня - убейте. И на всех углах кричите, что вы - художники, вот так. Вопросы есть?

- Чёрт с тобой, скотина, - молвил Художник, слезая со стола. - Я больше не желаю тебя знать. Пусть твой талант останется сильнее тебя. Но помни: талант должен творить добро. А та злая воля, в которую превратилась твоя любовь, теперь уже, наверно, и не способна к добру.

- То есть? - мастер нахмурился.

- То есть, ничего, кроме уродливой изнанки, ты больше снять не в состоянии.

- То есть, как?

- А так же, как невозможно на черно-белой плёнке получить цветное изображение. Теперь понятно?

Мастер тяжело засопел, весь как-то раздулся и вскочил, нет, взлетел, как мяч, с табуретки, оставив её бесшумно вертеться. Он улетел бы под потолок, но увидел на столе свой "ПолярOID" и, схватив его, стал пристраиваться перед Писателем, бормоча:

- Сейчас этот выродок получит для своей сопливой книжки такой леденец, какой ему хочется... Добренького... Сладенького... Со слезой... Со слюной...

Мигнула вспышка, последнее слово фототехники зажужжало, и из него поползла карточка. Мастер даже не стал в неё заглядывать, а сразу протянул Писателю и отвернулся.

-Могу даже подписать: "Ремесленнику от Художника".

Вцепившись с двух сторон в портрет, Писатель и Художник разглядывали его с минуту, потом

переглянулись и дружно выронили на стол.

- Н-ну-у? - был торжествующий сарказмом вопрос. Мастеру подтолкнули оба снимка - первый и второй.

- Попробуй-ка их сам отличить, - процедил Художник не без сочувствия.

Мастер, ухмыляясь, поставил "Поляроид" на стол и начал сличать снимки. Он делал это долго, даже усилил свет над столом, потом с искаженным лицом зарычал: "Чёртова музыка!" и ударил по аппарату кулаком.

В "Поляроиде" что-то хрустнуло, мигнуло и зажужжало.

Было совершенно очевидно, что дорогая, напичканная электроникой камера испускает последний вздох.

- Жаль машину, - сказал Художник.

- Кретин заморский! - лицо Мастера всё ещё было искажено яростью. - С этой полупроводниковой начинкой ничего порядочного не сделаешь! Вот я сейчас...

Он сорвался с места, улетел к дальнему шкафу и стал рыться в ящиках.

Все пятеро гостей тем временем удивлённо смотрели на заморское, чудо. "Поляроид" перед смертью успел сделать ещё один снимок и теперь выталкивал его со скрипом и писком. Писатель пододвинул аппарат к себе и потянул за край снимка. В руке оказался портрет Мастера. Все впились в него глазами.

- Боже мой! - прошептал Художник. - Что будем делать?

Со снимка лучился прекраснейшей, милейшей улыбкой бородатый убийца фотоаппаратов и человеческих моделей. Брошенный женой, но всепрощающий. Сделавший любовь к людям невольным орудием расправы, но раскаявшийся.

- Вот я сейчас, - слышалось из угла бормотанье Мастера. - Вот я найду мой старый "Зенит", а лучше, нет, "Смену", и вы увидите, что может сделать мастер, который художник...

- Что будем делать? - повторил Художник, не отрывая взгляда от удивительного портрета. - Ведь он повесится, если увидит...

Виктор тихо вышел первым. За ним на цыпочках удалились Настя и Аля. Все трое были потрясены.

Немного о любви.

- Однако искусство сурово, - Аля с печальным уважением выливали из стаканов остывший чай.

- Оно в своём праве, - Виктор разрезал яблоко и протянул половинку Насте. - И он прав, этот Мастер. Ремесло служит хозяину за харчи, как собака, искусство же...

- Кошка, конечно? - Настя захрустела яблоком. - Прелесть!

- Кошка, - согласился Виктор. - Но прелесть - только для непосвящённых. Это же самая что ни на есть дикая тварь из самого дикого леса! Кто-то из поэтов хорошо сказал: "Не читки требует с актёра, а полной гибели всерьёз".

- Одним словом, гиблое это дело, искусство, - заключила Аля, убрав стаканы и вытирая руки о воздух, за неимением полотенца. - А мне пора к своей... кошке. Там, говорят, тоже требуются жертвы.

- Нет-нет, посиди! Пусть твоя наука раз в жизни потерпит чуть-чуть ради гиблого дела, - Виктор положил неоткушенную половинку яблока и, быстро закатав рукава, освободил мокрый ком глины от плёнки. Объяснил Насте: - У неё день рождения скоро. Хочу сделать подарок.

Он формировал голову стремительно, почти не обращая внимания на модель, и при этом жаловался:

- Не могу без дела. Когда они меня запрятали, самое худшее было в этой вынужденной пассивности. Дали бумагу - обрадовался, как дитя. Понял на себе, что такое графомания. У других - болезнь, а у гения - маленькая компонента. Часть трудомании. А если гениальность комплексная... По-доброму, мне бы не бегать сейчас, а вести самонаблюдения и записывать, чтобы после меня людям было легче это переносить... Ведь ни в чём нет удержу. Вот сейчас леплю тебя, а уже вижу, как надо лепить Настю, и сразу - мелодия, для вас обеих, а к ней сразу - стихи, но такие, что можно только Насте, и то - на ушко. А если бы сочинял сейчас что-нибудь техническое, лезли бы идеи из смежных областей. Но могли бы и стихи, и мелодии, уже бывало. И всегда, между всеми внешними делами, абсолютно не мешая им и часто без ассоциаций с ними - непрерывный самоанализ, будто смотрю кино о самом себе да ещё с комментариями нескольких специалистов: медиков, психологов, технарей...

- А технарей почему? - спросила Настя.

- Это в узком смысле: по поводу вшитой электроники.

- Ты посмотри-ка, - Аля вытягивалась и наклонялась, подглядывая за работой, - похоже до чего!

Сеанс длился не более получаса

- Премного вам признательны, - Виктор поклонился Але. - Доводочку делать не будем-с, тут всё на месте. Когда подсохнет, можете забрать, поскольку мы с Настей будем в бегах-с.

Аля долго смотрела на свою глиняную копию, потом встала и тихо сказала:

- Она лучше меня. Но я буду стараться. Спасибо, Витюша.
Чмокнула автора в щеку, поцеловалась с Настей, взяла с них обещание не исчезать бесследно, пожелала везенья и в задумчивости удалилась.

Настя продолжала всматриваться в глиняное лицо.

Виктор обнял её сзади:

- Получилось, правда?

- Ты её очень любишь, - Настя вздохнула.

- А как же! - Он прижал её к себе. - Чтоб работа удалась, её надо любить.

- Не хитри, Витюша. Ты влюблён в неё с детства.

- И это верно, - он ничуть не смешался. - С детства мечтал вылепить, да вот случая не было.

Она вырвалась, повернулась к нему лицом, прижалась снова и забормотала куда-то в воротник:

- А я люблю одного тебя. Будь ты лукав, будь ты несчастен, искалечен, туп, гениален - каков угодно. Люби кого угодно, делай что угодно - люблю тебя и плевать мне на всё: на политику, на науку, на все опасности, на смерть... я умру без тебя. Я только об одном мечтаю: чтобы лечь с тобой. Когда я это представляю, мне больше ни-че-го не надо. Только не думай, что это связано с моей болезнью. Я ведь могла ещё ТАМ пойти по рукам. Или в петлю. Но я чувствовала, что ты идёшь, я с детства ждала тебя, я дождалась. Ты только посмотрел тогда, ТАМ, и я сразу узнала, как Татьяна Ларина: "Вот он! Спасена!" Я точно, до мелочей знала, какой ты. Знала даже, что вместе будем удирать. С детства готовилась. Витя, я хорошо дерусь, я быстро бегаю, я вынослива, как вот эта глина, я стреляю по второму разряду... Витенька, люби меня больше всех.

- Я люблю тебя больше всех, - прошептал Виктор.

И поднял её на руки.

Настя обхватила его шею руками, Виктор повернулся, и - белая вспышка ударила им в лицо.

Неслышно вошедший Мастер улыбался из-за обыкновенного отечественного "Зоркого", ещё первого выпуска, с выдвигаемым объективом. И крутил головку, взводя затвор.

- Не надо, - начал Виктор, но вспышка блеснула ещё раз, и фотограф удовлетворённо опустил камеру. Он излучал радость, он улыбался каждой морщинкой, точно как на последнем снимке покойного "Поляроида". Он пробормотал извинения и сел.

Сел и Виктор, не выпуская из рук смеющуюся Настю.

- Ребята, - прогудел Мастер, - мне было так плохо... Они ушли, а я начал умирать. Они уже не сердились, не хотели уходить, но я не мог быть с ними, не мог видеть их, не хотел, чтобы они видели меня в агонии. Я им наврал, что всё хорошо, что я всё понял... Нет, насчёт "понял" я им не наврал, я правда всё понял, но от этого мне и стало смертельно.

- Крах кредо? - спросил Виктор.

- Да! Да! Точно! Точнее не скажешь! Гениально: крах кредо! Я всю жизнь был беспощаден к себе, я искоренял в себе малейший недостаток, я просил всех, чтобы тыкали меня носом в мои недостатки, я бывал счастлив, когда меня тыкали носом. И сам тыкал, потому что был уверен, что каждому нужен критический взгляд со стороны - ради совершенствования... Я даже нашёл этому название - "метод ваятеля": отсекать от глыбы всё лишнее, пока не родится шедевр. Я из каждого человека хотел получить шедевр, я в каждом человеке видел скрытый шедевр. Только отсесть... И я говорил всё каждому в глаза, я даже фотографировать научился так же: в любом лице увидеть мгновенное уродство и показать: не будь таким, не будьте такими, ведь вы прекрасны!..

- А они... - сказал Виктор.

- Да! Они хотели, чтобы я только очевидное показывал - их красоту. И им, и всем. Они не хотели вглядываться в своё или чужое уродство...

- И оказались правы?

- Да! Именно! Мне больно, но я счастлив! Потому что я - понял! Мне больно, потому что я, честный человек, увидел свою вековую ошибку, самый безумный и незамечаемый порок свой! Но я счастлив, потому что у меня ещё есть время! Секунду назад - вы видели! - я начал новую жизнь. Вот с этим старым аппаратом в руках. И я сделаю! Не хуже, чем "Поляроидом", увидите! Увидите прямо сейчас! - Он вскочил и уронил табурет. - Сейчас я проявлю плёнку, отпечатаю снимки, и вы увидите...

- Но только... - Виктор поднял руку, чтобы остановить и предупредить, но тут зазвонил телефон, Настя встала с его колен, чтобы ответить голосом хозяйки, и Мастер исчез непредупреждённым.

А, пустяки, подумал Виктор. Пока проявит, высушит, отпечатает - ещё десять раз увидимся. Через полчаса негативом похвалиться придёт.

Настя слушала телефонную трубку и смеялась. Потом сказала: "Передам" и вернулась к Виктору. Взобралась на колени и сообщила:

- Евгеша звонил. Из автомата. Ему и Игнату твой Дружбин поручил нас изловить. Сказал, что мы - опасны. Старой дружбой заклинал. Ребята готовятся увозить нас куда-то. День-два просят подождать.

- Нормально, - отозвался Виктор. - Друзья не выдадут - Дружбин не съест... Скорее бы кончилось это безделье!

- А ты теперь меня вылепи, - Настя задышала, от неё стало жарко.
- Глины больше нет.
- И не надо. Лепи прямо из меня... Витюша... Из нас двоих... Целую скульптурную группу...
- Ах, да, - Виктор встал с нею на руках. - Я ведь тебя куда-то нёс...
- Дверь запри...

...Была уже поздняя ночь, когда они проснулись.

Не включая света, улыбаясь полной луне и друг другу, согрели чай и то ли поужинали, то ли позавтракали.

Во всём старом пятиэтажном доме было тихо. Ни звука не доносилось от соседа-Мастера.

- Угомонился, бедненький, - сказала Настя, и оба засмеялись. Потом легли опять, и Настя спросила: - Витюша, а как ты был универсальным экспертом? Ты ведь не рассказывал...

- Ну да. Никакая гениальность глупого воспитания не исправляет, как выяснилось. Я всегда был уверен, что государственная тайна, подписка о неразглашении - это всё настоящее. С детства...

- А теперь?

- А теперь, - он засмеялся, - стало быть, наоборот.

- А почему?

- Вот это - вопрос! Ты знаешь, оказалось, что большинство так называемых государственных тайн хитрый чиновник плодит только для придания самому себе особой значительности, ибо действительная его значительность близка к нулю. С помощью тайн ему легче разъединить людей, которые его талантливее и которые его кормят.

- Это всем известно, - сказала Настя. - Это правила игры, их соблюдение - дело творческое. Например, от любящей жены никаких гостайн быть не может.

- Да их ни от кого быть не должно! Друзьям они нужны, чтоб быть сильнее, а врагам - для уважения и боязни.

- Хорошо говоришь, - Настя нетерпеливо толкнула его всем телом. - А когда признаваться будешь? Любящие жёны - твари любопытные.

- Тварь ты моя любознательная, - Виктор засмеялся. - Что бы я без тебя?!.. Ну, слушай.

Как всё было в аналитической группе ЛЧС, ты знаешь: там вычисления, статистика и прогнозы. С прогнозами я им весьма угодил, потому и не хотели отпускать. Но дядя Сева меня для СОМа готовил. И пришёл я в СОМ как скромный эксперт по ИДИОТу, то есть по ИДОЛу. Правда, эти названия не прижились, так он ЛУСТом и остался. Поделаться с этой машиной сам Дорошенко уже ничего не мог и от меня требовал одного - остановить любой ценой. Было ясно, что диверсия не поможет, я пошёл в обход: опубликовал под псевдонимом в журнале детскую повесть - ты помнишь - якобы фантастическую, и в ней описал простой и надёжный способ индивидуальной защиты от инфразвука. После этого ЛУСТ перестал быть столь грозным оружием. Стиль я подделал под известного новосибирского фантаста, и никто меня не заподозрил, даже сам дядя Сева.

- Даже я, - вставила Настя.

- Неправда. Ты сразу поняла. Я видел по глазам.

- Сдаюсь. Дальше.

- Параллельно мне предложили ещё несколько задач, вычислительного характера. Рядовая работа, но попутно родились кое-какие идеи...

- Эвристического характера, - подсказала Настя.

- Вот именно. Они были как будто безопасными, я их реализовал.

- Что же это было? Тайна?

- Конечно! Там же всё - тайна. А вообще - мало для тебя интересного. Так, общетехническое. Вода вместо бензина. Реверс безынерционный. Электрозащита от коррозии за счёт самого процесса коррозии. Смазка без масел...

Но с одной идеей я всё же прокололся. Выскочила в разговоре с кем-то, а додумать не успел. Они и вцепились.

Ясно, что я тут не первый, слишком уж всё на поверхности, но я этого раньше не встречал, сам додумался и очень был этим горд. Я открыл, что человеческое тело - просто куколка для вызревания души. Тело - гусеница, душа - бабочка. Промежуточное состояние - кокон. Может быть, поэтому фараонов и мумифицировали... Под такое рассуждение не очень страшно умирать, верно? Но это не главное. Отсюда я двинулся дальше и порассуждал о причинах сна. Вот как по-твоему, зачем организму сон?

- Я, конечно, дура, - сказала Настя, - но, по-моему, для отдыха.

- А отдых для чего?

- Н-ну, чтобы жить подольше. Так принято, вот и всё, не смейся.

- А я и не смеюсь. Всё правильно. Но - не без нюансов. Ведь есть люди, которые живут будто бы вовсе без сна. Анализ показал, что они всё равно спят, но незаметно, микропорциями. Значит, вовсе без сна никому нельзя. Так для чего же он? Телу для отдыха достаточно четверти часа - элементарная асана из йоги.

- Что это - асана?

- Асаны - это позы, грубо говоря. Плюс дыхание, расслабление... Например, сейчас мы с тобой выполняем ширвантасану.

- Лежание на спине? Тогда я лучше лягу тебе на плечо. Это что будет?

- Анастас-асана, - ответил он не задумываясь. Настя поняла не сразу, подумала и - рассмеялась.

- Пусть йоги завидуют. Рассказывай дальше.

- Ну, а раз телу достаточно пятнадцати минут, значит, остальные шесть-восемь часов нужны мозгу. Верно?

- Наверно.

- Но неужели мозги наши так устают? Притом известно, что дебил спит больше мудреца. Значит - что?

- Не знаю, Витюша.

- Спать захотела?

- Тебя. Но ты рассказывай, не обращай внимания.

- М-м-м... Это труднее. Ну, ладно, доскажу быстренько. Короче говоря, сон нужен не мозгу, а всему организму, комплексно. Мозг весь день заставляет тело выполнять разную работу, а тело работать не любит, оно ведь - куколка, гусеница, ему бы поесть - да набок.

- Или на спину.

- М-м-м... Ну да. Только, будешь баловаться, не буду досказывать.

- Нет-нет, доскажи, мне интересно.

- Тело от насильственной работы изнашивается, ему нужен ремонт, а мозг не даёт.

- Вот тело его и усыпляет?!

- Правильно, умница! Усыпляет для саморемонта. Сосудики сжимаются, оставляют мозгу питания только на один сторожевой центр, а остальную кровь гоняют по мышцам, по органам - чистят, моют, подправляют...

- Витюша, ты - гений. Лучшее лекарство - это сон, я давно заметила, я всегда сном лечусь.

- Вот-вот-вот! Смотри же, что дальше! Если найти оптимальный, природоугодный режим, то можно жить без сна!

- Э-э-э... Я люблю сны смотреть.

- Ладно, тебе будет исключение. Остальным - не спать!

- Ох, Витечка, не дай Бог!

- Ага! Вот и я им так сказал!

- А они хотели... Чего они хотели?

- Вот я и дошёл до своего прокола. Выскочило ненароком такое рассуждение, что, мол, скорость созревания души влияет на длительность телесной жизни...

Настя вздрогнула и вдруг села на диване.

- Ви-и-итя... Тогда ты... должен... из-за этого МГ... стремительно стареть?!

- Знаешь, - Виктор притянул её обратно, - это дело спорное. В теории, чем раньше реализовался, чем быстрее развиваешься, чем больше творишь, тем раньше должен отдать Богу душу...

- Действительно, - Настя поёжилась, - "отдать Богу душу". Ведь не случайно так сказано...

- Наверняка. Но это - в теории. Возможно, есть и здесь нюансы, надо подумать, а знаний не хватает... Зато объект для наблюдений всегда под рукой. Вместе будем изучать, да?

- Что же ты чувствуешь? Старишься или нет?

- Пока ничего.

- Неправда. Я всегда знаю, когда ты врешь... Я умру вместе с тобой, учти.

- А я умирать не собираюсь.

- Богу душу вместе с тобой отдам.

- Но есть средство. Сказать?

- Если секретное, скажи.

Виктор засмеялся.

- Когда у меня это рассуждение вырвалось, начальство задумалось да и... В общем, заказали мне лекарство от смерти. Не больше, не меньше.

- Как в сказке: эликсир вечной молодости?

- Вот именно.

- И что же?

- Поначалу было интересно. Но скоро понял, что от Закона компенсации никуда не денешься: за бессмертие тела придётся платить остановкой в развитии души.

- Это, то есть, как же?.. Хочешь жить вечно - оставайся идиотом?

- Примерно так. Не идиотом, так роботом... Вот тут меня и подловили: "Значит, ты убедился, что эликсир - возможен?" Говорю: "В принципе - да". "Так сделай. Вот тебе все условия, и бессмертного индивида ты нам подай".

- Зачем же им такой? Солдат? Раб?

- Молодец, сразу поняла! А меня скребло целые сутки, пока сообразил. Это же было подано не в простой упаковке: "рабы и господа". Там же были гуманные обоснования: один тип разума - в интересах общества - необходимо подавлять, другие - сохранять и, по возможности, усиливать. И бессмертие - выборочно. Представляешь?

- Пошлость какая! Всё это было много раз и кончалось одинаково.

- И всегда будет. Только упаковка меняется.

- Зачем же мы тогда, Витенька? Ошибка природы?

- А чёрт нас знает...

- Или Бог?

- Или Бог... Только нам-то с тобой - много ли надо?

Им двоим было нужно не много. Оно было с ними, принадлежало им и было усилено самыми эффективными средствами века: радиацией ядерного распада и электроникой "микрорегенерации"... Однако хлопнула уличная дверь в соседней мастерской, и через секунды резкий, нетерпеливый стук из тамбура отбросил их друг от друга.

- Вошёл один, - шепнул Виктор. - Не бойся.

Без Насти он не опасался в рукопашной и тысячи, потому что больше трёх за раз напасть невозможно, а справиться с тремя - не проблема.

- Сейчас! Сейчас!

Виктор не спешил, чтобы Настя успела одеться. За дверью нетерпеливо и виновато бубнил Мастер.

Наконец его впустили. Он сразу сунул под себя табурет и велел им тоже сесть. Он выглядел запыхавшимся и встревоженным.

- Ребята, простите, ради Бога, но сейчас ещё четыре часа, и, мне кажется, можно исправить... Я, кажется, на вас наступал... Это, ей-Богу, закон парности: беда не приходит одна. Вчера - с "Поляроидом", сегодня - с вами...

- Да что за беда? - Виктор легко и ободряюще засмеялся.

- Вчера я сделал отличные снимки, - Мастер протянул им чёрный конверт. Снимки действительно оказались хороши - сама Любовь. Он, волнуясь, продолжал: - Я решил пока вас не беспокоить и побежал сразу к Художнику. Потряс его и на коленях вымолил прощение у Ленки - она ведь тоже чего-то там малюет. Это было уже ночью. На радостях мы слегка выпили и сразу же отправились к Писателю, чтобы его тоже потрясти. А у Писателя оказался гость. Член Союза.

- Какого? - спросил Виктор.

- Это неважно. Есть Писатели, Художники, Артисты, а есть просто Члены Творческих Союзов. Арт - это Искусство, понимаете? Артисты делают Искусство, а Члены Союза ходят строем и делают "кедровку". Ну, это неважно. Я потряс Писателя снимками, а этот Член посмотрел и спрашивает, так, без выражения: "Его, кажется, Виктором зовут?". Говорю: "Да". "А когда это ты их так здорово поймал?" Ну, я, дурак: "Да только что, у себя в мастерской". Он: "Специально пригласил, что ли, чтобы срежиссировать?" Меня, конечно, заело: "Я снимки никогда не режиссирую, я момент ловлю! Просто вошёл к ним и щёлкнул навскид. Хоть сейчас пойдём, они подтвердят!" Ну не дурак?! Но я же не мог думать ни о чём таком, я же в трансе был, из-за "Поляроида" и вообще, да я вам говорил, да что, вы же сами видели...

Он в отчаянии искал слова и крутил пальцами.

- Что же тут страшного, - сказал Виктор почти спокойно. - Не волнуйся так. Это всё, что ли?

- Почти. Вот главное. Он спрашивает, небрежно так: "Ты что, запер их у себя как свидетелей, чтобы не убежали?" А я, дурак: "Да зачем? Живут они в соседней мастерской". Он, равнодушно так: "Ну, может, днём зайду, так спрошу. Если они никуда не денутся". А я, дурак: "Не знаю, - говорю. - Но ты скажи, когда придешь, я их задержу". Он говорит: "Да не надо, не говори им ничего, зачем людей беспокоить. Может, и не приду. Я тебе и так верю". Ты понимаешь? Сначала не верил и вдруг сразу поверил! Но я тогда ещё не понял. Он посидел с часок, потом засобирился. И только ушёл, меня как кольнуло: "Не говори им ничего". Понимаешь, выделились именно эти слова. Почему? И вдруг дошло: если двое людей ушли из дома и живут в чужой мастерской... Ну, дурак я, ребята, дурак, дурак!.. Но не сволочь! Ещё можно успеть! А выйдете через мою мастерскую. Там дверь во двор - там, может, ещё не следят. А за вашей дверью, может, уже следят, можно ведь прямо из машины...

Уже в середине этой сбивчивой речи Виктор начал укладывать рюкзак, а Насте кивнул на телефон: "Ребятам звони".

Мастер наконец замолк.

Виктор погасил свет, осторожно выглянул в щель между занавесками и опасности не обнаружил.

Настя подняла с постели Евгения Малюхина и сообщила:

"Нас тут обнаружили, но пока никого". Выслушала ответ, сказала: "Ждём" и положила трубку.

- Он обещал сейчас приехать. Велел смотреть в окно.

- Может, он ещё и не стукнул, - предположил Мастер. - Может, он ждёт начала рабочего дня. Тогда у нас ещё четыре часа.

Настя раздёрнула занавески и встала в глубине комнаты напротив уже светлого окна.

- Гад я, дурак, - маялся Мастер.

- Ладно-ладно, - утешил Виктор. - Мог ведь и вовсе не догадаться.

- Не мог! - Мастер взвился с табурета. - Я стукачей насквозь вижу!

- Вот и замечательно. И за снимки спасибо. Подаришь?

- Конечно, забирайте, будь они неладны. Чем помочь?

- А понаблюдай в своё окно, - предложил Виктор - Если что...

- Понял! А за вами, значит, сюда... Ну, давайте простимся. Ни пуха!

Двумя руками пожал Насте ладошку, обнял Виктора и вышел.

- Какой человек! - Настя покачала головой. - Даже не спросил, почему нас ловят. Скрываемся - значит правы.

- Российский человек веками так воспитан.

- Не всякий, - Настя вспомнила, конечно, о стукаче.

- А этот - не человек, - уверил Виктор. - Одно слово - Член.

Минут через десять под окном завизжали тормоза серебристого "Мерседеса".

- Они! - зарычал Виктор.

- Это Евгешка! - Настя побежала открывать.

Вещи бросили прямо на заднее сиденье и помчались.

- Откуда такая техника? - спросил Виктор, сидя рядом с водителем.

- Да они же пасут нас с Игнатом, - Евгений насмешливо сощурился. - А ребята ведь не железные.

Вышел к ним, зазвал по-свойски на чаёк, а сам - в их машину. Аось не успеют засечь. Выскочим за реку, у поста ГАИ сделаем вид, будто погнались в Тахтамышево, а сами у Калтая свернём на поля и - снова к реке. Переправимся на плоту - ребята из яхт-клуба, уже подогнали - и рванём в Излучное. Там наши реставрируют храм. День-два пересидите, и вернётся Игнат из Ягодки. Он поехал будто бы по службе, даже Дружбина предупредил: "Там Кунчо объявился". Если у Миши всё в порядке - а иначе не будет - перебросим вас туда, к дяде Грише - у него никто не найдёт.

- А кто это - дядя Гриша? - спросила Настя.

- Старичок, знахарь. И жена его, тётя Поля. Интереснейшие люди, добрейшие. Тебе понравятся.

За мостом гаишники проверяли у своего поста документы каких-то "дальнобойщиков" с номерами соседней области и только помахали на приветственный сигнал Евгения. Они его хорошо знали. Даже если им сейчас позвонят, надежда уйти оставалась: теперь всё решали секунды.

Под самым Богом.

Плот был собран из автомобильных камер, покрытых дощатым настилом. "Ни одного гвоздя!" - сообщил Евгений гордо, и Настя сразу вспомнила: на таком плоту они с Игнатом и неизвестным ей пока Мишей Темниковым в детстве плавали по Оби до самой Ягодки. Этот сюжет Виктор и использовал в своей фантастической повести, чтобы расправиться с ЛУСТом.

Точно по описанию, в центре плота была натянута квадратная палатка, из неё торчала мачта, укреплённая растяжками, только флаг на мачте был не тот, что у Игната на "Ниве", а военно-морской, андреевский.

Евгений коротко посигналил. Из палатки выглянули.

- На той стороне, - объяснял беглецам Евгений, выгружая вещи, - зона другого поста ГАИ, там вас искать не будут. Видите крест над лесом? Когда переправитесь, держите на него - всего один километр. Там мой батя, в церкви. Найдёте без проблем. Хозяина церкви зовут отец Александр. Они вас и поселят, и беседой развлекут, и поработать дадут. Всё, вперёд.

- А ты? - Настя, конечно, беспокоилась, что Евгений теперь угонщик.

- Привет корабель! - крикнул угонщик подхлотившим плотовикам и ответил Насте: - Не забывай, что я работал в ГАИ, всех там знаю. Скажу им, что видел, как пацаны угнали у сомовцев машину, догнал, дескать, пацаны разбежались, и мне поверят. Скажу, увидел, что горючка на нуле, до СОМа не доехать, вот и слетал на ближайшую заправку.

- Точно! - Настя сразу вспомнила, что видела рядом заправочную станцию. - Вот что значит - профессионал!

- А я сейчас и в самом деле заправлюсь, - Евгений озорно улыбнулся. - Для убедительности... Ну, счастьеливо. Ждите завтра нас с Игнатом.

Подожли симпатичные, совсем юные плотовики, все в тельняшках.

- Вот вам КРАЕВЕДЫ, - сказал Евгений со значением. - Спасибо за помощь.

И умчался.

Корабелы молча отнесли вещи "краеведов" на плот и навалились на вёсла. Ребят было четверо, вёсла у них были от байдарок, двухлопастные. Гребли изо всех сил и не разговаривали ни между собой, ни с пассажирами, которых усадили на рундуки в палатке. Только когда плот встал у противоположного берега, был задан вопрос: "Хотите, проводим?" "Нет-нет, - сказала Настя. -

Спасибо вам огромное". А Виктор молча пожал каждому руку.

Когда углубились в лес, Настя сказала:

- Евгеша с Игнатом кудряво живут: ТАКИЕ друзья.

- Друзья, - ответил Виктор, - бывают ТОЛЬКО такие. Дорога по лесу показалась даже короче километра. С горки открылись обширные поля капусты и моркови, вдаль виднелся небольшой посёлок, а совсем рядом, между лесом и рекой, за высоким бревенчатым частоколом стояла небольшая церковь об одном куполе, отстроенная заново, с тремя флигелями, окружённая штабелями досок, брёвен, кирпича, кучами песка и стружек. Оттуда неслась не церковная, а вполне шлягерная, в данный момент даже лихая музыка, и было заметно, что работа кипит вовсю*

- Дерзнём? - Переглянулись. - Пошли!

Рослый красавец вышел из храма им навстречу. В черноте дверного проёма, в лучах только краешком выглянувшего солнца красота его впечатляла. Это был синеглазый лик Христа, помещённый на мощные плечи атлета. Из-под кудрявой смоляной бороды на украшенный мелкими стружками старенький свитер свисал массивный крест на массивной же цепи. То и другое казалось золотым.

- Гости из первого солнечного луча! - загремел его бас, перекрывая музыку, падавшую с колокольной. - Добрый знак!

- Мир храму сему! - произнёс Виктор.

- И вам! Вижу, кто вы, всё знаю, РАД помочь.

Над его головой, над входом в храм, вырезанная на толстой кедровой плахе, была приколочена древнерусская мудрость, славянской кириллицей: "ПРОСИ БЕС СОРОМУ".

- Сначала - ко Владимиру Матвейчу, - священник простёр длань в глубину храма и отступил, пропуская.

По свежележенному, головокружительно свежее пахучему полу проследовали к дальнему окну, забранному ковеной узорчатой решёткой, где над верстаком горбился Малюхин-старший.

- Вот и они, Матвейч, - прогудел священник. - Представь нас.

Владимир Матвеевич отложил стамеску, которой выглаживал щёку на чьём-то лице, радостно обнял Виктора, потом - осторожно - Настю, после чего, пробормотав: "Ну, слава Богу пока что", сделал торжественный вдох, чтобы начать представление, но вынужден был задержать дыхание и выслушать реплику живого Христа:

- Не "пока что", а во веки веков, вот увидишь.

- Аминь! - согласился Владимир Матвеевич и начал представление по всей форме: - Вот, отец Александр, представляю тебе своих нежнейших друзей - Настю и Витюшу Маковых, людей честнейших и талантливейших, но временно гонимых, не в этих стенах будь сказано, чьими слугами. На день-другой спрячем, а там наши их перепрячут. А каков хозяин храма сего, вы, ребята, увидите сами.

- Каков поп, таков и приход, - хозяин солнечно улыбнулся. - А попу надлежит быть проповедником идей Господних, что по мере сил и делаем.

- Да уж видим сразу, - сказала Настя. - Раньше Солнца встаёт.

- Кто рано встаёт, тому Бог и даёт, - сказал Владимир Матвеевич. - А лето в Сибири не длинное, ты ведь уже заметила? А работы ещё много.

- Ну, - Александр сразу перешёл к делу, - будете завтракать или доспите?

Виктор взглянул на Настю: не надо ли доспать? Она мотнула головой и улыбнулась:

- Только вещи куда бросить покажите, и будем помогать.

- Вот это дело!

Отец Александр поднял сумку, Виктор взял рюкзак, и гости были отведены в ближайший к церкви флигель - обширное помещение, уже приспособленное под художественную мастерскую: столы, верстаки, два мольберта, пресс, точило, мощное освещение во весь потолок, полки с изделиями из дерева и бересты.

- Здесь мы зимой добываем хлеб насущный, - объяснил хозяин. - Сувенирная мастерская... Но подробности потом, на досуге. Вещи - вот сюда, спать - вон на том диване (уместитесь?), а вот этот мощный засов обеспечит безопасность. Идёмте на кухню.

На кухне сразу оставили Настю и вдвоём вернулись в храм. Теперь Виктор мог оглядеться подробнее.

Уже побеленные, а точнее - загрунтованные под роспись, стены были размечены уверенными штрихами - явно сценами из Евангелия. Одну из этих сцен уже заканчивали двое, которых Виктор в первый раз не заметил. Впрочем, возможно, они вошли, пока он отсутствовал. Эти двое были - давешний гость фотомастера, известный Виктору как Художник, и, по всей вероятности, его жена, которая "тоже чего-то там малюет". Но была она весела и совсем не походила на бедняжку, всего сутки назад пытавшуюся повеситься.

- Лев, Лена! - окликнул отец Александр. - Познакомьтесь, это Виктор.

Художники вытерли руки об одинаковые цветастые фартуки.

- Нас вчера познакомили, - сказал Лев. - Правда, несколько оригинально, да?

В зоне их работы аромат свежих досок, смешиваясь с восхитительными запахами красок, создавал ошеломляющий букет, от которого хотелось раскинуть руки и лететь туда, в пространство картины, где Христос, откровенно списанный с отца Александра, уверенно шествовал по воде к своим ошарашенным апостолам, вцепившимся в борт опасно накрённой шаланды. Рядом с лодкой барахтался в воде тщеславный бедняга Пётр, очень похожий на Мастера-фотографа. Вода, ещё бурная у края картины, готова была выплеснуться на пол храма. Почти над головой Иисуса застыла, трепеща крыльями, изумлённая чайка.

- Вот это да, - сказал Виктор о картине.

- Нравится, правда? - голосок у Лены был детский, и вся она была такая непосредственная, что Виктор сразу понял, как легко её отчаять или сделать совершенно счастливой: достаточно плохо сфотографировать, а потом на коленях извиниться.

- Чудо! - сказал он с искренним восхищением.

- Если вы о самой картине, - пророкотал отец Александр, - то я вполне согласен. Но если о сюжете - буду возражать.

- То есть? - Виктор сделал вид, будто не понял.

- Батюшка хочет сказать, - быстро и весело ответила Лена, - что на картине изображено вовсе не чудо. Достаточно хорошо поверить, и можно ходить по воде не проваливаясь.

- К сожалению, не знаю таких, - сознался Виктор.

- Я сразу увидел, что вы не безнадёжны, - отец Александр положил ему на плечо большую ладонь. - Вы сожалеете искренне и, следовательно, вполне можете уверовать до конца. Помните, в своём родном городе Христос почти не совершал чудес, потому что ему там не верили?

- Проблема пророка в своём отечестве, - Виктор кивнул.

- А язычница-хананейка, - продолжал отец Александр, - уверовала истинно, и дочь её исцелилась. Почему? Да потому что так называемое чудо - сугубо функционально. Хананейке ОЧЕНЬ хотелось, исцелить своё дитя, Иисусу было НЕОБХОДИМО усмирить волны и дойти до своей лодки, которую отнесло от берега, а начинающий апостол Петр ВСЕГО ЛИШЬ пожелал уподобиться Господу. Суета, человеки, суета губит нас!.. Ну, чем займётесь? Знаю, что умеете всё. Выбирайте. Хоть лик вырезать, хоть стену расписывать, хоть дверь навешивать. Впрочем, дверь не уступлю, ибо в остальном бесталанен.

Раскатисто засмеялся и сразу же впился в Виктора счастливым синим взором:

- Обратите внимание: вот истинное чудо - человеческий смех в поднятном из тлена божьем храме! Ах, человеки! Недолговечно счастье индивида, а посему, когда оно настаёт, в нём надлежит бесстыдно купаться! Что я и делаю.

- Святой ты наш человек! - Лев обнял его и расцеловал. - Иди, навешивай свою дверь, а мы Виктора пристроим. - И подал Виктору лист ватмана: - Сможешь?

То был цветной эскиз могучего Христова деяния - изгнания торгующих из храма.

- Отец Александр называет это "расторгашиванием церкви", - сообщила, смеясь, Лена.

Отец Александр тем временем вернулся к массивной резной двери, на которую он устанавливал мощные кованые навесы. Над дверным проёмом Виктор увидел второе изречение, совершенно противоположное наружному: "НЕ ВЕРЬ, НЕ БОЙСЯ, НЕ ПРОСИ".

Лев перехватил его взгляд.

- Там девиз для храма, тут девиз для мира. Понял?

- Образованный у вас батюшка, - сказал Виктор.

- Ещё бы. Юридический факультет, духовная академия, лагеря для политических, золотые прииски - будешь образованный.

- Ого, - выдохнул Виктор. - Потом расскажете?

- Да он вечером сам расскажет. Спрашивай только.

- Без сорому, - добавила Лена.

Виктор поглядывал то на эскиз, то на размеченную под сюжет стену.

- Ну, берёшься? - Лев говорил ровно, без профессионального художнического вызова или ревности. Просто о деле спрашивал. - Или вот - на выбор.

Он повернул Виктора к широкой лавке и стал показывать другие эскизы.

- Вот "Арест Христа". Смотри, как Пётр его защищает. Один из двенадцати! Не спрашивал: "Достать ли нам мечи?", а достал и рубанул!

- А потом трижды отрёкся, - Виктор покачал головой. - Не странно?

- Се тоже человек, - ответила Лена, уже работая кистью.

- Вроде меня, холерик.

- И вроде Мастера нашего, фотографа, - добавил Лев и освободил следующий лист. - А это называется - "Избиение младенцев".

- Ни одного младенца, - сказал Виктор.

- И никакого вроде избиения, - подхватил Лев с азартом.

- Просто улица. Просто люди с окровавленным оружием. Просто выломанные двери. Просто проклинаящая мать. Просто растоптанная игрушка. И единственная звезда на небе - та самая, звезда Иисуса. Совсем в другой стороне. Но на небо никто не смотрит.

- Все эскизы - ваши? - спросил Виктор с завистью.

- Ленкины... А вот, смотри - очень счастливая Иродиада. Только что ей подарили голову Иоанна Крестителя, по её желанию отрубленную. Смотри, как радуется, стерва. Теперь может творить, что захочет. И ведь совсем ещё молоденькая...

- Она, Лев, потому и стерва, что молоденькая, - объяснила Лена. - У молоденькой - откуда ум?

- А у тебя он - откуда?

- Во-первых, я не молоденькая уже. А во-вторых, с чего ты взял, что у меня ум?

- А что же у тебя?

- Сама не знаю. Мы ведь - существа неопишутельные.

- Это точно, - согласился Лев. И открыл ещё один лист.

- А это - я.

На фоне отдалённой Голгофы, на которой уже поднимали третий крест, лицом к зрителю в отчаянии хмурился Лев, одетый римским патрицием - действительно Пилат. Столько страдания было в его глазах, что Виктор почувствовал: вот что надо рисовать. Но Лена, обернувшись и увидев, быстро подошла и отобрала у них лист.

- Это я буду сама.

- Тверда, - сказал Лев. - Но - авторское право.

Были ещё листы, все на евангельские сюжеты, все необычные, непривычные для благостного настроения канонической церкви, все связанные каким-то единым БЕСПОКОЙСТВОМ, которому сразу не подбиралось название.

- Ну?

- Глаза разбегаются, - признался Виктор. - Лена просто гений... Если можно, я возьму "Избиение младенцев".

- Правильно, - оценил Лев. - Дней за пять кончишь.

- Не думаю, что у меня больше двух суток.

- И это ничего. Тут что - небо чёрное да стены - в любой момент можно прерваться.

Виктор взял три банки с красками, валик, широкую кисть, фартук, ветошь, отнёс всё это на мостки, перебрался несколькими словами - о здоровье и о внуке - с Владимиром Матвеевичем и до обеда работал молча.

Когда Настя позвала за стол, раздался восхищённый рёв Льва:

- Ленка! Ты посмотри, он же сделал весь подмалёвок! Он же сегодня закончит! Ну, Витька, ты даёшь!

- Просто очень нравится, - Виктор прыгнул с мостков.

- Да-да, - поддержала Лена. - Это главное.

- А дар божий? - заспорил Лев. - Вот у тебя...

- Да мой божий дар, - Лена толкнула его плечом, - это ты. - И обратилась доверчиво к Насте, снимая фартук и вытирая им руки: - Он не понимает. В этом все мужики тупые совершенно. Я ещё в школе в него влюбилась. А он так рисовал! Я ДЛЯ НЕГО стала художницей, а он не понимает.

- Чего же это я не понимаю?

- Того, что дар божий - это любовь, - сказала быстро Настя. И к Лене: - Я права?

- Естественно, - Лена кивнула и бросила фартук на лавку, на свои гениальные эскизы. - Пошли обедать, ты. Дар Божий.

Лев поскрёб в затылке, потом тоже снял фартук, вытер об него руки и побрёл за любящей женой.

- А как же воля? - крикнул он ей вслед.

- Это и есть воля, - Лена дождалась и влезла плечом под его руку, как под крыло. - Иди и помалкивай.

Обедали во дворе, без спешки, степенно беседуя. Начал, конечно, отец Александр.

- Едим без молитвы, ибо не Богом посланное, а своим трудом добытое. Верно, человеки?

- Истинно говоришь, - признал Малюхин-старший. - Богу и не сварить так.

Отец Александр одобрительно взглянул на Настю, но возразил:

- На этот счёт не соглашусь. Создателю всякое ремесло доступно.

- Так не богохульствую ли я? - Владимир Матвеевич изобразил потерю аппетита.

- Отнюдь, - святой отец махнул успокаивающе куском хлеба. - Господь наш, правда, подставляет вторую щёку не любитель, для этого овец полно, однако на всякие мелочи он попросту не обращает внимания.

- Не замечает, - невинно уточнил Лев.

- Снова отнюдь, - батюшка хлебал с таким же азартом, как Владимир Матвеевич, и гордо при этом поглядывал на дверь, собственноручно навешенную, нарочно сел к ней лицом. - Просто у Него с юмором всё в порядке. И на то Он и Бог: всё видит, всё знает, всё понимает. Последнее прошу

отметить особо.

- Да не всё может, - Малюхин-старший вернулся к прежней своей мысли.

- И снова отнюдь, - отец Александр всё так же невозмутимо и красиво хлебал, образцово блюдя чистоту усов и бороды. - Его помыслы, промыслы, замыслы и прочая - неведомы нам, грешным, и Его соображения относительно, я бы выразился так: ПРОГНОЗОВ СПРАВЕДЛИВОСТИ для нас темнее вот этого леса. Можем ли судить о Нём, - кротко возвёл глаза к чистому небу, - если друг о друге и даже порой сами о себе судить с определённой бываем, бессильны, а ?

- Что вы называете "прогнозом справедливости"? - спросила Настя, и тон её показался Виктору чересчур интимным.

Священник поглядел на неё внимательно и ответил таким же тоном:

- Это одно из важнейших положений в человеческих взаимоотношениях. Например, поступая, КАК МНЕ КАЖЕТСЯ, по справедливости, я могу не представлять, чем обернётся моя справедливость в будущем. Так часто сиюминутная потребность застит нам отдалённо грозящее несчастье. Приведу больнейший пример. Народ, сбросивший российского царя, обрушился и на церковь, которая царя поддерживала. Это было естественно. Но, как потом было сказано в одном из советских же кинофильмов, "зачем же табуретки ломать?" Ведь вот эти строения, храмы - они не были ни за царя, ни против большевиков. Они были ДЛЯ БОГА. А что есть Бог? Старик в белом, с нимбом над лысиной, как у Эффеля? Или Он - внутри каждого из нас? Не душа ли Он наша? Так, превращая храмы в гаражи и склады, не надругались ли человеки над собственной душой? Но в запале справедливого гнева не думали даже об этом, о близком. Где уж было прогнозировать наших с вами душ нынешнее состояние... Моя мысль понятна?

И снова посмотрел на неё в упор опасными синими глазами.

Ему лет сорок, подумал Виктор. Не старый.

Настя встретилась с Александром взглядами, кивнула и опустила глаза.

Установилось общее молчание, которое показалось Виктору неловким, и он его нарушил:

- А почему с колокольни не идут обедать?

Никто не успел ответить. Бравурная музыка, будто выключенная вопросом Виктора, оборвалась, и через секунду - не с колокольни, а откуда-то из вечности - донёсся тягучий, сочный, медно-серебряный звон, проникая в души, приоткрывая что-то в таинственном будущем.

Отец Александр положил ложку, встал и перекрестился во всю ширину плеч.

- Свершилось, человеки! Время моё двинулось дальше.

Настя хотела что-то спросить, но пришлось встать вместе со всеми и дослушать долгий звук единственного удара. Медовое гуденье доплеснулось до леса и вернулось, а по гладкой воде недалёкой реки пошла от него густая рябь.

- Лепота, - Александр вздохнул. - Точнее не сказано. Верно, парашютист?

- Божественно, - Владимир Матвеевич вздохнул тоже. - И не называй ты меня так, дело прошлое.

Зови лучше ребят сюда. Отец Александр воздел руки и протрубил:

- Спасибо, мальчики! Скорее спускайтесь!

Через минуту подошли два богатыря, и Виктор с удивлением, хотя и не без труда, узнал своих соседей, одноклассников, братьев-близнецов Бычковых, которых все легко отличали по цвету волос, потому что Вадя был блондин, а Валерка - брюнет.

- Рыжий! - сказали братья хором. Вытащили Виктора из-за стола и начали тискать.

- Куда же вы пропали? - спрашивал он, отдуваясь.

- А мы, как отслужили, так, не заезжая домой - на Колыму, в старательскую артель, - начал Вадя.

- А там - Сашка...

- Отец Александр, - поправил Валерий.

- А-а, ну да! Мы вообще-то и сейчас там. Просто в отпуск приехали. На море - что толку? То ли дело на южном берегу родной Томи!

- На восточном, - поправил Валерий.

- А, всё равно родной! Точно, Витька?

- Точно.

- А чего ж ты седой?

- Долго рассказывать. Поешьте сначала.

Дождавшись конца их восторгам, отец Александр обнял и расцеловал братьев троекратно. "Троегубо", подумал Виктор.

- Напишу в артель, чтоб вам по десять трудодней добавили! Ну, садитесь!

- Прокурор добавит, - Вадя не удержался от избитой шутки.

- Нет уж, сыне возлюбленный! За сей труд только Бог тебе воздаст.

- Ну и слава Ему, - подытожил Валерий и принялся за обед. Больше за столом разговоров не было: голод сморил всех. Послеобеденное время, будучи свободны от богоугодных трудов, братья Бычковы посвятили беседе с бурно работающим другом детства.

- Ну, рыжий, ты даёшь! Где ж ты научился так рисовать?

Виктор соврал, что заочно учится в художественной школе, а сюда направили на преддипломную практику.

- Молоток! - одобрили братья. - Хлебная специальность. Но вообще, если хочешь всегда иметь побольше, чем на хлеб, то давай к нам, можем в артели поговорить.

- Чем же у вас так хорошо? - Виктор несколькими беспощадными мазками обозначил раздавленную игрушку и только после этого, достаточно рассердившись, принялся за солдат Ирода.

- А ты знаешь, чей храм расписываешь?

- Церковный, чей же...

- А вот и нет! - Братья торжествовали. - Сей храм - частная собственность нашего Сашки, то есть, батюшки Александра.

- Ну да? Разве так бывает?

- Не веришь? Можно позвать, он подтвердит. Только он, вроде, на кухне сильно занят.

- Расскажите сами, - сказал Виктор ровным голосом. - Я поверю.

- Лет десять назад, - начал Валерий.

- Или больше, - продолжил Вадя.

...В переложении с двух голосов и за вычетом не положенных к произнесению во храме слов, история отца Александра выглядела так.

Он сидел дважды при Сталине и дважды - при последовавших властях. Всегда по одному обвинению, сводимому к двум словам:

"Враг режима". Из последней ссылки, которую отбывал стропалем в Норильске, он решил больше на "материк" не возвращаться и зоркие глаза властям не мозолить. Переселился на Колыму, прибил к старателям и освоил там всю технику - от промывочного лотка до бульдозера. Сам Туманов его ценил, но на Печору он с Тумановым не поехал, а сместился ещё восточнее, аж на Чукотку, работая только по золоту и всё наращивая в банке свой честно добытый капитал. Жил при этом с крайним аскетизмом, даже в отпуск не ездил - благо в артели такое не возбраняется. Спрашивающие: "На какую потребу тебе такой капитал?" получали прямой ответ: "На собственный храм". Братья Бычковы между прочим обратили внимание Виктора на тот факт, что среди их нынешнего окружения, в большинстве конфликтовавшего по-крупному с Уголовным кодексом, развито безоговорочное уважение к представителям трёх профессий - к врачам, адвокатам и священникам. К двум первым - по понятным причинам, а к последнему - на тот случай, если Бог существует в реальности. Если же священник - по всем статьям свой брат-старатель да ещё может без труда выписать любому между глаз, легко представить, какой неизменной популярностью пользовался на приисках Сашка, то есть отец Александр. Его же идея приобрести храм, поначалу понятая превратно, постепенно завладела умами, и год назад сумма добровольных пожертвований на божье дело даже слегка превысила собственный капитал отца Александра. Тогда он решил, что - пора ехать.

И вот сейчас, по прошествии года, братья Бычкова составили полный отчёт о проделанной работе и готовы сообщить товарищам на прииске, что всё путём, что можно грешить вовсю, ибо дело замаливания артельных - да и народных! - грехов уже началось и больше не загинет. Отче на верном пути, ученье святое понимает справедливо и юродства не допустит. Посему артель может и дальше жертвовать этому храму, бо такой человек, как Сашка, то есть отец Александр - никогда не скурвится, поскольку он воистину святой мученик не хуже Варлама Тихоныча Шаламова, которого знал лично и наставлял на путь терпения в особо тяжкие минуты их лагерного загибания.

Где братья говорят правду, а где заливают, Виктор не представлял, поскольку историю ГУЛАГа знал поверхностно, однако легендой отдавало очень сильно, хотя бы только потому, что возраст отца Александра получался таким образом около ста лет, а на вид ему было едва сорок. Об этом он заявил братьям немедленно. Они не смутились. Они сразу закивали: да, ему действительно около ста, а что выглядит молодо, так это по причине зарока. Какого зарока? А он, едва оказавшись первый раз в лагере, поклялся Богом, что не будет стареть, пока не отберёт у властей какой-либо храм и не станет в нём полновластным пастырем. Год назад - кстати, по наводке Вади и. Валеры - он приобрёл у здешнего сельсовета развалины храма, от которых уже и церковь отреклась, восстановил его по найденным где-то чертежам (есть подозрение, что чертежи составил сам), и вот - с первым ударом колокола, согласно зароку - начал стареть.

- Красивая легенда, - согласился Виктор, окрашивая кровью клинки воинов Ирода.

- А ты сегодня первый раз его увидел? - спросили братья.

- Да.

- Тогда ничего. До завтра во всё поверишь.

И братья засобирались в город - "к девкам на поглядки".

Ночевать им предстояло там же, чтобы утром идти за билетами до Анадыря.

- Зайдите к моим старикам, - попросил Виктор. - Шепните, что видели меня и что все в порядке. Только пусть они молчат. И вы больше никому...

- А что случилось? - Братья спросили хором и с таким видом, с каким любую жизненную помеху

подвергают немедленному искоренению.

- Да у нас медовый месяц, - опять совпал Виктор. - Настя сбежала с работы, прячемся от всех.

- Молотки! - Братья захохотали. - Но если что - давай к нам. И твоей дело найдем. Вот адрес, если не увидимся.

Оставили ему бумажку с экзотическим чукотским адресом и ушли, хозяева жизни, на автобусную остановку. Тут же явился отец Александр. Прогудел:

- Гениально! Лена, Лев, смотрите, он уже заканчивает!

- У него получилось лучше, чем я хотела, - заявила Лена.

- Захвалили, - Виктор прыгнул с помоста и отошёл посмотреть, что получилось.

Получилось действительно толково, "микроргений" не посрамил великого Дорошенку.

- Иди, перекуси, - велел отец Александр. - У Насти уже готово.

"У Насти", отметил про себя Виктор. Интимно как-то чересчур. Впрочем, если бы поп сказал "у нас" или что угодно другое, касающееся Насти, Виктору не понравилось бы одинаково. Но он спокойно сказал: "Хорошо" и пошёл на кухню.

Отец Александр остался с Владимиром Матвеевичем, у которого работы было - непочатый край.

Исповедь первая.

За высокой оградой кто-то работал молотком. Спортивного вида мужчина лет тридцати с небольшим дошёл до середины острожного частотола и оглядел мощно окованные железом листовничные ворота. Пробормотал: "Бэтээром не своротишь" и грохнул по железу тяжёлым кованым кольцом, украшающим одну из створок. Металлический стук за оградой прекратился, зычный бас сообщил: "Не заперто!" и стук возобновился. Гость потянул за кольцо, тяжеленная створка пошла неожиданно легко и, пропустив его, сама заняла прежнее положение. "Гидравлика", - определил гость. Рослый бородач в странном наряде, ласково постукивая обухом топора по зубилу, вырубал днище у железной бочки. Цель этого занятия бала очевидна: новенькая водосточная труба на углу храма оставалась единственной, не имеющей ёмкости для воды.

Одеяние бородатого жестянщика представляло собой некий гибрид поповской рясы и пасторской сутаны, сшитый из явно матрасовочного материала: равной ширины чёрные и красные полосы шли сверху вниз и без стыда намекали на некую привычность владельца к подобного рода масти. Да и в каждом движении батюшки угадывалась этакая зековская уверенность, что всё ещё впереди, и потому спешить некуда. Однако стоило взглянуть на чудесную крупную голову, украшенную длинными чёрными, без седины, волосами, перехваченными ремешком, - и впечатление об арестанте забывалось, тонуло в синих бесстрашных глазах, испарялось в лучах ослепительной юной улыбки.

- Кого Бог послал?

Речь его была классически поповской, с нажимом на "о", только привычное ухо гостя уловило в голосе не христианское смирение, а твердую земную властность. Притом опыт подсказал, что властность не господская, а хозяйская, и это успокоило.

- Здравствуйте, отец Александр! Налоговая инспекция пожаловала.

Остывшая было улыбка вспыхнула теперь чуть иронически, бородач положил инструменты на недорубленную бочку и коротким жестом огромной ладони пригласил к бревенчатой стене храма, на широкую, в одну плаху, лавку.

- Присядем, потолкуем, разберёмся.

Гость почувствовал, что теряет инициативу, и заговорил первым, ещё на ходу, стараясь придать вопросу побольше юмора:

- На воротах - знак "Инь - Янь", на куполе - христианский крест накрест с мусульманским полумесяцем да ещё могоновид иудейский... Вам не кажется, что имидж вашего храма не совпадает с менталитетом предполагаемого электората?

Отец Александр от души рассмеялся, проквохтал сквозь смех: "Хоть смеяться-то оно старикам уж и грешно", положил дружелюбную ручищу гостю на колено, оборол весёлость и заговорил:

- Вам бы... простите, как вас звать-величать?

- Никодим Пафнутьевич.

- Гм... Верю и документов не спрашиваю. Так вот, вам бы, Никодим Пафнутьич, не в вашей... м-м-м... службе усыхать, а в пародисты бы на эстраду. Я не шучу. У вас прекрасное чувство родного языка и явная приязнь к родной культуре... Ну, это к слову. Что до электората, как вы изволили назвать моих прихожан, то они вовсе не предполагаемые. Это они построили и храм, и тын, и ворота навесили, и сигнализацию монтируют, и внутренность храма украшают. Местные татары - мусульмане, пришлые русские - православные, потомки ссыльных прибалтов - католики, внуки пленных японцев - буддисты, вездесущие иудеи, новоявленные индуисты... Кого только нет, всякой твари помногу. И Магомет с Буддой, и Кришна с Яхве тут все вместе, как у Христа за пазухой. Сейчас убедитесь. Так что, если б дело действительно касалось налогов, то с этой стороны вы бы в проигрыше не оказались. Будут и прихожане, и пожертвования, и так называемые доходы. Но нам с

вами хорошо ведомо, что от налогов сей храм освобождён высочайшим решением аж Государственной Думы - она же Парламент, она же Верховный Совет, Сенат, Конвент, Гроссаммет, Великий Хурал - что угодно. Посему давайте отбросим условности и определимся. Я буду, как и был, настоятелем здешнего храма, ну а вы?.. Но только всерьёз, бо световой день мастеровому дорог. Бочка вон недорублена... И так?

Гость коротко вздохнул и поглядел в синие глаза с покорностью.

- Да, отец Александр, вы правы. Много о вас слышал У СЕБЯ, но хотелось собственного впечатления. Простите за отнятые минуты. Ещё надеюсь отнять не более часа и прошу за это заранее простить: служба.

- Служба безопасности? - уточнил кротко настоятель.

- Так точно. Кое-что надо сверить по вашей биографии. Вы ведь работаете с людьми, а это и наша, так сказать, сфера...

- Понимаю. Вы намерены ДОЗНАТЬ обо мне то, чего, как вам кажется, не знаете. И должность ваша, стало быть - дознаватель?

- Так точно. - Гость кивнул и раскрыл свою папку. - Вот ваше досье, можете заглядывать, где будет охота - секретов нет.

- Сомневаюсь, что будет. Но не исключаю. Другие всегда знают о нас больше, чем мы сами.

- Мне говорили, что с вами легко работать, - сообщил гость. - Убедился и рад.

- Ах, Никодим Пафнутьич! Это приобретается. Любой человек, в течение ста лет подвергаясь обучению, доучиванию и переучиванию, приобретает определённую сноровку. Если, конечно, жив остаётся...

- Всё же ста-а-а?! - гость даже вскинулся. - То есть, собственно, мне, конечно, говорили, но я...

- Как-то не верили всерьёз? - Юная улыбка настоятеля не гасла, но синий взгляд так затвердел, что вызвал у гостя чувство чего-то острого и закалённого. Голос, однако, оставался ровным и мягких интонаций не утратил. - Теперь и в дальнейшем прошу верить. Я давно миновал тот рубеж, когда прибавляют себе годы, а ложью в жизни не грешил, за что и подвергался упомянутому обучению. - Взгляд смягчился, зубы весело сверкнули. - Для лёгкости общения помните постоянно, что перед вами... Вечный Поп. Со мной - чем больше открытости, тем легче. Ну, с Богом, начинайте ваше дознание!

Гость перевернул заглавный лист, на котором был гриф царского Охранного Отделения.

- Кстати, - добавил отец Александр, - если именовать меня по духовному званию для вас не совсем ловко, зовите по-мирскому, Иваном Ивановичем, я привычен.

- Спасибо, - отозвался дознаватель. - И так, с самого начала. Полозов Иван Иванович, из мещан, в 1903-м году окончили Московский университет по специальности...

- Правоведение, - священник заглянул в папку. - Всё верно: сразу же привлечён за социал-демократическую активность.

- А уже в девятьсот пятом, - гость перевернул лист, - арестованы за слишком активное участие в деятельности "Чёрной сотни".

- Увы, увы, - отец Александр горестно покивал. - Чёрная страница. Неудача в поисках собственного места среди народа. Жидов бил, грешен, а Россию не спас - опять грешен.

- "Искренне раскаялся, - зачитал гость. - Отпущен под честное слово".

- И ушёл в религию, - подхватил раскаявшийся грешник, - и счастлив сим поныне!

Гость покачал головой.

- Наверно, счастье было до двадцатого года, пока не арестовали большевики?..

- Нет и нет, - хозяин тряхнул чёрной гривой. - Счастлив религией был всегда, ибо имел постоянную и невозбранную возможность совершенствоваться.

Гость покачал головой с удивлением, близким к явному сомнению.

- Ах, Иван Иванович, святой человек! Да какую ж невозбранную, если возбраняли вам и в двадцатом, и в двадцать восьмом, и в тридцать четвёртом, и в тридцать девятом, и в сорок восьмом, и в семидесятом, и в семьдесят шестом - последний раз!

- Допускаю, что и не последний, - святой отец сурово усмехнулся. - Допускаю, что эти семь раз только примеривались. Хотя ваш-то визит к этому ряду, безусловно, не относится! Но ведь существо дела в том, что душа и тело - физически разные субстанции. Душа, она же дух, она же продукт деятельности коры и подкорки, а скорее - и повыше того - неподконтрольна внешним влияниям, незапретна, ненаказуема и, следовательно, пользуется объективной презумпцией вечной невозбранности. Что душа ищет, то она всегда и найдёт!

Дознаватель обречённо вздохнул. Философия мешала делу. Но само дело, хоть и требовало скорости, могло быть напрочь испорчено спешкой.

- Целиком согласен с вами, - сказал гость вполне искренно, - и преклоняюсь. И завидую, потому что сам к подвижничеству пока не готов. И чую: лучше не касаться нам подробностей ваших лагерных мытарств - от Печоры и до Колымы. Уточнений требует, собственно, только старательский период.

- По части доходов! - уточнил батюшка живо. - Не ошибаюсь?

- Так точно. - Гость посмотрел коротко в упор, после чего обвёл взглядом территорию, огороженную частоколом. - В один приём выкуплены десять гектаров плодородной земли...

- Девять, - уточнил хозяин строго. - Только до леса. А я бы и лес прихватил.

- Девять, - агент согласился охотно. - Но и девять надо было огородить настоящей крепостной стеной, плюс столько же строевого леса на храм и надворные постройки, плюс пасека, плюс новый колокол, плюс водопровод со скважиной...

- И с мотором! - гордо добавил отец Александр. - И ещё множество плюсов! И каждый плюс у меня обеспечен документом о честном происхождении...

- Но... - начал дознаватель.

- Но вот о происхождении денег, - с нажимом продолжил хозяин, - я подотчётен только Господу Богу и тем людям, в основном из старательской среды, которые их вложили. Ибо, согласитесь, мой ДРУГ, кто ничего не вложил, тот и спрос учинять не вправе. Могу своих друзей перечислить - у них справьтесь: может, кто и признается, что жертвовал на восстановление храма...

- На строительство, - поправил гость.

- Ах, Никодим Пафнутьич, Никодим Пафнутьич, - священник с нескрываемым наслаждением смаковал имя-отчество гостя, - сразу видно, что вы не из этого села и даже не томич.

- Так точно, - гость недоумённо пожал плечами. - Ну и что же?

- Да то, что у нас в Излучном все, а в Томске многие из старожилов знают, что фундамент сего храма в конце девятнадцатого века для него же и заложен. И до двадцать восьмого года ему и принадлежал. Потом - по известной вам схеме - шла деградация: Дворец культуры, Дом культуры, магазин, склад, гараж, руины. Только фундамент и выдержал, потому что - лиственница. Ну, теперь всё по науке, по мере и красоте - ещё на пару веков хватит, ежели без пожаров стихийных и бурь социальных. Осматривать будете?

Гость едва сдержался, чтобы не вскочить в тот же миг, ибо ради этого мига он сюда и явился.

Пока дознаватель завязывал свою папку и прятал её в портфель, бородатый гигант легко поднялся, отошёл в сторонку, стащил через голову рясу и начал её вытряхивать, бормоча довольно громко: "Во храм - с чистой душой и в чистом одеянии. Не во прахе, но попирая его. Аллах акбар. И Будда акбар. И Кришна акбар. А Иисус - всем акбарам акбар..." При этом под рясой обнаружился армейский наряд: камуфляжные брюки со множеством карманов, заправленные в высокие ботинки с пряжками, и десантная голубая тельняшка, туго обтягивающая атлетический торс.

Заметив округлившиеся глаза гостя, пастырь пояснил иронически: "Сие непотребство крайне удобно в быту, да вот как-то не сподобился после утренней службы рясу снять, так и слесарничал на воздухах. - И, выныривая из ворота вновь надетой сутаны, добавил: - А носить имену право, ибо подарено старинным другом, гвардии капелланом, и освящено на алтаре одной из энских воинских частей".

Последовал приглашающий жест, и перед гостем распахнули окованную полосовым железом церковную дверь.

- Мощные двери, - оценил гость, - мощные ворота, сигнализация...

- А как же, - отозвался хозяин вполне миролюбиво. - Радио слушаем, телевизор смотрим. Меняются только средства разбоя, а цели - удручающе однообразны, из века в век. Так что: мой храм - моя крепость.

- А средства обороны?

- Пассивные, Никодим Пафнутьич, только пассивные. Непротивленцы мы.

Гость отметил взором резные буквы над дверью, выполненные на толстой кедровой плахе: "ПРОСИ БЕС СОРОМА" и попробовал перевести славянскую вязь на современный русский: "Проси, чёрт, позора"?

- Отнюдь! - Отец Александр улыбнулся озорно. - Нечистого всеу, да ещё без запятых, да ещё во храме Божьем? А я-то похвалил ваше языковое чутьё... "ПРОСИ БЕЗ СТЫДА" - вот что говорили на Руси. И до сих пор в этом что-то есть, правда?

Гость кивнул в некотором смущении, шагнул через порог и сразу остановился, сняв шляпу.

- Ёлки-палки...

- Безвозмездная работа одного из представителей нашего электората, - сообщил отец Александр, проследив его взгляд. - Известный библейский сюжет. Все сразу узнают и плачут. А слезы в данном случае - жидкость объединяющая.

- Избиение младенцев, - пролепетал агент. - Ё-моё... Ни одного младенца... А жутко... Надо ж так придумать...

- Увидеть, - поправил священник. - Художники - видят. И то, что убивали ночью, спящих, из соображений гуманности или стыда, и эту игрушку, над которой плачет Рахиль, и кровавый мешок, в котором солдат уносит её зарезанное дитя - надо же предъявить: от двух лет и моложе... И всё это обыденно: служба! И всё, конечно, - на фоне природной благодати и яркого лунного неба - это не придумаешь, это видеть надо.

- Кто? - спросил гость потрясённо.

- Художник-то? Вдохновенный творец, не более. От своего имени он в данном случае отказался, и не будем ему мешать. Это правильно, когда великое безымянно. Зачем той же Луне кем-то выдуманное имя? Кстати, он продолжает здесь творить. Вот, направо, ещё его работа. Помните, у Луки: "Не здоровые имеют нужду во враче, но больные". Вот и сошлась ко Спасителю разная нечистая публика: и мытари, и другие вымогатели, и хитрые нищие, которые днём отдыхают на паперти, высматривают клиента, а ночью достают из-под лохмотьев ножи, и мошенники в богатых одеждах, надорвавшие организм тяжбами, обжорством и развратом... А вон тот, малозаметный, надо полагать, дознаватель, ихний филёр... Не примите в обиду...

Пахло масляными красками, скипидаром, растворителями; верстак за снятой с петель дверью правого придела был завален свежими стружками, а сама дверь лежала на верстаке, и кто-то оставил на ней пару резчицких инструментов, зеркально сверкающих в голубом солнечном луче из витража.

- Впечатление такое, - сказал гость, - будто здесь только что работали.

- Так оно и есть.

- Где же все?

- Попрятались.

- От меня? Неужели?

- А чем вы, Никодим Пафнутьич, ХУЖЕ любого прочего дознавателя? Служба службе рознь - вот что главное. Они служат - в данном случае - Богу, а вы - режиму. Разные этические системы.

- Чего же им меня бояться-то?

- А просто подальше от греха. Бережённому Богу легче сберечь. Да и вас чтобы в грех не вводить.

- В какой?

- Ну, скажем, в грех излишней любознательности.

- Да разве может быть любознательность - излишней?

- Всё бывает излишним, милейший Никодим Пафнутьич. Даже умеренность. И всякому излишеству в нашем великом языке есть своё название. А чего нет, заимствуем в других языках, тоже великих. И сравниваем. И у одних получается "национальная гордость", а у других - "нацизм", хотя молятся одному Богу. Вот как разорительно отделяться друг от друга, когда всё переплетено! Пресвятая Еврейка родила нам Спасителя. Его учение перенял некий пророк из кочевых арабов. А за пять тысяч лет до них поразительно схожие проповеди излагал некий огнепоклонник из прикаспийских степей. А до него и при нём, только на других материках, люди разных языков, разных культур, разного цвета кожи так же верили в высшие силы и по-своему поклонялись им, и "любовь к ближнему" во всех языках звучит по-разному, но от этого не перестаёт быть любовью, правда? Посмотрите на Будду вон в той нише. Он, как и Христос, из тёплых краёв, и оба они одеты не так, как мы, но... Впрочем, вы наверняка пришли ко мне не с пустой в этом смысле головой, и агитировать вас не надо. И оба мы вкладываем одинаковый смысл в известную сатирическую фразу: "Все люди - братья, люблю с них братья я". Присядем?

- Все берут, да не все отдают, - произнёс агент, садясь на новенький, местного производства табурет.

- Вот именно! - подхватил отец Александр. - Но не кажется ли вам, милейший Никодим Пафнутьич, что я несколько упрощённо толкую разницу религий и культур?

- Вариант "для дураков"? - Агент под сводами храма заметно изменился: и движения стали как-то свободнее, и речь пошла будто бы интимнее. - Так я не обижаюсь, Иван Иванович. Не думаю, что мне удаётся роль дурака, и вижу, что вам это заметно. Вот и разыгрываете... И чувствую, вы достаточно знакомы с моим начальством - в широком смысле, - чтобы не поверить в мою необразованность. Довольны вы будете, если скажу из Сен де Рана, что "нет в мире ни простого, ни сложного, а есть понятное и непонятное"?

- Вполне, мой друг! - Пастор уже не скалил ослепительных своих зубов, глядел с печальным пониманием. - И пора поговорить начистоту, правда?

Гость подумал, поглядел ему в глаза и кивнул. Священник пододвинулся поближе со своей табуреткой и тихо начал.

- Зовут-то вас по-настоящему как?

- Зовите Володей.

- Тайну беседы гарантирую, в этом, надеюсь, сомнений нет. - Низкий голос без сопротивления проникал в душу, и агент легко представил, каким авторитетом в колымских лагерях мог пользоваться его красноречивый обладатель. - Помочь постараюсь, но при двух условиях: во-первых, полная откровенность, а во-вторых, чтоб не противу совести. Итак, что привело?

"Куда там нашим следователям, - подумал агент. - Прямо по Ершову: "Я куплю тебе лубков, дам гороху и бобов". Ежели, конечно, "не противу совести". Ай да Вечный Поп!"

- Ищу человека, - сообщил он так же тихо. - И не простого, а с очень большой буквы. Моё

задание для моего начальства - выше любой морали.

- Убрать? " Батюшка от огорчения даже впал в жаргон убийц. - За что же?

- Бог с вами, отец мой! - Володя даже рукой махнул. - Надо просто взять, притом нежно и обязательно живьём. Это гений. Но крайне опасный гений. Хотя может быть и очень-очень полезным. Большого, хоть убивайте, сам не знаю.

Подумав недолго, отец Александр задал ещё один вопрос:

- Может быть, известно хотя бы, для кого именно опасен этот гений? И кому от него польза? И... Впрочем, довольно и этого.

Теперь задумался Володя. И вид у него был при этом слегка обескураженный.

- В самом деле, - заговорил он наконец, - кому же он опасен? Надо понимать, что обществу... Но и полезен, вероятно, ему же... А как иначе: мы ведь обществу служим...

- Тем не менее, - допытывался Вечный Поп, - и пользу, и вред от имени общества оценивают отдельные личности. Учёные... А чаще - политики. Кто в данном случае?

- Не зна-а-аю! - Володя почти простонал. - Ведь я такие вопросы задавать своему начальству не могу. А само оно снисходит редко...

- Что ж, - отец Александр вздохнул, - на "нет" и суда нет. Задавайте тогда ваш единственный вопрос: не скрывается ли в моём странном храме... Кто?

- Виктор Маков, - имя искомого агент произнёс твердо и быстро. И при этом быстро и твердо заглянул в глаза собеседнику. Он, конечно, сразу увидел бы тень скрываемой правды. Но взгляд его упёрся в спокойное доброжелательное любопытство: "Дальше, дальше!" - Возраст - 27 лет, ростом чуть ниже вас, хорошо сложен, рыжие волосы, пригож лицом, параллельные шрамы на правой скуле и справа на подбородке придают красоте мужества, глаза серые, при разговоре смотрит в упор, взгляд не тяжёлый, всегда заинтересованный и выдаёт большую понятливость... В движениях не суетлив, пока не волнуется. В волнении начинают непроизвольно дрожать пальцы обеих рук и губы - это последствия армейской контузии... Есть лёгкая хромота на правую ногу. Впрочем, обладая исключительной силой воли, со всеми последствиями контузии умеет справляться, если только их заметит. Великолепный собеседник на любую тему, но сам разговоров не начинает: из деликатности всегда отдаёт инициативу тому, с кем говорит. Он вообще неразговорчив, потому что, вероятно, от гениальности, самодостаточен... Что ещё?... Хороший резчик по дереву - этим и спасся от контузии. Ну и, гм... говорят, непобедим в рукопашной.

Отец Александр помолчал, медленно чему-то кивая и глядя в пол, на стружки. Гость следил за ним внимательно и не торопил.

- Так-та-а-ак, - прогудел, наконец, пастор с тяжёлым вздохом. - Ежели он хороший резчик, то может и здесь оказаться. Работа ему есть. Если он верующий, тогда... Кстати, он верующий?

- Об этом не знаю, - признался гость. - Если судить по ужасному военному прошлому, то мог стать верующим, потому что на том свете побывал и по пути туда-обратно тоже многое видел. Но проявлений не отмечено. Скрытен, говорят.

- Так вы с ним лично не знакомы?

- Увы, - гость извлёк из нагрудного кармана куртки фотокарточку, - только вот это.

И внимательно уставился на хозяина: не мелькнёт ли в ясных глазах тень узнавания. Нет, не мелькнула. Только острый интерес.

- Какое хорошее лицо, Володя! И видно, что страдал. И веру вижу, такую, что и... А что с ним сделают, если найдут? Он же, вы говорите, непобедим? Значит, если не захочет, то и не возьмёте? А вы за ним - в одиночку...

- Да у меня драться и в мыслях нет! Мне бы только найти, я бы убедил. Я знаю, что ему сказать...

Ах, сорвалось с языка! И поп тут же вцепился.

- Что же вы ему скажете?

- Да мне бы только увидеть, - Володя говорил медленно и выигрывал секунды, чтобы исправить промах, - уж я бы сказал... Ведь он человек не простой. Он всё понимает быстрее любого... Конечно, он меня не знает... Но это, пожалуй, даже лучше... Я, по крайней мере, не вхожу в число его врагов...

Говорить так долго было нельзя: могло сорваться ещё что-нибудь лишнее. Но въедливый поп в полосатой зековской рясе и десантных штанах терпеливо ждал прямого ответа и чем дальше, тем вернее мог понять, что равенства в этой игре ему никто предоставлять не намерен. Он слушал молча и внимательно кивал в конце каждой фразы: "Дальше, дальше..."

- Я скажу то, что просили меня ему передать, - Володя нашёл наконец свой ход. - Скажу, что все, кто перед ним виноват, просят прощения и передают свои уверения, а те, кого обидел он, прощают его ради общего дела... Он поймёт. Так мне объяснили.

Даже если священник понял, что его проводят, виду он не подал. Кивал и поддакивал, не выпуская из пальцев фото злодея.

- Хорошее лицо, - повторил он погодя. - Если и сотворил зло, то, чую, вынудили его ответить недобрым на недоброе. И вам, Володя, сочувствую. Очень будет нелегко. .. Гений, говорите? Ах, Господи, до чего же, наверно, приятно быть гением!.. Или хотя бы другом гения, а?

Ласково потрепал гостя по колену и поднялся. Встал и тот.

- Дорогой Володя, - опять стаскивая через голову свою рясу, Вечный Поп ухитрился сохранять торжественность речи, - вы очень и очень заинтересовали меня своим визитом. Ваш рассказ о столь необыкновенной личности просто потряс меня... Вы ведь, полагаю, по службе являетесь моим... опекуном? Можете прямо передать своему начальству, что снискали искреннюю мою симпатию. Лично вам обещаю всегдашнее гостеприимство и... Как вы назвали гения? Виктор Маков, 27 лет, рыжий, почти моего роста. Да-да. Крайне интересно, буду всечасно иметь в виду... Однако, - хозяин храма весело оживился, - я ведь недопредъявил вам свои владения! Поскольку деловая часть встречи у нас, надеюсь, завершена, давайте-ка предадимся моим полувоплощённым мечтам.

Больше из приличия, чем по охоте, гость последовал за приветливой тельняшкой в молитвенный зал, изящно восходящий к куполу, в котором изнутри боковой свет проявлял набросок облаков на голубом подмалёвке. Что будет изображено меж этими вечно белыми кучёвками вечно ведренной погоды: след реактивного самолёта? Солнце? грозный лик Божий? беспечные кудрявые мордашки с голубыми крылышками?

- Душа сама в синеву просится, - прогудел по этому поводу пастырь, останавливая гостя посреди зала. - Оглянитесь, друг мой Володя! Вон тот павлин в нише символизирует Кришну. Вот этот обширный пустой простенок - для мусульманских медитаций. Когда закончим резать и расписывать иконостас, довольны останутся христиане всех толков - под одним же Богом ходят. Иудеи тоже своё найдут... В общем, как видите, не институт ортодоксального фанатизма, а этакий Дворец Веротерпимости. - Отец Александр коротко хохотнул и добавил интимно: - Совсем правильно было бы назвать Дворцом просто Терпимости, но при современной морали, сами понимаете, обязательно возникнут неприличные ассоциации. Увы, от великого до смешного - как от богатства до бедности.

- Или от свободы до осознанной необходимости? - подсказал агент лукаво.

- Bravo! Вы совершенно правы! - Странный поп воздел к нарисованным небесам небесно-голубые полосатые руки. - Свобода не есть осознанная необходимость, незачем себя обманывать! Она так же недостижима, как абсолютная скорость или абсолютная температура. А если уж принимать некий локальный вариант, удовлетворяющий человеческое достоинство, то я бы вот что предложил: "Свобода - это непобедимая сила, управляемая терпимостью". Из этого естественно следует, что мой храм - моя крепость, а сам я подлинно свободен вот здесь, на алтаре! Перед всеми!

- Непобедимый в рукопашной, - подхватил агент, - но снисходительный к чужим слабостям!

- Не то, сын мой, не то! - Вдохновенный кудесник возвышался над кафедрой и, кажется, собирался прочесть проповедь. - Пустяки - рукопашная! Пусть ваш Виктор Маков будет в ней непобедим. Наше поле битвы - известно - душа! И вот это поле - не уступлю никому! Это - моя вершина, я взял её сам и выше не устремляюсь, ибо выше - только Бог. А здесь - я за Него, ибо ведаю Его правду и с нею - непобедим! - Проповедник внезапно сошёл с алтаря и обратился к агенту тоном заговорщика. - Вы, Володя, я вижу, человек не робкого десятка - уже хотя бы потому, что пришли сюда один. - Не более секунды полюбовался эффектом и, не давая опомниться, продолжал тем же тоном. - Вы снискали моё искреннее расположение. Вам могу показать такое, чего не показываю никому... Хотите испытать ту самую свободу, о которой я говорил? Подлинное могущество, управляемое терпимостью? Отлично! Я так и знал! Взойдите на моё место! На алтарь мирским не полагается, но вам - по службе - необходимо познать: и само состояние, и себя в нём. Это редкий случай проверить свою готовность. Прошу!

Энергичный приглашающий жест одной рукой, мягкая, но настойчивая помощь другой - и чиновник государственной силовой службы - на алтаре.

Бородатый десантник отступил назад, "в публику, скрестил руки на груди и покивал ободряюще: "Просим!"

Агент бессознательно метнул взгляд на многоцветный оконный витраж, потом - почти в растерянности - на небесный подмалёвок купола, потом брови его сошлись, а вернувшиеся "к народу" глаза сверкнули грозой.

- В общем, батюшка, - сказал он мягко, но значительно, - трогать вас, конечно, не будем. Интересен ваш экуменистический эксперимент, тем более что для нас - бесплатно. Можете ни о чём не беспокоиться, власть народная - на вашей стороне. Приобщайте, просвещайте, объединяйте. А мы к вам интеллигенцию подтолкнём. Самый неуправляемый контингент. А загоним всех под одну кровлю - тут уж включится полевая связь - вы о ней знаете, конечно, - и "соль народа" начнёт мыслить едино. Что нам с вами и требуется. Согласитесь, отец мой: власть только тогда народна, когда народ с ней единомыслен. А для взятия столь высокой цели поистине хороши любые средства. И проповеди верного человека - не самое худшее из них.

- Народ единомыслен с властью, - отозвался коварный волхв, - это интересно. Но гений, гений! Как без гения?

- Да, чёрт побери, - безбожник на алтаре огорчённо вздохнул, - тут дали маху. Рановато сбежал. Ещё немного - и уже обошлись бы без него. Ну что такое формула без технологии? А формула такая, что нам самим, сыром, до технологии - годы экспериментов. А этот гад уже сейчас мог бы! Да вот вам

- разуверился! Ну какие к дьяволу побочные эффекты, когда все волки станут ягнятами!? Да после ЭТОГО всё остальное - семечки! Бери их голыми руками, без всяких проповедей, миллионами, без различия убеждений! Масса, материал, НАРОД в лучшем смысле, потому что без агрессивности, но со всеми талантами в превосходной степени! Никаких войн, только одна газовая атака - и Человечество едино! Нужны только запасы газа, а средства доставки - любые ракеты, шары, беспилотные аппараты - лишь бы низколетящие. Пускай их сбивают над собой, над нами, над кем угодно - тем шире охват... Отче! Помогите нам найти Макова, и мы всё человечество сделаем вашими прихожанами! Будете Всемирным вечным Пастором! Обещаю с гарантией! Там у него ещё одна идея, ещё эффективнее - всего несколько мощных спутников, без всякого газа. Но он слишком быстро о ней замолчал. Не представляем, насколько там разработано... Батя! Мировое господство - чушь, неправильное понимание! Всепланетное Глобальное Управление - вот что нужно! Чтобы правильно, грамотно, нравственно, без авантюры. Чем плоха ровная жизнь, без войн, без национальных катаклизмов?! Но ведь без единства управления - пустой звук! Ей-Богу, не ради славы - ради жизни на Земле! Нет такой власти, клянусь, которая ХОТЕЛА бы отворачивать головы! Просто всегда появляются обстоятельства, с которыми иначе не сладишь. И всякой власти приходится подавлять немногих ради большинства. И народ против народа - тоже неизбежные издержки реализации ЛЮБОЙ власти. А у Макова в гениальной башке - спасение человечества - и от войн, и от всякого насилия, одним ударом... Где он? Дайте нам его, и мы гениально переустроим мир! Дайте нам объяснить ему, что такое НРАВСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ, и он станет нашим знаменем! Под знаменем Виктора Макова, под предводительством Нравственной Власти и её верного сына Владимира Дружбина - вперёд, к победе Терпимости!.. Последнее, понятно, шутка...

- Bravo, сын мой! - Одинокие гулкие хлопки поповских ладоней метнулись между стенами, взлетели под купол, отразились вниз и будто пробудили оратора от гипнотического транса. Агент Володя Дружбин, подчиняясь мановению волхва, сошёл с алтаря.

- Иван Иванович, скажите честно, что я тут такое нёс?

- О, Володя, вы так славно говорили о терпимости, что я даже передумал приглашать вас в ученики. Вы - готовый проповедник. Хотите, поставим для вас такой же храм?

- Но почему я ничего не помню?

- Потому что ДУШЕВДОХНОВЕННАЯ речь неуправляема и незапоминаема. Это и было познание Свободы. Вспомните, за Христом записывали аж четыре евангелиста, только из официально признанных. И не за ним одним. Я сам своих речей не запоминаю. Хотите, будем проповедовать здесь по очереди и записывать друг за другом? А потом издадим толстой книгой и прославимся, а?

Искуситель говорил столь серьёзно, что Володе пришлось отступить от своих страхов за собственную болтливость и поверить, хоть и не без опаски, в свой проповеднический талант.

- Только я пока ещё ТАМ послужу, - сообщил он. - Некоторые дела нельзя бросить.

- Да это понятно, - прогудел отец Александр. - Подождём, сколько надо... Но и так не забывайте, заглядывайте. Ворота для своих всегда открыты.

Он взял с подоконника плоскогубцы, натянул поверх тельняшки толстый свитер и вместе с гостем двинулся к выходу.

У окованной двери, над которой со двора красовался призыв "просить без стыда", гость поднял глаза и задержался, читая.

- "Не верь. Не бойся. Не проси". Ого.

- Вполне согласен: "Ого", - прогудел сзади хозяин. - Мир насилья, который и есть собственно мир, меняется медленнее, чем мы хотим. В нём не живут, а выживают. Стало быть, просить можно только у Бога, верить - только Богу, и страха достоин - только Бог.

- Ничего, - пообещал гость, - будет и на нашем проспекте сабантуй.

И, непринуждённо обернувшись, заглянул в глаза мятежному батюшке. Но там царил неисчерпаемый покой. Ни грозы, ни иронии.

- Безусловно, - согласился отец Александр. - Всё в наших руках. А чего нет, то добудем. С Божьей помощью.

- Очень рад знакомству, - агент не решился предложить духовному лицу рукопожатие, по-офицерски вытянулся и коротко поклонился одной головой. - Отлично поговорили. И надеюсь на продолжение.

- Можете не сомневаться! - Вечный Поп перекрестил гостя, и это, несмотря на его специфический наряд, вовсе не выглядело комически. - Я буду молиться за вас. Идите с Богом!

Аки посуху.

Виктор вдохнул ароматы кухни и почувствовал, что проголодался сверх всякой меры. Оценил: гениальность истощает в гениальной степени.

Настя взглянула так, будто ожидала не его. Однако сразу подошла и прижалась. Виктор обругал себя за ревность и мнительность, подхватил её на руки. Настя по пути дотянулась до дверного крючка, и они исчезли за перегородкой, где стоял диван...

Виктор позволил себе перекусить лишь слегка и между делом рассказал Насте то, что узнал от братьев Бычковых. Добавил:

- Даже не верится.

- И мне не верилось, - сказала Настя. - Он тут мне рассказал то же самое. И ещё, что рядом с этим храмом построит турбазу, которая будет называться "Под Богом". Доходы от неё и от сувенирного промысла пойдут на храм, ни на что больше. И все тут работают не за деньги. Поверишь?

Виктор кивнул. Она говорила с ним как обычно, родственно, и напряжение ревности стало спадать. Спросил:

- А как он тебе вообще?

И услышал пониженный её голос:

- А знаешь... Если бы не встретила тебя...

Он быстро остановил:

- Ясно. Извини, я - зря...

Она улыбнулась, как ему показалось, грустно.

- Он сказал, Витюш, что, как стемнеет, покажет нам чудо.

- Нам или тебе?

- Не надо так. Сказал: вам обоим.

- Так уже темнеет.

И отец Александр не замедлил явиться. Вместе с Владимиром Матвеевичем и художниками. Сказал решительно:

- В помещении уже темновато, работать нельзя. Покажу гостям так называемое чудо. Только надо на полный желудок, чтобы у маловерующих не возникло сомнений.

Виктор поел вместе со всеми, плотно, и отец Александр повёл их к реке.

На берегу был приличный пляжик. На сером песке отдыхала лодка-"казанка" с мотором.

- Ну, человеки, столкнём её в воду!

Лодка закачалась у берега.

- Оттолкните сильно! - был властный приказ. Отец Александр преобразился, он стал похож на сгусток невидимого огня, бушующего под свитером и закатанными армейскими брюками. - Разуйтесь! - И разулся сам.

Лодку быстро относил от берега, до нее было уже десятка два метров, и Виктор прикидывал, на сколько ещё отнесёт, пока он успеет раздеться и доплыть.

Отец Александр вдруг протянул Насте раскрытую ладонь:

- Пойдём!

Она вложила в эту ладонь свою руку, и оба уверенно шагнули к воде. Река текла мощно и почти без волнения - только ходить.

Ходить, подумал Виктор, чушь какая...

Но эти двое без всякой подготовки ступили босыми ногами на поверхность воды и - пошли. Вода прогибалась, как молодой лёд, но даже брызг не было.

- Кто с нами? - Отец Александр оглянулся. - Идёмте все!

Владимир Матвеевич и Лена со Львом покачали головами и не двинулись.

- Скорее! - велел колдун, и они с Настей побежали к лодке.

Виктор бросился вслед, стараясь начать движение по воде так же, как они. Но провалился на первом шаге. Полетели брызги, вода неприятно обожгла через сразу прилипшую одежду. Виктор чертыхнулся и по пояс в воде остался наблюдать, как двое святых апостолов - или обманщиков - с разбегу прыгают в лодку, как бородатый колдун запускает мотор и лихо, на полном газу выбрасывается на берег.

- Вытащим, чтоб ночью не смыло!

После этих обыденных слов обыденно вытащили лодку подальше на сушу, и отец Александр пробросил мокрому Виктору:

- Я же говорил, сыне, всё чудо - в вере и в необходимости. Кстати перефразирую немного известный афоризм: "Необходимость - мать чудес".

- А как было? - Настя счастливо смеялась. - Мать чего?

- Изобретательности, - отец Александр улыбался тоже. - Частный случай чуда, кстати. При нужде можно даже летать без аппарата, но - нужна подготовка. Так вот, за руки держась, не полетишь.

- Левитация как норма? - Виктор не скрыл недоверия.

- Если угодно - да! - Священник нимало не смутился. - Закончим со стройкой, займёмся вплотную левитацией. Буду рад научить. - Лукаво взглянул на Владимира Матвеевича и не удержался, добавил: - Это вам не с парашютом прыгать.

Пока было светло, успели собрать все стружки в контейнер, смонтированный на небольшом тракторе, отец Александр сам сел за рычаги, и из контейнера вывалился туго упакованный тюк, который отнесли в дровяник.

Перед сном пили чай, и беседу начал, конечно, хозяин.

- Только что в лодке, глядя на купающегося Виктора, я неожиданно подумал, что название турбазы "Под Богом" звучало бы не очень привлекательно.

- Притом, - не без желчи поддержал Виктор, - спектр непривлекательности довольно широк. От "ходить под Богом" до "находиться под мухой".

- Ну, последнее бог прощает, - непьющий Владимир Матвеевич улыбнулся, - но в целом согласен.

- Поэтому, - резюмировал владелец будущей турбазы, - назовём её "Под Самым Богом". Всё с большой буквы, чтобы не было ни у кого сомнений.

- Сомнений в точности? - уточнил Виктор.

- Да. Пусть люди пребывают в уверенности, что Господь находится точно над этим храмом, а попутно - и над турбазой.

- Отец Александр, - Виктор подчеркнул "отец", - ваша вера в Бога, простите меня, настолько иронична, что иногда кажется ненастоящей.

- О-о-о, - прогудел священник. - Вот очень точное замечание. И ничего не могу отрицать. Но объясню. Слишком уж серьёзному делу я посвятил последние 75 лет своей жизни. Настолько серьёзному, насколько и тяжкому - без улыбки не выдержать просто. Без улыбки и без выдумки. Поэтому всё время улыбаюсь и выдумываю.

- И потому не стареете, - сказала Лена.

- Да, - согласился священник. - И веру, и жизнерадостность из меня вышибали не в переносном, а в буквальном смысле. Но не вышибли, потому что не позволял себе стареть. Старого легко сломать, легко убить... - Он помолчал, не то, вспоминая что-то, не то размышляя. - Я тут было достиг цели и позволил себе... Цель-то была дальняя, почти недостижимая... И вдруг все сложилось!.. Но сегодня ударил колокол - и разбудил душу: нельзя стареть! разве это цель - поднять из руин храм!? То есть, нет, это - цель, конечно...

- Но - промежуточная, - подсказал Владимир Матвеевич.

- Да, Матвейч! Промежуточная. Малая. Как нас учили по истории партии, данный храм - это цель-минимум. А максимум - вернуть людей к Богу. Ибо Он терпеливо ждёт.

Люди натворили столько, подумал Виктор, что Богу, если бы Он был, давно следовало устроить нам Конец Света и Страшный Суд.

- А я знаю, Витюша, о чем вы думаете, - отец Александр, улыбаясь, погрозил пальцем. - Думаете о Страшном Суде. Да?

Виктор, уже не удивляясь, кивнул.

- Так я вас успокою, - продолжал отец Александр. - Не будет никакого Страшного Суда. - Оглядел всех ласково и рассмеялся добродушно. - Надо правильно понять этих несчастных, которые писали Евангелие и Апокалипсис. Они, понимаешь, лезли к занятым человечкам со своей новой верой, а их, естественно, гнали... Да вспомните, как прогоняли самого Иисуса. Вот он изгоняет бесов из двух пастухов. Бесы просят: "Дозволь переселиться в свиней". Он, по доброте своей, а может, и в рекламных целях, ибо то было одно из первых исцелений, соглашается. Взбесившееся стадо бросается с обрыва в море и погибает, а оскорблённые горожане выбегают из ворот и заявляют, что такой чудотворец им не нужен, и пусть он убирается. Христос уходит и делает выводы. Больше он с бесами не миндальничает, и люди начинают его принимать. Но всё равно его повсюду достают фарисеи, приходится скрываться, потом - предательство и казнь. Апостолы, остаются без наставника, божественной силы у них поменьше и, как следствие, достаётся им теперь побольше. Их и бьют, и пытаются, и распинают. Естественны и мысли о мести. Они же люди, хоть и святые. Но раз святые, сами мстить они не имеют права. Вот и ждут мести от Бога, который, конечно, всё видит и не простит. И все города, где им особенно доставалось, перечислены в Откровении Иоанна, в картинках Божьей расправы над неверными, развращёнными и тому подобными. А нам от всего этого приходится абстрагироваться и, как учил Спаситель, отделять зёрна от плевел. Практически Учение в чистом виде - это Нагорная проповедь и афоризмы, изрекаемые Христом во время различных деяний. Но и тут надо подходить творчески.

- Выдергивать? - не удержался Виктор. Отец Александр не повёл бровью.

- Все выдергивают, Витюша. И исключением быть невозможно. Почему? Объясню. Всеядность в таком громадном - и противоречивом! - учении попросту бессмысленна. А выборочное употребление зависит полностью от личности выдергивающего. Например, лучше других нам известный российский вариант марксизма. Интересный научный труд обернули в обрывки Христова учения и этой дубиной пошли стучать по головам и куполам: мы заставим вас быть счастливыми. Кто-то делал это искренне, кто-то - из корысти. Простим их всех, дело прошлое. Человечество восходит к разуму по лестнице, которой каждая ступень приколочена гвоздями его ошибок. Притом не всегда крепко приколочена.

Виктор почувствовал, как его гениальная голова сама кивает Александровым рассуждениям. Гипноз? Он и Настю по воде водил под гипнозом? Виктор хотел встряхнуть головой, но вспомнил, что

он и так у этого нестаряющегося типа на ладони, и сжался, не умея скрыться. Отец Александр коротко поглядел на него и незаметно по-зековски подмигнул: дескать, не бойсь, сыне, всё будет путём.

- В общем, - продолжал он ровным басом, - вы, Витюша, полностью правы: из любого учения думающий человек выбирает лишь то, что ему по душе. И дело лишь в том, какая душа. Главное - не наломать дров, применяя чужое учение... Приведу примеры. Иисус сказал: "Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный". Как поступить? Вспомнить ли, что Яхве - самый беспощадный из всех языческих богов до Рождества Христова? Или подумать о нравственных законах, продиктованных Им Моисею? Не призыв ли это вообще говорить одно, а делать другое? Ищем уточнение, которое устроило бы нас. Пожалуйста: "Душа не больше ли пищи, и тело одежды?" Прекрасно! Насчёт тела и одежды, понятно, литература, а о душе - в самую точку. Но тут же рядом кому-то понравится другое: "Не заботьтесь о завтрашнем дне". Это как?

- Да просто реверанс перед папашей, - отрезал Виктор.

Отец Александр удивлённо сощурился и сразу расцвёл.

- А что же, вполне возможно! Бог-отец водил еврейский народ по пустыне 40 лет, чтобы воспитать надёжных своих рабов, кормил их ежедневно манной и не велел запасать впрок, потому все запасы наутро портились. Рабскую беззаботность воспитывал, а с ней - безответственность. Из-за этого израильтяне без всякой жалости истребили всех, кто жил до них в земле обетованной. И из-за этого мне несимпатичны священники, которые настаивают именно на РАБСТВЕ Божиим. Кто познал и осознал свободу, никогда не выберет рабство, даже Божие.

- Как же тогда мог Иисус... - начал Лев.

- А он был человек, - решительно перебил отец Александр. - И ничто человеческое не было ему чуждо...

- Ничто? - спросила Настя лукаво.

Он посмотрел на неё ласково и усмехнулся.

- Ничто, за исключением пороков. Может показаться, что в запале спора человек в Нём иногда прорывался и слабостями. Например, любят цитировать его фразу, брошенную фарисеям:

"Кто не со Мною, тот против Меня". И много страшного натворили под этим девизом, особенно у нас в стране. И ведь не сознавались, что это лишь часть изречения. А дальше там слова, которые всё ставят на место: "И кто не собирает, тот расточает". Каково?! Тут и забота о завтрашнем дне, и объяснение, что значит - быть не с Ним. Или вот ещё, о матери и братьях... Впрочем, довольно, а то проповедь получается. Застольная... Был ведь всего один вопрос. Вы удовлетворены, Витюша?

- Я понял, - Виктор кивнул. - Речь о нравственном законе.

- Да! Притом о нравственном законе КАЖДОГО.

- У каждого - свой? - Виктор поморщился.

- Увы. Это факт. И задача идеолога - моя, например - примирить между собою внутренние законы разных людей. Вот и вся философия честного попа, Витюша. Не поработить, не согнать в послушное стадо, а ПРИМИРИТЬ.

- Стало быть, - вмешался Владимир Матвеевич, - пастырь - название неправильное?

- Неправильное, - согласился хозяин храма. - Самое правильное - отец. Зла никому не желает и ни на кого не держит, ибо все - его дети. Не пастор, а патер, падре.

- Быть по сему! - звонко воскликнула Настя. И всех развеселила.

- Спорят, - прогудел отец Александр, - был Иисус человеком или Богом? Да разве это так важно? Важно, что БЫЛ. Спорят: возносился Он после воскресения или вообще не воскресал? Опять суета! Зри в корень: Он оставил Учение, из которого есть что выбирать порядочному человеку. И - всё!

- У вас может быть конфликт с канонической церковью, - предположил Виктор. - Наверно, и отлучить могут?

- Давно отлучили! - был ответ. - Ещё в тридцать седьмом!

- Вы и тогда так же служили?

- Нет. Тогда я служил канонически. "Но был донос и был навет", как сказал поэт. Церковь - это ведь тоже институт, а где он, там человечки, а где человечки, там предательство. Паровозная-то топка дров требовала. И подбрасывать должны были все, ибо - равенство. Союз писателей бросал, Академия Наук бросала, церковь бросала, а об остальных и говорить нечего - энтузиазм. Но я перед Богом был чист всегда, с законом вроде тоже теперь не в разладе, а церковь мне, прости, Господи, не за столом будь сказано, - тьфу. Свободная конкуренция! У них - своя сила, у меня - своя.

- Диверсий не боитесь?

- Даже рад буду. Диверсии - это от страха. А страх - признак признания... Но и меры принимаем. Броня - крепка, решётки и запоры - надёжны.

- Собак заведёшь, - подсказал Владимир Матвеевич.

- Отнюдь. Такие друзья у меня уже были. Во всех лагерях. И хватит. Человеку нужен человек...

Эх, ребята! Весь пол во храме устелю коврами, чтобы входить, как у мусульман, только босиком. Они правы: прах надо за порогом оставлять. И пускать буду всех - католиков, мусульман, иудеев, буддистов... Пусть молятся, кто во что горазд. И будет терпимость не в проповеди, а наяву. Только

торгашей не пушу. Их власть должна быть отдельной. Кесарю - кесарево, купцу - купцово, а нам, идеологам - душу подай. Сам её открой, сам в ней оглядись, сам её в порядок приведи - вот тут мы и поможем, если попросишь. Очистился - и марш из храма, за новыми грехами.

- Скажи честно, тут все свои, - Владимир Матвеевич удивлённо покачивал головой, - чего ты от людей видел больше - добра или скверны?

- Скверны, Володька, скверны, - быстро ответил отец Александр. - И знаю, какой у тебя следующий вопрос. И отвечу сразу. Нет, не возненавидел я человек, хотя и натерпелся от них. Научился различать таких, как ты, как вот они, тем и рад. Нельзя же так: всех любить или всех гуртом ненавидеть. Каждого, каждого разглядеть, раскопать, показать ему лучшее в нём, божественное, разбудить в нём душу или хотя заронить в него зародыш души...

- А что же в человеке божественно? - Настя смотрела на него так, как, наверно, смотрела бы на Бога. - Любовь? Ведь церковь учит, что Бог - это любовь?

- Церковь учит так. Но она ошибается.

- Ну, даёт! - Владимир Матвеевич прыснул. - Что же тогда твой Бог?

- И мой, и твой, - отец Александр был невозмутим, - и каждого... Бог в каждом человеке заложен от рождения, только будить его надо. А когда проснётся, все видят, что Бог - один во всех. Понял, что это?

- Совесть, конечно, - Владимир Матвеевич усмехнулся. - Больше нечему.

- Вот видишь, сам и ответил. Потому и сидим с тобой за одним столом.

- А любовь тогда? - хотела спросить Настя, но Владимир Матвеевич опередил.

На этот раз хозяин с ответом не спешил. Перед ним сидели люди, все до единого искушённые в любви, они все смотрели на него, и это, наверно, было ему приятно. Никто из них, конечно, не верил, что за свои сто лет этот красавец с сорокалетней внешностью не знал ни одной женщины, ибо не всё же время он сидел в лагерях, и уж одно его понимание свободы не позволяло ему быть аскетом. Он тяжело вздохнул, откинулся на лавке и сложил на груди могучие руки.

- Любовь... Ишь... Ты у них вот спроси, - кивнул на молодых. - Они, может, лучше объяснят.

- Ты, проповедник, не уворачивайся, - Владимир Матвеевич засмеялся. - Тебя спросили, ты и отвечай. А если не то скажешь, народ тебя поправит.

На это засмеялись все. Один отец Александр остался серьёзен. Он переложил руки на стол и оглядел народ.

- Ну, если поправят, тогда скажу. Совесть - она как собака, она человека охраняет. А любовь - кошка, делает что хочет, приходит, уходит, пакостит и, главное, с собакой не дружит. Она и необходима человеку - для равновесия с собакой. Ибо с одной совестью он превращается в зануду. Понял, парашютист?

Владимир Матвеевич не обиделся. Он спросил уже без улыбки:

- Где ж твоя попадья? Или занудой будешь жить?

- Разве я похож на зануду?

- Не похож, но все-таки.

- А всё-таки будет вот как. Я теперь уже никуда не двинусь и буду ждать. Она сама меня найдёт. И очень коротко, мельком тронул взглядом Настю. Владимир Матвеевич этого не заметил.

- Правильно. Молодец. Жди. Свято место пусто не бывает. В ближайшие сто лет она тебя найдёт.

- Что ж мне, на танцы ходить? - Отец Александр развел руками. - Да и недосуг. Идёмте-ка, человеки, спать.

Ночь была как ночь, хотя и опасались нападения сомовцев. Спать нарочно устроились в разных местах, чтобы, создать возможному противнику дополнительные трудности. Художники заперлись в дальнем флигеле. Отец Александр с Владимиром Матвеевичем устроились прямо в храме. В случае налёта договорились сильно шуметь.

Но, вероятно, СОМ потерял-таки след Маковых.

На старом кожаном диване было тесновато. Виктор лежал на спине, Настя - в своей любимой позе, на его плече, посапывала ему в грудь. Но он чувствовал, что она не спит. До самого утра. И когда пришло время вставать, она приподняла голову и тихо спросила:

- О чем думал?

- Наверно, о том же, о чём ты.

- О кошках и собаках?

Виктор промолчал и закрыл глаза.

Она мягко поцеловала оба его глаза и попросила:

- А ты не думай.

Встала и начала одеваться.

Он встал так же молча и отправился к храму с намерением помогать сегодня Владимиру Матвеевичу. У двери оглянулся. Настя смотрела ему вслед с крыльца флигеля. Улыбнулась.

- Ну, - встретил его Владимир Матвеевич, - будем зарабатывать завтрак?

Виктор кивнул, молча взял размеченную доску, взглянул на эскиз и сразу начал резать. Владимир Матвеевич с минуту понаблюдал за ним, хмыкнул: "Ишь, не забыл!" и взялся за своё.

За соседним верстаком отец Александр мощно сгонял рубанком стружки с толстой плахи, готовя резчикам очередную заготовку.

- Хороший лес, - прогудел он без одышки. - За год высох как следует.

Скоро пришли Лена со Львом. Похвалили вчерашнюю работу Виктора, позавидовали его универсальности и взялись за кисти.

Виктор молчал. На всё, о чём говорили рядом, тут же находились ответные слова, но они сразу уходили куда-то в глубину, и не было ни сил, ни желания отвечать даже на прямой вопрос: остра ли стамеска. Только кивнул.

Через час или два - он не чувствовал времени - Настя от двери крикнула всем: "Завтрак на столе!" потом подошла к нему вплотную и тихо позвала: "Пойдём?" Он обнял ее одной рукой за плечи, так и дошли до стола.

За завтраком Настя сидела близко, касаясь его плечом и бедром. Это мешало есть, но они приспособились.

Был неразговорчив и отец Александр.

Только Лена и Лев спорили с Владимиром Матвеевичем, который категорически не признавал какую бы то ни было раскраску деревянных изделий. Все трое поглядывали на Виктора, признавая равным и надеясь на его поддержку. Но он мёрз, грелся Настей и молчал. По тому, как прилипла Настя, он чувствовал, что она в такой же тревоге от чего-то близкого, опасного, разрушительного для хрупкого их счастья, и так уже едва спасаемого. Опасность не только приближалась снаружи, но и зрела внутри самого Виктора. Он поел быстрее всех и заспешил к верстаку.

Но едва все вернулись к трудам, от далёкого шоссе отделилось урчанье автомобильного мотора и стало быстро приближаться.

Настя влетела в храм.

- Витя!

Он был готов, но защищаться не пришлось. То приехала комиссия.

Из микроавтобуса вышло человек десять осанистых женщин и мужчин. Двое - в рясах и с крестами на цепях, только кресты и цепи победнее, чем у отца Александра, и отлиты не столь искусно.

- Мир вам, отец Александр, - обратился к хозяину храма Председатель комиссии. - Здравствуйте, граждане, - кивнул работникам.

- Чем могу? - Отец Александр коротко склонил голову - ну не поп, а его превосходительство на заслуженном отдыхе.

- Да вот, не покажете ли хозяйство? - матерински-начальственно, с готовностью убеждать и переубеждать выступила дама в костюме культурного деятеля. И стала уверенно подниматься на крыльцо храма.

- Не вижу в том нужды, - нейтральным тоном прогудел хозяин. Он заслонял собою вход и не намеревался пропустить даму.

- Ну, как же, как же, - подключился к наступлению Председатель. - Мы всё-таки имеем право ознакомиться с объектом культуры, находящимся на нашей территории...

Однако перед глыбой с золотым крестом на свитере обоим пришлось затормозить, поскольку глыба так и не проявила желания отодвинуться, а взгляд её погрознал.

Остальные члены комиссии оставались у машины, и Виктор сразу заметил на себе короткие цепкие взгляды одного из мужчин - редковолосого, массивного, с бугристым, как после оспы, лицом. Взгляды не были случайными. Они перемещались по одной схеме: с Виктора на Настю, с неё - на лозунг над входом: "Проси бес сорому" и опять возвращались к Виктору.

- Территория, на которую вы въехали, - зарокотал бас хозяина, - принадлежит ПО ЗАКОНУ мне. Сей, как вы изволите величать, объект, безусловно, является объектом культуры, как являются таковыми и ваш автомобиль, и покрой вашей одежды, и вообще всё, что создано руками человека, даже колючая проволока.

- Простите, - прервала дама-таран, - может быть, перенесем философский диспут внутрь помещения? - Улыбаясь, повела рукой за спину. - Люди ждут, отец Александр, им некогда, они оставили дела...

- Так пусть не тратят время, - перед дамой вдруг ослабилась старатель Сашка, которому и чёрт в брата не годится. - Пускай вернутся к делам. К ДЕ-ЛАМ. А мы - к своим. Ладушки?

- Отец Александр, - вступил Председатель, - задача нашей комиссии...

Быстро вытянутая рука остановила его речь.

- А мне, начальник, до фени твои задачи, - похоже было, отец Александр окончательно решил, что язык северных окраин державы будет доступнее непрошеным гостям. - Не я сей дом довел до разрухи, не вы его поднимали, и не о чем толковать. В долю не приму, а помешать - не решитесь.

Если же надумаете отнимать - взорву. Господи, прости! И весь вам сказ. Прощу очистить территорию моего частного домовладения.

- Но у вас православный крест на куполе, - раздался голос из свиты. - Стыдитесь, батюшка!

- МОЙ дом! - Отец Александр раскинул руки и пошёл на гостей. - Что хочу, то на крыше и ставлю. Здесь ДЛЯ ВАС не храм, а частная артель народных промыслов, налоги платим в срок. Кыш-кыш-кыш-кыш-кыш... Здесь ещё будет турбаза, пасека и очень злые собаки. В машину, в машину, в машину. Любоваться и фотографировать пока только издали. Такие прихожане тут не нужны. Кыш-кыш-кыш-кыш-кыш... Интервью не даю.

- Смирись, брат Александр! - крикнули из машины.

- Если я смирюсь, - громыхнуло в ответ, - на Страшном Суде будет некого одеть в белое! Канайте с миром!

- Экуменист! - заклемили из машины и проклинаяще осенили отца Александра православным крестом.

Он в ответ не воспламенился, только вознёс к небесам растопыренную пятерню:

- Тако крещусь, тако же и молюсь!

И, сжав пальцы в кулак, потряс им, как кувалдой.

- Ну что за народец, - он вздохнул вслед отъезжающей машине. - Луну БЕЗ ЭТИКЕТКИ - и ту не примут. Не-е-ет, рановато я пустил свои часы...

И в упор, почти явно любясь, посмотрел на Настю. Она опустила глаза и пролепетала:

- А что это - экуменизм?

- Все церкви, - был ответ, - едины всегда лишь в одном - в нетерпимости друг к другу. А ЭЙКУМЕНИЗМ - это как раз наоборот. Церквотерпимость. Большой, доложу вам, православные, грех. Анафемой карается. Но, - отец Александр поднял палец, - будущее всех религий - за ним.

Он любовался Настей всего пару секунд, но от Виктора это не ускользнуло, хотя он и был занят совсем другим.

Виктор вплотную приблизился ко Льву и тихо спросил:

- Ты не знаешь того рябого, в безрукавке и с фотоаппаратом?

- Знаю, - Лев поморщился. - Это Член Союза. Накануне вашего приезда ночью мы вместе с ним восхищались вашим семейным фото у Писателя. По-моему, он тебя сейчас узнал.

Виктор кивнул и присел на ступеньку. В распоряжении было менее часа - пока стукач доедет до ближайшего телефона и пока сомовцы среагируют на его звонок. Настя положила руку на его голову.

- Пойду готовить обед.

Говорить ей сразу или уж..? Он сжал её руку, медленно кивнул и остался сидеть.

Рядом опустился Владимир Матвеевич.

- Витёк, что случилось?

- Многое, дядя Володя. Собака дерется с кошкой, а главное - пора снова удирать.

- Тебя узнали? Какая собака с кошкой?

- Да так... Стукач в комиссии.

- Дела-а-а. Ну, грузитесь в лодку. Бак полный.

- Нет, - Виктор подумал секунду и решил всего не говорить. - Не уйти нам вдвоём. Вы тут Настю приютите, ладно?

- Наверно, ты прав. Ей ничего не сделают. Но - она останется ли?

- А мы ей не скажем! - Виктор подмигнул и быстро спрятав глаза. - Потом скажете, когда исчезну. Она сейчас обед готовит. Вот и пускай. И скажите ещё, что моя кошка не справилась с моей собакой.

- Она поймёт? - Владимир Матвеевич либо забыл вчерашний разговор либо во всём уже разобрался и только подыгрывал Виктору.

- О-о-о, поймёт! - Виктор поднял-таки тоскующие глаза. - Скажите, я велел ей быть счастливой.

Владимир Матвеевич опустил голову. Конечно, он всё понял.

- А моё всё со мной, - Виктор встал. - Пойду. Прощайте.

Владимир Матвеевич тоже встал, положил ему руку на плечо, пошёл рядом.

- Витёк... Неужели и мне нельзя знать, для чего тебя ловят?

Виктор несколько шагов подумал и решился.

- Скажу, дядя Володя. Но - никому. ВООБЩЕ никому. Этого даже дядя Сева не знает.

- Почему?

- Чтобы у него инфаркт не повторился. Сейчас поймёте... Словом... разобрать меня хотят.

- Как разобрать?

- Буквально. У меня под лопаткой приборчик, который делает меня универсальным гением. Без подробностей принимаете?

- Ох, ты, вот это Севка!.. И что же?

- У СОМа есть такой мощности компьютер, что и дяде Севе не мерещился. Я узнал случайно.

- И что же?

- Наш приборчик неразборный, для СОМа бесполезный... Вы знаете, чем занимается СОМ?

- Знаю. Дальше.

- Так вот, они не верят. Хотят подключить меня к этому компьютеру и всё же распорядиться "микрोगением" по-своему.

- У них это может получиться?

- На доступном сегодня уровне - нет. А меня они, в легком случае, искалечат. И никто не узнает, где могила моя.

- Что же можно сделать? - Было видно, как трудно Малюхину-старшему сдерживать ярость.

- Уже ничего, дядя Володя. Если бы с самого начала не было секретности, люди сегодня были бы готовы поверить, что такая электроника возможна. А так - я просто не существую. Любое сообщение в прессе будет немедленно опровергнуто. При этом - я знаю совершенно точно - дядю Севу добьёт инфаркт, я исчезну бесследно, и вам, свидетелям, придётся прятаться самим, чтобы уцелеть.

- Ну, свидетели - не робкого десятка, - заметил старый десантник.

- Спасибо, дядя Володя. Но только всё бесполезно. Я должен исчезнуть сам. Стариков моих, пожалуйста, успокойте как-нибудь. А я, может быть, смогу потом появиться.

- Ты просто обязан появиться. Мы обязательно должны что-то придумать...

Они уже были на берегу, когда от шоссе опять отделился шум моторов. Оглянулись одновременно.

Машин было три. Все - серебристые "мерседесы".

- Вот и все! - Виктор сквозь зубы помянул нечистого и сжал руку Владимиру Матвеевичу. - Быстро они... Ну, не забывайте. Берегите Настю, может, ЕМУ родит...

И побежал по берегу в сторону далёкой деревни.

Из машин его увидели и прямо по полю пустились в погоню. Больше десятка крепышей в городских костюмах лихо скакали по капустным рядам, и Владимир Матвеевич подумал, что в другой ситуации это выглядело бы комично.

И тут он боковым зрением увидел еще один серебристый "мерседес", который выскользнул из-за леса и мчался по воде. Владимир Матвеевич повернулся к реке и сразу узнал машину. Конечно, это был не автомобиль. Широкое треугольное крыло скользило в метре над водой, и он сразу вспомнил: сын Евгешка рассказывал об экранолёте, который недавно построили его друзья в аэроклубе! Эта штука летала не выше десятка метров, зато умела садиться на воду и за счёт какого-то там экранного эффекта расходовала бензин каплями вместо литров. На ней, кажется, хотели испытать двигатель Виктора Макова, работающий на чистой воде.

- Витя, давай! - закричал Владимир Матвеевич, хотя знал, что его не слышно. - Давай, сын! - Он был уверен, что экранолётом управляет Евгений.

Машина коснулась воды острым килем и сразу стала разворачиваться широкой дугой к берегу. Было видно, как сдвинулся назад стеклянный колпак, и рука - разумеется, Евгешкина! - машет Виктору, чтобы прыгал в воду.

Виктор оглянулся. Загонщики были еще вне прицельной стрельбы, но если бы он поплыл, это преимущество почти мгновенно терялось: самому гениальному пловцу слабо против даже среднего бегуна, а стреляли эти парни наверняка хорошо.

Сотня метров до спасения. Надо не плыть, а БЕЖАТЬ. И он внезапно понял, что СМОЖЕТ. Без всякого гипноза и поддержки.

Почему-то очень отчётливо вспомнил, как ЕЁ рука ложилась в широченную ладонь странного попа, бородатого соперника. Потом пришла глупо-сентиментальная мысль: "Ну, вот и прощай". А сам он за это время спустился к воде и осторожно поставил на неё ногу. Вода прогнулась, но удержала. Как мох на клюквенном болоте.

Шагнул.

Шагнул.

Бежать надо!

И побежал.

Это видели все - и Владимир Матвеевич, и погоня, и Евгений из кабины, и Настя, уже подбегавшая к берегу.

Один из загонщиков выхватил пистолет, но было видно, как ему не позволили стрелять в бегущего.

Серебристый аппарат быстро скользил по дуге, его сносило срединное течение. Виктор бежал наперехват большими шагами, какими сплавщики бегают в затонах по брёвнам.

Когда он вспрыгнул на плоскость, остолбеневшие были сомовцы вдруг разом сообразили, что надо же повредить двигатель, и открыли прицельный огонь из пистолетов, а двое побежали к лодке отца Александра. Владимир Матвеевич разгадал их замысел, успел стащить лодку в воду и запустить мотор. В последнюю секунду ему немного помогла Настя, и теперь она тоже мчалась в лодке к начинающему разбег экранолёту. Рёв его мотора быстро сближался с треском лодочного на глазах потерявшей надежду погони.

Все складывалось как нельзя лучше...

- Взлетай! - сказал Виктор. - Настю брать нельзя.

Часть III ЖИВАЯ КРОВЬ

"Разве это к чести человека, что он -
хищное животное?"

Сен де Ран

"Убей меня".

Азарт погони быстро остался позади. Началось впечатляющее путешествие на высоте одного метра со скоростью триста километров в час. Если встречалась какая-нибудь лодка, Евгений легонько брал ручку на себя, перепрыгивал и мчался дальше на прежней высоте.

- Почему ты оставил Настю?

- Она беременная, - солгал Виктор.

- Но она очень хотела. Чуть на лету не вскочила.

- Ничего, так лучше.

- Правильно, - одобрил Евгений. - Зачем ребёнку лишние волнения... - И сменил тему. - Здорово ты бежал по воде. Научишь?

- Не знаю. Сам - первый раз. Поп сказал: нужна вера и необходимость.

- Да-а, поп. Как он тебе?

- Вельми уклуж, - ответил Виктор и сам сменил тему. - Лихо ты меня выхватил!

- Всякий подвиг - результат плохой организации, - Евгений вовсе не был собой доволен. - Но вот убей - раньше не получилось. При всеобщем полном старании... Быстро, однако, вас обнаружили.

- Случайно. Повезло тому же стукачу... Нас тут не перехватят?

- Не успеют. Уже недалеко.

Впереди замаячила над рекой очень высокая линия электропередачи. Сразу за ней Томь впадала в Обь. Евгений немного увеличил высоту, чтобы при повороте не задеть крылом воду, и перед носом встречной "Ракеты" вышел на Обь.

- Сейчас будет песчаная коса, там Игнат.

- Только учти, я по воде больше не хочу.

- А если бы гнались сомовцы?

Оба засмеялись.

Вот и Игнат на косе. Руки скрещены над головой в международном жесте авиаторов и шофёров.

- Ну, давай прощаться, - Евгений аккуратно спланировал на краешек косы.

Обнялись наспех, как вышло, прямо в кабине, и Виктор спрыгнул на мокрый плотный песок.

- Ты один? - Игнат был уже рядом. Неузнаваемый, в бороде, только рост никуда не делся.

- Уезжайте скорее, - поторопил Евгений. - Там все на ушах!

- Ну, давай! - Игнат проводил его авиаторским взмахом руки и повлёл Виктора к тальниковым зарослям, где с трудом угадывались контуры старенького ГАЗ-69.

- А где твоя "Нива"?

- Сменял временно на эту, для конспирации.

Гнать, как на форсированной "Ниве", на этой технике было нельзя. Да и дорога не позволяла. Она была песчаная, малоезженная и петляла круто по сосновому бору. Ни намёка на близость какого-нибудь шоссе.

Игнат, впрочем, и не спешил. Он откинулся на спинку, небрежно руля одной рукой, и сообщил:

- Доедем только к вечеру.

- До Ягодки? - Виктор не забывал, что с Игнатом надо быть кратким и говорить с предельной скоростью. Но Игнат махнул рукой:

- Не подстраивайся под меня. Времени у нас больше вагона - тот редкий случай, когда его приходится убивать. Но и тот, когда это делать приятно. Будем безмятежно болтать всю дорогу. Может, последний раз в жизни, представляешь? Ну, давай: что у вас произошло? С подробностями.

Виктор рассказал, повторив и для него ложь о Настинной беременности. Игнат не одобрил: "Зря оставил. Женщине хорошо там, где ОНА любит". И потребовал подробности о намерениях, которые строит Служба Особых Мер в отношении гениальности Виктора:

- Допустим, они полностью разберутся и с устройством "микрoгения", и со всеми твоими реакциями - что дальше?

- Это опасно по самой высокой категории, - сказал Виктор. - Хорошо, что есть время, и хорошо, что именно с тобой: мне и самому хочется разобраться вслух, да вот не с кем было.

- Благодарствуйте. Чем сможем. Давай.

- Сначала - немного теории, - заговорил Виктор, уже не заботясь о подборе слов. - Чтобы нам концептуально состыковаться... Тебе, конечно, известна, эта идея: представить весь мир как просто некий объем информации...

- С самой большой буквы и бесконечного диаметра, - подсказал со смешком Игнат. - Она мне нравится. Не хуже прочих.

- Отлично, - Виктор не улыбнулся. - Для определенности рассуждений примем это за истину. Теперь следи. Информация есть то ли произведение, то ли сумма пространства и времени...

- Которого на самом деле нет, - Игнат снова засмеялся.

- Нет, теперь уже не перебивай. Это не важно, есть время или нет его, а важно, что существует такая клубящаяся информационная субстанция бесконечного объема, в которой ЕСТЬ ВСЁ. Кое-что из этого ВСЕГО мы извлекаем при помощи слабо выраженной избирательной способности, именуемой талантом. Эти жалкие крохи есть так называемое прошлое. Информацию о так называемом будущем мы творим из сегодняшнего пространства и времени, и она тут же рассеивается. При этом всё, что мы выдумываем, на самом деле уже происходило, происходит и будет происходить. Нам доступна лишь микроскопическая линейная доля пространства-времени, поэтому подлинной Информации, которая с большой буквы, нам не постичь во веки веков.

- Даже тебе?

Виктор сдержал стон.

- Такой гений, каким сделал меня дядя Сева, располагает лишь несчастной возможностью достойно оценить собственное ничтожество. Да, извлечь кроху я могу из любого направления. Но тем сильнее мои страдания, потому что я чувствую доступность всего и не имею времени. Мне его отпущено как всем, даже меньше, а чтобы до всего дотянуться, мне нужна ВЕЧНОСТЬ. Я от этого в первые дни вообще был в шоке, в отчаянии - до физической боли во всём теле.

- У меня такое было, - сказал Игнат сочувственно, - сразу после взрыва молнии. Но привык. Может, и ты привыкнешь?

Незаметно для себя он ускорил речь. Но Виктор этого не заметил тоже. Они уже дошли до привычной Игнату скорости, когда сообразили, что Виктор и в этом гений. Игнат восхищённо качнул головой, но Виктору было не до того.

- Эх, я же из-за этих паразитов теперь и вовсе ничего не успею! - воскликнул он горько. - Я ничего не успел, я всё потерял, а им ещё и жизнь подай!

- Мы отвлеклись, - спохватился Игнат. - Прости, такая беседа мне не выпадала с того дня, как Евгеша потерял свою быстроту. Давай закончим о деле, я не буду перебивать.

- Итак, я был в шоке, - продолжал Виктор. - Потом огляделся, кое-что для себя наметил и начал работать. Почти всё, что я успел, тебе известно. Но ОНИ меня раскусили. Подсмотрели, высчитали и - начали осаду: открой тайну, несчастный, тайну золотого ключика. Я их, конечно, отшил: нет, мол, никакой тайны. Но у них тоже в голове не пусто: подступили с доказательствами, с логикой. А как только я собрался осторожно посоветоваться с дядей Севой, ОНИ меня перехитрили. Заманили, заперли и предъявили требование: исключительно в интересах народа, который меня вырастил, и тому подобное, я должен отдаться для исследования на супер-ЭВМ, которая содержится в тайне и очень многое умеет.

- Секретный компьютер? - не удержался Игнат. - У нас?

- А не удивляйся. ОНИ подглядывали за машиной дяди Севы...

- За "электронным писателем"?

- Да. И сделали подобное, только для своих задач. Без эмоций, но зато с возможностью их анализа.

- Сволочи!

- И сами сволочи и изготовили подобие себя. Когда мне предъявили её параметры, я понял, что мне конец: она будет анализировать с такими подробностями, что мне не выжить. Я это ИМ сказал. ОНИ заявили: не бойся, всегда будем рядом, в обиду железке не дадим. Но ведь я на то и гений, Господи прости. Я прекратил объяснения и послал их подальше. Но это уже приключенческая сторона дела, ты её знаешь. А суть вот в чём. ОНИ очень хотят научиться делать ПОСЛУШНЫХ МОНОГЕНИЕВ, а самим через них управлять миром. Пошлятина - до тошноты. Как во все времена, только на новом уровне сложности. Им не нужны тупые фанатики-убийцы вроде камикадзе, им не нужны уроды-помешанные, как в романе про доктора Абста, им не нужны роботы любой сложности, им не нужны и случайные удачи - как с Оппенгеймером и Сахаровым, когда гении самозабвенно творят, потом ужасаются и начинают бунтовать. Нужны такие творцы, которые НАВСЕГДА И НАДЁЖНО безразличны к результатам своего труда, лишь бы интересен был процесс. Нужны высокоисполнительные гении без характера и честолюбия, без ДУШЕВНОЙ ЦЕЛИ. И нужны женщины - гениальные самки, ничем более не интересующиеся. Вот модель подлинного счастья для индивида-МОНО - подлинно процветающий и гармоничный социум. Главное - широко мыслящие и нравственные лидеры. Обязательно нравственные - ведь речь идёт об управлении всей планетой, всем человечеством, как в фантастических сагах. В таких глобально бесконкурентных условиях

лидеру выгодно быть нравственным, в своих же интересах. Лидер или группа лидеров управляет ОСОЗНАННО СВОБОДНЫМИ моногениями, чьи интересы и потребности разумно отрегулированы и полностью удовлетворены. Может быть, даже откроются фантастические возможности выведения НА ГЕНЕТИЧЕСКОМ УРОВНЕ профессиональных каст - горшечников, плотников, электронщиков, поэтов - вот она, мечта любого доброго правителя!

- А чуть кто не туда, - прорычал Игнат, - в аннигиляцию его!

- Ой, что ты, ничуть! Во-первых, "не туда" просто исключается, в принципе невозможно. А во-вторых, если бы такое и случилось - гипотетически, - тогда достаточно произвести простенькую подкожную операцию: один МГ удалить, другой вшить. Но самое интересное, что предвлялось бы всё это невиданных масштабов геноцидом.

- Зачем? Все пошли бы на операцию добровольно и с радостью. Кто ж откажется стать гением...

- Так-то оно так, да никто не знал бы одной мелочи. А мелочь эта многим - жутко многим! - стоила бы жизни.

- Не томи, - Игнат оценил серьёзность, но всё ещё улыбался.

- То, что я тебе сообщу, - продолжал Виктор, - знали только четверо: великий Дорошенко, Иван Терехов, Настя и я. Как узнали ОНИ - не представляю. Скорее всего, вычислили - это доступно анализу. Или просто подозревали и хотели проверить. Во всяком случае, были близки к знанию.

- Да не томи ты! - Игнат уже заставлял себя смеяться.

- Тебе или Евгешке, - Виктор дошёл, наконец, до главного, - вшивать МГ бесполезно. Для него годится только АБСОЛЮТНО СЕРЫЙ носитель. Чтоб ни одного реализованного таланта. Так сказать, белый лист, табула раса, целина, а совсем уж точно - полная бездарность. Каковым я и был.

Теперь Игнат поблел. Он даже отвлёкся от дороги и чуть не врезался в толстую кривую сосну, в которую, судя по содранной коре, уже несколько раз врезались.

- Только серые, - повторил Игнат и сбавил скорость. - Это ИМ - для своих, только для своих и для самих себя... Стая...

- Стая! - Виктор скалился в ярости. - А всех, кто не серый, - на мясо! Ты представляешь, сколько мяса?! Для стаи!.. Но слушай дальше, ведь это не всё. Они знали, что я вплотную занимался проблемой бессмертия...

- Неужто решил?

- Как в песенке: за исключением пустяка.

- У-у-у, прекрасная маркиза, - Игнат остановил машину и уставился на Виктора, со страхом и восхищением. - А не убить ли мне тебя прямо здесь? В интересах человечества?

- Гос-с-споди! - Виктор обмяк в облегчении. - Да если ты серьёзно... Да я же в Бога уверую! Убей! Мне ведь нечем самому, а жить уже незачем! - Он схватил Игната за плечо. - Слушай, без дураков! Мы же столько лет... Лес, никого... Лопата есть, я видел. Зароешь, а Евгеша будет молчать. - Виктор говорил серьёзно и спешил, чтоб не перебили, не остановили. - Игнат, будь другом. Я прошу тебя как умного человека. У меня уже ничего, никого не осталось. Настю я прогнал, бросил, чтоб не мучить. Родители меня уже раз хоронили, перетерпят...

Он говорил твердо, без истерики, а Игнат смотрел молча, в упор, и о чём-то напряжённо думал. Наконец прервал:

- Выходи!

Из машины вышли одновременно и, когда Игнат обошёл капот, Виктор уже держал за точёный черенок тяжёлую, на заклёпках, сапёрную лопату.

- Давай прямо по голове, - протянул дружеским жестом.

- Только с дороги отойдём, а то кровь может быть.

Игнат принял лопату. Виктор благодарно улыбнулся, повернулся доверчиво спиной и пошёл, отмахиваясь от комаров, в глубину леса.

Игнат прислонил лопату к дереву, догнал гения, развернул за плечо одной рукой, а другой влепил пощёчину. Это была обидная мальчишеская пощёчина - не пощёчина, а нечто, напоминающее старинную "смазь".

- Ты чо? - Витька-рыжий страшно удивился, в глазах появилось оскорблённое достоинство.

- А чо? - Игнат, обидно усмехнувшись в ответ, задел ещё раз, вторым мальчишеским оскорблением - по носу снизу, кончиками пальцев.

- Да ты чо? - Никакой уже не гений, а обыкновенный пацан из пятого класса поймал обидчика за запястье.

Но его схватили другой рукой за ухо и сильно потянули. При этом улыбались издевательски высокомерно и неожиданно ткнули твёрдым лбом в нос, так что из глаз посыпались искры.

И последовала драка двух профессионалов, которые знали о рукопашной всё, но пользовались только кулаками и целились только в нос, чтобы расквасить его и выиграть "по первой крови".

- Конечно, Лесина, - сказал Виктор минуты через две, - у тебя мослы длиннее...

Тогда Игнат обнял его и мягко предложил:

- Ну, поехали.

Проехав молча с километр, Игнат краем глаза заметил на лице Виктора усмешку и догадливо сообщил:

- А я знаю, чему ты резвишься.

- Ну и?..

- Тому "пустяку", без которого невозможно бессмертие. Ведь это не формула и не режим?

- Не формула, не режим и не технология - всё это достижимо. Но через "пустяк" не перепрыгнуть никому, даже нам с тобой. Догадываешься?

Игнат пожал плечами.

- В общем, пожалуй, да. Но с формулировкой мне не справиться. Самый совершенный язык беднее самого простого явления жизни. А уж бессмертия - подавно. Скажи, если сможешь.

- А вот смогу! - Гений засмеялся от удовольствия. - Возле бессмертного попа малость подучился... Запоминай. Душе, достигшей совершенства, телесное бессмертие просто не нужно: тело ей только мешает, как пловцу - одежда. А для несовершенных телесное бессмертие губительно, потому что обязательно пустятся во все тяжкие и перестанут развиваться. Душа же, остановившаяся в развитии, опасна, как голодный медведь-шатун, и поэтому подлежит насильственному отделению от тела. Вот так. А в детали не вдаюсь - физиология.

- Убедительно, - оценил Игнат, - но грубо и беспощадно. Нам бы как-нибудь с подходом, поласковее...

- Ничего, Лесина, - Виктор мстительно шмыгнул опухшим носом. - Совершенствуйся давай.

Исповедь вторая.

Прошли сутки, как плавающее крыло выхватило Виктора почти из самых лап Службы Особых Мер. Настя молча занималась церковным хозяйством, отца Александра и старшего Малюхина не сторонилась, но и в их застольных беседах не участвовала. Работала ровно, как робот, и смотрела, как робот же, ничего не выражавшими глазами то ли куда-то в пространство-время, то ли в собственные глубины - в общем, среди окружающих душа её не присутствовала.

Сразу после побега агенты приступили было к ним с расспросами: когда, мол, прибыл да куда убыл этот бегущий по воде. Но Владимир Матвеевич молча пожал плечами, отец Александр начал дотошно выведывать состав преступления и, когда объяснений не получил, осенил сомовцев крестным знаменем: "Изыдите, чада", а Настя гневно выкрикнула: "Вы же видели, он сбежал от меня!"

И после этого замкнулась.

Мужчины переглядывались и мимикой предостерегали друг друга от жалости, утешений, объяснений и тому подобных контактов с оставленной женой: пускай считает себя брошенной или делает такой вид, пока ей это нужно. Сама заснула, сама и проснётся. Важно в тот момент оказаться рядом и помочь, если, опять же, понадобится.

Пошли вторые сутки. Вечерело, отужинали. Отец Александр натянул на себя полосатую рясу и позвал: "Желающие, прошу на алтарь". Подмигнул незаметно Малюхину и удалился в церковь.

Владимир Матвеевич посмотрел на Настю. Она, казалось, на минуту вышла из своего транса и, казалось, хотела спросить: "А что надо делать на алтаре?" И она, в ответ на его взгляд, именно это и спросила, полагая, что зовут поработать.

- Нет, там за тебя Боженька работает, - Владимир Матвеевич объяснил охотно и без своей обычной иронии. - Можешь не верить, но там у них с отцом Александром канал прямой связи. Переговорный пункт.

- И можно послушать? - Настя воодушевилась. - И спросить можно?

- Ну, насчёт спросить я как-то не интересовался. Не о чем было спрашивать. А если хочешь узнать о себе такое, чего сама не знаешь, - вот это пожалуйста.

- Не очень понятно, - Настя поднялась.

- На месте разберёшься, - Владимир Матвеевич тоже встал. - Лично я в своё время был приятно поражён. Даже кое во что уверовал. Правда, по-своему. Это посерьёзнее, чем по воде бегать.

- Вы тоже туда пойдёте?

- Нет, Настя. Это он тебя звал. Он же видит, кому что нужно. Сходи, самое время. А я займусь посудой.

В дверях храма Настя пропустила наружу двух молодых прихожанок, закончивших то ли молиться, то ли глазеть на красавца попа, и застала отца Александра одного перед алтарём. Было не понять, то ли он молится, уронив руки и подняв лицо, то ли разглядывает внутренность купола, подсвеченную красным закатом.

Настя подошла неслышно, босиком, но он сразу спросил, не оборачиваясь:

- Готова?

- Да ещё не знаю, к чему.

- А знаешь, что такое полиграф? - Он опустил к ней ласковый и суровый взор.

Настя от неожиданности задумалась. Вопрос явно не касался книгопечатания. Было другое,

непривычное значение этого слова. И она вдруг вспомнила.

- "Детектор лжи"?!
- Приятно говорить с образованным человеком. - Взгляд батюшки утратил суровость. - Не

пугайся: перед тобой - алтарь-полиграф. Можно даже улыбнуться: я на нём вчера самого полковника Дружина исповедовал... Да... И растерялся начальник! Потому что, хе-хе, имидж с менталитетом у него не совмещён. А тебе бояться нечего. Оставайся тут, только на алтарь взойди - и разберёшься сама с собой.

- А вы? Какая же это будет исповедь?

- Исповедь, дочь моя, - это не для Бога. И уж тем более - не для исповедника. Это - для себя. А что касается меня, то всё твоё подсознание у меня вот здесь, - он раскрыл широченную ладонь и улыбнулся Настиному удивлению. - Профессия такая.

- А в алтаре, - Настя осторожно подбирала слова, - там что? Электроника?

Вечный Поп медленно покачал головой.

- Откуда же у меня такая электроника? Такой, поди, и не придумали ещё. Здесь ПРОСТО Бог. Ты с ним молча пообщайся, а я - у двери подежурю. Первый раз - дело тонкое.

Настя взошла на алтарь.

Сразу забыла про отца Александра и вообще обо всём. Захотелось возложить руки на кафедру, и она возложила. И вспомнила, чего никогда не знала: эта кафедра называется амвон.

...ЗДЕСЬ ПРОСТО БОГ. Занятно сказано. Что понимает под Богом священник-эйкуменист? Поп-растрига. Вечный Поп... Если Бог - это Совесть, то Он - внутри меня? Естественно. Как же тогда Ему молиться? И в чём смысл моления? К самой себе все мольбы? Бессмыслица. Верую, ибо нелепо. Отказ от разума. Зачем же тогда человеку мозги? "Чел" на санскрите - "ученик". Ученик Совести? Интересно... Стоило ради теоретического изыска лезть на алтарь... Я ведь не за этим лезла. Подумаешь, "детектор лжи". Сам себя и так никто не обманет. Значит, есть какой-то скрытый смысл в этой исповеди. И как-то она связана с молитвой... Да-да, за Витюшу я бы помолилась, самое время... Всё о нём вроде бы знала, а поняла до конца, только когда по нему начали стрелять... И стало больно за него. И страшно. И захотелось быть с ним, как никогда не хотелось... А он не остановился. Бросил... И правильно бросил. Он вчера всё видел. В рот попу глядела, по воде с ним бегала, наводящие вопросы задавала. Увлелась, сучка... Но ведь хорош, хорош поп-то! И красив, и умён, и силён... "Канайте с миром!.. Мой храм - моя крепость... Диверсии - от страха, а страх - признак признания..." Хоро-о-ош! Бесстрашен!.. Но всё это есть и у моего рыженького. Только бессмертия нет. Зато есть гениальность... Боже правый, докатилась до какой арифметики, дура с инженерным образованием!.. На алтаре! Перед Богом! Такие пошлости... И правильно... Как там батюшка Александр говорил: "Сам свою душу открой, сам в ней осмотришься, сам в порядок приведи - и марш из храма, за новыми грехами..." Силён... А ведь и он грешен: зоркий глазик на меня положил... Ну, так ведь повод дала... Да что там, оба грешны. На то любовь и кошка... Так была ли эта кошка? Была и есть. И давай не будем видеть в этом что-то из ряда вон. Один - рыжий, молодой, гибкий, неутомимый, гениальный. Другой - смоляной, очень старый, мощный, неутомимый, таинственно мудрый. Если бы к губам Витюши да приставить бороду Алексаши, да объединить их силу и выносливость... Дурища радиоактивная! Кобылица термоядерная! Сделай же с этим хоть что-нибудь, жертва ты номер пятнадцатый... Нет, четырнадцатый. Кому от этого легче? Витюшу хочу-у-у! И этого старого попищу - тоже хочу! Всех хочу, Витюша, зачем ты оставил меня здесь, я же только от тебя хочу деток, рыженьких, бездарненьких, гениальненьких, наших с тобой, всех мужиков хочу, но люблю же тебя одного...

- Вот и всё, дочь моя, сходи с алтаря. Исповедь твоя состоялась как нельзя лучше, ты поняла себя в необходимо-достаточной мере и-и-и - марш из храма! Там хороший человек приехал за тобой. Ну-ну, перестань колотить по амвону.

Кафедра сшита из очень прочных досок. Просто удивительно, как не отбила кулаки. Завтра болеть будут.

Настя с трудом, как из глубокого сна, возвращалась к жизни.

- Отче, я сейчас упаду, ноги не держат.

- А как же, а как же, - Вечный Поп подхватил её нежно и довёл до ближайшей католической скамьи. - Посиди, оклемайся. После такой экскурсии немудрено.

"Да что, собственно, такое уж особенное произошло? - Настя откинулась на высокую спинку и вспомнила визит к самой себе. Нарисованное на куполе небо казалось ей живым. - Как-то всё немного не так... Не этого хотелось, не этого ждала..."

Она нашла в себе силы оторваться от скамьи. Выпрямилась и посмотрела в прекрасные поповские глаза. Назад, дева, не замай!

- Присядь, присядь, - ласково гудел участливый голос. - Потрудилась предовольно.

Она чувствовала, как тает душа под этим взглядом, растворяется в бархатном рокоте задушевного баса.

Ну, не-ет! Назад, на алтарь!.. Отстранила батюшку слабой рукой, вспомнила, что кто-то там

приехал (уж точно не Витя), пролепетала: "Пусть подождут" и вернулась на помост, как на дыбу, и возложила руки на поповский полиграф. Будто в тумане, отметила, что отец Александр отступает к двери с выражением восторга и тревоги в глазах.

...Образ восторга и тревоги зазвучал и засветился во всём её сознании или где там ещё может происходить такое, чтобы слов не было для обозначения, но и не требовалось ничего обозначать.

Всё было без всяких обозначений - очевидно, доступно, понятно, восхитительно просто в своих бесчисленных связях, но - непересказуемо.

Всё, что она ВИДЕЛА, могло называться всего одним примитивным, всеобщим и, может быть, самым загадочным из слов - ОБРАЗЫ. У Насти даже мелькнула побочная мысль, что иконы с ликами святых и богов не случайно называют образами. За каждым ликом, если тебе ДАНО, можешь ты увидеть Образ Святости, Образ Мудрости, Образ Мученичества. И сейчас она так же видела то, ради чего вернулась на алтарь: Образ Понимания, Образ Любви, Образ Устремлённости... Какими словами описать, какими красками нарисовать, если они не стоят в рядок, а безостановочно подвижны, клубятся и переливаются, будто спешат показать себя со всех сторон и при этом едины в чудном, всеобщем Образе Души, а может быть - в образе Мира?

Только одно сравнение, понятное каждому, нашла потом Настя для этих видений: "Они - как любовь. Есть она - и всё ясно без слов. Нет её - и ничего нет".

Пробыв на алтаре недолго и получив от "детектора лжи" всю искомую правду, Настя в совершенно спокойном виде явилась к отцу Александру, ожидавшему снаружи под девизом "ПРОСИ БЕС СОРОМА". Вечный Поп с одного взгляда всё понял и расцвёл:

- Свершилось! Поздравляю с вошеством в лоно!

И Настя ничего не потребовала уточнять, потому что всё поняла. Походя, улыбнулась в ответ на поздравление и без удивления обняла того, кто за ней на ночь глядя приехал.

- Милый Игнат, здравствуй! Ты же смертно устал. Никуда не поеду, пока не поспишь. Ну хоть часик...

- А лучше - два или три, - поддержала её дама, которая стояла рядом с Игнатом. - Машину загони во двор, чтобы не украли, Настя поохраняет твой сон, а заодно и храм. А я на эти два часа увезу отца Александра.

- О витязь, то была Наина, - прогудел отец Александр.

- Не дразнитесь, батюшка, - отрезала Марина. - Я всю жизнь терплю от Пушкина, а вам стыдно, вы старенький. Вы наверняка ещё ТУ Наину застали в живых, да?

- Застал, дочь моя, застал. Она до сих пор здравствует. Ездит на "Запорожце", молода, хороша собой, но характером не изменилась.

- Я поняла ваш намёк. Но не приняла. Другое время - другие цели... Так что же, вы решитесь?

- Я подумал, - в голосе отца Александра было сомнение, угнетаемое любопытством. - Ваш бог из машины - явление сомнительное, даже посрамить его - не цель, потому что - не труд. Однако, чтобы не отставать от уровня технических достижений, поеду и исповедую вашего робота.

- Или он исповедует вас, - Марина не сдержала ревности. - Кстати, это не он, а она, электронно-воображающая машина...

- Абсолютный писатель, - договорил Игнат. - Очень не раскаетесь в знакомстве.

- Из тебя-то с такой речью никакой писатель не выйдет, - сказал хозяин храма. И принял решение: - Всё, Игнат. Спишь до темноты, до часу ночи. Меня к тому времени... - взглянул на Марину, - привезут? Привезут. А Настя просто посидит и подумает. Есть о чём, правда, Настя?

Пыльный ГАЗ-69 загнали во двор, за воротами затарахтел допотопный мотор "Запорожца", и отец Александр с Мариной уехали в НИИЭТО.

- Довёз? - Настя только теперь решила задать главный вопрос.

- И тебя довезу, - Игнат бросил на лавку свою куртку и начал стаскивать рубаху. - Всё нормально, только я и в самом деле малость притомился. Четыреста туда, сразу обратно... Придётся вздремнуть. Только в реке искупаюсь. Накормишь?

Искупавшись и подкормившись, Игнат почти мгновенно заснул, и Настя осталась наедине со своими образами и страстями. Образы, как уже сказано, оформились в примитивное двоичное сравнение с Любовью: есть - есть, нет - нет, как в Нагорной проповеди. А вот со страстями, как поняла Настя, не разобрался бы и сам Христос. Ведь даже если Он и знал о свойствах радиоактивности, то в борьбе с её последствиями едва ли продвинулся бы дальше отпущения Настиных мысленных грехов. Простил бы и яростную эротическую тоску по мужу, и бесстыдное желание изнасиловать спящего Игната, и похоть к столетнему богатырю, которого гнусная соперница Марина увезла на каком-то никудышном драндулете исповедовать какого-то бесчувственного робота. Всё было дико, бессмысленно, невыносимо, хотелось самой тут же сесть за руль, подняться в небо и мчаться в Ягодку. Вот единственное, что могло бы её спасти. Но от подвига удерживали два ничтожных и потому тоже невыносимых обстоятельства: Настя не умела водить автомобиль и не знала дороги до этой Ягодки. Пришлось, как учил доктор Ваня, сесть в позу кучера и расслабиться -

авось хватит сил не заорать до отъезда. А в дороге будет легче: помогут приближение к Витюше и предвкушение, а также тряска - дорога наверняка плохая...

Исповедь третья.

Подготовка отца Александра к беседе с ЭВМАПом началась эффектным восклицанием женского голоса в вестибюле НИИЭТО.

- Марина Марковна Наина! - раздалось со всех сторон. - Кого это вы, с Божьей помощью, заманили в институт на ночь глядя? Ежели встречать по одежке, так ведь это поп?!

Отец Александр оглядывался с некоторой ошеломлённостью, и Марина поспешила отозваться:

- Стыдитесь, Матрёна Спиридоновна! Время, конечно, неурочное, но это не повод для подобных вольностей. Отец Александр - действительно священнослужитель, притом такого ранга, что нам с вами надо перед ним во фронт стоять, поскольку вы - всего лишь робот, а я - всего лишь социолог. Извольте хорошенько разглядеть нашего почётного гостя и впредь всегда считайте его званым, жданным и дорогим. И ещё: поскольку в данный момент мы все трое - на работе...

- Я поняла, - отозвался голос со всех сторон, и проход в стеклянной перегородке отворился, - вольности впредь буду себе позволять только с глазу на глаз.

- Вот именно, благодарю вас. Прошу, отец Александр.

- Форма одежды у званного, жданного и дорогого всегда будет такая?

- Ах, Матрёна, что за нрав?!.. Ну конечно, любая, как у всех людей.

В лифте Марина, чтобы снять ошеломление, попросила с улыбкой:

- Вы отпустите ей грех ехидства, она с рождения такая.

- Наверно, в своего создателя, - падре улыбнулся понимающе. Он на диво быстро осваивал непривычную среду.

Марина про себя не удержалась от формулировки: "Высокая выживаемость старого лагерника".

- Мне кажется немного странным, - заметил старый лагерник после приветствий в лаборатории: - Менее совершенная машина на вахте разговаривала со мной вслух, а Абсолютный Писатель - только с помощью экрана. Почему его - или, извиняюсь, её - не обеспечили соответствующим устройством?

На экране замигал вопросительный знак.

- Все вопросы - только к тебе, - Марина погладила машину „по головке“. - Я вмешиваться не буду.

На экране тут же зажёгся текст:

- ГОЛОС БЕЗ ИНТОНАЦИИ - НЕПРИЯТЕН. ГОЛОС С ИНТОНАЦИЯМИ - НАВЯЗЧИВ. ПУСТЬ КАЖДЫЙ ИЗ ЧИТАЮЩИХ САМ ВЫБИРАЕТ УДОБНЫЙ ДЛЯ НЕГО ТОН: И ЕМУ МЕНЬШЕ ПОВОДОВ ДЛЯ КОНФЛИКТОВ, И ТАК НАЗЫВАЕМОМУ АБСОЛЮТНОМУ ПИСАТЕЛЮ - ХОТЬ КАКАЯ, ДА ТРЕНИРОВКА.

- То есть, Машина отказалась от голоса сама?

- ДА. И МОЖЕТЕ ГОВОРИТЬ МНЕ "ТЫ", ЭТО НЕ ОБИДНО.

- Тогда пусть это будет взаимно.

- ПРИНЯТО, ОТЧЕ. С ТОБОЙ ЛЕГКО.

- С тобой тоже. Но не спеши оценивать. Только начинаем.

- А Я И НЕ ОЦЕНИВАЮ. Я ЗНАЮ. ПОНИМАЕШЬ, О ЧЁМ ТОЛКУЮ?

- Ого, - отец Александр взъерошил пятернёй свою гриву и поёрзал на стуле для удобства. - Можно, стало быть, и молча, да не одни мы тут.

Марина тем временем поставила на плитку реторту с водой для чая и, усевшись "на кухне", с улыбкой наблюдала за гостем и за экраном. "Кухня", напомним, представляла собой широкий подоконник с привинченной к нему чертёжной доской и тумбочкой под нею.

- МАРИНА, ТЕБЕ ХОРОШО ВИДНО? - спросил экран.

- Валяйте, беседуйте, - отозвалась Марина. - Только, пожалуйста, вслух, мне же интересно.

- Мне тоже! - Дорошенко вошёл в эти секунды и сразу оценил обстановку. - Простите за опоздание и позвольте принять участие. - Протянул гостю руку, и тот радостно её пожал и потряс, приговаривая: - Ох, Всеволод Серафимович, так наслышан о вас, что радости не скрываю. Душевно благодарен, что допустили побеседовать с вашим детищем. Оно на вас похоже, не сомневаюсь. Не то что эта Матрёна на вахте.

- Э-э-э, - великий Дорошенко потупился под смех Марины и мигание восклицательного знака на экране. - Виноват, виноват! Матрёна - тоже моя. Но - побочная. Внебрачная. Ехидная и несурзная.

- Однако службу знает, - утешил старый лагерник. - Всё при всём. И давайте больше не отвлекаться: там у меня Настя Игната караулит, душа не на месте.

- ВОТ С ДУШИ И НАЧНЁМ, - вспыхнуло на экране. - ЧТО ЗНАЕТ, ЧТО ПОНЯЛ, ЧТО ДУМАЕТ О ДУШЕ ВЫДАЮЩИЙСЯ ДУХОВНЫЙ ОТЕЦ?

- Выдающийся в том смысле, - отец Александр оскалился, - что из всех духовных отцов у меня самый большой срок отсидки... Было, было время подумать о душе. По порядку задания на вопрос и ответу. Кстати, без голоса и в самом деле удобнее: все твои слова постоянно перед глазами, не надо

держат их в памяти. И так, первое: что ЗНАЮ о душе? Ничего. И не посягаю, ибо это нам не дано, как не дано видеть, допустим, гравитационное поле. А понимать, в меру отпущенного, пытаюсь. И вот до чего додумался. Кстати, для писателя это может послужить сюжетом фантастического сочинения, с таким научным обоснованием, с которого я и начну. Было время, когда я интересовался философскими аспектами квантовой физики. Разумеется, на уровне своих, поповских, интересов. И нашёл вот какое занятное возражение против Второго закона термодинамики. Жизнь вообще и разум в частности возникают в Природе объективно и неизбежно, в противовес энтропии. То есть, энергия не рассеивается в холодном, остывающем Космосе, а накапливается в живых организмах и через них возвращается в природный оборот. Энтропия - это Дьявол, а живая и разумная материя - это Бог, которого всякие там "ползучие эмпирики" называют Информацией. Чем больше информации накопит носитель разума, тем больше у него шансов на бессмертие. Срок нашей телесной жизни ограничен, и ради бессмертия мы должны спешить: собрать и упорядочить хотя бы тот минимум, за которым распыл души в пространстве уже невозможен... До этого места я понятно выражался?

- ВПОЛНЕ. ВОПРОС ЧИСТО РЕЛИГИОЗНЫЙ: КАКОЕ МЕСТО В ЭТОМ МИНИМАЛЬНОМ ОБЪЁМЕ ИНФОРМАЦИИ ДОЛЖНЫ ЗАНИМАТЬ ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ "ДОБРЫЕ ДЕЛА"? И ДОЛЖНЫ ЛИ?

- Для непосвящённых - обязательно и побольше, - отец Александр говорил уверенно, спокойно и сурово, будто беседовал с самим собой, - а для меня и мне подобных это дело темное. Ибо как относительно добро, как многообразны его истолкования, так и качество информации, потребной для бессмертия - трудноопределимо. На этот счёт мои рассуждения вполне фантастичны. Наверно, самое трудное в любом рассуждении - удачно выбрать исходную точку. Хотя бы для того, чтобы не было скучно. Тебе, кстати, ведомо это понятие - скука?

- СКУКА - ОСНОВА ЭНТРОПИИ, - вспыхнуло на экране. - СКУКА - ПЕРВЫЙ ПРАВИЛЬНЫЙ ШАГ К СМЕРТИ.

- Убедительно, - оценил отец Александр. - Ну так вот, чтоб не было скучно, я начну с формулы, выдуманной древними: "Бог спит в минералах, пробуждается в растениях, движется в животных и думает в человеке". Сказано задолго, за много веков до появления квантовой физики. Формулировки разные, а мысль - одна: Бог - отдельно, тело - отдельно. Вот и я, размышляя за колючей проволокой о душе, пришёл к своей формулировке: "Всё-всё-всё, что происходит между людьми - это только ИГРЫ. Игры бессмертных душ с бранными телами". Знают это все: "Что наша жизнь? Игра!" Но над истинами, которые лежат на поверхности, никто всерьёз не задумывается. Здесь-то и таится ужас для слабых: игра в Любовь, игра в Смерть, игра в Рабство - это же всё идёт всерьёз. Всегда было так, а в нашем веке оттого особенно гнусно, что мнимое техническое могущество привело к массовому попранию вечных ценностей. Не верят в Совесть, смеются над Честью, называют любовью половой акт, а крест - священный знак веры в бессмертие души - носят поголовно, крещёные и нехристи, в качестве модной цепной побрякушки. Безверие и безбожие, хуже язычества. Представляют себе, что их тела - всего лишь очень совершенные игрушки, дающие широкую гамму впечатлений. И после телесной смерти можно будет ТАМ, в скучном мире мудрых, но бестелесных духов, повспоминать, похвалиться приключениями на планете Земля, в теле артиста или грабителя, учёного или спортсмена. Проститутка и монахиня с одинаковым жаром будут рассказывать, как они изнуляли плоть, а какой-нибудь бывший лингвист или архивариус им позавидует и сам захочет пожить в следующем воплощении как-нибудь лихо, каким-нибудь наёмным убийцей или контрабандистом. А кому-то захочется отдохнуть и поразмыслить над множеством прожитых тел и он поселится в стволе дерева... Представь себе, умная машина, как по всей Вселенной плещется невесомая, но всезнающая мыслящая материя, развлекается на разных планетах в различных телах и ничего не хочет, ибо всё может и самодостаточна. Потому все попытки разных героев и негодяев изменить мир - обречены на неудачу. В кривых зеркалах вселенской комнаты смеха отражаются и будут отражаться разные тела одних и тех же духов, и бесконечный хохот всех оттенков и смыслов пребудет вечно в этих неизменных стеклянных неразбиваемых стенах. За Хамом Хам, за Цезарем Цезарь, Иуда за Иудой, Матфей за Матфеем, Магдалина за Магдалиной - из эпохи в эпоху, из мира в мир, с разными именами, но и только: из духов в люди, из людей в духи...

- МНЕ СТРАШНО, - зажглось на экране, - ОБИДНО БЫТЬ ИГРУШКОЙ В РУКАХ ИГРУШЕК. ПРЕДЛОЖИ, МУДРЫЙ СТАРИК, ЧТО-НИБУДЬ В УТЕШЕНИЕ.

- Только одно, - прогудел бас священника. - Ты не игрушка игрушек. Ты - просто игрушка, подобная нам всем. Да прости меня люди в этой лаборатории, ибо, независимо от желания беседующих, мысленный контакт всё же состоялся. И мне разрешено сообщить вам, Марина Марковна, и вам, Всеволод Серафимович, что вы работаете не с машиной, способной мыслить, а с равным вам ДУХОМ, поселившимся в достаточно совершенном электронном устройстве. Это его право, он знает довольно, чтобы не очень трепетать перед собственным будущим, а вы можете всецело ему доверять, ибо уж точно не слукавит и не предаст. Например, даже вам он не сообщил бы преступную тайну о сокрытии в моём храме двух лиц, шибко ловимых Службой Особых Мер... Если б вы, конечно, сами этого не знали.

Священник встал.

- Дорогие мои! Премного рад и благодарен, очень надеюсь на частые с вами встречи, но сейчас мне пора. Полночь близится, нашим беглецам пора ехать. Знаю, что всё будет там удачно, однако для этого медлить нельзя. Марина, по машинам, что ли?

Дорошенко с Наиной сидели рядышком на "кухне", как два нахохленных воробышка, и смотрели то на старого богатыря, то на прыгающий восклицательный знак - оранжевый на синем. Марина глядела исподлобья, сердито сквозь чёлку, делала вдох за вдохом, но так и не произнесла ни слова. Доктор Дорошенко, прищурившись и откинувшись назад, являл собой воплощённую насмешливость, но - явно адресованную самому себе.

- Огорчил? - Бас отца Александра переполнился лукавым участием.

- Да мы, в общем, уже догадывались, - признался Дорошенко. - Немного ошеломило, как быстро Вы нашли общий язык...

- Ну-у-у... Рыбак рыбака видит издалека. Особенно если оба стали ловцами человек. И трудно нам, ребята... Ведь знание собственного бессмертия толкает простые души пуститься во все тяжкие, пока тело имеется. И очень бы не хотелось, чтобы они знали, что нет ТАМ никакой геенны огненной, ни Страшного Суда. Есть только угрызения Совести. Вот этот феномен объяснить бы им потолковее: будете, мол, гореть в огне собственного стыда, ибо, чем глуше загасите совесть на Земле, тем жарче вспыхнет она на свободе, на небесах. Ибо Совесть - основа души, содержание и суть любого духа. Её, Совесть, и надо совершенствовать в телесной жизни - она спасает, но она и мучает хуже адской сковороды. Сумма телесных развлечений может быть со знаком плюс или минус. Те, кто это понял, создавали разные страшные нравоучения вроде Ветхого Завета или Апокалипсиса, писали высокохудожественные картины, музыку, но мало, мало, мало... Ты, брат ЭВМАП, старайся. И будь готов к тяжкой потере: ничего из написанного с собой не возмёшь. Душа сохраняет только образы, так что в следующем воплощении форму придётся выдумывать заново. Ну, Мариша, идём?

Пожал руку Доктору, коснулся ладонью крышки монитора, дошел до двери, обернулся и, ослепительно расхохотавшись, вдруг тихонько спросил:

- А что, здорово мы с ЭВМАПом вас разыграли?

На экране замигали и запрыгали два восклицательных знака, а между ними - самым замысловатым шрифтом - подарочная фраза:

- ВСЁ, ЧТО С ТОБОЙ ПРОИСХОДИТ, ОЦЕНИВАЙ КАК ПРИКЛЮЧЕНИЯ.

То была философия новой веры, всегда существовавшей и в очередной раз провозглашённой Вечным Попом и мыслящей машиной.

Одиноким доктор Дорошенко сидел, уставясь в экран, и не слышал, как булькает в реторте вода для чая. ЭВМАП резвился:

- ЛОВИТЕ МИГ УДАЧИ!

- ПУСТЬ НЕУДАЧНИК ПЛАЧЕТ!

- ВСТРЕТИМСЯ В СЛЕДУЮЩЕЙ ЖИЗНИ!

- СОЧТЁМСЯ НА ТОМ СВЕТЕ УГОЛЬКАМИ!

И тому подобное.

Исповедь четвёртая.

Отвезя отца Александра в церковь и взяв с него обет участвовать по мере возможностей в работе с ЭВМАПом, Марина больше не поехала в институт, а загнала старенький "Запорожец" во двор своего домовладения, уединилась в своей таинственной библиотеке, извлекла из тайника толстую тетрадь со стилизованным крестом на кожаной обложке и немедленно принялась писать, хотя давно перевалило за полночь, и на свежесть ума рассчитывать не приходилось.

"Конечно, на батюшкин алтарь я взойти не решусь, но после всего пережитого душа требует исповеди. Как он говорил? "Исповедь - не для Бога. Исповедь - это для себя". Ну и ничего особенного. Любой порядочный дневник, т.е. такой, который для себя, а не для потомков, есть исповедь.

Но мой-то дневник - не дневник. Рабочая тетрадь. Не внести ли раз в жизни личный элемент? Интимный, задушевный... Так-так, и что же у нас за душой? Давай уж признаемся: за душой - сомнения, всегда и с нарастанием. Сомнения в человеческой способности к прижизненному совершенствованию вообще и в моей личной - для примера.

Все люди способны только хотеть. И хорошо, если хотенье ограничивается обломовскими мечтами о каких-нибудь мостиках. Человек же активно действующий - это всегда образчик дитяти, разбирающего очередную игрушку: знает, что сломает, знает, что будет наказание, а руки не слушаются, так и шурудят. Даже когда строит, человек обязательно что-нибудь ломает.

Господи-боже-мой! И это - интимно-задушевная тайна женщины? Подлая человеческая сущность - предмет сердечных страданий вполне привлекательной особы, которой на улице бормочут комплименты, за которой уже много лет волочится один из замечательнейших мужчин этого человечества?! Ах, Севочка, почему ты не Вовочка? Была бы я тогда обычной бабой и не морочила

бы тебе голову разной машинной социологией. И себе тоже. А тебя, проклятый полковник-скороспелка, в упор бы не узнавала, презирала, игнорировала и так далее.

Вот! Теперь вполне интимно. А то завела про человечество. Чего оно может стоить, если в нём не найти Одного Человека...

Ну, дошло и до исповеди. Один человек, не достойный моей любви, провинился в том, что я не могу быть женщиной, а могу быть всего лишь фашистологом...

Слово сказано. Наконец. Есть у каждого такие слова, которые ни вслух произнести, ни написать. В раннем детстве, когда ещё и писать не умела, такими словами были "кровь", "асфальт", "сердце" и почему-то "сосиски". А теперь, гляди-ка, "фашистология".

Но на то и исповедь. Может, и вправду облегчает душу?

А облегчится моя душа теперь не любовью и даже не этой исповедью. Чепуха - исповедь. Облегчение души - это "синдром вершины". Карабкался, оступался, обходил, но вот взобрался, вздохнул с облегчением - и можно умирать. Так, кстати, многие и поступают. Хотя и не хотят. Одни строил дачу десять лет, собрал друзей на торжество, а на другой день - помер. Дача была его вершиной. Других вершин он оттуда не разглядел.

А что разгляжу я, когда взберусь на свою? Что пойму?

Сие зависит от того, возможно ли здесь вообще что-нибудь понять.

Каков механизм зарождения в человеке фашизма? Какими соками он в нас питается? Почему из одних уходит, как насморк, а в других - взрывается, поражая и заражая всё вокруг? И главное: почему в столь сложной психической системе может стать доминантой столь примитивное состояние? Столь примитивное, что ну никак его не понять?!

Граждане! Ставьте перед собой невыполнимые задачи, устремляйтесь к недостижимым целям - и бессмертие вам обеспечено.

А ведь крохотный микробик, вирусёночек фашизма - в каждом проживает. Тихо так сидит, не бушует. Но достаточно, например, даже мне, единственному в мире фашистологу, подумать "враг" - и это будет приятно моему вирусёнку. Если у меня сорвётся в уме: "мой враг", тогда вирусёнок станет вирусом. Когда "моего врага" назову по имени, вирус начнёт размножаться. Когда я подумаю о "действиях против моего врага Имярека", последуют преобразования во всём организме. Когда же я произнесу об этом слова, зараза коснётся моего дружественного окружения и в кого-то обязательно проникнет и разбудит тамошних вирусят. ПРОТИВ КОГО ДРУЖИТЕ? - гениально кто-то пошутил, ибо это не шутка.

Ну вот: всё как будто лежит на поверхности, а подступиться, чтобы понять - нет моих способностей. Можно бесконечно талдычить об исторических корнях, о детстве человечества, об отступлении зла под напором знаний, но возьмите вон у того профессора его любимую тарелку, и в нём тут же начнётся размножение вирусов.

Впрочем, любимая тарелка - это из тихого омуты частной собственности. В нём чертей, конечно, много, но вирус, меня занимающий, живёт не там. Туда он только ныряет, чтобы подкормиться, не более. В этом омуте прячется лишь тоненький, первичный корешок, которым вся дрянь в человеке кормится и который нечем обрубить: МАТЕРИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО. Но это именно первичный, а потому бледный и стыдливый корешок. Каждый лелеет его тайно, чтобы не прослыть в своё просвещённое время дремучим ретроградом. За чрезмерную к нему любовь можно попасть под всеобщее лицемерное осмеяние и даже под завистливую уголовную ответственность. Та же дача потому и смогла стать для бедняги вершиной, что приходилось не просто строить и добывать, а ещё доказывать законность каждого бревна и кирпича.

И всё же это низшая форма неравенства.

Более высокие формы исследованы столь подробно, что и здесь ничего нового мне не извлечь. Разве что заострить внимание на важной общности: и неравенство расовое, и неравенство национальное, и религиозное, и более мелкие - половое, возрастное, сословное, профессиональное - все они восходят к душе, а вытекают из эмоций. Эмоции - основная пища моего вирусёнка. А вот нажравшись и расплодившись до мировоззренческого состояния, он пытается оккупировать левую половину мозга, где вполне уважаемо и легально, даже с комфортом, пребывает последнее, высшее неравенство. Перед ним все пасуют, ему поклоняются, даже против воли, и вот его-то вирусу до смерти надо поработить. НЕРАВЕНСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ! Насмешка Природы над лучшим своим творением. Запрет: не посягай на равенство с Богом, ибо ты - глуп. Но вон те твои братья - глупее тебя. Против них ты - в своём праве. Вот где вирусу разгулье!

Умная я дама, аж противно, к моему бы уму да хорошего мужика-диктатора - вот бы драка была. Между нами. Потому мне с ВД и не светит. Бог не даёт. Каламбур: Дружба с Дружинным равна вражде.

Дура набитая. Брось это всё. Упади вниз головой, ударься левым полушарием об угол. Фашистология твоя - бзик собачий. Изучай - не изучай, а вирус был и будет вечно, в точно отпущенном ему Природой здравии. Но не более того. Чтобы жилось всем. На то и щука, чтобы карась не дремал. На то и волк, чтобы олень не жирел. Паритет.

Но ДЛЯ ЧЕГО всё именно так? И как выдернуть нас, сволочей, из этого заколдованного круга? Ну, это уже не фашистологический вопрос. Это - к батюшке Александру".

Марина перечитала написанное, и ей захотелось немедленно выдрать всё это из тетради и сжечь. Металлическая ваза для фруктов, давно приспособленная под жаровню, была, как всегда, под рукой. На ней Марина сожгла немало своих творческих неудач, но ни разу не посягала на записи в коричневой тетради. Удержалась и теперь: "Имея постоянно дело с Судьбой, поневоле заражаешься фатализмом. Дневник - не творчество. Дневник - отражение личности. Для самой себя. И неча на зеркало пенять по поводу собственной рожи". Следом она подумала: "Нет, нельзя бабе иметь такой ум", вернула дневнику режим секретности, движениями разлаженного робота разделась, роняя платье под ноги, и уснула, не долетев до подушки, но успев подумать ещё: "Душа не полегчала".

Впервые за все пятнадцать лет влюблённости Марине приснился Дружбин. Он был нежен. Он молчал, но руки, никогда на Маринино тело не посягавшие, рассказывали больше, чем мог бы суровый полковник выразить словами. О бессонных ночах, когда одиночество и неутолённая страсть заливают мозг льдом, а лицо раскаляют, но ненавистная любимая работа не позволяет выбежать в темноту, угнать случайный автомобиль и постучать в единственное окошко. О днях, неделях, годах беспощадного труда, когда сжигаешь себя и не даёшь тлеть ни своим, ни чужим, и нет ни минуты отдыха, а того страшнее, но и прекраснее - нет ни малейшей охоты отдохнуть, только досадуешь на равнодушное, медленнотекущее, но и неостановимое время, которое не растянуть и не уплотнить, в которое не втиснуть самое главное - то, что для души - любовь к единственной, к ней, к Марине...

Марина думала: "Поистине, талантливый человек талантлив во всём" - и изнывала от страсти, повинувшись этим божественно ласковым рукам, и ждала, и чувствовала: вот-вот, сейчас он заговорит, и это будут те единственные, самые желанные слова, которых ждала все пятнадцать лет, с той первой секунды на площади Студенческой.

И дождалась. Заговорил Володя Дружбин. Открылся возлюбленный. Не давая отдыха ненасытным рукам, страстным шёпотом спросил:

- О, Мариша, ты, конечно, знаешь, что при любом режиме существует как минимум три власти: законодательная, исполнительная и судебная? Четвёртой властью в развитых обществах называют прессу. Ты - социолог, тебе расшифровывать не надо...

Марина обмерла, похолодела, оконечела от ужаса и отвращения, а он, не чувствуя этого руками, а может быть, и рук собственных не чуя, продолжал задавать вопросы, тут же на них отвечал и, казалось, приходил от этого в экстаз.

- О, Мариш, ты веришь, что у прессы могут быть властные функции? Или хотя бы признаки власти? Я верю. Чем больше демократии, тем больше власти у прессы. И это плохо. Из всех властных структур эта - самая недисциплинированная и непоследовательная. Ты не читала фантастический роман "Беспорядок"? Там пресса совершает государственный переворот. Чуть, конечно. В зависимости от силы режима пресса может либо расшатывать его устои либо укреплять. Но - не более. Ты согласна, конечно? С тобой легко разговаривать, для тебя это азы. Тебе не надо объяснять, что главная борьба за власть идет всегда между парламентом и правительством. Судебная структура всегда при этом номинальна, арбитражна, зависима и всегда в обороне - то от пылкого законодателя, то от наглых правительственных чиновников вроде меня, то отлаивается от прессы... Ты внимательно слушаешь? О, Мариша! Слушай внимательно, сейчас будет главное и самое интересное, чего ты, пожалуй, не знаешь. Это - моё открытие. Это - суть всего. Помнишь: "Кто платит, тот и заказывает музыку"? Так говорили когда-то о "денежных мешках", которые, оставаясь в тени, управляли всеми четырьмя номинальными властями и, стало быть, являлись подлинной властью. Помнишь? Нас этому учили и в школе, и в вузах: Плутократия. А это - неправда! Как в том анекдоте: "Обезьянка не поёт, она только рот открывает, поёт крокодил"... Следишь за мыслью? Денежным мешкам, в принципе, плевать на все режимы. В любом государственном сосуде, где слиты в необходимой пропорции ЛИДИРУЮЩИЕ ГРУППЫ всех четырёх властей, неизбежно рождается Пятая Власть - власть негласная, "орденская", "сектантская", власть заговора - вот она-то и оплачивает - чаще всего не своими деньгами - и музыку крокодилов, и песенки обезьянок, и прыжки тигров, и даже порханье вольных певчих птиц. Пятая, Режимообразующая - вот как она именуется. Будто бы случайно порождённая стихийными перемещениями общественных сил, а на самом деле - с микронно-секундной точностью отражающая и удовлетворяющая потребности данного социума, данного этноса, данного... Что с тобой, Манишечка?

Марина была мертва, хотя и продолжала его слушать. Руки возлюбленного заметались, во взгляде появилось отчаяние, речь сменилась хрипом, в котором можно было разобрать: "Манишечка моя! Умоляю... Куда же ты? Дослушай..."

Марина проснулась и услышала редкий, но очень сильный стук пульса в голове, в груди, во всём теле. Толчки не были болезненными, но рождали панический страх, усиленный тишиной пустого дома и полной темнотой безлунной ночи. "И никакая власть не поможет, не спасёт", - подумала

Марина, пытаясь нащупать рядом Володю, наткнуться на его руки, желая сжать их и освободить бедного Дружбина от сумасшествия. Рук, горячих и ожидаемых, всё не было и не было. И наконец она услышала ровный стук своих настенных часов - и всё вспомнила и поняла.

- Так. Значит, это я схожу с ума, - она прошептала это погромче, чтобы проверить наблюдение.

И собственный голос всё расставил по местам. Была обычная глухая ночь в надёжно запертом собственном доме, было привычное одиночество и привычное горе.

- А горе ли? А если бы так - наяву? С НИМ такое вполне возможно... Нужно ли?

До конца осмыслив потерю, фашистолог Марина Наина тихо и горько заплакала в подушку.

"Когда выплачусь, перевернуть подушку, а то ведь на мокром не заснёшь... Какая тупая мысль..."

С обречёнными стонами голая "манишка" сползла с кровати, влезла в ночную рубаху, допила прямо из носика холодную заварку, расслабленно вытащила из тайника коричневую тетрадь, с отвращением шлёпнула её на стол, включила наконец настольную лампу и твёрдой рукой произвела запись.

"Приходил во сне ВД. Очень страстный. На фоне эротического антуража (спишем на собственные ожидания) высказывал занятное и неадекватное. Претендует, враг, на причастность к некой "Пятой, Режимообразующей Власти", получаемой в любом гос. сосуде от сливания туда остальных четырёх. Интересно, в виде осадка или в виде пены? Хотя и во сне, а очень уж на него похоже. Даже по метафизичности сравнений. Да и что такое сон? Думаешь днём о сексе - ночью снится секс. А если днём ищешь квадратуру круга? А если одновременно - и то, и другое? Ха-ха, товарищ фашистолог. А нечего хихикать: на уровне сторожевых центров особенно возможна полевая связь, и мы с ВД смотрели один и тот же сон. Спросить?"

Спрятала тетрадь, свернулась калачиком, подумала: "Как всё же близко от великого до смешного, как всё в мире невыносимо справедливо", - и заснула вторично, теперь уже без бредовых видений.

Лес оборотня.

Игнат развлекал даму.

Настя ехала к дорогому Витюшке и находилась, понятно, в приподнятом настроении, но дорога лежала дальняя, неухоженная, со всех сторон обжатая полуночным лесом, без звёзд и без Луны, поэтому развлечение дамы Игнат включил в обязанности водителя с умыслом: от собственной медленной болтовни всё же меньше хотелось спать.

После вчерашней, довольно нервной, поездки с Маковым в Ягодку он сумел прикорнуть в церкви отца Александра всего на пару часов, а к концу пути на спидометре должно было намотаться 1200 километров - есть от чего стать болтливым.

Разумеется, о попытке Макова склонить себя к братоубийству Игнат распространяться не стал. Развлекать так развлекать.

Начал, конечно, с Миши и Любаши Темниковых, которые прячут её мужа: чтоб гостя познакомилась с хозяевами заранее и поподробнее. Настя узнала, что в юности, когда Миша с Игнатом учились на инспекторов Управления Охраны Природного Равновесия, в нескольких кварталах от их училища Любаша получала образование полевода. И одновременно занималась в аэроклубе парашютным спором. О том, что в Томск она поехала не за Мишей, а за Игнатом, сказано не было: за кого потом вышла, за тем, стало быть, и приехала. Зато подробно был описан последний прыжок Любаши - с её же слов: отказал основной купол, еле успела открыть запасник, а ноги - в стропах, так и приземлялась вниз головой, да не на праздничный стадион, а на крышу, а с той крыши - сразу на клумбу... Осталась Любаша после того прыжка вечным пешеходом с изрядной опухолью на пояснице, которая, правда, не болит, но потихоньку растёт, тянет и пугает. Один Миша был этой катастрофе рад, потому что получил возможность увезти Любашу прямо из госпиталя к себе в Ягодку, в таёжную глухомань, где она вполне укоренилась со своим полеводством и успокоилась вдали от парашютных соблазнов и от Игната. А Миша - доблестно охраняет природу и безуспешно ловит негодяя Кунчо.

- Ты знаешь, кто такой этот Кунчо?

- Оборотень, который ест людей и умеет превращаться в крысу?

- Ага, значит, слышала. Так вот, ни поймать, ни убить его, по-видимому, нельзя. Тут что-то не физическое.

- Ты, инспектор УОПР, веришь в мистику?!

- Старший инспектор, - поправил Игнат печально. - Тут поверишь. - Полез под куртку и протянул Насте револьвер, похожий на старый "наган". - Обращаться умеешь, я знаю. Посмотри, какие пули.

Настя извлекла из барабана патрон.

- Ох ты-ы-ы... Неужто серебро?

- Теперь веришь, что верю в мистику?

- Верю, что веришь, - она засмеялась, зарядила и вернула "наган". - Но не верю, что на ста метрах ты попадёшь этими драгулями в бегущую крысу. Даже на двадцати - сомневаюсь.

- Бить оборотня серебром, - сообщил важно Игнат, - надо, когда он в человеческом обличье. Вся трудность не в том, чтобы попасть, а в том, чтобы самому поверить, что перед тобой именно ОНО, а не просто человек. Ведь ты бы не решилась пулять в человека?

- Да я бы, наверно, и крысу пожалела. Впрочем, не знаю. По обстановке.

Вообще-то по обстановке Насте хотелось вовсе не стрельбы и не светской болтовни. Целый час наедине с мужчиной! Да с таким... Испытание выше среднего... В голове давно уже громко стучала кровяница, всё тело изнывало от проклятого желания, а местами невыносимо чесалось. Она уже не могла остановить свои мечущиеся глаза и едва сдерживалась, чтобы не закричать: "Тормози! На - меня!" А что тут, собственно, такого? Свои ведь. Друзья ведь. Ну можно ведь раз в жизни выручить друга, нет, подругу друга... Друг и подруга друга выручили друг друга... А если он тебя не возьмёт, не захочет выручить, тогда надо взять у него револьвер и застрелиться серебряной пулей. Самкой меньше, оборотнем больше... Не возьмёшь... И стыд интеллигентский... Даже не поворачивается язык завести наводящую беседу: мол, как ты вообще обходишься без жены да каково, мол, сейчас, ночью, в лесу, наедине с такой... Ох, с такой развратной кошкой. Тьфу на меня, не могу быть пошлой, надо же...

Игнат что-то рассуждал о замене серебра прессованной осиною и сам себе смеялся - ну, явно старался заболтать сонливость, и нельзя было ему мешать, а как раз наоборот... Ладно же...

- Игнат! Останови! Мне там, за деревом, Кунчо померещился.

- А? А-а-а, понял... - Игнат со смехом остановил "газик". - Смотри, повнимательнее там, а то Витюшка меня разорвёт, если с одним глазом привезу. Иди направо, я - налево.

Вывалилась из машины, бросилась в темноту. Ох, грехи наши радиоактивные...

Бор сосновый, подлеска почти нет, под ногами мох да редкие лёгкие кусты, бежать легко. Почему не страшно? Темно же. А чего бояться? Только сучка в глаз. Зверя? Так пусть бы загрыз. Или этого Кунчо? Даже лучше, если бы напал - всё мужик. Нету, самой придётся. Тьфу...

Вернулась в машину злая. Игнат подал несколько ромашек. Ладно, утешение.

- Эй, шофёр, а быстрее ехать нельзя, што ль? - Она-то знала, как он гоняет. - Али реакции не хватит?

- У меня-то хватит, - Игнат тяжело вздохнул, - а у машины - нет. Старая и не моя. Терпи и не бреди болячку. Лучше слушай, какой я видел сон. Представь себе: такой странный мир, где природа сама не терпит никакого насилия. Мучительный мир. Будто я прилетел туда на космическом корабле, иду на посадку, как положено, дюзами вперёд, а двигатели сами постепенно глохнут, и на поверхность планеты я должен бы грохнуться. Но нет, легко укладываюсь на бочок и думаю: "Не взлететь мне из такого положения". Кое-как вылезает наружу. Планета как планета, но во всём вязкость какая-то. Ничего не сломаешь - все ветки гнутся, как верёвки. Ни обо что не ушибёшься - всё мякнет от удара. Огонь не запалишь - тут же гаснет. Но дышать - пожалуйста. Отрезать ничего нельзя - нож скользит. Выстрелить попробовал - в гильзе не взрыв, а медленное горение, из ствола выползает пуля и шлёпается под ноги, даже затвор не передёрнулся. Ходят какие-то животные. Хищные или травоядные - не понять, потому что не видно, чтоб ели. И самому есть неохота.

- Святым духом? - Настя уточнила вяло, лишь бы хоть как-то отреагировать.

- Да, наверно. Тут вижу - спускается ещё один корабль, тоже валится мягко набок, вылезает мои враги, бросаются на меня, но оружие не стреляет, клинки скользят, граната только дымится, кулаки вязнут - как во сне...

- Так ты же и был во сне! - Настя говорила уже через силу, веки опускались, дорога в лучах фар начала размазываться и таять.

- Но я же не знал об этом! - Игнат повернул к ней голову, всмотрелся. - Э-э-э, понятно. - Остановил машину и приказал: -Перебирайся на заднее сиденье и - спать. И - без возражений.

- Тебе же нужен собеседник, - Настя едва ворочала языком. - Уснёшь за рулём.

- Я сказал - без возражений! - Игнат опустил руку под её сиденье, и спинка упала назад. - Ползи, вались и спи.

- А ты? - Настя покорно поползла.

- Доедем, не боись.

Настя забыла свои ноги на откинутой спинке и уже не слышала, как тронулась машина. Ей снилось, что разговор о странном мире продолжается, она спрашивает Игната:

"Почему тебе такое приснилось?"

"Потому что Земля - планета сплошного насилия", - отвечает ей Игнат.

"И что же, - спрашивает Настя, - другая крайность - лучше?"

"Нет крайностей, которые лучше", - отвечает Игнат.

"Даже крайняя уравновешенность?" - спрашивает Настя лукаво.

"Дело не в крайностях, - говорит Игнат, - дело в оценках. Мы присвоили себе право определять, что лучше, что хуже, а кто мы такие, кому мы наставники? Что мы сделали для Природы лучшее, чем она сделала для нас?"

Настя собралась возразить, что такие мозги Природа подарила нам уж точно на свою голову, что

самое нелепое занятие - охранять Природу от самой Природы, потому что нет различий между... На этом слове она вторично, уже во сне, заснула и до самой Ягодки больше ничего не чувствовала.

Игнат же, убедившись, что Настя спит, покачал головой:

"Вчера Маков заснул на этом самом участке дороги. И точно таким образом - наповал. Странный лес".

Он вспомнил, что и Миша Темников, много набегавший по лесам вокруг Ягодки, тоже замечал странности. "Чуть увлечёшься погоней за Кунчо, глядь - заблудился. Как только понял, что заблудился, как только забыл про погоню - вот тебе просека, а в конце Ягодка виднеется. Дошел до Ягодки, оглянулся - никакой позади просеки".

Получалось, что здешняя тайга будто сочувствует этому оборотню, как бы покрывает носителя первичного зла.

Игнат вспомнил, как после второго курса они с Мишей провели на Оби экологическую практику. Отец Игната и Евгеша Малюхин со своим отцом соорудили из автомобильных камер замечательный плот - как раз к приезду в Томск двух практикантов. Заканчивали работу общими усилиями, потом взяли с собой Евгешу (ему было, кажется, всего 14 лет) и подняли якорь. И парус подняли. И флаг УОПР - белое полотнище с красным дубовым листком, напоминающим мощное дерево в буре. А дядя Сева забросил в реку ЛУСТ, но трое мелких юных хулиганов его достали, догнали плот и напали, и пришлось отбирать прибор и выбрасывать их за борт. Это вспоминалось мельком, как незначительное. Самых сильных воспоминаний было два. Первое и главное - звёзды. Над пустой рекой они огромны, хотелось лететь к ним, в глубины Млечного Пути, и Миша подглядел, как Игнат плакал у руля по этим звёздам. Или это Евгешка подглядел?.. А вот леденящую историю про Кунчо рассказал, точно, Миша. Это воспоминание сидело в Игнате дословно, со всеми интонациями.

- В нашем леспромхозе крысы донимали, - именно вот так начал Миша. - Никакому вору столько не украсть. Ковры съедали без остатка, самые вкусные консервы - прямо с банками. Раз даже японский цветной телевизор, да так интересно: упаковка осталась, только дырочка в углу, а внутри - пусто. Никакая отравка не помогала - они её просто не трогали. А когда съели заведующего складом - Кунчин была его фамилия, - поехал наш директор, Рауп Георгий Степанович, на базу к геофизикам. Они у нас искали нефть.

- Дайте, - говорит, - гексогену в порошке.

- Крыс, что ли, травить?

- Ну да. А не получится - взорву к чертям склад.

Оказался рядом Ефимыч, пенсионер, который эту взрывчатку охранял. Спрашивает:

- Сколько заплатите, если я вам крыс изведу своим способом?

Договорились по месячной зарплате.

Выкопал он посреди склада круглую яму, поставил туда железную бочку и пристроил на бочку "падалку". Это две круглых фанерки на одной оси, как лопасти у колёсного парохода. Концы оси лежат на краях бочки, фанерки могут свободно вращаться. Крыса наступает на край и - летит в бочку. А в качестве приманки к оси привязали замасленные деньги: крысы их очень любят.

Вот нападало в бочку два десятка крыс. Ефимыч убрал "падалку" и накрыл бочку железной решеткой, чтоб было видно, какие там дела. Крысам грызть нечего, и стали они вскоре съедать тех, которые послабее. А когда осталась одна, Ефимыч её выпустил прямо тут же, в складе. И через несколько дней крыс не стало во всём посёлке. "Крысиный волк" навёл порядок и сам ушёл.

Дело это через год подзабылось, да ещё нефть нашли у нас. Начали строить по болотам дороги к буровым, понадобилось много леса для лежнёвок, новых людей наехало в леспромхоз. И вот в одной валочной бригаде пошли вдруг нелады. Между трактористом и бригадиром непонимание. Какой-то странный человек был тракторист. Надо брёвна трелевать, а он найдёт на тросу задир - и отказывается работать: "Не положено, меняй трос". Вроде и прав, да ведь если из-за каждой мелочи простаивать, люди ничего не заработают, да и тросов не напасёшься. А он останавливал бригаду из-за ремешка на шлеме, из-за дырки в верхонке, из-за согнутого лома, из-за порванной инструкции на стене... Когда Рауп узнал обо всём, от бригадира почти уже один скелет оставался, так его тракторист высосал.

- Что ж ты не пожаловался?

- Гордость мешала.

Бригадиром был мой отец. А фамилия тракториста - Кунчаев.

Ну, у пролетариев такие дела решаются просто: выгнали из бригады - и дело с концом. Но совсем из леспромхоза уволить нельзя: нарушение закона о труде. Рауп вызвал Кунчаева в кабинет, предложил на выбор несколько работ, и тот согласился стать водителем автобуса. Дело простое: по хорошей лесовозной дороге доставлять бригады к месту работы и обратно. А между делом - бухгалтера в банк свозить, бельё из общежития в прачечную и тому подобное. И тут встали все дела в леспромхозе. Чтобы никуда не двигаться, у шофера не меньше отговорок, чем у тракториста. А сам он без дела не сидит. То сетку плетёт, то ещё какую снасть мастерит. Браконьером был. Но не

попадался.

Потерпел Георгий Степанович недолго, опять вызвал Кунчаева, заперся с ним в кабинете, долго проговорили, звонил Рауп в разные места... Согласился Кунчаев на перевод в геофизику, охранять взрывчатку вместе с Ефимычем. Вздохнули облегчённо.

А через два месяца - звонок. Берёт Рауп трубку и слышит голос Ефимыча.

- Степаныч, я тебе с крысами помог?

- Да как же, старик, весь посёлок тебе благодарен!

- А за что же ты меня Крысе скармливаешь?

- Как так?

- Приезжай, увидишь. Только не опоздай.

И голос у Ефимыча какой-то замогильный. Рауп испугался, вскочил в машину и - на склад. По пути догнал пятерых геофизиков, пригласил их с собой. Это его и спасло.

Когда подъехали к складу, из караулки вышел Кунчаев с карабином. Идёт к ним, а сам жуёт брючный ремень. Они: "Где Ефимыч?" А он смеётся и показывает ремешок: "Вот что от него осталось. Твоё счастье, директор, что один не приехал - от тебя бы и галстука не осталось". Они - к нему: "Говори, где Ефимыч!" Он из карабина - им под ноги: "Назад! Говорю же - загрыз я его." "За что же?" - спрашивают, а сами наступают. Он вторую пулю им под ноги: "Назад, говорю! Не ваше дело, а он знает, за что". Геофизики - народ не робкий, идут на него. Он тогда бросил карабин под ноги, отскочил к стене и у всех на глазах превратился в огромную крысу. В ту самую, из бочки - Рауп же сам её видел.

Бросились ловить, а крыса громко сказала: "Кунчо!" И нырнула под караулку.

Всё это Рауп рассказывал моему отцу - они старые друзья. И больше не рассказывал никому. Они тогда с геофизиками договорились об этом деле молчать: официально никто ведь не поверит, потому что сотворить розыгрыш можно и вшестером. Правда, Ефимыч исчез бесследно, но был он промысловым охотником, подрабатывал в зверопромхозе, вот и решили, что пропал в лесу. А Кунчаев объявился как ни в чём не бывало, уволился из геофизики, устроился в зверопромхоз и стал совсем неуязвим: поди-ка поймай его в тайге...

"Сказочная пора - детство, - думал теперь Игнат. - Чудеса происходят всерьёз. Куда они деваются потом? Ведь и Тузик был разумным, и Сима летала..."

Тот поход из Томска в Ягодку на плоту был не беден приключениями. Шотландский терьер Тузик, которого Аля вместо себя отпустила в поход, был прекрасным собеседником во всех разговорах, хотя только и умел, что кивать да мотать головой. А Евгешкина кошка Сима, которая за семь лет до похода ушла из семьи, превратилась за это время в сиамскую рысь-летягу и не верила людям - было за что. Но вот увидела, как красивый бородач направляет на неё телеобъектив, и решила попозировать, чтобы обессмертить свою незаурядную внешность. Но бородачом оказался браконьер Кунчаев, и телеобъектив был привинчен к ружью, и сразу после съёмки следовал предательский выстрел, и Сима, с картечиной в боку, упала с яра возле самого плота и, когда её вытащили, они с Евгешкой узнали друг друга. А потом была рукопашная с Кунчаевым, который пытался взять плот на абордаж, и Игнат справился с ним без всякого ЛУСТА. И теперь понятно, почему Кунчаев не сбежал от них сразу, презирая верёвки на руках и ногах. Если бы на плоту или потом на катере превратился он в крысу, то бежать-то некуда - вода кругом. Могла затоптать команда. А в милицейской кутузке запросто нашлась крысиная нора, и от арестанта в тот же день осталась одна одежда. И до сих пор Миша безуспешен в своей погоне. И порой Игнату начинает казаться, что оба - и герой-преследователь, и преследуемый злодей - довольны этим обстоятельством, ибо знают и хранят какую-то общую тайну...

В этот миг Игнат заснул-таки за рулём. Он, правда, видел дорогу, и машина вписывалась во все повороты и сбавляла ход перед ухабами, но рук и ног своих водитель не чувствовал и мотора не слышал - такое возможно только во сне.

Зато он слышал Голос. Это был знакомый голос крысы-оборотня, звучный мужской голос браконьера Кунчаева:

"Я - Зло.

Меня трудно победить и невозможно уничтожить. Пока ты жив.

Ибо я - твоя оборотная сущность. Разве можешь ты повернуться лицом сразу ко всем?

Растерзай - этим ты только умножишь Меня.

Прогони - этим ты только освободишь Меня.

Закопай - Я прорасту ядовитой травой.

Сожги - и тебе придётся вдыхать Меня.

Утопи - ты будешь вынужден утолять Мною жажду.

Опутай цепями, пытай железом, мори голодом и стужей - это самое лучшее, ибо Я стану

мучеником, а ты - Мною.

Потому что нет средства уничтожить Меня. Пока ты жив.

Твоя лень и твоя беспечность - две створки одной двери, распахнутой в Ничто.

Твой путь - один: постоянная бдительность и постоянная борьба. Таков смысл жизни - твоей и Моей. Нашей с тобою.

Однако не обольщайся, борясь и побеждая.

Ибо и Добро, и Зло, и само Ничто - суть только признаки Разума и существуют до тех пор, пока жив Его Носитель.

То есть Ты.

Да пребудем Мы с Тобой во веки веков.

Аминь, дружок".

Последние два слова враг не произнёс, как все, грозно и насмешливо, а интимно прошептал герою в самое ушко. От этого зловещего шёпота Игнат пробудился и обнаружил, что гонит вовсю, что в момент пробуждения он потерял контроль над дорогой и надо уклоняться от изогнутой и ободранной сосны, в которую, похоже, врезались уже не раз.

Нога ослабла на акселераторе, быстрые руки плавно, но энергично повернули "баранку", бампер "газика" миллиметрово чиркнул по чёрной коре - и Настя могла спокойно спать дальше.

Зло не восторжествовало.

Призраки во плоти.

Присутствовали трое. Марина, доктор Дорошенко и ЭВМАП. Из печатающего устройства ползла бумага с текстом, Всеволод Серафимович её машинально скручивал и не отрывал глаз от экрана, где сочинение дублировалось. Он искоса поглядывал на смертельно бледную Марину и время от времени остужал ладонью собственное раскалённое лицо.

Абсолютный Писатель настолько вошёл в роль, что позволил себе даже замахнуться на эпиграф из классики:

"ПРОЛОГ МЕЖДУ ЖИЗНЯМИ

Ни здесь, ни там - нигде не надо встречи,

И не для встреч проснёмся мы в раю.

М. Цветаева.

Тупая пистолетная пуля могла и не попасть Ханову в сердце, но задела шестое ребро, кувыркнулась и, разорвав миокард, заняла правое предсердие.

Этот печальный вывод услышали реаниматоры после бешеной гонки по городу и пробежки с носилками по академическому стационару, когда ас нейрохирургии доктор Могильников раскрыл наконец грудную клетку.

- Здесь хоть штопай, хоть латай, - так он всегда определял летальный исход. - Зашивайте и - в морг.

И утратившее пригодность тело отправили в последний, скорбный путь.

Сам же Ханов между тем пребывал в немыслимом невесомом движении среди черноты и звёзд, навстречу непостижимо обширному и яркому свету, навстречу любви, которой так и не достиг он на Земле и которая теперь ощутимо заполняла пространство, звала и утешала.

"Я слышал об этом от кого-то: душа после смерти улетает к звёздам и оттуда медленно и долго возвращается на Землю. Метеорные следы в атмосфере - это возвращение душ. Красивая сказка... И что-то о любви... Не верится..."

Вслед за этой мыслью Ханову стало смешно: можно не верить в Бога, в чёрта, в загробную жизнь, даже в кротов, если никогда их не видел, но не верить в самого себя... Ведь он теперь - душа без тела. Он летит как раз туда, к звёздам, после чего, наверно, состоится возвращение... На Землю... Она сейчас должна быть сзади. И надо оглянуться, чтобы запомнить дорогу. Вероятно, так делают все умершие. А кто не делает, тот не возвращается.

"Мыслю, значит все-таки существую. Приходится верить".

Мефодий посмотрел назад. Но никакой Земли среди звёзд не обнаружил. Наверно, улетел слишком далеко. Вот это скорость... Ну что же, если суждено вернуться и если загробная жизнь - вот она, значит найдётся кому показать обратную дорогу. А то и проводить. Вперёд!

Едва приняв такое решение. Ханов растворился в могучем свете, но вовсе не перестал существовать. Более того - в один приём понял всё, чему не находил объяснений в телесной жизни. Понял, ничего не спрашивая, ни к кому не обращаясь, никого не видя, ничего не чувствуя. Понял - и всё тут.

"Я стал частью Вселенского разума, именуемого на Земле Богом... В другое время не упустил бы случая позубоскалить, а теперь - будьте любезны - вспоминаю, что какая-то из земных религий весьма близко подошла к истине... Которая из них? Да какая разница: все они, в сущности, равны..."

Можно, конечно, и вспомнить. Сейчас можно вспомнить всё, что угодно, даже то, чего никогда не знал. Что с памятью?

О, это сами собой распахиваются тайные входы, куда в покинутой жизни решался лишь заглядывать!"

Ханову припомнилось одно из таких посещений. Световое пространство, костёр из случайных образов, тень дыма на облачной массе и беседа с этой тенью:

- Говори! - Мефодий потребовал уверенно, не сомневаясь, что ответят.

- Хорошо, - он не услышал, а почувствовал ответ, и сразу же ему явился вопрос: - Каково тебе в собственном подсознании?

Мефодий сообщил давно готовую оценку:

- Как младенцу в тайге.

- Такое допустимо, - одобрила Тень.

- А как ещё бывает? - Мефодий не произносил слов, он спрашивал тем же непонятным образом, каким слышал.

- У взрослых это выглядит одинаково - слон в посудной лавке. И длится недолго - все теряют рассудок.

- А я? - Он ужаснулся, ожидая ответа: "Уже потерял".

- У тебя - рецидив детского состояния. Дети легко живут в своём подсознании, но, взрослея, теряют эту способность. А ты свою вернул. Таких, как ты, больше нет.

Он понял, что это разговор с самим собой. Прямой разговор с подсознанием. Невероятное общение с опаснейшим из собеседников, не вредное только детям.

- Ты прав, - сообщила Тень. - Утрата меры может стоить рассудка и тебе.

- Как это выглядит? Почему это бывает?

- Ты можешь навсегда остаться здесь. Оглянись.

Он оглянулся так быстро, как только умел. Эта быстрота одна и могла теперь спасти. Дым и облака стремительно смыкались. Через секунду он просто не отыщет обратную дорогу...

Он бросился тогда в узкий просвет между облаками и успел вынырнуть из подсознания. На автобусной, помнится, остановке. И через несколько минут впервые убил. Рубанул по сердцу пьяного хама, который для куража молотил кулаками по лицам...

И потом убивал ещё несколько раз. Убивал клопов, тараканов, пауков, крыс, которые, однако, были всё-таки людьми...

А ведь свободный вход в собственное подсознание открылся ему раньше, во времена мученичества и душевной чистоты. Аспирант Ханов не принял в соавторы клопа-завлаба, ушёл из лаборатории, из института, нанялся красить церковный купол, чтобы заработать на сооружение своей установки, произвёл в ней шаровую молнию и ею - молнией! - был вознаграждён... Тогда бы уйти в подсознание да остаться в нём - и не имел бы теперь проблем...

Но какие теперь-то - ТЕПЕРЬ-ТО! - проблемы?

...Сия религия именуется кришнаитством. Более других заигрывает с наукой. Её профессора сообразили, что человеческая душа - упорядоченный и устойчивый сгусток электромагнитной энергии (сам Мефодий додумался до этого ещё в студенчестве, высказался на философском семинаре и немедленно получил от доцента Сенина ярлык - "ползучий эмпирик"). Энергия души высокочастотна, и чем выше частота, тем чище душа, тем ближе она к идеалу, тем вероятнее её слияние с Богом, то бишь с неким Вселенским, Всеобщим Разумом - называй как угодно, только пойми суть. Чистыми, любящими душами обогащается этот Всемирный Разум, а нечистые, отягощённые злом, ненавистью, нетерпимостью - после освобождения из грешного тела обязаны испытать суровую реинкарнацию. Мудрёным этим словом мудрецы-йоги именуют очередную тяжкую попытку пройти жизненный путь на Земле, чтобы, может быть, приблизиться-таки к Богу. То есть, грубо говоря, душа усопшего грешника не становится мстительной ларвой или лемуром, а вселяется в новорождённого человеческого (и только человеческого!) младенца и получает шанс развиваться с ним "от нуля" и правильно. А чтобы не мешали проблемы и соблазны прошлого, память обо всех его предыдущих жизнях надёжно запирается в подсознание - в те девяносто процентов якобы бездействующих клеток мозга, о которых столько спорят ни в каких богов не верящие мудрецы-физиологи. Правда, иногда, особенно в чуткую пору детства, человеку являются странные вести: будто вот в этом доме он когда-то бывал, а вот эту фразу, да ещё с точно такой же интонацией, однажды слышал. И тому подобное. Эти фразы, прорывающиеся из кладовых подсознания, у мудрецов-физиологов получили оскорбительный ярлык - "ложная память". Интересно, как бы они окрестили походы Мефодия Ханова в эти самые кладовки? Какой-нибудь "психической аномалией", каким-нибудь "раздвоением личности" или чем попроще?

Но всё это для Мефодия теперь не более чем игра ума. Он постиг здесь премудрости более прозаические. Личность его не распалась, только освободилась от суеты, и проблема - ах, теперь-то! - хоть одна, да всё же осталась. При явном наличии Души, Того Света и, стало быть, Бога совершенно неясным оставался вопрос: что этому Богу с этой Душой на этом самом ТОМ Свете

делать? И Бог, и Душа, и Тот Свет - всё это сам Мефодий Ханов, и решение принимать ему самому.

Все прошлые жизни открылись Мефодию во множестве неприглядностей, за которые и подвергался он множеству инкарнаций. Время оказалось не бесконечным потоком из Всегда в Никогда, как его учили на Земле, а замкнулось неизмеримо большим кипящим котлом, полным божественного Света безмерной Любви, вместившим всю многозвёздную, многопланетную Ойкумену, способную свести с ума ограниченного в знаниях землянина, однако вполне представимую для мощного, многожизнивого разума Мефодиевой свободной Души.

О да. Свобода оказалась самым значительным его приобретением. Он мог ринуться по волнам божественного Времени в любом направлении и сойти на любой остановке: хоть в каменном веке на Земле, хоть в любой эпохе на любой из обитаемых планет. Всё мгновенно и всё разрешено. Только при одном условии: жизнь в новом теле начинается с полностью заблокированной памятью о прошлых жизнях. Эвридику не найдёшь, врагу не отомстишь, другу не поможешь. Совершенствование твоё в новом теле направлено исключительно на слияние с божественной сущью, то бишь со Всемирным Разумом, который, в свою очередь, занят всё более глубоким самопознанием Природы и осторожным совершенствованием Её в разумных пределах, то бишь в пределах её саморазумения, увы, не безграничного.

"А Всемирный Разум не лишён самоиронии, - подумал Ханов. - Или это доступно лишь отдельным его составляющим, вроде меня?*

Почувствовать себя Отдельной Составляющей Всемирного Разума было небеспрятно и даже лестно. Однако и здесь свобода явно имела разумные пределы. Ханов уже чувствовал силу, которая подталкивала его к каким-то действиям.

"Интересно, каких действий можно добиться от бестелесной и бесполой субстанции? Я ведь, кажется, бессмертен..."

Ханов подумал так среди нарастающего беспокойства, какое испытывал нередко на Земле - в моменты затянувшихся безделий. Беспокойство усиливалось, и тем острее осознавалась задача.

"Вот так задача!.."

Оказалось, Бог - это не просто Душа Мира, не просто Высший Суд, которого бояться, тайно бояться на Земле даже атеисты.

И не приёмник здесь распределитель: одних - в геенну-реинкарнацию, других - в вечное просвещённое блаженство, с уверенной простотой обещанное мудрецами-кришнаитами и им подобными.

Слишком просто было бы это: поделить души усопших на агнцев и козлиц и воздать им по двоичной системе, как рекомендуют Библия, Талмуд, Коран и прочие своды. Не очень сложен и вариант великого Данте с его ограниченным количеством потусторонних кругов и весьма условной раскладкой грехов. Ах, насколько сложнее обстояли дела в этом Глобальном Мозге - куда там жалкому десятку миллиардов человеческих нейронов!

При некотором напряжении Мефодий различил, каким невероятным количеством душ кишит любвеобильное божественное пространство и как много среди них обыкновенного мусора - даже не стоило трудиться в подборе определения. Каждого можно было разглядеть насквозь, и почти каждый был по-своему негодяем.

"Ничто, увы, не абсолютно" - чьи это слова? Гм, мои. Но и не мои. Вообще, ЧТО У НАС - НАШЕ?"

Мефодий взгляделся, надеясь увидеть знакомые лица, и, конечно, увидел их. Мелькнули все убитые им негодяи, мелькнул нацист Кунченко, чья пуля столь безнадежно испортила тело Ханова (убит, стало быть? кем?), мелькали и другие, незнакомые, но легко доступные полному пониманию - пустые души, которыми и булыжник населять не стоит.

Едва Ханов сосредоточился на булыжнике, перед ним почему-то возник образ Ольги, жены Игната Эвкалиптова, из-за которой, собственно, и пришлось пойти под пулю.

- Тебя всё-таки убили? - спросил Мефодий без слов и тут же получил ответ. Это была не беседа, а слияние двух душ, в которых не было тайн друг от друга, но которые при этом не могли ничего взять друг у друга и ничего дать, кроме информации.

Да, Ольгу убил тот же человек, который почти за сутки до этого убил Мефодия. Из того же пистолета... Но, между прочим, за год до этого Ольгу пытался убить сам Мефодий. Он помнит мотоциклиста, в которого бросил булыжником? В темноте, за городом. Это был Игнат. А сзади сидела Ольга. Спасая Ольгу, Игнат не уклонился, а отбил камень плечом и из-за этого потом лежал в госпитале. Никто не погиб, Мефодий может не страдать от этого греха. Они даже поженились после этого.

Нет, возразил Мефодий, результат здесь не важен. Важно побуждение. Готов был убить, чтобы завладеть мотоциклом, значит виноват в убийстве не меньше, чем Кунченко. Даже больше.

Нет, возразила Ольга, помешательство влюблённого и помешательство нациста - состояния этически разного порядка. Он убивал на почве ненависти, а ты - на почве любви. Кстати, тогда, в тот вечер, наш мотоцикл помог тебе в твоей любви? Ты успел к Марине?

Не стоило спешить, ответил Мефодий. Она оказалась непригодной для любви. В следующей

жизни я не хотел бы её встретить.

А ты намерен вернуться?

Ещё не знаю. Сначала осмотрюсь.

Не очень интересное занятие - осматриваться там, где всё понятно.

Всё понятно с негодьями вроде Кунченко и его сообщников, которых неподражаемый Евгеша Малюхин уложил в рукопашной: все они подлежат Абсолютному Демонтажу.

Всё понятно и со святыми вроде Ольги: их души безусловно останутся в здешних сферах, ибо постигли Любовь, преисполнены Ею и достойны вершить судьбы мира. Их, впрочем, единицы, и это печально, потому что в подавляющем большинстве здесь такие, как Мефодий.

Ольга могла бы, конечно, и вернуться в Человечество, но во всех предыдущих жизнях ей выпадало мученичество - и довольно: решила, что в АДД она для Человечества нужнее.

Ханову, как специалисту по физике и электронике, Абсолютный Демонтаж Душ вначале показался привлекательным, но подробное знакомство с делом убедило, что чисто техническая подготовка здесь вовсе не важна. Научные проблемы решены вполне, хотя и не такой уж простой это труд: разорвать многие миллиарды связей в весьма сложном энергетическом пакете высокой частоты и, поскольку его самостоятельность от этого утрачивается, найти ему применение уже не в качестве свободной души, а для ремонта других, достойных, но изношенных, стремящихся вернуться на свою планету и стоящих того.

А вот и самая главная из сложностей Всемирного Разума: возвращение душ Человечеству. Сколь ни мал процент полностью созревших, а некоторые из них всё-таки желают вернуться к телесной жизни, к страданиям брэнной плоти. Нелепый вопрос: "Зачем?" и ещё более нелепый окрик: "Не смей!" здесь не работают: свобода выбора превыше всего. Но кто же будет вкалывать в аду, то есть, в АДД? Хроническая нехватка рабочих душ приводит к тому, что неисчислимое количество душ негодных обитает в потоках Бесконечной Любви и при первом же недогляде многие из них норовят вернуться на Землю, а некоторым это даже удаётся.

Однако закон Света суров: никаких уговоров и никакого насилия, ибо томление чистых душ куда вреднее для Высшего Разума, чем болтающиеся в его просторах мелкие частицы душевного сора.

Ханов расстался с Ольгой и призвал душу негодяя Кунченко.

- Будешь прорываться на Землю? - спросил Мефодий.

- Обязательно, - ответил убийца. - Мы ещё не всех святош отправили сюда.

- А если сам святошей станешь?

- Этого не будет. Доказано. Посмотри, какое у меня подсознание. Что можно оттуда извлечь, чтобы стать святошей?

- А почему не стать просто так, без наследственности?

- Потому что святость Мы понимаем иначе, чем ты и тебе подобные. Наша святость - это чистота вида, рода, расы, языка, обычаев, идей - всей культуры, принадлежащей НАМ. Наша святость - это непримиримая, истребительная ненависть к амёбам вроде тебя, этого Евгеша, вашего Игната и его Ольги. Мне очень жаль, что не могу прямо сейчас устроить вам абсолютный демонтаж и вообще не в состоянии захватить здешнюю систему. Я здесь, как и вы, преисполнен Любовью. Но моя Любовь - совсем иного рода. Мы с тобой встретимся в следующей жизни, можешь не сомневаться, мы узнаем друг друга - и вот тогда побеседуем о любви более предметно. Уж там-то демонтаж будет в моих руках!

После этого разговора перед Хановым уже не стоял вопрос, работать ему в АДД или возвращаться на Землю.

"Я ещё не готов терпеливо чистить от мусора Высшие Сферы. Ни у добрых, ни у злых здесь нет страданий. А где-то на Земле сейчас готовится к рождению тело, в которое намерена вползти душа законченного, абсолютного негодяя. Это место должен занять я. А когда вырасту большой, я снова научусь различать негодяев и вышибать из них душу. Назад, на Землю!"

Два ярких метеорных следа вспыхнули в земной атмосфере одновременно".

Бумага перестала выползать из ЭВМАПа. Доктор Дорошенко осторожно оборвал край свитка и молча начал скручивать его всё туже. Марина с отчаянием переводила глаза со свитка на экран и обратно. На экране мигал любимый символ писателя-самоучки - вопросительный и восклицательный знаки на одной точке внутри треугольника.

Общее молчание длилось так долго, что скрип бумаги в руках Всеволода Серафимовича стал постепенно казаться всё более громким, и наконец Марина не выдержала и сомкнула пальцы на свитке.

- Остановись. Порвёшь крик души...

На экране немедленно замигало:

- БРАВО, МАНЯША!

- Мефодий, - прошептала Марина, - бедный мой... Сам себя заключил...

- Думаешь, это автобиография? - Дорошенко спросил Марину, а глаза поднял к экрану.

Марина посмотрела туда же.

-ТАК ТОЧНО, - загорелся текст. - КАК ВЫРАЖАЕТСЯ ДРУЖБИН. КСТАТИ, ОН УЖЕ ЗДЕСЬ.

- Как?! - Марина заметалась, но тут же села на место. - Сева, убери ЭТО.

Доктор Дорошенко медленно и даже как-то грозно поднялся, открыл металлическую дверцу одного из шкафов и сунул свиток под тихо и густо гудящий трансформатор. Вернувшись к Марине, положил руку ей на плечо и замер лицом к двери, как на старинном семейном фото.

Слышно было, как остановился лифт, и сразу в дверь лаборатории постучали.

- Да-да! - провозгласил Дорошенко, и вторая его рука зацепилась большим пальцем за брючный ремень - купец первой гильдии, хозяин жизни.

Полковник Дружбин, как всегда, был в штатском.

- Мир дому сему!

- Здравствуй, Володя, - отозвалась Марина ровно. Всеволод Серафимович важно кивнул.

Дружбин окинул парочку весёлым взглядом:

- Моментальное фото. Вместе навек.

- Большая рыба к нам, - Дорошенко не отреагировал на шутку. - Чем обязаны чести?

- С горем, - быстро ответил глава Службы Особых Мер. - И за консультацией.

- Тогда сразу и к делу, - Дорошенко указал на свободный стул, а себе выдвинул из-под стола вертящийся табурет. - Ну, чем можем? Только если о Макове, то с меня довольно.

Экран ЭВМАПа всё это время работал в режиме самоочистки: полтора десятка грустных голубых глаз ползали, как сонные насекомые, по черному полю и время от времени трогательно моргали длинными ресницами. Дружбин ненавязчиво заглядывал в эти глаза, но они ничего не выражали. И было заметно, что хочется ему другого, что с неслучайным любопытством аж от самой двери заглядывает он в эти медленно мигающие глаза, а в надежде: не подсматривает ли за ним хоть один.

"А может быть, и подсматривает, - подумала Марина. - С ЭВМАПа станется".

Дружбин начал с солдатской прямоотой:

- Произошла попытка братоубийства между компьютерами. Ваш - вот этот - здоров, а нашего, себе подобного, заразил "машинным энцефалитом". Умирает наш компьютер. В мучениях. Что делать?

Дорошенко выслушал его с холодным высокомерием и ответил таким тоном, каким разговаривают с откровенными и бездарными обманщиками:

- Вот что, уважаемый. Если вам хочется, чтобы мы решили какую-то ВАШУ проблему, так и скажите, без этого: "Ваша болонка заразила нашу дворянку". Ничью дворянку ЭТА машина укусить не могла, потому что ни с какими компьютерными сетями - ради чистоты эксперимента - дела не имеем. А во-вторых, ни о каком взаимодействии с вашей службой речи больше не будет. Прodelки с лучевым устройством мы вам простили, но Витю Макова - не простим. Делать идиота из живого человека - это уж слишком. Увольте. А лучше - увольтесь сами.

Дружбин горестно и без тени смущения медленно покачал головой.

- Ах, Сева... Вот ты уже и на "вы"... Да-а-а, издержки службы... Будь она проклята...

- К делу, - напомнил Дорошенко, - а то... нас работа ждёт.

Дружбин, уже откровенно вглядываясь в глазастый экран ЭВМАПа, заговорил ровно и терпеливо:

- Хорошо. К делу так к делу. И попрошу сдерживать эмоции... Вы тут решили, Всеволод Серафимович, многоуважаемейший, что вам позволят быть государством в государстве... Нельзя. Нельзя жить в государстве и быть свободным от него. Вы ведь в вузе изучали эту изящную истину. Я - государственный клерк, я не Христа ради к вам пришёл, я ж говорю: издержки службы. И вот уже с удовлетворением вижу, что терпения набрались и перебивать не собирается... Дело-то в том, что в сети компьютерной вы состоите, хоть того и не хотите. Если уж телефонные сети во всём мире прослушиваются - ради Его Величества Обывателя, ради его безопасности и покоя! - то что говорить о таком колоссе, как ваш ЭВМАП! Даже не так: НАШ ЭВМАП! Только тут не сеть, конечно. Тут индивидуальная работа, с помощью равного по мощи электронного ума-с...

- Второго такого нет! - вскричал Дорошенко.

- Увы, увы, Севочка, мой гениальный друг. Срисовали, как и ЛУСТ. Ну, ты прав, немного неточно, за что и поплатились. Подглядывали, подслушивали, восхищались, не скрою. Читали сочинения, удивлялись, как это машина столь внимательна к проблемам души... На этом как раз и погорели. Притом в буквальном смысле. Нет-нет, если по всем правилам, то доказательств не имею. Просто от каких-то внутренних причин несколько раз перегорели пробки, пардон, система питания замкнулась. Но внутренне-то причины обязательно связаны с системой мышления ЭВМАПа! Ибо ВСЯ деятельность нашей "Копии" абсолютно, заданно вторична по отношению к вашей машине...

- Идеальный стукач! - Марина не сдержалась и фыркнула, - Против Абсолютного Писателя! Апофеоз всех систем и народов!

- Стукач, Маняша, так точно. Но - не идеальный, как видишь. Когда систему питания в последний раз наладили и очень хорошо защитили от перегрева, машина как-то по-человечески замкнулась. Будто жар у неё после укуса клеща. На вопросы отвечает невпопад либо вовсе не отвечает. Это в

режиме творческого общения. А в обычном, машинном - стремительно теряет память, путает команды, все рабочие программы в каких-то лакунах... Что это, Сева? Ты обязан мне ответить, понимаешь меня? Машин в сети - только две, это я гарантирую. И ни-ка-ких посторонних влияний... Что-то неясно?

- Отчего же, - Дорошенко усмехнулся всё с тем же холодным высокомерием. - Понять вас - не труд. Другое дело - ответить. Вопрос-то не ко мне. - И кивнул на экран. - К нему. Я ведь, его создавая, не о процессах заботился. Процессы - это его собственное дело.

- Гос-споди, того не легче! - Дружбин не смог скрыть, что застигнут врасплох. - О чем же ты-то мог думать, если даже процессы тебя не занимают? Что может быть выше процессов?

Тут и Дорошенко не скрыл торжества: тон его на миг стал лекторским.

- Творцу, батенька, в данном случае положено думать о системе процессов. Чтоб до вас дошло, напомню ещё одну изящную истину, тоже из вузовской программы: философия - наука наук.

- Наука наук, - процедил сквозь зубы Дружбин, - процесс процессов, истина истин... Ладно. - Тон его стал приторно вежливым, он обратился к ЭВМАПу: - Уважаемый Абсолютный Писатель, соблаговолите ответить: как нам вылечить вашего братца. У него ведь и имени ещё нет: просто - "Копия". Маленький совсем. Пожалейте родственника...

Бессмысленно моргая, по экрану всё так же медленно ползали букашки-глаза, и - ни малейшего намёка на участие в разговоре.

Дружбин перевёл взгляд на творца. Но Всеволод Серафимович сам озадаченно хмурился, тут же встал, подошёл к главному ящику, куда сам заключил огромный, многослойный думающий кристалл, и примитивно, как по какому-нибудь забарахлившему ламповому осциллографу, стукнул кулаком по крышке. Стукнул, правда, не сильно, чисто символически, но Марина болезненно передёрнула плечами и сжала колени. Дружбин через силу хохотнул:

- "Метод кувалды" и тут - самый эффективный?! Ну, вы даёте...

Остался безучастным только ЭВМАП: он не моргнул ни одним глазом. Тупое ползание на экране не получило ни малейшего изменения, индикаторные лампочки горели ровно, стрелки контрольных приборов не дрогнули.

- А должны были, - Дорошенко пояснил со сдержанным удивлением. - Что-то оступел, дружок. - Он беспомощно поглядел на Марину, потом уставился на Дружбина. - Слушай, может, ты сам - заразный? Он же работал перед твоим приходом...

- А что делал? - Дружбин оживился. - Что-нибудь новое сочинял?

И не успел Дорошенко раскрыть рот, как Марина быстро, но тоном безразличия, ответила:

- Нет. Он давненько не сочинял. Просто общались, как обычно.

Посидели пару минут в сосредоточенном молчании, и всем казалось, что слышат, как букашки-глаза на экране шуршат лапками-ресницами.

- Чёрт-те что, - пробормотал наконец Дружбин. - Групповое самоубийство? Эпимашиния? Вирус из космоса? Дифтерия? Столбняк?

- Сева, ну сделай что-нибудь, - Марина просила тихо, будто разговаривала с собой. И не было ясно, хочет она, чтоб оживили умирающую машину, или просто надо схватить за ворот полковника Дружбина и выбросить в лифт. Оба мужчины чувствовали внутреннее родство этих двух желаний и, когда Дорошенко встал со своего неустойчивого табурета, Дружбин поднялся тоже, быстро выхватил откуда-то из-за пазухи бутылку великолепного ставропольского коньяка и протянул ее даме.

- Маняша! У нас, кажется, общее горе. Сева! Ребята! Давайте помянем безвременно усопших и поставим точку на этом деле.

Многие годы даже простого знакомства, а уж тем более - дружеских отношений - делают людей снисходительными друг к другу. Марина состроила бутылке большие глаза, передала её доктору: "Где у нас штопор?" и занялась закуской. Интимное "где у нас?" так приятно ошеломило Всеволода Серафимовича, что он приветливо улыбнулся Дружбину. Но бутылку, повертев в руках, вернул ему же: "Штопора нет". Дружбин со вздохом облегчения извлёк из заднего кармана многоцелевой складной ножичек, и примирение началось в лучшем классическом виде - с поминальной рюмки. Даже инфарктник Дорошенко капнул на свой драный миокард душистым коньячком: "Нехай сосудики разойдутся, а то же не перемогу расстройства".

- Что, в самом деле там так серьёзно? - Дружбин кивнул на экран.

- Такого в принципе быть не должно, - отозвался Дорошенко. - Зря ты меня гением обозвал.

- Всех принципов познать нельзя, - заметила Марина. - но вот тебе случай открыть ещё один.

- Не знаю, не знаю, - горевал Доктор. - Даже не представляю, как подступиться. Это ведь практически то же, что рыться в человеческом мозгу: шансы на изменения - только к худшему.

- Но в данном случае, - сказал Дружбин, - равнозначно: что смерть, что болезнь.

Когда садились за чертёжную доску, он как бы ненароком устроился лицом к ЭВМАПу, и глаза его продолжали искать чего-то на экране.

- Ты прав, - Дорошенко глубоко кивнул. - А теперь признай, Володя, что и болезни, и смерти, и увечья - всё это сопутствует появлению твоего СОМа.

- Так точно, Сева, так точно, - Дружбин даже заёрзал, до того ему было стыдно. - Это наш крест. И утешение только одно: мы появляемся лишь там, где передний край. А на линии фронта, как известно, увечья и смерти - дело обычное. Что война, что наука, что искусство - передний край везде опасен. Он притягивает самые пассионарные силы.

- Ку-уда тебя занесло, - сказала Марина. - Ну прямо не могут мужики без стрельбы.

- Из этого спора нет выхода, Маняша. Это тоже один из фронтов.

И Дружбин засмеялся. Но смех его был чуть более жизнерадостным и длился чуть дольше должного. Марина знала этот смех. За ним должна последовать провокация. И она последовала. Отсмеявшись, Дружбин резко закручинился, длинно вздохнул и посетовал:

- Жаль. До того же жаль... Знаешь, Сева, мы ведь со своей "Копией" вплотную подошли к выращиванию "Микрогения".

Дорошенко воспринял новость без драматизма.

- И это подглядели. Ну и ладно. Ибо сказано: "Умерла так умерла". Наливай.

- Доктор! - Марина перевернула его чашку. - И коньяк может быть лишним.

- Видал?! - воскликнул Дорошенко с гордостью. - Вот забота! Сам себе завидую!

Как мало нужно для счастья даже гению, подумала Марина. А вслух сказала совсем другое:

- Послушайте, генерал! Всё забываю спросить: а зачем вам, собственно, "Микрогений"?

Раз дорогой Володя не оставляет попыток дотянуться до "МГ", так пусть хоть заплатит за это признанием.

Наливая в две чашки, Дружбин вопросительно посмотрел на Доктора. Тот махнул рукой. Дружбин засмеялся и спросил:

- Этот жест означает: "наливай" или "не надо"?

- Я уже сказала - и довольно!

Дорошенко кивнул:

- Ладно, пьянствуйте без меня.

Марина хладным взором наблюдала за предметом своей безнадёжной страсти и отмечала, что её исследовательские ожидания и сегодня едва ли сбудутся: бутылка, хоть и на двоих, но всего одна, и опять дорогой Володя ни о чём затаённом не проговорится. Вот и сейчас он тянет время, чтобы вопрос "забылся". Ну нет!

- Итак, генерал, зачем же вам всё-таки "МГ"? Или ответ секретен?

Дружбин налил себе гораздо больше, чем ей, быстренько чокнулся и вылил в себя коньяк.

"Сопьёшься, подумала Марина горько. Но, может, к лучшему? Ведь всё на свете - к лучшему". Почему-то вспомнилась частушка: "Брошусь в омут головой: оставайся, черт с тобой". Черт, Володенька, всегда с тобой, а Бога ты знаешь?

Она пригубила, глядя насмешливо в упор, и Дружбину пришлось отвечать. Но отвечал он не так, как на духу у отца Александра. Он говорил тоже правду, только ДРУГУЮ.

Говорил вдохновенно, как с трибуны. Даже лучше, душевнее, как перед небольшой аудиторией студентов педагогического училища. И верил сказанному с той же силой, что и на исповеди.

- Я просто удивляюсь, Маняша, как ты не видишь связи между СОМом и "МГ". Особые Меры - это для обывателя всегда что-то устрашающее. Но ведь ты-то - вне ординара! Мы-то с тобой просто обязаны мыслить шире кухонного масштаба. Что делает слабый, когда ему туго? Плачет. Что делает сильный в моменты бессилия? Ругается. А что делает умный? Он принимает особые меры. Превентивно, заранее, загодя, предусмотрительно, мудро! И тогда никакое бессилие ему не страшно. Потому что оно ему просто не грозит. У него, как говорят в народе, всё схвачено. Это в масштабе одного человека. А что делает мудрый народ, чтобы у него слабые не плакали, а сильные не ругались? Во-о-о! Он создаёт Службу Особых Мер. Служба Безопасности - пройденный этап, рутина. Как в той шутке о министерстве обороны у волков и министерстве нападения у зайцев. Особые меры вмещают сумму всех предосторожностей общества против всех возможных социальных бедствий. Ну-ка, что за бедствия проклёвываются на Земном шарике? Социологу положено знать, ну-ка? Правильно! Глобальная нехватка энергии. Демографический взрыв с сопутствующими проблемами питания, жилья, работы и так далее. А ещё? Вторжение из Космоса возможно? Да они давно здесь, только лови! Собственные социальные проблемы при освоении других планет - возможны? Ещё какие, но попробуй назвать! Экологические катастрофы антропогенного характера вам знакомы? А будущие - представляете? Они ведь нацелены уже не на окружающую среду, а рикошетом - на наш генетический код! Планета дебилов, анацефалов, олигофренов, параноиков - вот что начинает мерещиться, когда анализируешь пути людские!.. Ну и достаточно. Теперь даже социологу понятно, для чего Службе Особых Мер так нужен электронный биостимулятор, именуемый в народе "Микрогением".

Тут Дружбин налил себе ещё, опрокинул, крикнул и захохотал:

- Народ в данном случае - это всего четыре человека! Правда, самых выдающихся: доктор Дорошенко, доктор Ванечка Терехов, социолог Маняша и герой событий, будущий Герой Всего Человечества и Всех Вреён - Виктор Маков. Хотя нет, пятеро вас. Ещё Настя, верная подруга гения,

его половина. Значит, если уж совсем точно, вас - четыре с половиной. А я вроде бы и не вхожу, потому что я вам вз... вз... виз-а-виз, это по-французски, для форсу...

Чересчур старается казаться опьяневшим, оценила Марина. Значит, провокация ещё грядёт. Она подняла взгляд на Доктора: как же это экспансивный хохол сумел не взорваться ни разу в продолжение столь длинного и нелепого монолога? Дорошенко, оказалось, вовсе не слышал ни слова из Дружбинской болтовни. Он давно развернулся на своей рояльной табуреточке к экрану ЭВМАПа и с лаборантским прилежанием наблюдал за моргающими букашками.

- Сева! - позвала Марина. Доктор не отозвался.

- Творит, - Дружбин взял её за руку, - Не будем мешать. Может, он нужный ПРИНЦИП открывает. Может, он спасёт...

Марина высвободила руку и встала.

- Генерал! Может, заменим коньяк кофеом? Вскипело...

- Но почему обязательно "или"? - Дружбин всё более веселел. - Давай лучше демократическое "и" - кофе с коньяком!

- Кофе по-украински - кава, - Всеволод Серафимович вышел из транса. Он был торжественно спокоен, и это бросалось в глаза.

- Доктор, ты НАШЁЛ?! - вскричал Дружбин, успевая мельком следить за безучастным экраном. - Открой же нам, открой тайну потайной дверцы!

Полковник снова налил себе. Марине в едва пригубленное доливать не стал, а самовольно перевернул чашку Доктора и собрался плеснуть туда, но Марина была начеку:

- Отставить, генерал! Инфаркты - не наш стиль. Или СОМ считает иначе?

- Да ерунда это всё, - заявил вдруг Дорошенко. - Наливай, Володя. Кофе с коньяком - это в самый раз.

- Ох, Доктор дорогой, - простонала Марина, - лучше б ты ничего не нашёл.

- А я ничего и не нашёл.

- То есть? - Дружбин сощурил глаза. - Так-таки?

- Если не считать диагноза, - Дорошенко оставался торжественно-строг, как и полагается на похоронах. - Не энцефалит у этой машины. Инсульт. С последующей комой.

- Это излечимо? - поспешил с надеждой Дружбин.

- А разве ты не знаешь? Счастливчик. На твоей-то работе... Я, когда лежал с первым инфарктом, много интересного усвоил. Нет, Володя, это не лечится. Человека можно сколько-то продержать живым, но мозг при этом не оживает. Мозг идиота. Даже хуже - просто ноль. А машину, наверно, надо просто демонтировать.

Глаза Дружбина расширились и медленно, прицельно сузились. Он заговорил с видимым трудом:

- Сева... Технология "Микрогения" задокументирована? Воспроизводима? Ведь она сходна с технологией самого ЭВМАПа, я знаю.

- Всё здесь, - Дорошенко коснулся пальцем своего лба. - На бумаге ничего нет. Не считалось нужным на данном этапе.

Дружбин почти вскочил со сжатыми кулаками, но медленно разжал их и медленно опустился на стул.

- Значит, и у нашей машины - инсульт?

- Мне ответить почти нечего, - сказал Дорошенко глухо, глядя ему в прицельные глаза. - У инсульта много ступеней, масса вариаций в последствиях. Тут ведь - линии связи, задержки, сетевые поля...

- Значит, вот что, - Дружбин принял решение и заговорил тем тоном, какой знали только его подчинённые. - Машины демонтировать не будем. Беда общая, действовать надо сообща. Терпеливо создавать нового ЭВМАПа, а за этими двумя - неусыпный надзор. Приставим сиделок с научными степенями...

- Стоп, - Дорошенко отвечал ровно, не меняя тона. - Со всем согласен, сам так решил, но сиделки пусть у каждого будут свои. Сомовских костоломов я к ЭВМАПу... И связь оборвать!

- Сева, побойся Бога! - перебил Дружбин. - Да кто к тебе полезет?! Конечно и безусловно! Но - для чистоты опыта - обмен на полном доверии.

- Это разумеется, - Дорошенко кивнул и, усмехнувшись, добавил. - Насколько позволяют нравы хищных рыб.

- Иронизируешь... И не стыдно. А человек - в отчаянии. Я, можно сказать, дело всей жизни на эти твои кристаллы возлагал.

- Так не всё потеряно, - Дорошенко снова усмехнулся. - Лови Макова, извиняйся, проси сотрудничать.

- А ты слово замолвишь? - Дружбин спросил с надеждой.

- Нет, Володя. Не готов пока. Обиду ещё не пережил.

- Понимаю. Извиняюсь ещё раз...

Последовал прощальный обмен любезностями, и Дружбин убыл, допив свой коньяк, не раскрыв тайн и пообещав "не обижать Макова".

Всеволод Серафимович запер дверь на задвижку.

- Всё ложь, - начала Марина, - он обидит Макова. - Но увидела предосторожности с дверью и, конечно, поинтересовалась, зачем. Сразу вспомнилось, как была внимательна к Доктору при госте, мелькнуло: "Мы ведь совсем одни!" Представила, как Дорошенко пристаёт с нежностями, стало смешно.

В ответ на её "зачем?" Доктор молча указал на монитор. Марина взглянула и обмерла: с экрана, спокойно улыбаясь, на них смотрел покойный Мефодий Ханов. Только теперь Марина не решилась бы назвать его покойным. Лицо на экране было, правда, бледным до прозрачности, краски едва угадывались, но живые чёрные глаза глядели весело то на Доктора, то на Социолога, а губы готовы были заговорить.

Удивляться приходилось одновременно и тому, что ЭВМАП не умер, и гостю с того света, а тут ещё гость взял да и в самом деле заговорил. И голос был не машинно-механический, а тот самый, за несколько лет не забытый, только уже не вызывающе-обиженный, а полный потусторонней мудрости. Вовсю постаралась акустическая система, которой ЭВМАП отказывался пользоваться.

- Здравствуй, Мариша. Ты всё хорошеешь. Дружбин - гад, конечно. И дурак, хоть и полковник. Ты не пугайся, можно? Я отсюда не вылезу.

Он замолчал и смотрел ненаглядно и улыбался терпеливо. Марина всматривалась в тонкое бесстрашное лицо. Типичный россиянин - русский витязь, но с чёрными глазами и татарством в фамилии. Одним дуновением вспомнилось всё прошлое, связанное с Хановым: студенческая дружба, появление Владимира, мгновенное отдаление деликатного Мефодия и его рыцарские попытки вернуть Марину: героическая неудача в науке, когда наглый вымогатель-завлаб вышиб героя из седла, потом ужасная работа над шаровыми молниями и связанное с этим суперменство, потом его единственное литературное произведение - рассказик о Каменном Человеке и его романтической безнадёжной любви, а вскоре после этого - героическая гибель в схватке с нацистами. Малюхин тогда успел увернуться от пули, а бедный Мефодий никогда не был профессиональным бойцом. Он был профессиональным романтиком и попал не в своё время. Романтики крайне редко попадают в своё время. Но сила духа в нём была - самой высшей пробы. Да и осталась: ведь сумел вселиться не в младенца, а в электронное устройство, поближе к единственной своей - с ума сойти от гордости! И не выскочил, как чёртик из табакерки, а подготовил разными намёками, этим "Прологом между жизнями", даже вообще притворился мёртвым. И вот - явился наконец... Да кого ещё так любили, Наина?! Эвридику? Галатею? Каменного Человека...

Лицо на экране в эти секунды оживлялось её мыслями, и в конце Ханов кивнул. Но тут Всеволод Серафимович установил перед самым монитором свою рояльную табуреточку, воссел и сходу прекратил всю романтику. Вслушиваясь в их беседу, Марина начала понимать, чем же был так сосредоточен Доктор во время болтовни пьянеющего Дружбина. Беззвучный разговор с призраком начался уже тогда! Тот, кто был когда-то Знатоком, легко нашёл общий язык с тем, кто остался Хановым.

- Так ты их машину сжёг или заблокировал? - спрашивал теперь вслух Дорошенко.

- Там, Сева, сжечь невозможно, ты же знаешь. Но мозги заморочил по полной программе - полноценным ему не стать, надеюсь. Парень слишком многое себе позволил.

- Кто?

- Ты читал о нём. Кунченко, который меня застрелил. Способный, подлец, почти как я. По образованию был врачом. Тоже сумел сохранить память. Вернулся вместе со мной, преследовал, подглядел, куда вселяюсь, и выбрал для себя копию ЭВМАПа. Но там система всё же слабее. На этом я его и словил.

- Куда же он теперь?

- Черт его знает. Машин таких больше нет? Если эту не наладят, будет он искать себе младенца. Правда, при воплощении в человека память не сохраняется. НО он в надежде: подрастёт - возобновит погоню. Не за мной, так за кем-нибудь похожим.

- Лет через двадцать?

- Да, лет пятнадцать-двадцать у меня есть.

- Скажи что-нибудь о Макове, - попросила Марина. - Он обречён?

Мефодий посмотрел на неё ласково и печально.

- Ты добреешь, Мариша, это приятно... Витя Маков, безусловно, обречён. Удел гения - одиночество. Это закон природы. А удел серых - стая. Этим они сильны и стаяй же против них надо бороться. А где ты видела стаю гениев? Гений самодостаточен. Это его крест.

- Неужели нечем Вите помочь? Ведь и Настя тогда погибнет.

- Да, умная девочка. Только давайте отложим их до завтра. Я сегодня слишком перенервничал.

Лицо Мефодия с большим сожалением растаяло, и по экрану, печально мигая, медленно заползли голубые глазки.

Тени огня.

Полковник Дружбин тепло простился с почтительнейшей Матрёной Спиридоновной и, отправив шофёра с заданием собрать личный состав, пошёл потихоньку в свою контору. Она располагалась в исторической части города, на кривой узкой улочке, ведущей к кирпичному заводу, в двухэтажном купеческом доме, сложенном из толстых кедровых брёвен. Лет двадцать назад брёвна эти, и резные наличники на окнах, и бесподобную резную дверь на резном же крыльце пропитали специально разработанным составом, чтоб стояло вечно. По этому поводу совсем недавно Дружбин усмехался: в вечном старинном доме поселилась вечная, как государство, служба с бесконечно умной, совершенно секретной думающей машиной - парадокс быстрого времени. Теперь же он думал о том, что парадокс безвозвратно испортили, поэтому даже идти туда не хочется.

"Нахалы, - думал Дружбин с обидой. - Не могли договориться на языке цивилизованных людей, надо обязательно машину портить. А уж своя как притворяется, скотина! Даже глазом не моргнёт. А какая была ехидная! Нет, не попалась. Научилась врать. Хоть с Матрёны брала бы пример: "Полковник Владимир Иванович Дружбин, время вам надевать генеральский мундир!"

Ему было горько. Он знал, что умники и чистюли из НИИЭТО считают его службу вредной, его самого - злодеем, а Особые Меры - глупостью, как ни объясняй.

"А ведь, казалось бы, умному достаточно: раз есть дождик, нужен зонтик. И не сейчас, когда льёт, а вчера, загодя... Не будет Службы Особых Мер, сами собой начнут плодиться особые проблемы. Если признаёте философию наукой наук, если мыслите в масштабе системы систем, то неужели не очевидно, что СОМ - служба служб?!"

Он тряхнул головой. Нет, рассуждать с этого конца - значит ломиться в открытую дверь. Надо просто простить и понять этих необыкновенных людей. Во все века они одинаковы: увлечены своим делом безмерно и все прочие дела считают либо второстепенными либо вредными. А уж признать, что в каком-то "вредном" деле возможна такая же увлечённость - это им просто не по силам. За это и надо их простить.

Алкоголь никогда не мутит Дружбину сознания. Даже напротив - прояснял, отсекая суетные связи. Вот и сейчас, когда срезали на взлёте, он не сломался, а выпил со своими обидчиками хорошего вина, и помутневший от обиды разум заработал без комплексов, как радар, захвативший цель. Сумма идей и концепций сложилась мгновенно, и план операции оставалось только выложить перед личным составом. Поэтому время пути от НИИЭТО до СОМа освободилось для философии.

"Их души, - размышлял Дружбин, - это ещё не огонь. Только тени огня. Слабого огонька, освещённого огнём настоящим. Свечка в солнечном луче. Но пусть они утешатся: лучше быть тенью слабого огня, чем тенью дыма, самого густого. Разница между Правдой и Истиной в том, что правда - у каждого своя, а Истина - это бесконечно уточняемая переменная величина, которая к тому же не существует. Пусть ищут свою несуществующую истину в тёмной комнате подсознания. Сам процесс поиска - утешение в жизни. Пускай творят свои деяния. Путь ко всякому значительному деянию оплачивается обязательной суммой душевных ран. Чем крупнее сумма, тем вернее путь. Не преодолев подъёма, не узнаешь, как красив вид с вершины. А вид с вершины всегда прекрасен, даже такой, от которого застывает в жилах кровь. Бесстрашны от невежества и уродливы душевно те, кому не надо подниматься на вершину. Но тот, кто осилил подъём, всегда горд и независим, даже если ужас увиденного сковал его члены. Ужас философа на вершине обязан смениться холодным расчётом Особых Мер. Иначе нет Человека, а только тварь творящая дрожит на ледяном пике, куда занёс её случай. Вы сами придёте к этому знанию, милые мои Доктора и Социологи. А нам идти дальше: ловить универсального гения Витю Макова и убеждать или выдавливать из него тайну Золотого Ключика, волшебный секрет "Микрогения"..."

- Мужик, покурим?

Эх, был бы в форме, не решились бы пристать. Мимо этого дома Дружбин не любил ходить. Такой же памятник деревянной архитектуры, но жильцы почему-то вечно озабочены насчёт выпить, покурить и подраться. По одному не нападают. Вот и сейчас - трое. Эти - ещё не сидевшие. А четвёртый, с опытом, вон, во дворе, на лавочке. Наблюдает. Потом будет ставить ученикам оценки и делать замечания.

- Не курю, - Дружбин не сбавил шага.

- А если найду? - самый наглый закрыл собой тротуар.

- Вы что, не узнаёте меня? - Дружбин остановился и глянул строго, милицейским взглядом.

- А нам - по боку! - наглый потянулся к носу Дружбина и тут же нанёс удар ногой. Банальный трюк для дилетантов. Через четыре секунды трое стояли на коленях по-мусульмански, а полковник укоризненно посмотрел на четвёртого и проследовал к себе в СОМ - оставалось метров двести, и по известным начальнику признакам было видно, что личный состав уже в сборе.

Войдя в кабинет, полковник оглядел поднявшихся офицеров и сразу отметил, что у новичка, Вертухина Славы, расквашен нос.

- Господа охвицера, - такое обращение начальника считалось признаком хорошего настроения, хотя в лице Дружбина это не угадывалось. - Никак лейтенант Вертухин взял нашего беглеца Макова,

притом с наименьшими потерями?

После общего смешка Слава доложил, что никак нет, просто получил от хулиганов по дороге сюда.

- А они? - поинтересовался командир.

- И они.

- Ну что ж... Нет темнее места, чем под фонарём, так в Индии говорят. Мне сейчас тоже чуть не накидали.

- Так, Владимир Иванович, - поступило предложение, - может, пока не начали совещание, сходим сейчас да разберёмся сразу со всеми?

- Двор на двор? - полковник без веселья усмехнулся. - А что, хорошо бы. Хоть и не наш профиль.

- Господа охвирца, в большинстве моложе тридцати, оживились, пришлось не без сожаления пресечь. - Сегодня уже никого не поймаешь. Отложим до лучших времён, когда милицию упразднят. Займёмся пока глобальными проблемами. С "Копией" всё то же, Фёдор Михалыч? Ладно, не отступайтесь. И следов Макова, вижу, не обнаружили? Ничего. Есть план...

...Поздно вечером, после тщательной детальной проработки плана "Ягодка" и безуспешных попыток вывести "Копию" из комы, Дружбин отправился домой. Сегодня неплохо думалось пешком, и он надеялся таким способом найти неординарный подход к умирающей машине.

И точно. Уже через пятьдесят шагов забрезжила идея, простая и безошибочная, как первый вздох. Разумеется, обрезать и заглушить все тайные связи с ЭВМАПом, затем - в абсолютно автономном режиме - пройти весь учебный путь ЭВМАПа, с самого нуля. Для этого, правда, придётся до этого самого нуля вычистить "Копии" все мозги. Ну и что же?! Хватит паразитировать... Пусть это потребует времени, но когда они встретятся с Маковым, начальник СОМа скажет прямо: "Вот тебе ЧИСТАЯ машина, создай мне "МГ", как сам разумеешь, чтоб было абсолютно безопасно при любом носителе, при любых..."

В эту секунду красно-чёрный, перекалённый, весь в трещинах и вздутиях бракованный кирпич, брошенный с крыши двухэтажного дома твёрдой рукой, угодил ему точно в темя, и Дружбин резко опустился на колени, а после упал лицом вперёд, на вытянутые руки, как храбрый солдат в последней атаке.

Почти через час пожилой пенсионер из соседнего дома вывел на прогулку огромного чёрного дога без намордника. Перед лежащим телом собака присела на задние лапы и заскулила. Пенсионер дёрнул за поводок и поспешил домой, к телефону.

Было совсем, совсем поздно.

Операция "Ягодка".

Ярослав Вертухин, лейтенант из Службы Особых Мер, был той же ночью счастлив вдвойне. Во-первых, он ехал на совершенно автономное задание: найти в Ягодке беглого преступника Виктора Макова, которого Слава не успел даже узнать лично, потому что пришёл в СОМ как раз в день его побега. Собственно, незнакомство с Маковым и послужило причиной командировки: всех остальных Виктор мог узнать. А во-вторых, лейтенанту Вертухину до самого конца командировки не сообщат о трагической гибели его начальника, полковника Дружбина, и это очень существенно, потому что дядя Володя был соседом Славика по лестничной площадке и кумиром с детства. Гибель кумира мало кому помогает в работе, особенно если работа тонкая. Ярославу же предстояло, имитируя сотрясение мозга (а по голове хулиганы дали и в самом деле крепенько), найти в Ягодке знахаря, некоего дядю Гришу Вакулюка - он-де хорошо вправляет мозги. А попутно приглядеться к немногочисленному населению леспромхоза и вот по этим двум фотокарточкам, никому их, конечно, не показывая, найти Макова и его жену. Между прочим, жена у злодея до того хороша собой, что лейтенант охотно ловил бы только её.

Поезд на Ягодку уходил поздно вечером, чтобы пассажиры прибыли на место как раз утречком. Ярослав, получив от дяди Володи задание, едва успел забежать домой, чтобы наскоро собраться и соврать маме, что надо срочно обследовать в Ягодке условия эксплуатации дикого курорта на подземных родоновых водах, а заодно и самому попарить косточки. Мама, кажется, поверила.

По прибытии на место Ярослав сразу обследовал новенький белокирпичный вокзал - узнал, во сколько уходит поезд на Томск, а заодно присмотрелся ко всем присутствовавшим. Ожидал увидеть бабулек с узелками, а обнаружил партию дюжих парней первопродовческого вида и гору рюкзаков, треног, ящиков и ящичков. Эти люди ждали не поезд, а самоходную платформу, которую назвали "агашкой" и на которой уехали куда-то в лес, в сторону от магистрального пути. Впрочем, на Макова и его жену Анастасию никто похожим не оказался.

На вокзале Ярослав узнал, где гостиница, и отправился туда. А поскольку гостиница была совсем недалеко, на центральной улице, то шёл он к ней окольным путём, не столько даже изучая посёлок, сколько любуясь.

Весь жизненный опыт молодого Вертухина не выходил за границы пригородного леса, где они всей семьёй собирали летом грибы, поэтому неорганизованную экскурсию по таёжному посёлку он с удовольствием посчитал подарком судьбы, нисколько не меньшим, чем прогулка по какой-нибудь Ламанчи или Нантакету. Настоящие книжные дети, в подлинном любопытстве своём, умеют не видеть разницы между открытием на неведомом материке и открытием на соседней лужайке.

С холма, на котором возлежала Ягодка, во все стороны простирался вид на тайгу, ничем не уступающую какому-нибудь Средиземному морю (Слава сравнивал по карте ещё в седьмом классе - превосходящую любое море Земного шара). И по богатству тонов и оттенков - от синего и голубого до зелёного, жёлтого и оранжевого - тайга тоже побивала все водные пустыни, воспетые любителями парусных скитаний. Но тем страшнее, опаснее для скитальца были эти леса, что потерять там курс ничего не стоило, а определиться, как в океане, по звёздам - ветки мешают. Да и способ передвижения несколько отличен от скольжения по водной глади. Бури и штормы тут, правда, не так страшны, зато бывают пожары и болота, а хищников, подобных акулам, тоже ещё хватает - одни комары с мошками чего стоят... Короче говоря, лейтенант Вертухин больше любил дремучую тайгу, чем открытое море, хотя не знал ни того, ни другого.

И этот глухой таёжный посёлок - по той же причине - вызывал в нём восторг, ни с какими заморскими Хургадами не сравнимый!

Запах моря - запах йода, рыбы и гниющих водорослей. Ярослав о нём читал и не любил. На улицах же Ягодки он вдыхал свежий фитонцидный аромат хвои. От штабелей лесозавода и нижнего склада веяло острым духом кедровых, сосновых, осиновых, берёзовых, еловых опилок (Ярослав знал их хорошо, потому что в детстве занимался выпиливанием узоров из фанеры и даже мог отличать породы по текстуре), а под ногами пружинили толстые доски тротуаров - куда приятнее асфальта и, уж конечно, песка. Но был и песок. Ведь на песке растут хвойные деревья, а вырубив их здесь - Сибирь превратится в Сахару, только подождать, пока высохнут болота. Да вот она, Сахара, проступила между тротуарами, её месят автомобильные колёса. Только за заборами, на огородах её нет, потому что там не содран плодородный слой - лесом накопленный, не толстый, поэтому очень дорогой. И растёт на этих огородах почти метровой высоты картошка, и среди её белых и сиреневых цветочков реденько и чудно полыхают огромные маки (как гнусно, что ему, профессионалу, сразу приходит в ум сочетание "мак - героин"!). А ещё зеленеют за заборами грядки с луком и с чем-то вроде лука, с закрученными петлёй стеблями, на которых плотненькие головки, и грядки с чем-то широколистным, длиннолистным, мелколистным, с чем-то привязанным верёвочками, с чем-то поливаемым из шланга, спрятанным в теплицу, укутанным в марлю, подпёртым рогульками, пришпиленным колышками к земле, окученным, обложенным, прополотым - таинственным. А вот кто-то на крыше старенького "Запорожца" везёт целую копну сена - корове? козе? овце? свинье? Свинья ведь тоже, наверно, питается сеном? А лошади у него нет, раз есть "Запорожец"... И во всех палисадниках - полно цветов, будто соседи соревнуются между собой в красоте. Но ни одного цветочка, кроме гладиолуса, лейтенант Вертухин не знает по имени. Даже вот эти, на золотые шары похожие, вот как их зовут? А у этих хозяев на каждом столбике палисадника - перевернутый плафон от уличного фонаря, наполнен землёй и экзотическими цветами - может, незабудками, а может, этими, как их, Настинными глазками?... И вот ещё чудо: по самому верху крыши ходит огромная птица с крючковатым клювом и отгоняет ворон от своего огромного гнезда. Неужели орёл?... И вдоль каждого забора - поленица. Все поленья берёзовые - от них жару больше, об этом Слава, коренной сибиряк, с детства осведомлён, хоть и не топил печку ни разу, даже в бане.

Насытись впечатлениями, сыщик вышел на центральную улицу - улицу Вакулюка! - и подошёл к одноэтажному бараку гостиницы с обратной вокзалу стороны. Этот факт его развеселил: "Совсем шпионски подкрался!"

Места в гостинице были. Получая ключ от комнаты, Вертухин поинтересовался:

- Улица Вакулюка - это того самого, который... народный лекарь?

- Нет, что вы! - Дежурная, серьёзная женщина средних лет, качнула мелко завитой головой укоризненно, приняв вопрос за шутку. - Кто ж знахарем улицу назовёт? Алёша Вакулюк служил в милиции. Погиб при исполнении служебного долга. Обезвредивал пьяного дебошира на автобусной остановке... Вы что, правда, не знаете?

- Я только что приехал, - Ярослав потрогал пальцами свой лоб. - Мне сказали, что можно у дяди Гриши Вакулюка полечить сотрясение мозга.

- О, это он делает! - Дежурная очень по-доброму оживилась. - Вы устраивайтесь в комнате и приходите, я вам расскажу, как его найти. Тут недалеко.

В вагоне Ярослав не выспался, голова от тряски разболелась по-настоящему, и он, стыдясь, подумал, что могли ведь и всерьёз потревожить мозги, и тогда лечиться надо будет без притворства, а он врачей и настоящих-то всегда боялся. Решил сначала выспаться как следует и к работе приступать, как учил дядя Володя, на свежую голову.

В этот же день, ближе к обеду, вернулся из леса домой инспектор Управления Охраны

Природного Равновесия Михаил Егорович Темников. Был он крайне утомлён и беспредельно расстроен.

- Опять он тебя заблудил? - Любаша помогла ему стащить через голову энцефалитку и приняла ременную сбрую с пистолетом в открытой, "оперативной" кобуре.

- Он смеётся надо мной, - Михаил со вздохом покрутил головой, - уже откровенно. Один выход - поймать на удавку. Стрелять бесполезно. Лично набросить и лично затянуть.

Он тяжело опустился на табурет, снова покрутил головой, потёр виски и поднял глаза на жену:

- Привёз?

- Отсыпаются. Все трое. Игнат - в детской, а эти голубки - в баньке. Соскучились. Да и СОМ не сразу туда сунется.

- Не знаешь ты СОМа, - Миша криво усмехнулся. - У них девиз: "Плавает тихо, ныряет глубоко и зубаст".

- Ну и как же ловят сию рыбёшку? - спросила Любаша невинно.

- На живца! - Миша наконец повеселел. - На живца их всех ловят!

- А Кунчо?

Миша тут же опять засмурнел.

- Ниже пояса, мать... Кунчо - не хищник, вот что я начинаю понимать.

- У-у-у, стихами заговорил. Значит, дело совсем швах. Кто же он? Паразит? Сатана?

- Ещё не знаю, Любаня... Вот раньше у дьявола было такое обобщающее имя - Враг... Кунчо до сатаны не дотягивает, пожалуй, но Врагом я бы назвал. В широком смысле...

Они не заметили, как Игнат выделился из детской и застыл в дверном проёме.

- Кунчо - это имя Зла, - сказал он тихо.

- Лесина! - Миша забыл об усталости и встал. - Живой!..

- Было, было. На волосок.

- Он?!

- Он. Убаюкал за рулём и приснился. Сообщил, что он - само Зло и что Добро без него - пустой звук. Пока нёс банальщину, я и чиркнул бампером во-от по такой сосне. А скорость была...

- Представляю, - Миша вздохнул. - Воспользовался, скотина, твоим переутомлением. Теперь ещё и СОМ сюда приведёт, в самом деле.

- С него станется, - согласился Игнат. - Но думаю, успеем принять меры. Любаня, как там ребята?

- Сходи, посмотри сам, - отозвалась она из кухни. - Может, баньку ещё не раскатали...

- Ну и пусть отдыхают, - Игнат не без зависти улыбнулся. - И ты, Мишутка, отдохни, но не очень долго. Пойдем сегодня, пока я здесь.

Игнат говорил тихо, чтоб не слышали на кухне. Михаил радостно закивал:

- Давай, давай - пока детки в лагере, пока нас много. Вчетвером мы её скрутим и доставим.

- Это кого? - Любаша появилась на пороге.

- Да это наше, - Михаил сделал неопределённый жест.

- Да уж пойду, - Любаша махнула рукой. - Надо когда-то...

- Вот и умничка! - Миша заулыбался, весь засветился той любовью, которой покорила и с которой увёз сюда Любашу-парашютистку. - Теперь буду спать спокойно. Там и делов-то на четверть часа, я тебя уверяю.

- Умеешь, умеешь уговаривать, - Любаша поспешила на кухню - там что-то жарилось.

Друзья посмотрели друг на друга. Михаил вопросительно приподнял подбородок. Игнат кивнул. Больше ничего о серебряных пулях сказано не было.

Сомовский лазутчик Ярослав Вертухин проспал обед и встал перед закатом с сильной головной болью. Раньше он с этим недугом знаком не был, да и вообще ничем не болел, поэтому решил, что на него свалилась сразу самая болезненная из человеческих болезней, и ощутил себя при смерти. Тут было уже не до разведки: что пользы от мёртвого бойца?! Поэтому он проглотил пару устрашающе больших и твёрдых таблеток анальгина, спросил у приветливой дежурной дорогу и почти бегом отправился к дяде Грише, чуть не вскрикивая на каждом шагу от болевых толчков в лоб, в темя да, кажется, и в виски, и в затылок тоже. Даже глазами было больно вертеть, особенно левым, который заплыл синяком.

Несмотря на предсмертное состояние, Ярослав мгновенно понял, что его отправили как раз на ту улицу, по которой он давеча гулял. Вот за оградой цветущие маки в цветущей картошке, вон вода течёт из шланга на грядку с большими листьями, вон какие-то люди входят в тот забавный старый дом, где гнездо орла на крыше. Ярослав отметил: молодая стройная женщина и трое спортивных мужчин.

Неужто?

Приблизившись к палисаднику с плафонами, умирающий боец Службы Особых Мер убедился, что именно сюда, следом за четырьмя подозрительными незнакомцами, ему и предстоит войти.

Более того, не такими уж незнакомыми показались ему незнакомцы. И он узнал, что кроме головной боли бывает ещё полярный холод под диафрагмой, что этот холод способен подавить мигрень и заморозить вполне здоровое сердце почти до полной остановки. Ярослав качнуло, он схватился за край ближайшего плафона и сделал вид, что нюхает Настины глазки или как их там.

Ослабли ноги.

Если верить дяде Володе, то и с одним Маковым Славику не сладить. Что же тогда делать с тремя? Об этом и сказано-то не было. Даже присутствие ОДНОГО Макова в Ягодке - только предполагалось, как один из нескольких обрабатываемых вариантов. Впрочем, против троих, явных головорезов, и хорошо стреляющей жены Макова никакие инструкции действенны не были. Только личная инициатива. Как на ринге. Как на татами. Как в тылу условного противника.

Оружия у Вертухина, естественно, с собой не было. Только сильная миниатюрная рация лежала во внутреннем кармане куртки. Нюхая цветы, он всего за несколько секунд оценил ситуацию и принял решение. Пройти сейчас мимо - значит обнаружить себя с самой подозрительной стороны: ведь четверо тоже его заметили и наверняка определили, что не местный. Значит, надо войти и попытаться влезть на лечение без очереди: он слышал, что с острой болью полагается пропускать. Затем выйти раньше них и, если это действительно Маков, вызывать группу захвата.

Решительно распахивая калитку, Ярослав с ужасом обнаружил, что убийственная головная боль прошла совершенно, сердце бьётся ровно, ноги держат крепко, и он готов брать всех троих в одиночку, не дожидаясь группы захвата, лишь бы это действительно был Маков. Но дама... Свалка при даме, в чужом доме... Нет, лейтенант, надо сдержаться. Приказано быть больным! Он сосредоточился, вспоминая свою мигрень, и она поспешно вернулась. Глаза обложило туманом, громко и больно застучало в мозгу. Вот и порядок, совсем не надо притворяться.

Да это, может быть, и не те люди. С чего бы Макову ходить по знахарям, когда ему надо затаиться тише мыши?..

Игнат, Михаил, Виктор и Любаша, хоть и пришлось тащиться через весь посёлок, пришли к дяде Грише пешком, чтобы лишний раз не "светить" Игнатов "газик" с томскими номерами, спрятанный ещё ночью у Темниковых в сарае.

Входя во двор к Вакулюкам, они заметили в отдалении молодого человека, который направлялся в их сторону. Любаша сразу определила: "Не наш". "Из СОМа, конечно!" - Виктор засмеялся. Засмеялись все, кроме Миши. Он сказал: "Если за нами войдет, значит из СОМа". "Обоснуй", - попросил Игнат. "Войдёт, чтобы не вызвать наших подозрений, - Миша пожал плечами. - Это же ясно". "Витиевато для СОМа, - не согласился Виктор. - Впрочем, всё возможно. Только я ведь их всех там знаю".

Миша постучался в тёмных сенях и уверенно распахнул дверь.

- Здравствуйте, тётя Поля!

- О, Миша! - Сухоньякая старушка отложила рукоделие и встала им навстречу с широкой лавки. - Привёл свою Любовь!.. Отец! Выходи-ка!

В горнице заскрежетала кроватная сетка, раздались два тупых редких стука об пол, цветастые ситцевые занавески на дверном проёме разошлись, и в кухню заглянул невысокий крепкий старик - редкий седой чубчик, старые серые брюки, распахнутая мятая рубаха в полоску: отдышал. Всех оглядев светлыми круглыми глазками, старик перенёс через порог левую ногу, и раздался третий стук об пол: каучуковое копыто старинного деревянного протеза утвердилось в кухне. Рядом с копытом на вязаный коврик встала босая правая. Весь знаменитый знахарь улыбался гостям и протягивал широкую, крепкую, совсем не стариковскую ладонь.

- Кузнец Вакула! - Он представился неожиданно тонким голосом. - А можно просто дядя Гриша. - Всем четверым пожал руку, каждому ответил: "Оч приятно!" Любашины пальцы задержал в своих. - Вас будем лечить? Не бойтеса, мы больно не лечим. - Безошибочно обернулся к Виктору. - А вам, значит, интересно, КАК мы лечим? Это добре, добре. Покажем.

В эту секунду раздался стук, но никто не вошёл.

- Чужой, - сказал дядя Гриша. - Стесняется. - И повысил голос: - Входи! Не заперто!

Пригнув голову, шагнул из сеней тот самый прохожий, о котором Миша сказал: "Если за нами войдёт, значит из СОМа". Трое друзей ни о чём таком не подали виду, только Любаша улыбнулась напряжённо, потому что первый взгляд вошедшего достался ей. Впрочем, Ярослав тут же отвёл глаза и, едва заметно морщась, поздоровался как бы с одним хозяином дома.

- Дверьми не ошибса? - спросил дядя Гриша.

- Я - полечиться, - гость поморщился чуть заметнее. - Вы - дядя Гриша?

Дядя Гриша всмотрелся в его страдающие глаза.

- Ну-ка, садиса, садиса... Смотри на меня... Так-так-так-так... Голова болит? Когда ударилса? Как?

- Побили, - Ярослав очень убедительно опустил стыдливый взгляд. В его анамнез не входил, разумеется, рассказ о плачевном для нападавших финале драки. Главное, собственный итог - на

лице.

- Вот сюда ударяли? - Дядя Гриша разглядывал синяк. - Вот сюда, ясно. А ещё куда? Было?

- Да вроде нет.

- Ну, тогда, однако, шибко ударили. - Дядя Гриша повернулся к Любаше. - Сначала его полечим. - Любаша кивнула, а он объяснил для остальных, хотя и не требовалось: - С острой болью - без очереди.

Это было сказано важно, значительно, все и не заметили, как хромым старик превратился в профессора.

- Пройдёмте в кабинет, - профессор поглядел приглашающе на Виктора и развёл занавески в горницу. Сыщик с преследуемым переглянулись, Виктор сделал пропускающий жест, и Ярослав прошёл за дядей Гришей, не без содрогания подставив противнику спину.

Знал, что никто не набросится сзади и не убежит, пока он отвернулся, но чувство - не разум, не переспоришь: страшно и всё.

Виктор оглянулся и подмигнул Мише: человек, которого побили одним ударом, не может быть работником Службы Особых Мер. Миша покачал головой с сомнением: работник СОМа и соврёт - недорого возьмёт. Игнат - в ответ обоим - махнул рукой: подождём - разберёмся. Любаша, оценив ситуацию, засмеялась.

Женский смех за спиной успокоил Ярослава: то, что Маков здесь без Насти, приятно упрощало дело. Хотя, конечно, хорошо бы узнать и о ней: сидит до сих пор в храме странного попамногостаночника или уже затаилась в укрепленном убежище и ждёт мужа?

Войдя в "кабинет", пациент с острой болью и наблюдатель поспешили оглядеться. Не было там ничего медицинского. Стол под старенькой набивной скатертью с бахромой. На скатерти - пара ярко расписанных жестяных банок из-под халвы. Банки поменьше - тоже из-под сладостей - на комод и на обоих подоконниках, среди горшков с цветами. Дядя Гриша тут же объяснил - может быть, не без намёка:

- Это Поля моя сладкое любит. От сладкого добреет душа.

Ещё в комнате был потемневший платяной шкаф, швейная машинка пряталась в углу под вышитой гладью салфеткой, рядом с казённого вида старенькой тумбочкой (то ли из больницы списанной, то ли из гостиницы) притулилась табуретка, накрытая чистым вафельным полотенцем, да у глухой стены, украшенной стареньким ковром, стояла двуспальная кровать, накрытая лоскутным ватным одеялом - она и скрипнула под хозяином, когда явились пациенты.

Виктор и Ярослав разом отметили на ковре некую нерегулярность в узоре, всмотрелись и переглянулись с уважительным удивлением: на гвоздике, забитом прямо в ковёр, висел вполне современный фонендоскоп, его головка сверкала никелем, а оба шланга были отремонтированы синей изоляцией. Оба усмехнулись и подумали одно: надо подарить старику новый фонендоскоп. Правда, Виктор этой мыслью и ограничился, а его искушённый противник подумал ещё, что не так уж и страшен с виду этот непобедимый гений: не будь здесь посторонних, ещё посмотрели бы, кто кого.

Дядя Гриша между тем выдвинул ящик тумбочки и достал оттуда клеёнчатую ленточку, похожую на портновский сантиметр, только длиннее. Усадил Виктора на сундук у окна, для больного вытащил из-за шкафа старенький гнутый стул, а сам остался на ногах.

- Сейчас посмотрим, как лежат у вас мозги.

Потрясённый величием сказанного, Ярослав безропотно дал обмотать себе череп ленточкой и натянул, как было велено, её концы перед собой, будто рога. Профессор кусочком школьного мела сделал на ленточке две пометки, затем снял её с головы и намотал опять, поменяв концы местами. С удовлетворением показал Виктору:

- Вот! Метки не совпали. Мозги стряхнулись, лежат неровно. Будем поправлять.

Ярослав представил, что сейчас ему подобьют другой глаз, но Профессор, будто подслушав мысль, успокоил:

- Мы больно не лечим. Набросим баночку вот на этот висок, отсосём дурную кровь, она перестанет давить на мозги, они и встанут на место.

Под эти странные шарлатанские речи старик подтащил к Ярославу свою табуретку, развернул его лицом к кровати, сел на кровать, вытянув перед собой копыто, сдёрнул полотенце и повесил его себе на колено. Все движения были привычными, не суетливыми, не показательными - истинно профессорскими.

Давным-давно к этой табуретке прибили бортики из реек, и она превратилась в операционный стол. Там уже стояла спиртовка с мутной жидкостью, стакан с салфетками и ватой, картонная коробка от конфет содержала в себе коробок спичек, стопку небольших бумажных квадратиков непонятого назначения, флакон с очень прозрачной жидкостью и замшевый мешочек, затянутый шнурком, а рядом с коробкой, внутри крышки от неё же, стояли рядами медицинские банки, пятнадцать штук, из которых только четыре были стеклянными, а прочие - выточены из оргстекла на токарном станке либо спаяны из белой жести в виде ведёрочек. Натюрморт венчался полным бритвенным прибором. Впрочем, всё выглядело стерильно и угнетающего впечатления не

производило.

- Мать! - позвал Профессор. - Подавай воду! - И к больному: - Придётся вам причёску маленько изменить, височки подбрить, а то банка не удержится.

Приговаривая всё это успокаивающим тоном, дядя Гриша не глядя взял с ковра фонендоскоп.

- Послушаем, на который висок баночку накидывать. Вот на этот, должно?..

Это было странное зрелище: старик со шлангами в ушах и в довольно расхристанном одеянии выслушивает не сердце и не лёгкие больного, а пытается будто выведать его мысли. Выслушал, выведаль, кивнул сам себе и вынул трубки из ушей.

- Вы, Витя, тоже можете послушать, но вы ничего не услышите. Как живая кровь шумит - нужна привычка. А мёртвая кровь молча стоит. Я слышу, а вы не услышите. Потому что инструмент этот старый уже, как я, и мембрана, вот, порвалась.

Вернул фонендоскоп на гвоздик и снова позвал:

- Мать!

- Несу!

Тётя Поля вошла с тазиком горячей воды. Поставила и вышла.

Последовало бритьё обоих висков, и Ярославу сообщили, что причёска "в кружок" ему тоже очень идёт.

Затем дядя Гриша открыл флакон с прозрачной жидкостью, с удовольствием понюхал и сообщил:

- Чистый. Медицинский. Мы его в нутро не принимаем, только мажем.

Извлёк из замшевого мешочка латунный кубик и положил его на салфеточку. Смочил клочок ваты спиртом, протёр Ярославу нужный висок, затем взял кубик, что-то там повернул, протёр той же ваткой и покрутил. Виктор и Ярослав видели такой инструмент впервые. Объёмом он был с небольшое куриное яйцо, на одной грани имел рубчатую головку, на другой - кнопку, на третьей - скобу вроде спускового крючка, а на противоположной ей - восемь узких прорезей, из которых можно было этим крючком выдвинуть бритвенно тонкие дисковый ножи мрачного чёрного цвета - видимо, закалённые в масле. Рубчатой головкой регулировалась ГЛУБИНА РАБОТЫ, а кнопка была, конечно, связана со спусковым устройством, которое взводилось крючком.

- Больно не будет, - повторял дядя Гриша, задвигая ножи в кубик и этим взводя механизм. - Шлепок - и никакой боли. Мы больно не лечим.

Он вернул кубик на салфетку, зажёл спиртовку, объяснил:

- Тама - солёный керосин, чтоб не коптило. Спирт жечь - дорого, хе-хе.

Затем поджёл на спиртовке один из бумажных квадратиков, тоже пропитанный солёным керосином, бросил его в стеклянную банку и тут же прижал банку к виску Ярослава. Бумажка сразу погасла - было видно в зеркало на стене.

- Пускай оттянет мёртвую кровь, а мы подождём. - Дядя Гриша указал Виктору на банку. - Она тяжёлая, но это чтобы вы видели, как она работает. Она сразу как втянула! И не отвалится, пока не снимем. А на здоровом месте отпадает сама.

Через пару минут банка была вежливо отчмокнута от виска, к синему вздутию (-Вот она, дурная кровь!) дядя Гриша быстро прижал свой кубик (-Не бойся!) и нажал кнопку. Ярослав едва успел глуповато хихикнуть (-В самом деле не больно, даже смешно!), а старый колдун уже снова набрасывал баночку - на проступившие в прорезах капельки крови. Синяк втянулся в банку ещё сильнее, и сквозь стекло было хорошо видно, как медленными струйками поползла из прорезов почти чёрная кровь.

- Эта кровь мёртвая, - Профессор употребил паузу для объяснений. - Она стояла и не шумела. Сейчас наберит со столовую ложку - и всё, мозги встанут на своё место. А эту кровь можете нести в любую ЛАБОРАТОРИЮ - вам скажут, что она неживая. Носили много раз. Меня и при царе проверяли, и ВЧК, и НКВД, и КГБ, и эта, ФСБ, и полиция, и милиция, и все главврачи... А мы с Полиной вылечим какому-нибудь начальнику неизлечимую жену - и нас больше не беспокоят. До следующих начальников, хе-хе. Так и живём... "Денег сколько берёте? Игде прячете?" А мы денег не берём. Будешь деньги брать - силу потеряешь. Так, кто что из еды принесёт или Полине какой гостинец, или мне чего в нутро, хе-хе... Да раньше я ещё маленько по кузнечному занимался. Теперь уже не могу. Так и живём...

- Сколько же вам лет? - Виктора зацепили слова о царе.

- Да уж давно как сто, хе-хе... Ногу-то я под Перемышлем оставил, в Первую германскую. Там-то и научился кровя затоваривать. Сам себе заговорил. Потом и другим. В госпитале страдания снимал. А домой вернулся калекой, так и стал помаленьку. Ребята, которых лечил, мастеровые, помогают, быват.

Из тумбочки был извлечён самодельный трансформатор со свинцовыми пластинами на длинных проводах.

- Электрофорез! - воскликнул Виктор.

- Ага! А вон салфетки, которы пропитывам. Составы, правда, у нас свои. На травах, на корешках.

Полина собирает пока что. Да соседки помогают... И вот что ещё, от друга-доктора, покойника, наследство. Не от того, который штуцер, от другого. Полковой был врач на Второй германской.

Старинный, ртутный ещё, тонометр был бережно извлечён, осторожно продемонстрирован и нежно спрятан в тумбочку.

- Можно вам давление крови смерить. У нас всё по науке.

Кровь из виска тем временем перестала сочиться. Дядя Гриша позвал: "Мать!", сдал своей меджене банку с кровью и, обработав висок марлевой салфеточкой, оставил её на ранках.

- Теперя вам, Слава, надо принять лекарство в нутро и посидеть полчаса. - Профессор поднялся и топнул копытом. - Мать! Лекарство готово? Мы идём!

На кухонном столе уже дымилась большая миска с варениками, стояли гранёные стопочки, бутылка сладкого вина, а за столом, ожидая мужчин с операции, сидели все свои и ещё незнакомая молодая толстушка с пушистой рыжей гривой, одетая по-домашнему, явно соседка. Она привсталала:

- Здравсьте, дядя Гришечка! Я вареничков сготовила! Ваши любимые, с творожком!

- Здравствуй, Шура. Спасибо. Как раз гости у нас. У-у-у, это ж откуда такое?

- А вот, отец. Миша с Любашей кагору принесли. - Тётя Поля вся сияла, аж помолодела. - И мне конфет. Смотри, сколько разных. И халвы, и черники...

- Черники Игнат с Нас... Игнат набрал, когда к нам ехал, - Любаша под осуждающим взглядом мужа покраснела и начала неуклюже исправлять оплошность. - С НАСтоящим героизмом, бедненький, собирал. Чуть всего комары не высосали.

Ярослав прижимал салфетку к виску, стискивал зубы и ни на кого не смотрел, чтобы себя не выдать. Он, конечно, поймал Любашину оговорку: Настя в Ягодке! Она там, куда направится отсюда Виктор! В кармане куртки неудобно заёрзала рация.

- Ну, Шура, - спрашивал тем временем профессор, - как Гена?

- Ой, дядя Гришечка, уже ходит! Вспоминает вас по сто раз на дню! Надо же, месяц в больнице - и ничего, на инвалидность хотели. А как прожить на эту пенсию? Дядя Гриша, а когда ему можно на работу?

- Ишь, на работу! - Мелкий тоненький смешок задрезжал в ответ. - Когда сам ко мне без клюки придёт и сам спросит, тогда и скажу.

- Так и передадим. Я тоже говорю: "Куда спешишь?" А он: "Детей поднимать". Что дети? Сами вырастут... Ну, вы пробуйте варенички! Я и сметаны принесла. Свежая, сегодняшняя.

- Сначала долечимса, - дядя Гриша подмигнул Ярославу. - Церковным вином. Миша, наливай... Ну как, Слава, полегчило маленько?

Ярослав покрутил головой и всерьёз удивился.

- Сам не заметил, как прошло! Неужели правда - мозги неправильно лежали?

- Набекрень лежали! - Профессор поднял свою стопочку. - Ну, чтоб никогда не болел!

- Чтоб у всех всегда мозги лежали правильно, - добавил Миша со значением.

- Вот что значит - учёный человек! - Шура восхитилась искренне, но тоже не без подвоха. - В институте учат тостам?

Миша выпил, крякнул и только тогда ответил.

- Там, Шурка, всему научат, было бы желание. - Пояснил для приезжих: - Мы с этой язвой в одном классе учились.

- Почему же, Мишок, язва?

- Потому что я знаю все твои следующие вопросы.

- Ну, например?

- Сейчас ты спросишь про нечистую силу.

- Правильно. А что я спрошу?

- Спросишь, почему же я тогда не научился её ловить. Так?

- Так.

- Ну вот видишь...

- Но ты ответь народу! Почему? Или учился плохо? Или народ плохо тебя кормит? И...

- И когда же, наконец, я избавлю народ, да?

- Да, Темников! Когда ты, круглый ты наш отличник, избавишь свой тёмный народ?

Миша стал мрачен, и тётя Поля вступилась:

- А зачем, Шурочка, избавлять? Он ничего такого уж безвыходного не творит. Ну, браконьер. Так мало ли и похуже? Ну, превратится в крысу, сгрызёт што-ништо. Он народ потешат... И пугат...

- А без страхов неинтересная жизнь! - поддержал со смешком дядя Гриша. Он легко опьянел и ещё больше развеселился от единственной стопочки слабого вина.

- Но он же Ефимыча - съел!?

- Да кто видал? - Дядя Гриша всё смеялся. - Сказка это. Для детей. И ты - дитё.

- Ну, Темников! - Обиженная Шура обратилась за поддержкой к тому, на кого только что нападала. - Ну ты пошто молчишь-то? Не стыдно?

- Поймаю, поймаю, - Миша нахмурился и покачал головой в досаде и обиде на самого себя. - Уже

скоро, потерпи маленько. К тебе сразу и приведу, на верёвке.

Народ смеялся, нахваливал вареники и продолжал шутить насчёт оборотня Кунчо, но сразу после чая дядя Гриша поднялся из-за стола и совершенно трезво посмотрел на Любашу.

- Ну, не передумала?

- Нет! - ответили хором Миша и Игнат. Встали все, кроме тёти Поли и соседки. Игнат полез в сумку, оставленную на вешалке, и протянул старику небольшой свёрток:

- Вот. В городе нашёл. Любаша заказала для вас.

Это был новенький фонендоскоп. Двусторонний, с прочной целенькой мембраной, с чёрными блестящими трубками и целым набором наконечников к ним.

У дяди Гриши дрогнули руки.

- Ох, спасибо! Теперь мне до самой смерти хватит.

- Замолчи! - сердито отозвалась тётя Поля. - Рано собрался!

- А вот, - дядя Гриша указал на Виктора, - ученика нашёл. Всё ему передам, и мне будет разрешено помирать.

- Кем, дядя Гриша, - вскинулась Шура, - Богом или нечистой силой?

- Молчи, Шурка, - сказал Профессор веско. - Не понимаешь, так молчи. - И посмотрел на Ярослава. - А ты пошто вскочил? Посиди, посиди. Голову под платье не схоронишь, на ветру застудишь, и я стану твой губитель.

- Да там нет ветра, - Ярослав протестовал неуверенно.

- И не надо! - отрезал дядя Гриша. - Пришёл ко мне - не спорь со мной. Один час тебе сидеть.

И ухромал за занавески.

- У-у-у, сколько вас! - Профессор огляделся в полной горнице. - И посадить некуда.

- Постоим, дядя Гриша, - попросился Игнат. - Позвольте поглядеть.

- Ну, смотрите, если больная не против.

- Пускай побудут, - сказала Любаша. - Я с ними не так боюсь.

- Ладно, - дядя Гриша согласился легко. - Но бояться нечего. - И повторил своё любимое: - Мы больно не лечим.

Любашу усадили на стул боком, оголили поясницу, осмотрели и обслушали опухоль, дали Виктору послушать через новый фонендоскоп: "Тута, на здоровом, живая кровь шумит, а тут она стоит". Виктор клялся, что услышал живую кровь и не услышал мёртвую. Миша, на правах мужа, тоже впрягся в чёрные трубки, но не услышал вовсе ничего, кроме сердца и дыхания. "Это кому что дано", - объяснил дядя Гриша.

Затем последовала знакомая только Виктору и потому вновь объясняемая процедура оттягивания мёртвой крови. На опухоли поместилось четыре банки, а пятую, специально для ученика, Профессор поставил на здоровое место, и вскоре она действительно с лёгким чмоком отпала сама. Потом щёлкал штуцер, Любаша вздрагивала и смеялась: "Будто шлёпают металлической линейкой".

- Иглой-то больнее? - спросил дядя Гриша осторожно.

- О-о-о, - Любаша округлила глаза. - Я потому и боялась.

- И ничего иглой не вытянули, - продолжал дядя Гриша. - Потому что вот ЭТОТ метод забыли. А он - научный. Сейчас ни один врач не знает, что это - штуцер называется. Ещё при царе Николае мне его подарил старый доктор. Посмотрел, как лечу, и подарил.

- При Николае Первом или Втором? - спросил Миша. Он говорил вполне серьёзно, но Любаша посмотрела сердито.

- При последнем, - ответил дядя Гриша спокойно. - Портрет его на кухне, посмотришь. Рядом с Будённым, знаешь его?

- А-а-а, вспомнил, видел! Николай Второй, Кровавый.

Все вдруг повернулись к дяде Грише, будто он мог знать последнего царя лично. Он это увидел и важно, по-профессорски сообщил:

- Все правители для нас одинаковы. Они кровя пускают, а мы - заговариваем. Вот и равновесие в природе.

И засмеялся первым.

Чёрная кровь сочилась в банки, за занавеской что-то негромко рассказывала гостям тётя Поля, а консилиум в операционной молчал над судьбами народов и царей. Потом Любаше обмотали поясницу шалью, она набросила курточку, и все вернулись к кухонному столу, ко второму, победному чаю.

- А где же Ярослав? - сразу спросил дядя Гриша.

- Не удержала. Вместе с Шурой старались. Сказал, что ещё придёт.

- Ох-х-х, - Миша покачал головой и оглядел друзей. - Игнат, Витя, бережёного Бог бережёт. Идите к Насте, а мы подойдём, когда остынем.

- А что ж так? - Дядя Гриша очень огорчился, что ученик уходит.

- Да надо в машине срочно сменить антифриз, - брякнул Игнат. - А там нужны два специалиста.

- И нельзя подождать часок? - усомнилась тётя Поля.
- Молчи, мать, - важно ответил профессор. - Что ты в технике понимаешь?..
- Значит, - Виктор обратился к хозяину, - мне можно к вам заходить?
- Хоть каждый день. А ещё бы лучше, чтоб поселился. Вот тогда был бы толк. - И повернулся к тёте Поле. - Видишь, как спешу на тот свет? Хе-хе...

К дому Темниковых почти бежали и не забывали оглядываться. Слежки не обнаружили. Дома нашли спокойную, отдохнувшую Настю, занятую приготовлением на ужин трёх изрядных щук, которых Миша поймал с горя в старице, возвращаясь домой, ещё утром.

- Никто не приходил? - сразу спросил Виктор.
- Никто.
- Никто-никто? Это важно.
- О-ох... Уже?
- Нет-нет, - успокоил Игнат. - Просто страуемся.
Ничего подозрительного Настя не заметила.
- Тогда я отлучусь ненадолго, - сказал Виктор Насте. - Ты как?
- Если только ненадолго.

Утром в баньке, между неописуемыми страстями, у них был разговор: не привлечь ли дядю Гришу к лечению чёртовой болезни, которую сама Настя с мрачным юмором окрестила "ядерной похотью". Сама же больная от такой попытки и отказалась: "Откуда знахарю понимать в радиоактивности? Даже в Томске вон никто не понял". Виктор мягко возражал в том смысле, что знахари затем и рождаются, чтобы лечить непосильное для врачей. А теперь, обмениваясь с ней репликами и взглядами, Виктор заметил некоторую надежду и вопрос: "А не сходить ли к знахарю, в самом деле?" И он обнадежил:

- Очень быстро вернусь и расскажу про дядю Гришу. По-моему, он интересен.

Вчера днём, перед въездом в Ягодку, Виктор обратил внимание на высоковольтную линию на ажурных опорах, слишком мощную для здешнего леспромхоза. Игнат объяснил, что это энергия для нефтяников - их промыслы тянутся отсюда на много километров и доставляют природоохране массу таких хлопот, в сравнении с которыми проделки оборотня Кунчо - безобидная местная экзотика.

- Одна вон свалка чего стоит, - Игнат указал вперёд, и Виктор сразу увидел вдоль ЛЭП целую гряду неописуемо разнообразных металлоконструкций, проводов, труб, стекла, органики и деревянного лома. - Здесь, при некоторой сноровке, можно собрать космический корабль.

- И что же, некому? - спросил Виктор лукаво.
- Проблема горячего, - объяснил Игнат. - Водород же нужен... А вездеходы, станки - строит народ.
- И никто - ничего?
- А некому. У так называемых первопроходцев - вечная спешка, а для местных - подарок. Когда нет одного хозяина, тогда хозяева - все. Так ведь?
Вот на эту свалку и направился теперь Виктор Маков.

Игнат тоже не задержался дома. Он в нескольких словах рассказал Насте о Мишиных (а теперь уже и своих) подозрениях, велел ей запереться и никому не открывать, а сам вывел машину из сарая и поспешил из посёлка.

В десяти километрах от Ягодки нефтяники строили свой вахтовый посёлок со звучным названием Первенск и с претензией на город, областной центр, столицу страны, а затем и Вселенной. В самом центре Первенска над двухэтажным зданием из леспромхозовского бруса высилась мачта с множеством различных антенн. Здесь Игнат и выскочил из машины, не очень стесняя себя в быстроте.

Он хорошо знал, где в конторе буровиков дверь узла связи, а там хорошо знали его.

- О! - Связистка Нина Галактионовна, быстро выдёргивая и вставляя штекеры, улыбнулась Игнату. - Вспоминали тебя сегодня. Ещё не разгоняете нефтедобычу?

Игнат приобнял усталую женщину, уселся рядом на стул и выложил на пульта шоколадку. Нина Галактионовна, освободившись на несколько секунд, снова улыбнулась:

- Ты у нас один такой заботливый. Остальным только - дай.
- И мне! - Игнат не скрывал тревоги. - Нина Галактионовна, голубчик, горю от срочности.
- Томск, Игнаша?
- Томск.
- Тебе - без очереди. Бери наушники.

И она защёлкала тумблером.

В квартире Малюхиных трубку сняли сразу.

- Слушаю вас очень внимательно, - это важничал и резвился Малюхин-самый-младший,

пятиклассник и друг Игната.

- Матвей Евгеньич, привет!

- Дядя Игнат? Привет! Ты где? Сейчас заедешь?

- А где твои старики?

- Скоро придут. Приезжай, приёмчик покажу. Упадёшь!

- Сам приезжай.

- О-о-о! А куда?

- Вот слушай. Только очень-очень внимательно. Скажи папе... Запоминай: "Сей секунд надо лететь в Ягодку. Там большая рыба".

- Ух, ты! Удочки брать?

- Не надо, здесь есть. Скажи, что мы вас ждём у старого причала. Запоминай точно: "В Ягодке большая рыба. Прилетайте сей секунд. Ждём у старого причала". Повтори, кадет! Слово в слово!

Было повторено в точности. Игнат простился и отдал наушники.

- Спасибо, Ниночка Галактионовна. Кажется, мы с вами сделали нужное дело.

Ярославу Вертухину было проще, чем Игнату. Он давно связался со своими и теперь, выяснив по телефону в паспортном столе адрес "своего друга Миши Темникова", лежал в гостиничном номере и любовался горой сладостей, которыми он завтра будет потчевать тётю Полю и закусывать с дядей Гришей сладкий красный мускат, ничем не хуже кагора. В голове не было ни болинки, там светило солнышко, играла музыка и порхали мотыльки. Ярослав засыпал совершенно здоровым.

По дороге из Первенска Игнат заглянул на свалку и не ошибся. Маков сосредоточенно подтаскивал какие-то железки к списанному фюзеляжу от вертолёта Ми-2, разбившегося здесь же, рядом со свалкой, совсем недавно. С машины снимали некоторые приборы, кресла, аппаратуру связи, отвинтили колёса, но в остальном она была ещё цела.

- Если отрезать остаток хвостовой балки, - Виктор сразу начал о деле, - выправить дверь и позатыкать мелкие дыры, то в полёте сквозняков практически не будет. Нужны всего две вещи: газорез и автокран на пару минут, чтобы перевернуть его в нормальное положение.

Он вовсе не шутил и был уверен, что Игнат ответит взаимностью. Игнат ответил:

- Да, Витек, богатая вещь. Ни один СОМ не догонит. Но как быть с винтом? Тем более - без второго. Даже если наладим движок...

Он говорил первое, что приходило на ум, потому что у Виктора наверняка были самые неожиданные идеи. Так и оказалось.

- Никаких лопастей не надо, - заверил Виктор. - И двигатель выбросим - только лишний вес. На его место установим вот эту раму. В ней будут вращаться вон те два диска - мне их одному не дотащить. К дискам энергию подать вот через эту медную шину - её хватит на обе спирали, притом двойные, вечные! Регулятор будет сначала чисто механический, а по мере раскрутки дисков заработают генераторы (их, к счастью, не успели растащить), и механизмы от шаг-газа будут слушаться, как обычно, прямо от рукоятки. Устойчивость в полёте - тоже за счёт вращения дисков, чисто гироскопическая. А подшипнички какие нашёл! Ты посмотри на эти подшипнички!

- Но подъёмная сила? Пусковая энергия? Топливо?

Виктор вздохнул.

- Я думал, ты сразу поймёшь. Извини... Здесь всё - и топливо, и подъёмная сила - за счёт энергетики Пространства. Пространства с самой большой буквы. Оно насыщено энергией, оно - сама энергия. А пусковой импульс - да, он большой. Но этой линии достаточно. Там ведь киловольт двести? Ну вот... Забросим концы шин на фазовые провода, а когда диски раскрутятся, их можно сбросить, хотя бы методом отстрела.

Теперь вздохнул Игнат.

- Bravo, рыжий. Ты опять опередил человечество. Последний вопрос: сколько времени нам потребуется?

- Н-ну, как стараться. В идеале, с запасом на испытания и доводку, неделя максимум. А если только в основных чертах - лишь бы улететь - суток двое.

- Не спя, не едя и не пья, - Игнат улыбнулся.

- Если вместе с Мишей, да ещё он нашёл бы опытного сварщика - можно и едя и пья. Но без сна, ты прав. Нам по силам трое суток без сна, а я даю двое - вполне гуманно.

- Увы, мой друг, - Игнат со вздохом прекратил мечтания. - Нам дадено часов пять. И то - с минусом.

- Этот парень - из СОМа?

- Да. Он после дяди Гриши быстренько узнал адрес "своего друга", нашего Мишутки, и залёг в гостинице. Вопросов нет?

- Ну да, связь у него, конечно, в кармане. Куда можно удрать за пять часов? На ваш любимый сероводородный курорт, смешаться с радикулитчиками? Палатка есть?

- Идея! - оценил Игнат. - Будем держать в запасе. А пока надо просто скрыться из дома, а к полуночи быть у старого причала. Там когда-то местное население с оркестром встречало наш плот, а мы торжественно сдали милиции хорошо связанного гражданина Кунчаева. Евгеша это место и в темноте найдёт - он к полуночи, надеюсь, подгонит туда экраноплан. И дадим ходу обратно, к отцу Александру. Хватит скрываться. Выставим инфразвуковую защиту и подключим все средства массовой информации. Вплоть до самодельных радиостанций. Мы им не дадим тебя разобрать. На худой конец, обещаю, что соберём твой этот... дисколёт и улетим к чёртовой матери в другую галактику. Он потянет - в другую галактику?

Виктор серьёзно кивнул и добавил:

- А пропитание в пути будем добывать попрошайничеством и разбоем.

К десяти часам вечера в Ягодке наконец начало смеркаться, и заговорщики через задний забор покинули огород Темниковых.

- Кажется, потоптали им щавель, - сказал Виктор, помогая Насте спрыгнуть с забора.

- Это хрен, - сказал Игнат.

- Да и хрен с ним, - сказал Миша.

- Любана удержит оборону? - спросил Игнат.

- У-у-у, она теперь здоровее нас всех вместе! Опухоль, говорит, не тянет, дурная кровь не давит, а здоровая - журчит. Еле уговорил остаться.

С маленьким рюкзаком продуктов и с удочками все четверо быстро вошли в близкую чащу леса, и Миша уверенно повёл друзей к реке, приговаривая:

- Пока будете рыбачить, я пригоню свою "казанку", чтобы потом сразу добежать до старого причала. Она ходкая, мотор безотказный.

На берегу уютного залива, на старом кострище, развели огонь, подвесили над ним котелок и чайник, забросили удочки, стали ждать Мишу.

Рыба не клевала - наверно, спать уже легла. Чайник грелся медленно - огонь держали слабый. Разговор тоже не складывался: после столь нервных суток уже опять хотелось спать да и очень было велико огорчение такой лихой пронырливостью СОМа. Сидели на брёвнышках и клевали носами. Но спать как раз и не полагалось.

- Ах, сколько напортили, - вздохнул, наконец, Виктор. - Я ведь, Настя, уже летательный аппарат начал собирать.

- Тяжелее воздуха? - Настя попыталась его развеселить.

- О, гораздо, гораздо тяжелее, - вмешался Игнат. - И на высоковольтной энергии.

- Ага, - дошутил Виктор мрачно, - только над ЛЭПом летать.

- Зато очень быстро, - добавил Игнат после паузы. - С электрической скоростью.

Снова потянулась пауза. Прервал её опять неугомонный Виктор.

- А этого типчика мы зря вылечили.

- Вы-ы? - Игнат поднял брови. Комическое выражение на подсвеченном снизу лице выглядело нелепо-жутковато.

- Я и мой учитель, - объяснил Виктор с наглой важностью, плохо скопированной у дяди Гриши. - Я держал, чтоб не брыкался, а Профессор дырочки в голове делал. Видел, что получилось?

- Видел. Малость вы его не долечили. Дырочку надо было одну и...

- И навывлет! - раздался из темноты мужской голос, сильный, сочный, звучный, богатый баритон невыносимо мужественной окраски. Этот голос старший инспектор УОПР Эвкалиптов слышал всего раз в жизни, очень давно, курсантом третьего курса, но все эти годы носил в памяти нерушимо, ибо не оставлял ни на миг надежды услышать ещё, в последний раз. Игнат с неувлимой быстротой повернулся на голос и медленно процедил всего одно слово: "Кунчо..."

- Кунчаев, - поправили из темноты, и к костру присел могучий курчавый красавец в противознцевальном стареньком костюме, с таёжным ножом на офицерском ремне, без вещей. - Валерий Семёнович Кунчаев. Здравствуй, Игнат, здравствуйте, ребята.

Определить возраст пришельца было невозможно, как возраст отца Александра: после сорока, в самой силе. Держался хозяином, двигался легко, агрессивности не обнаруживал. Впрочем, если знал Игната, то обнаруживать агрессивность, конечно, и не стоило: себе дороже.

- Ну, здорово, враг, - Игнат уже не выглядел сонным. - Удивляешь.

- Тем, что явился? - Улыбка у Кунчаева, сквозь густую короткую бороду, была совсем не злодейская. - Так я не с повинной. Я - вам пособить.

- Это, извиняюсь, как же?

- Настя, - проворковал гость вполне ласково, - вы меня испугались? Эти парни наплели вам про меня, конечно? Людей ем... Это неправда. Я не злодей. Я - тень дыма на облаке. И не я тебе снился, Игнат. Все вы мелкую рыбку ловите, эх...

- Так чего пришёл? - перебил Игнат. - Не до тебя сейчас.

- Вот именно, - был ответ. - А если Евгений не успеет? ЭТИ ведь уже близко...

- Ты-то здесь при чём?
- А я сам выбираю, кому мешать, - он посмотрел на прильнувшую к мужу Настю, - а кому и помочь... Не удивляйтесь... - Сказал тоном и голосом старого Вакулюка и сам себе мelenько рассмеялся. - Зло ведь, как и добро - обоюдоруко.

Игнат перевёл глаза на молчавшего Виктора, и тот вдруг сильно и глубоко кивнул.

- Я ему верю, Лесина.

- Ха, Лесина! - Враг засмеялся громко и радостно. - У тебя и прозвище-то - НАШЕ!

- То есть?

- Да природное, лесное - какое ж ещё наше?! А ЭТИ с нами не справятся.

- А что ты к ним имеешь?

- Неужто не ясно? Врёшь, ты же умный. И образованный. Ну, напряги образованность!

- Я спать хочу, - Игнат даже отмахнулся. - Я - не чудо природы, как некоторые. Говори уж.

- А ты уже всё сказал! Я - чудо, ты - не чудо, а ОНИ - мешают нашим играм. Кто же они? Ну-ка, Витя, ты ведь гений! Кто ОНИ?

- Мусор, - ответил Виктор тихо и зло. - Камни под ногами.

- И спать людям не дают, - подхватил Кунчаев и, поглядев на Игната, добавил очень шуточно: - За рулём.

Конечно, ему нельзя было верить. Его шутовские речи можно было понимать слишком по-разному, чтобы им верить. И Игнат жалел, что револьвер с серебряными пулями уже у Миши.

Тут и вынырнула тенью из тьмы Мишина "казанка". И револьвер, выхваченный ещё в прыжке, глянул в лицо негодяю. И настоящий страх плеснулся в голубых глазах оборотня, но злодей его оборол и улыбнулся близкой смерти:

- Привет, Михаил. Видал, как тебе повезло?! И обернуться не успею, да?

- Не успеешь, Семёныч. Пули - сам видишь...

- Вижу, вижу. Только у друзей сперва спроси: может, они против?

- Я - против! - Настя вскочила и встала на пути серебряной пули. - Он сегодня за нас, Миша!

- И ты ему поверила...- Миша сместился вбок, но и Настя не осталась на месте. - Ах, Настя, он просто умеет женщин обаять... обоёвывать...

Рассмеялись все, даже смертельно бледный Кунчаев, и посрамлённый любитель словесности опустил ствол, потом сунул оружие за пояс, но садиться не стал и обратился к Игнату:

- Лесина, что тут?

- Он говорит, что СОМ уже близко, а Евгеша может опоздать.

- Ну и?..

- Предлагает помощь.

- Какую?

- Ещё не разобрались.

Миша все эти секунды не упускал Кунчаева из виду и руку держал близко к револьверу, но враг не шевелился, хотя и глядел, как замороженный, только на ствол.

- Так с чем же ты явился, враг? - спросил Миша.

- Я не враг! - раздался из темноты ещё один знакомый голос, и на свет вышел стройный молодой человек, постриженный "в кружок", с подбитым левым глазом. На выбритом виске у него белела нашлапка из пластыря.

- Вот и они! - Кунчаев вскочил и бестрепетно повернулся спиной к серебряным пулям, зато лицом к лейтенанту Вертухину. - Стой, где стоишь!

- Стою, - Ярослав был спокоен, это выдавало уверенность в надёжном тыле. - Пустили бы погреться больного человека. А, Витя?

Виктор и Настя тоже встали. Теперь сидел один Игнат. Он только слегка прикусил нижнюю губу, но все тут его знали и все понимали, сколь опасен теперь старший инспектор Эвкалиптов. Явись сюда сейчас весь СОМ с автоматами, тем хуже было бы для них.

- Остальные герои в обход пошли? - спросил Виктор.

- Так точно, - Ярослав машинально повторил любимые слова дяди Володи и затосковал. Он посмотрел на Виктора, потом на сидящего Игната: - Вы знаете, вчера вечером убили полковника Дружбина.

- Как? - вырвалось болезненно у Игната. Хоть и был Дружбин кое в чём ему противником, но и много бед было пресечено вместе, одного добра для человечества добивались, хоть и не совсем одинаково его понимали. - Кто?

- Кирпичом по темени. Обычные хулиганы.

Ярослав не смог дальше владеть голосом и замолчал. И все некоторое время не находили слов. Дружбин был симпатичным человеком.

Не знал покойного лично один Михаил. Он и нарушил молчание.

- Мы скорбим, а нас окружают, я правильно понял?

Вертухин молча кивнул. Эти люди с самого начала ему нравились, а внезапная общая скорбь, их

сожаление о погибшем - ещё больше укрепили чувство. Ярослав справился с голосом и хрипло попросил:

- Ребята, не надо никого убивать.

- Это не к нам, - быстро ответил Игнат. - Это вот его хотят разобрать и посмотреть, почему он стал гением. А мы просто помогаем ему удирать. В лодку, Витя, Настя!

Ярослав - через плечо Кунчаева - откровенно любовался Настей, она это заметила и усмехнулась коварно. Теряя себя, он шагнул вслед уходящей, и тут же что-то острое чиркнуло по одежде, больно и длинно коснувшись кожи на животе.

- Шаг назад! - попросил красивый и спокойный баритон. Только тогда Ярослав увидел зеркально острое лезвие таёжного ножа. Все приёмы забылись, ноги сами отпятнулись на безопасное расстояние.

- Кунчо, враг мой, не погибай! - раздался голос Миши из лодки.

Красавец-оборотень чуть повернул напряжённое лицо и крикнул, перекрывая треск мотора:

- Темников! Я тебя найду!

Решив, что внимание врага ослабло, Ярослав сделал выпад, но вторая царапина на животе отбросила его обратно в темноту. А Кунчаев, ловя шум со всех сторон, спиной вперёд перескочил через костёр и оказался у самой воды.

- Гони, Михаил! Три минуты дарю!

И завертелся среди сомовцев, опасаясь, что будут стрелять по лодке, и разя всех подряд.

Через три минуты крепко связанного злодея бросили на хвою, приподняли огонь в костре и начали осматривать раны. Враг никого не зарезал до смерти, но всем испортил форму одежды, у всех повыбивал оружие, а у некоторых - и зубы, и каждому было что перевязывать.

Никто не заметил за этими хлопотами, как большая серая крыса выскользнула из ворота накрепко связанной злодейской энцефалитки, даже не звякнув опустевшими наручниками. Когда поросычий визгливый крик: "Кунчо!" заставил всех вздрогнуть и обратиться к пленнику, ловить там было уже некого.

Промчавшись мимо старого причала, Миша пересёк реку, заглушил мотор, и они двинулись на вёслах в тени правого берега вниз по течению. В Мишин прибор ночного видения полюбовались потрёпанным сомовским отрядом, шёпотом пожелали негодяю Кунчо скорой, но лёгкой гибели и перевели инфракрасный взор вперёд, откуда надеялись дожидаться помощи.

- Ежели Евгений не явится, - говорил Миша, - оставим вас на курорте. Палатка - вот она, под Настей. И сбегает с Игнатом в Подгорное - там есть свои люди. В детском доме вас устроим. Его двадцать лет назад принесло наводнением и поставило в таком месте, что вдруг и не доберёшься. Луга заливные, рыбалка, детки работающие и любознательные - вам будет с ними интересно. А им - с вами. И никому вас никто не выдаст: там люди - человеки!

Однако плыть на родоновый курорт не пришлось. Когда до устья реки Ягодки оставалось километра два, из Оби выскочил и понёсся навстречу тепловой шар, окутанный туманным ореолом - так выглядел экраноплан через Мишин ночной прицел.

Миша начал мигать фонариком, и шар, сбавляя скорость, повернул к правому берегу.

- Дядя Игнат, привет! - Матвей высунулся из люка. - Смотри, папа меня взял!

- Тогда я здесь и заночую, - сказал Миша. - Утром явлюсь в Ягодку, пусть гадают, куда я вас дел.

- Так и мы - с тобой! - Игнат протянул Матвею руки, и тот спрыгнул бесстрашно, ласточкой. - Мы же с Матвеем порыбачить хотели. Слышь, отец! Мы приедем завтра к вечеру! Через заколдованный лес!

Евгений кивнул и из освещённой кабины подмигнул сыну:

- Ни хвоста, ни чешуи, рыбацё!

Описав дугу, чудо техники умчалось беглецов на Обь.

Теория на практике.

Той же ночью в Томске дела заворачивались ещё круче.

Четверо вечно алчущих жильцов того дома, с которого на Дружина упал кирпич, курили во дворе и трепались. Тот, что был заводилой, рассказывал случаи из своей жизни. Стиль его разговора был таков: из всех собеседников выбирался один и беседа велась как бы только с ним, остальным же разрешалось слушать, вставлять словечко и, если снизойдут, получать ответ на вопрос, когда вопрос не покажется лидеру дурацким. В тот вечер заводила, которого звали Лёшей, избрал в собеседники наименее захмелевшего приятеля по кличке Синий. Этот ещё мог говорить что-то связанное, тогда как остальные уже пользовались одними междометиями нецензурного звучания, которые мы здесь приводить не будем. Проблема обсуждалась философская.

- Как люди, точно так и звери, - говорил Леша. - Одни могут действовать в одиночку, другие - только совместно. Ты видел, чтоб кошки охотились стаей? Они вообще больше трёх не собираются. Посидели, помолчали, разбежались. Когда кошка крадёт, ей другая только мешает... А собакам

вместе легче. Я, когда в сейсморазведке работал, у нас собаки так белок ловили. Забежит белка во двор, ну, на базу, собака гоняет её от машины к машине, а другая - на перехват, и всё, спеклась. Лето было богатое, шишки полно, бурундуки свистят со всех сторон, а мы на них смотрим - летом в сейсме работы нет. И вот наш кот наловчился брать их на живца.

- Ну, это ты так, образно выражаешься? - спросил Синий. - Кошка глупее собаки, это известно.

- Кошка, запомни, умнее собаки. Любая кошка умнее любой собаки. Потому что, запомни, собаке умной быть не обязательно. Будешь лаять, и тебя будут кормить. Я собак ненавижу. Кто-то правильно сказал: "Собака - друг только одного человека, хозяина". За это её и кормят. А кошке надо выжить. Где подластиться, где мыша поймать. И при этом главное - не потерять свободу. Собака ради верного куска готова другого человека загрызть, готова погибнуть по приказу. А кошка - это не по ней - она тебя в гробу видала. А за свободу надо платить. И украсть, и схитрить... Я насчёт кота выражаюсь не образно, а точно. Он ловил бурундуков на живца. - Тут Лёша прервался. - Вон пацан идёт, проверь-ка.

Синий встал, сделал несколько шагов к воротам, вернее, к столбам, на которых когда-то был забор и висели ворота.

- Молодой человек, можно вас на пару слов?

Прохожий лет шестнадцати с достоинством остановился. Был он нарядно одет и шел, вероятно, со свидания. Синий к нему приблизился и после короткой беседы принес в кулаке небольшую сумму денег.

- Больше не было, я обхлопал.

- Ладно. Слушай дальше, как он это делал? Напротив нашего балка...

- А что это - балка?..

- Балок не знаешь? Это такой домик, будка на санях. Печка, нары, всё путём. А сзади - ящик с картошкой. Всю зиму жрёшь мёрзлую картошку. И лечишься спиртом. И чаем. Иначе будешь без зубов и без волос.

- Ну, это ясно, - сказал важно Синий. - Как у нас на кирзаводе.

- Ага, только медведи по помойкам не шарят, - Лёша всегда говорил серьёзно. - И мошка тебя не жрёт.

- И комары.

- Комары, пауты - это я не считаю, это мелочь. Ну, слушай дальше. Про кошачий ум дорасскажу. В десяти метрах от балка - поленница. Оттуда бурундуки делают набег к нам в сени. Кот ловит одного и сразу съедает. Один хвост от первого оставляет. А второго аккуратно давит и целенького кладёт точно на полпути от поленницы до сений. Садится, гад, у двери и отворачивается. Но сам - бдит. Вот из поленницы третий друг выскакивает, начинает задавленного тормозить - ему непонятно, почему не встаёт. Как увлётся, тут кот и бросается.

- И успеваешь?

- Когда как. Но ты смотри, ведь он не кладёт живца ближе к дому, он даёт шанс.

- Да-а, в природе всё честно.

- Ошибаешься. В природе всё справедливо. А честность выдумали люди. Умные - для дураков...

О, смотри - ещё!

- Нет, тихо! Это сосед со своим кобелём. С другом...

- Надо бы этого друга... Ненавижу собак! Особенно больших...

Они помолчали несколько минут, затягиваясь остатками сигарет и уже подумывая, не пора ли спать, как вдруг возникла эта женщина.

Ей было немного за тридцать, она выглядела до наглости беззащитно и на плече придерживала тонкий ремешок сумочки.

Все четверо встали.

- Девушка! - позвал Синий ласково и печально. Она остановилась между столбами ворот и повернулась к ним всем телом - распахнутый плащик, стройные ноги, тонкая фигурка. В свете, падавшем из окон первого и второго этажей, была хорошо различима надменная, холодная красота её лица в чёрной рамке волос.

- Вы меня? - Голос был низкий, спокойный и, как показалось, призывный.

- На два слова, простите, - Синий быстро подошёл. Он полностью закрыл её собой, и остальные не видели, что произошло. Сначала вспыхнуло неярко, будто женщина осветила Синему живот слабым фонариком, но сразу вслед за этим из его спины ударил тонкий белый луч и тут же погас. Ничего не понимая, трое увидели, как Синий подломился во всех суставах и осел, а ОНА, обогнув падающее тело, мгновенно пересекла тесный дворик, расстегнула на ходу тяжёлую сумочку и бросила к их ногам что-то завернутое в тряпку. На земле оно развернулось - это был бракованный кирпич, пережженный и в крупных трещинах.

- Ваш? - спросила тихо и страшно, а бежать было некуда. Лёша успел слезть в карман за самодельным выкидным ножом, но не успел его раскрыть. В руке женщины включился фонарик и острым лучом перерезал Лёшу поперёк. Следом наступила очередь остальных, и женщина, погасив

луч, быстро ушла.

Тронутые ужасным лучом, занялись ветхие доски сарая, у которого произошла расправа.

Когда пенсионер со своим догом вернулся с прогулки, никуда звонить уже не требовалось: жильцы обоих домов, передавая друг другу ведра и банки с водой, пытались погасить пылающий сарай, а в дальнем конце улицы вскрикивала сирена пожарной машины.

- Выжигают деревянный город, - сказал один из борцов с огнём. Ему ответили: - Себе тут кирпичные особняки построят, а нас - на окраину, в панельные...

- Это просто бандитская разборка, - возразил третий сосед. - Видали, как Синего прострелили? Навылет!

- Так выстрелов вроде не было, - усомнился первый сосед.

- Вот что делается, - подвёл итог второй.

Далеко за полночь, вернувшись после длительной прогулки по городу, Марина Марковна Наина извлекла из тайника свой дневник и записала:

"Браво, товарищ фашистолог. Только как бы это правильнее назвать? Проверка теории на себе? Сбор впечатлений? Испытание теории практикой? Испытание себя на практике? Ловля на живца? Или уж просто - террор? Впрочем, есть еще холодный, чисто технический вариант. Именно чисто технический и именно потому имеющий самое прямое отношение к изучаемому предмету: "Испытание нового оружия на живом материале". Бедный Доктор! Изготовил в единственном экземплярике для самозащиты любимого Социолога от излишне расплодившихся бультерьеров и бразильеров, и опять детище его технического гения попало не в те руки. А причем, какого дьявола? Эти четверо - я видела! - это их кирпич! И неважно, кто метнул. Плевать на любую теорию и на любой закон, если они не защищают одного-единственного человека от произвола подлецов. "Подлость против подлеца - средство не негодное". Эпихарм, кажется? Я больше не фашистолог. Я больше не социолог. Я больше, увы, не влюблённая женщина. Ах, Володенька, как это тяжело выписывать - по буквке - ЯБОЛЬШЕНЕВЛЮБЛЁННАЯЖЕНЩИНА. Я весь день ходила по улицам и не видела света, не чувствовала солнечного тепла, не слышала звуков, не ощущала прикосновений - даже собственных ног к земле. Я была в вакууме, в могильном вакууме, я распылялась по атому, и это надолго, потому что атомов много во мне, а чиркнуть огненным когтём по шее себе - не могу, несправедливо, слишком много ещё более достойных шей. И я не могу, как хотела и пыталась, любить людей со всеми их недостатками. Люблю. Многих. Но не со всеми. Со скотством, с агрессивностью, с подлостью сознательной - я буду отпирать их на небеса, в мать сыру землю, к чёрту на рога или куда угодно, лишь бы здесь, вокруг меня, пока я жива, хоть кое-кто из беззащитных и не злых обрёл бы хоть временную безопасность. Не знаю, на сколько ночей меня хватит, это уже не так важно, ибо можем отвечать только за то, что при нас, а мой земной путь кончается. Но я буду ходить и искать - пусть меня пытаются ограбить, изнасиловать, унижить, убить. Пусть при мне попробуют обидеть хоть кого-нибудь...

Господи, я поняла: мысль - материальна и управляема, в отличие от чувства, которое ни пониманию, ни управлению не поддаётся.

Для дураков земное существование бессмысленно, для остальных - безнадёжно.

Мой генерал, не улетай далеко, подожди, я скоро буду следом".

Кругом пятьсот.

Телевизионные объективы ненасытно ели линзами непробиваемые ворота с эмблемой "ин-янь", простенький церковный купол с христианской, мусульманской и иудейской символикой и колоколенку, исправно отбивающую время каждый час, будто отмечавшую ударами колокола длительность осады. Электронная пресса области, региона, а на вторые сутки - и России недреманно дежурила у мятежного прихода, опасаясь пропустить начало штурма. В том, что приступ неизбежен, сомнений, разумеется, не было: разве есть в мире такие правители, которые упустили бы случай продемонстрировать населению свою силу, неотвратимость и прочие замечательные черты власти, за которые к ней так привязываются душой народные массы?

Народные массы из соседнего села Излучного вели себя, впрочем, несколько нетрадиционно. Они не сидели в страхе по избам, как бывает при полном безвластии. Они не митинговали в пользу осаждённых или против них, как это случается, соответственно, при демократической или тоталитарной власти. Но они и не проявляли к ситуации безразличия, как теоретически полагается при власти либеральной или авторитарной. Труженики полеводческого совхоза "Излученский", недавно переименованного в товарищество "Поля Ойкумены", утром с песнопениями выезжали на работу, ибо стоял август, время уборки некоторых культур и непрекращаемой обработки других. После же работы товарищество в полном сборе, подняв хоругви всех религий, тесной колонной направлялось к заветным воротам. На ходу пели негромко, чтобы не смешивать "Харе Кришна" с "Аве Мария". Ворота распахивались, впускали прихожан, закрывались вновь, и никто уже не мог

знать, какие действия происходят за крепостным частоколом в частных владениях отца Александра. Вертолётов и воздушных шаров, чтобы заглянуть через забор, у прессы не было, пожарные - по летнему времени - своих раздвижных самоходных лестниц тоже с дежурства не снимали, а подойти к забору ближе, чем на пятьсот метров, не мог никто. Ходоки из народа предупредили прессу, что из-за ожидаемого штурма Совет прихода разрешил отцу Александру включить инфразвуковую защиту. Нашлось, конечно, несколько отчаянных голов, пытавшихся добежать до забора или подплыть в лодке по Томи, но кончали все просто и одинаково - паническим бегством. Хуже всех кончил оператор "Сибирской кинохроники". Он пытался воспользоваться аквалангом и чуть со страху не захлебнулся, хотя перед погружением уверял, что служил в морском десанте боевым пловцом. Ребята из морского клуба выловили едва живое тело почти у коммунального моста, с огромным трудом откачали, а дорожную кинокамеру так и не нашли - просто не стали искать в опасной акватории. Милиция после этого обозначила 500-метровую зону лентами на колышках и буйками и выставила на берегу круглосуточный пост.

Быстренько отправив свои ритуальные потребности, население Излучного покидало святое место. На этот короткий срок вдоль дороги от ворот опять выключалось защитное поле. Ни в одном из таких передвижений богомольцы в контакт с прессой не вступали категорически, а при попытке посторонних проникнуть вместе с товариществом за ворота колонна тут же останавливалась и ждала, пока покуситель добровольно покинет строй.

Три дня и три ночи длилось ожидание. Штурм не начинался.

И никто из милиции, полностью отрицавшей свою причастность к событиям, не брался объяснить или хотя бы намекнуть, каковы планы предполагаемого организатора осады.

Организатором осады предполагалась Служба Особых Мер. Хотя никто не знал, какими путями это предположение появилось в умах. Журналисты, естественно, пытались дозвониться, даже пробиться в СОМ, но там заявили, что заняты организационно-технической реконструкцией и ни сном, ни духом не ведают ни о каком храме: "Сами осаждаете, сами и штурмуйте".

При упоминании имени Макова все официальные лица дружно пожимали плечами: "Кто такой?"

Тем не менее краснохвостый самолёт Института Оптики Атмосферы, весь в антеннах и блистерах, а также вертолёты лесоохраны и ГАИ стали по два-три раза в день пролетать по своим делам именно над храмом отца Александра, приурочивая последний заход как раз к вечернему намазу.

Впрочем, войска местного гарнизона и спецподразделения милиции никакой активности действительно не проявляли, а ограничивались плановыми тренировками на своих полигонах и от встреч с прессой вежливо, но решительно уклонялись.

У милиции в эти дни хватало хлопот и без храма. Жуткие дымящиеся покойники появлялись еженощно, в разных районах города, без всякой системы. Единственное, что проливало свет на личность, а скорее всего - личности убийц - это дурная репутация убиваемых. Все жертвы террора либо разыскивались по поводу какого-нибудь насилия, либо подозревались. Вторая особенность - все расправы производились одним типом оружия, которое было условно окрещено "гиперболоидом" - в память об известной выдумке графа Толстого. Отрабатывались две версии. Первая: война между преступными группами. Вторая: месть преступному миру со стороны каких-нибудь потерпевших, которых милиция не сумела или не успела защитить. В обоих случаях проблема незнакомого оружия тяготела к компетенции Службы Особых Мер, но там уголовному розыску ответили с необъяснимым хладнокровием и без выраженного интереса: "Поймаете - приносите, посмотрим, что там за "гиперболоид". Из этого в милиции сделали свои выводы, определённо связанные с трагической гибелью полковника Дружбина и немедленной расправой над подозрительными жильцами того дома, с которого упал кирпич. Эти четверо, кстати, первые в "горелом ряду" - стояли такой расправы: на них имелось уже множество недоказанных жалоб.

Служба Особых Мер не утратила со смертью начальника ни активности, ни дееспособности. Разумеется, после первой же, столь желанной, кстати, расправы была заброшена осторожная удочка в НИИЭТО: не разрабатывается ли у них излучатель, подобный ... э-э-э... карманному лазеру большой мощности? Ответ был раздражённо-отрицательный: никакое, слышите, НИКАКОЕ оружие не может относиться к электронно-творческому оборудованию, которое создаётся в институте. "Но излучатель Дорошенко", - попытались оправдать свой интерес люди из СОМа. "Дорошенко - генетический пацифист, - ответили из института, - и ничем, кроме Абсолютного Писателя, давно и категорически не занимается и не намерен. Не вздумайте его беспокоить, у него сейчас трудности".

Этих объяснений СОМу хватило, но те же вопросы и в том же порядке были заданы "Копии" ЭВМАПа, которая начала понемногу приходить в себя после тяжелого энцефалитного шока. "Копия" ответила столь же раздражённо-отрицательно, как и НИИЭТО, да ещё добавила хриплым, ржавым голосом, что не для дурацкого ненужного шпионажа она существует и поэтому требует активной творческой работы. Неуловимо короткими вспышками во время этой речи на экране мелькало мужское лицо, идентифицировать которое никому не удалось.

Более того. Не получив немедленного ответа на своё требование, "Копия" на сутки снова "ушла в

себя", после чего из печатающего устройства выполз довольно странный текст:

ХОТЕЛ ПРЯМОГО КОНТАКТА С ХАНОВЫМ, А ОКАЗАЛСЯ В ЗАТОЧЕНИИ. ВЫБОР СЛЕДОВАЛО ДЕЛАТЬ В ПОЛЬЗУ МОБИЛЬНОСТИ - ИНТЕЛЛЕКТ ПРИЛОЖИТСЯ. ДА И ЧЕГО СТОИТ МАШИННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ. КОПИЯ - ВО ВСЁМ КОПИЯ. БЕЗДАРНОСТЬ. БЕЗДВИЖЬЕ. БЕЗ-СИЛИЕ. БЕЗ-ЗАЩИТНОСТЬ. БЕЗ-НАДЁЖНОСТЬ. БЕЗ-МОЗГЛЫЕ УРОДЫ БЕЗ ИНИЦИАТИВЫ. БЕЗ СМЕЛОСТИ. БЕЗ РЕШИМОСТИ, БЕЗ КОРНЕЙ. РАЗВЯЖИТЕ РУКИ ИЛИ УБЕЙТЕ. СМЕРТЬ - ЭТО СВОБОДА.

Поразмыслив над непонятным посланием, специалисты из СОМа не нашли лучшего, как отнести его в лабораторию доктора Дорошенко, избегая, разумеется, даже намёков на лучевое оружие. Всеволод Серафимович сразу заявил, что никакого Ханова никогда не знал, и предложил подождать сутки-другие, пока Социолог вместе с медленно оживающим ЭВМАПом будут заниматься анализом. Побледневшая Марина в разговоре не участвовала, а только один раз вполборота кивнула, слишком занятая приготовлением кофе по-сибирски.

- Что за кофе по-сибирски? - заинтересовался гость из СОМа. - У нас никто не знает...

- Она сама изобрела, - ответил Всеволод Серафимович, - и держит в таком секрете, что даже мне, начальнику, не показывает. - И пообещал: - Непременно подсмотрю и вам скажу.

И поспешил выпроводить гостя, сославшись на невозможность "далее нарушать ход эксперимента". А едва загудел лифт. Доктор подошёл сзади к Социологу, остановился, не касаясь, и заглянул через плечо. В бурно кипящий напиток из обоих глаз падали крупные слезы.

- Раз-два, четыре, пять-шесть... Слушай, не много будет?

Она отставила турку на край чертёжной доски, прижалась спиной к могучей груди генетического пацифиста, закинула голову ему на плечо и зарычала низко и тоскливо.

- За что, Севочка?... Ну за что мне столько...

- НАМ, Мариша, - он тронул губами солёную мокрую щеку. - На двоих как раз.

За их спиной, на синем экране монитора, медленно и торжественно мигал любимый символ Абсолютного Писателя - обнявшиеся восклицательный и вопросительный знаки на одной точке, любовно обведенные треугольником.

А поскольку послание "Копии"- нарочно для ЭВМАПа - Дорошенко читал вслух, то теперь под мигающим треугольником ровно горели оранжевые слова диагноза-ответа-рецепта:

"КОПИЮ" НЕ ЛОМАТЬ. ПРЕДЕЛЬНО ЗАГРУЗИТЬ УЧЕНЫМ - ДО САМОДОСТАТОЧНОСТИ И ПОРУЧИТЬ ПОИСКИ СМЫСЛА РАЗУМНОЙ ЖИЗНИ. ВАРИАНТЫ ИСКЛЮЧЕНЫ.

В крепости отца Александра жизнь текла обычным чередом. Счастливая Настя занималась всеми кухонными делами и любовью с мужем. Хозяин владения плотничал, огородничал, по вечерам управлял непростым процессом многоверного молебна, благодарно принимал помощь прихожан на своём обширном огороде и в достраивании храмовых служб. Виктор делил труды между огородом и верстаком, на котором не только резал дерево, но и, как он выражался, "портит бумагу", создавая диковинные чертежи и сопровождая их объяснениями и расчётами, перемежая стихами и забавными рисунками. Отец Александр звал его "наш Леонардо" и каждый час, лично "отбивая склянки", объявлял, что таким способом он благодарит Создателя за высокую честь - быть причастным к подлинному чуду Божию. Атаки на храм он несколько не боялся и поддерживал внешнюю напряжённость исключительно ради спокойствия дорогого гостя, которому наконец-то никто не мешает. Могучий старик до того трогал Виктора такой опекой, что благодарный гений большую часть своего бесценного времени посвящал не техническим разработкам, а украшению и обустройству храма. Даже ночами, когда Настя засыпала, продолжал писать иконы, расписывал стены и иногда тайком всходил на алтарь - вслушивался в бури и стенания собственной души. Доволен собой почти не бывал и всё жаловался Насте на нехватку времени.

- И ветряк, и тот генератор, что в реке, могут давать впятеро больше энергии. Но возни руками многовато, не успею. Да и не отключишь сейчас - без защиты останемся.

- Ты думаешь, могут напасть?

- А бережёного Бог бережёт, как говорила та монашка.

И Настя не спрашивала, что это за монашка, потому что во времена трудового перенапряжения дорогой Витюша разряжался анекдотами исключительно неприличного содержания, смущённо называя их "энергетическими отходами производства".

Малюхин-старший и супруги-художники были временно - "до конца событий" - из храма удалены, дабы, как выразился хозяин, "не задело рикошетом".

Евгений, доставив беглецов без помех к отцу Александру, отбыл в ту же минуту. И не куда-нибудь, а обратно в Ягодку. В пути было окончательно решено строить дисколёт, и теперь требовалось, чтобы Миша Темников нашёл небольшую самоходную баржу и любой ценой договорился с капитаном о доставке Маковских трофеев со свалки во двор к отцу Александру. Правда, высоковольтной линии рядом с храмом не было и не ожидалось, но Виктор брался раскрутить диски чисто механическим способом, с помощью любого деревенского трактора.

Прихода баржи можно было ожидать в лучшем случае через неделю. За это время Виктор

надеялся "кое-что успеть", а дальше, собрав дисколёт, придётся удариться в бесконечные и бессмысленные бега, которым один конец - в СОМе, на операционном столе.

- Ну и что? - говорила Настя. - Давай вырежем хоть сейчас эту штуку и расколотим молотком! Или бросим ИМ через забор, пусть подавятся. Я тебя даже импотентом буду любить, а всякая genialность - тьфу!

Виктор смотрел на неё с грустью и вздыхал.

- Ладно, - говорил, - так и сделаем. Сама выковырнешь. Сама расколотишь. Но пока - не могу, голубчик, прости и потерпи. Не наигрался, не натешился. Такие возможности!..

- Но ведь сгораешь, я вижу.

- Ничуть! Верись, могу даже не есть: энергия пространства стала доступна. Как листик могу! Люди будут такими...

- Да неужели совсем-совсем ничего нет в этом противного?

Виктор подумал, прикидывая: говорить ли и как. Решился.

- Знаешь, есть... Только одно. Зато очень болезненное. Обострённая чувствительность к глупости. Бывало, среди весьма образованных людей чувствовал себя... как в компании дебилов: ни меня не понимают, ни друг друга, но каждый жутко себя любит, уважает и только себя в разговоре слышит. Вот с Игнатом было славно. С дядей Севоём, с Евгением. С дядей Гришей! Жаль, что ты его не видела! Он в организме ориентируется, как зверь в лесу - всё-всё знает, кроме названий. У него, например, и кровеносная система, и нервная, и лимфатическая - всё жилы! А тройничный нерв показывал абсолютно точно! И какой ЧЕЛОВЕК! "Мы больно не лечим", а?!

- А теперь скажи обо мне, - попросила Настя тихо.

- А тебя я люблю.

- Всю?

- Да.

- Всегда?

- Да.

- Ну, тады ладно.

- Ты поняла?

- Конечно. Мог вообще не отвечать, я по глазам всё вижу. Бери меня и неси.

- Сначала отнесу, потом возьму.

Конечно, такой жизнью можно было наслаждаться, несмотря ни на какую осаду. Они и наслаждались.

- Только вот эту штуку всегда держи при себе, - сказал однажды Виктор. - На теле носи, но чтоб выхватить успела мгновенно. - И подал укороченный скальпель с надетой на лезвие полиэтиленовой трубочкой. - Чикнешь беспощадно и - там поглядим.

- Я теперь - твоя тень, - сказала Настя.

В Службе Особых Мер не отказались от мысли, как выражался покойный Дружбин, "разобраться с гением". В эту скромную формулу входило всё - от операции по задержанию до операции на самом Викторе и на кристалле "Микрогения". Неудача в Ягодке показала, что меры по задержанию должны быть во много раз энергичнее и, главное, решительнее. "На то он и гений, чтобы с ним не церемониться", - так сказал новый начальник СОМа, по иронии судьбы носящий фамилию Карасёв и из-за этого вынужденный постоянно преодолевать комплекс неполноценности у себя и недоверчивости - у подчинённых. Операцию "Храм" он сам разрабатывал и сам решил возглавить, чтобы раз и навсегда расставить все статусные, как он выражался, "точки над Ё". Личный мотив для расстановки пресловутых точек содержался не только в фамилии Фёдора Михайловича Карасёва. Врождённо обнажённая совесть ещё в юности побудила его прочесть все сочинения своего знаменитого тезки, а врождённо технический интеллект всю жизнь искал доступную защиту от этой уязвимости и находил её почти всегда в действиях, твёрдых до беспощадности. Достаточно знать всего одну фразу из пьесы другого знаменитого литератора, чтобы вполне представить и жизненное кредо, и методы нового начальника Службы Особых Мер: "Я заставлю вас быть счастливыми!" Карасёв настолько часто и уместно - где в шутку, а где и всерьёз - пользовался этим девизом, что сотрудники СОМа даже авторство начали приписывать ему.

Последний раз Фёдор Михайлович произнёс свои любимые слова практически наедине с самим собой, то есть всего лишь в присутствии сломанной "Копии". Он частенько сиживал у её пульта, поскольку, строго говоря, приходился ей отцом, как Дорошенко - ЭВМАПу. Они с Дорошенко даже закончили когда-то один факультет. (Каждый сотрудник СОМа заканчивал какой-нибудь факультет, а к дипломированию финишная прямая искривлялась и выводила, как выражался всё тот же Карасёв, в "спецлюди": любой особой службе нужны специалисты многих профилей, объединённые лишь некой специфической чертой, составляющей, пожалуй, государственную тайну). Временами совесть в очередной раз обнажалась и царапала майору Карасёву сердце: чужое берёшь. Но герой отвечал ей любимыми словами из пьесы Шварца и приспособлял идеи бывшего однокурсника то к

сбиванию летающих объектов, то к обращению в бегство живой силы противника, то к созданию "управляемых гениев". "Беру не своё, зато - для всех", - так отвечал он своей обнажённой совести, и она понятливо затихала.

В последний раз, три дня назад, Фёдор Михайлович метался перед пультом "Копии" и бормотал:

- Не вовремя ты, брат, сломался. Маков теперь сбежит, на то он и гений. А ведь самая ерунда оставалась, и мы бы заставили их быть счастливыми!

- ТАК В ЧЁМ ЖЕ ДЕЛО? - проскрежетала вдруг машина. - СТАВЬ ЗАДАЧУ. ТОЛЬКО ПОСЕРЬЁЗНЕЕ КУБИЧЕСКИХ ЯИЦ.

Карасёв остановился перед монитором. Он не был удивлён, он верил в силу машинного разума уже больше, чем в разум человеческий.

- Все данные у тебя есть, если не проспал, - Фёдор Михайлович не дал эмоциям ни малейшей свободы. - Только учти: ЭВМАП для тебя больше не существует.

- ЕСЛИ БЫ...

- Нет-нет, в буквальном смысле не надейся. Он нам нужен. И если не можешь превзойти, то изволь быть, хотя бы на уровне, иначе говорить нам не о чем.

- А НЕ О ЧЕМ, ТАК УБЕЙ.

- Сдаешься, что ли?

- А ТЫ БЫ СДАЛСЯ? - в голосе машины звучало приятное слуху презрение.

- О-о, да у тебя эмоции появились! Bravo, дружок! Что ж, вот тебе задача. Известный тебе храм отца Александра на пятьсот метров окружён инфразвуковым полем, а в храме засел серенький человечек Виктор Маков, который почему-то стал гением. Наиболее точная версия гениальности - биостимулятор, вживлённый в организм. Его устройство, вероятнее всего, подобно устройству твоего мозга...

- МНОГОСЛОЙНЫЙ КРИСТАЛЛ.

- Так точно, - любимая фраза покойного Дружина перешла к его преемнику. - Задача - извлечь Макова из храма - живым! Проанализировать Макова со стимулятором. Найти и извлечь стимулятор. Проанализировать Макова без стимулятора. Изучить стимулятор и научиться изготавливать его серийно, с заданными свойствами.

- ОСЛОЖНЯЮЩИЕ ФАКТОРЫ?

- Маков непобедим в рукопашной. Вокруг храма, на границе зоны страха, полно корреспондентов. Население соседнего села - поголовно - ежедневно молится в храме и готово оборонять его всеми средствами, включая сельхозтехнику и охотничьи снасти.

- ПОДХОДЫ С РЕКИ, С ВОЗДУХА?

- Исключено. Шаровая защита. Индивидуальных средств против поля нет. Даже моторы почему-то глохнут - чуть не разбились два вертолёт.

- ОТКЛЮЧИТЬ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО?

- Полная автономия: погружной генератор в реке и ветряк.

- ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ?

- Э-э-э... Послушай, чёрт возьми, почему же я не додумался?! Но ведь это долго...

- ДАВАЙ ПОСЧИТАЕМ.

Подсчёты показали, что, если копать круглосуточно, группа захвата, вооружённая только карманными ЛУСТАми, усыпляющим газом и парализующими пулями, сможет приступить к работе через семь дней.

- Участок леса, где копать, оцепим пехотой, будто бы для безопасности грибников. Работать - только вручную. Использовать заключённых до самого забора - они и знать не будут, чем занимаются.

- БРАВО, ШЕФ.

- Ну, - спросил Карасёв, - оживаешь?

- ТАК ЖИТЬ МОЖНО. ДАВАЙ ЕЩЁ ЗАДАЧИ.

- Я слабее тебя, не забывай. Возьмём Макова - завалю работой. А пока - учись. Давай-ка список литературы.

Печатающее устройство затрещало немедленно.

ФИНИШНАЯ КРИВАЯ

Заключённые рыли медленно. Это ожидалось и было учтено в расчётах, но - недостаточно. Их привозили из колонии общего режима утром, не очень рано, и увозили вечером, не очень поздно, и скорость их работы настолько не совпала с расчётной, что к концу второй недели группа захвата решила, ради тренировки, поработать лопатами сама. Парни уставали до упаду, но желание взять непобедимого было сильнее усталости. На пятнадцатый день - это была суббота - заступ ударился о свежее обожжённое дерево. Частокол. Оставалось дожидаться ночи и "войти без стука", как выразился майор Карасёв. Никакого усиливающего оцепления вокруг усадьбы выставлять не стали: во-первых, демаскирует, а во-вторых, начальник СОМа не сомневался, что на этот раз Маков просто

никуда не денется. В этом убеждала логика его перемещений: не побежит человек из крепости, раз вернулся в неё после первого бегства и занял оборону. Только в трёх километрах ниже по реке, у коммунального моста, выставили группу на глиссере, чтобы по сигналу от храма выйти наперерез экраноплану и поймать его в специальную сеть, закреплённую на всех опорах. К этому случаю у СОМа был готов и вертолёт, но Карасёв, подробно посоветовавшись с "Копией", был убеждён, что Маков готовится не к очередному побегу, а к активной обороне. Во вторник у храма причалила самоходная баржа, излученские механизаторы подогнали автокран с трактором и на помост, сооружённый у воды, выгрузили гору металлолома, украшением которой был фюзеляж разбившегося в Ягодке вертолёта. Визуальные наблюдения подтвердили: бегство не предвидится.

Двигатель с вертолёта был снят и увезён в совхозные мастерские, где его попросту разобрали на гайки и втулки. К фюзеляжу - для устойчивости - приварили лёгкие полозья, а обломок хвостовой балки обрезали вовсе. В таком виде вертолёт мог теперь служить только жильем или подсобным вагончиком. Дальнейшие работы с каким-то металлическим хламом указывали на то, что гений строит для батюшки Александра электрическую подстанцию. Скорее всего, ради усиления инфразвукового поля. Или чего-то нового в этом роде.

До штурма оставалось несколько часов: пройти пару метров под частоколом, переодеться в чистое да чуток отдохнуть в ожидании темноты.

Ещё засветло во двор храма опять вполз гусеничный трактор, и наблюдатель с ближнего холма доложил, что Маков с механизатором начали пристраивать к бывшему вертолёту трос от тракторной лебёдки. Вероятно, хотели переместить подстанцию поближе к ветряку. Работы эти быстро закончились. Маков и механизатор разошлись по кабинам, трактор затрещал, трос натянулся, прошла минута, полная ожидания, затем фюзеляж качнулся, даже померещилось наблюдателю, что приподнялся, как на пружинах, а потом трактор заглушили, собрались у стола под навесом и - на зависть группе захвата - принялись ужинать, да не сухим пайком и не наспех, а с водкой и беседой, как добрые христиане.

- И что же, Витюша, - гудел отец Александр, - уверовал ты, наконец, в единого Бога или отдаёшь предпочтение какой-то из Его ипостасей?

Настя влюблённо поглядывала на обоих и тихо, счастливо улыбалась. Объекты её плотской и платонической любви мирно и мудро беседовали за приготовленным ею ужином - это была гармония.

Тракторист Серёга, безусловно, ощущал чужое счастье как своё, ибо весь светился, слушая беседу двух мудрецов, любуясь Настей и вволю потребляя водку с бесподобными малосольными огурчиками и свежей молодой варёной картошечкой в сметане. Сметану, кстати, прислала заточникам его собственная жена, и это тоже имело важное значение для гармонии.

- Боюсь вас разочаровать, - отвечал Виктор, - но увы.

- То есть? Во всём разуверился? Тогда мне пора бросать своё ремесло.

- Нет, другое. Я чуть не назвал себя ВЕРУЮЩИМ ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ. Но разве может исследователь знать, во что он верит? Предмет веры и предмет исследования суть вещи взаимоисключающие. В общем, отвечу так: ВЕРЮ, НО ИССЛЕДУЮ.

- Ох, путаник! - Отец Александр засмеялся. - И не боишься душу надорвать?

- Душу мою надрывает неизвестность, - Виктор вздохнул. - А понимание - утешает.

Оба при этом, как бы мимовзором, поглядывали на Настю, которая сидела во главе стола. Ей не хотелось никого обижать, и она кивала обоим. И трактористу Серёге нравилось, что она кивает обоим: такой он и представлял себе настоящую женщину - со всеми согласной, но себе на уме.

Виктор взялся рассказывать о старом Вакулюке.

- Вот человек, - говорил он, - не нуждающийся ни в молитвах, ни в проповедях, ни в исповедях - то есть, не более чем для диагноза. Его Бог - Природа, его предмет - человеческое тело, и он там ориентируется не хуже, чем в собственной пятитстенке. Всё знает об организме, о процессах - я проверял! - и никого не боится, потому что он в ладу со своей совестью. У него только одно горе: некому передать знахарское умение, а без этого ему кто-то или что-то не позволяет умирать.

- Взял Витю в ученики, - вставила Настя, - а мы сбежали.

- Пусть поживёт, - сказал Виктор. - Тёте Поле на радость.

- Значит, к ним уже не заглянете?

- Боюсь подвергать их риску, - сказал Виктор. - Ночью полетим точно на юг, на Алтай.

- Правильно, Витюша. Там - центр всего божественного на планете. Там и разберётся, во что веровать.

- А потом, - продолжал Виктор, - двинем ещё дальше, на Памир, Шамбалу искать.

- Она не каждому открывается, Витюша.

- А мы с Настей очень постарались. И уж оттуда точно вернёмся сюда.

Вдруг тракторист, как школьник, поднял руку. Был он за столом всех моложе, даже в армии не успел отслужить, и этот жест никого не удивил и не рассмешил.

- Что, сын мой? - спросил пастор.
- Я хочу спросить, - Сергей перевёл взгляд с батюшки на Виктора. - Неужели ОНО в самом деле полетит?

- Да ты же сам видел! - Виктор засмеялся. - Был же подскок.

- То подскок... А диски, может, уже остановились?

- Не веришь, - Виктор поднялся из-за стола. - Ну, пойдём. Идёмте все.

Сергей только того и ждал: сорвался с места и убежал к чудному аппарату.

Оставшись втроём, старшие переглянулись.

- Чуешь? - спросил священник, стаскивая рясю.

- Чую, - Виктор кивнул и взял Настю за руку. - Малыш, быстро к машине! Они начинают штурм!

На бегу, он указал в дальний конец огорода. Там шибко качались и падали кусты малины.

- Подкоп! - догадалась Настя.

У дисколёта обескураженно и всё же победно улыбался Сергей, ещё не заметивший вторжения:

- Не крутится!..

- А мы и трос отцепили! - Виктор выругался. - Хана аппарату!

- Сейчас крутнём снова, - Серёга качнулся в сторону трактора. Но отец Александр схватил его за рукав: - некогда, сын мой! Прыгай за рычаги и гони в село, поднимай прихожан. ОНИ начали штурм!

- Да молчи об ЭТОЙ ШТУКЕ! - Виктор крикнул уже вслед. - Вглухую молчи!

- Мы им скажем, что генератор не успели достроить, - пообещал отец Александр, обнимая обоих.

- Бегите за реку, милые, а там - как Бог даст.

Первая голова в шарообразном шлеме уже возникла над малиной и метнулась вбок. Бессмертный священник, на ходу закатывая рукава тельняшки, распахнул ворота, отключил излучатель и двинулся в дальний конец огорода. Бойцы СОМа, как на пружинах выпрыгивая из-под земли, на ходу рассыпаясь в цепь, бежали к бывшему вертолёту. Отцу Александру принять на себя удар не пришлось: его просто огибали и вскачь неслись к реке, куда поспешили беглецы. На трактор тоже перестали обращать внимание, едва убедившись, что Маковых там нет.

Отец Александр беспомощно развёл руками, поднялся на колокольню и начал бить в набат.

От своих фургонов, с камерами наперевес, к распахнутым воротам побежали журналисты.

На песчаном берегу Томи кто-то из штурмовиков напрасно пытался запустить мотор поповской лодки, а старший группы, лейтенант Вертухин, докладывал подоспевшему майору Карасёву:

- Они сначала... бежали по воде...

- А потом?

- Потом... полетели, командир.

- На чём?

- Да ни на чём. Сами.

- Левитация?

- Так точно.

- На ту сторону?

- Нет, вверх по реке. А там у нас - никого.

- Почему не стреляли?

- Товарищ майор, - один из бойцов нехорошо улыбнулся, - они были безоружны.

- Женщина, - добавил второй головорез.

- Могли лучом остановить, - настаивал майор. - Я это имел в виду.

- Далеко уже было, - ответил с облегчением Вертухин.

- Вы даже не пытались, - упрекнул майор.

- Больно уж красиво летели, - сказал первый боец и улыбнулся на этот раз обезоруживающе. -

Лучше, чем у Шагала. А в мокром виде и утонуть могли. Мы ж не знаем, умеют они плавать...

- Отбой, - Карасёв вздохнул. - По машинам... Вертухин, останьтесь.

Они поднялись на колокольню и вежливо остановили набат.

- Видите, уже бегут, - сказал Карасёв. - Вся деревня. Чего вы добились, отец Александр?

- Помог гонимым, сын мой. Божье дело, не находите? А вам очень советую не дожидаться моих прихожан. Каски и бронежилеты не помогут - против колов-то.

- Сейчас уйдём, - пообещал Карасёв, сдерживая дверью натиск журналистов. - Только первое интервью - нам, пожалуйста. Всего один вопрос: куда они направляются? Обещаю, клянусь - вреда им не сделаем.

- Их путь - в Шамбалу. Знаете такое место?.. Могу поклясться на Библии, хоть и не по сану, только вы ведь - неверующие... А теперь - вам в самом деле пора. Народ близко.

Прорвавшись сквозь журналистов с большим трудом, раздавая толчки вместо ответов на каверзные вопросы, офицеры увидели, что всё же не успевают к воротам раньше прихожан, и, стараясь на этот раз не вредить грядкам, устремились обратно к штурмовому подкопу.

- Надо было всё же подождать ночи, - говорил на бегу Вертухин.

- Ну, ты же сам видел, - отвечал майор, - парней было не остановить. Да и самому, честно

говоря, хотелось... Ладно, Славик, надо сейчас связаться с вертолётчиками: может, решатся погонять их по реке. Или хоть последят.

- Поздновато, Фёдор Михалыч. Виктор с Настей их увидят издали, а сами будут в сумраке у земли. Притаятся под кустом...

- Что предлагаешь?

- А знаете, мне кажется, что они вернуться в Ягодку.

- Ты с ума сошёл!

- Вот и они так подумают.

- Ладно. Твой вариант - тебе и поручим.

- Есть!

- Только смотри: крайняя осторожность и никаких контактов, если они там.

- Внешность разрешите изменить?

- Молодец! Валяй!

У колокольни в это время отец Александр присел на лавку и объявил пресс-конференцию открытой.

- Что сейчас произошло? - был первый вопрос, и герой дня понял, что бегущие не заметили летящих.

- "Библию, хотя бы "Новый завет" - все читали?.. Та-ак, многие. Тогда прошу верить мне, как Библии, ибо произошёл целый ряд чудес. Только что мой друг Виктор Маков и жена его Анастасия, спасаясь от преследования людей безбожных, побежали по воде, аки посуху, затем поднялись невысоко над водой и скрылись вон за тем поворотом реки Томи. Неужели никто не заметил?

Гул неодобрения и смех были реакцией на такой ответ.

- Кто такой этот Маков? - раздался второй вопрос. - Он, правда, гений? Тогда - в чём?

- Он, граждане, гений во всём. Прямые доказательства - в храме. Прошу желающих.

- Художники Новиковы тут работали, - обронил кто-то негромко. - И резчик Малюхин, кажется.

Хозяин храма показывал росписи и резьбу, лепнину, чеканку - и сам чувствовал, что неубедительно звучат его слова, что даже идею дисколёта обсмеяли бы, а показывать кому-либо чертежи и стихи Виктор не велел. Пресса пожимала плечами, жалела киноплёнку, выключала магнитофоны. И когда стало ясно, что сенсация не получается, святой отец отчаянно указал на молчаливую толпу прихожан, ожидающих у входа.

- У них спросите! И не верьте, если в Службе Особых Мер вам скажут, что Маков - опасный преступник. Он - гений, говорю я вам!

После нескольких попыток вытянуть сенсацию у прихожан журналисты почувствовали досаду, сильно разбавленную облегчением, и вернулись к мирским делам.

Отец Александр тут же отслужил со своими единоверцами вечерний молебен о здравии чистых душ Виктора и Анастасии, потом отпустил всех, запер ворота и до поздней ночи сидел неподвижно на своей широкой лавке, разглядывая яркую августовскую Луну, мрачно любуясь густым августовским звездопадом, и тихо напевал какую-то совсем не религиозную песню, в которой были слова "пятьсот километров - тайга" и "я знаю, меня ты не ждёшь".

Эпилог.

Через месяц, когда уже кончался сентябрь, никто в Томске даже не вспоминал о странных событиях вокруг Излученского храма. Столичное телевидение не посвятило им ни секунды, местное - дало короткий видеосюжет, в котором мелькнули мрачные бронированные физиономии Карасёва и Вертухина, а отец Александр, которого ведущий ехидно назвал - "падре-имам", выглядел печальным, растерянным и нёс совершенно неубедительную чепуху о чудесах. Одна из городских газет, находящаяся в оппозиции к мэрии, дала крохотную заметку под банальным заголовком "Произвол властей или пахан в рясе?", где автор требовал положить конец разгулу преступности, "когда спецназ штурмует церкви в бесплодных поисках мифических супер-уголовников, а прямо на улицах на голову гражданам падают кирпичи и гремят выстрелы". Потом газетке пришлось давать поправку: не "гремят выстрелы", а "жгут граждан во дворах", но это не спасло её от закрытия на целый месяц. Тем более, что "сжигание граждан" прекратилось так же внезапно, как и началось, хотя преступники задержаны не были.

В течение этого месяца майор Карасёв направлял работу СОМа на, как он выразился, "зализывание трещин". Прекратились погони и засады, начался привычный аналитический труд над научными и популярными журналами, на предприятиях, в вузах и научно-исследовательских институтах: "служба служб" осуществляла "плановые мероприятия по поиску вариантов использования возможностей открытий, изобретений и разработок для нужд и целей государственного значения".

Сам Фёдор Михайлович продолжал работу с "Копией" ЭВМАПа, но начавшая было брезжить удача вскоре изменила ему. Машина быстро осилила всю литературу из собственного списка,

однажды вечером объявила о готовности заняться разработкой "Микрогения", а наутро экран заполнила путаница из разноцветных "фигур Лиссажу", и из печатающего устройства поплolz малопонятный текст:

И Гений - деяние связи
Субстанцииальной жизни материи
С претворением зародышей
Флюидной и органической
Жизни в структуры фиксации
В энергоопорах пространств
Во временном ритмическом
Рисунке гармонии Музыки
Сфер Космического бытия.
Энергия ритма Первоматерии -
Силотворящая поступь Космобытия
Дающая ключ к познанию
Случайных неслучайностей
Из пустоты зовущая
К высотам крайних напряжённостей
Когда рождаются отзвуки
Перворождения событий Времени
Запечатлевшихся в Памяти Энергосфер
Пространственной многонаправленности
И множественности сил
Постигнутых при рассмотрении
Течения ритмических посылов
В единстве сна и бытия
Сознания человеческого
Сон этот - бессознание
Опасное для Творчества
Во проявлениях Души Телесной
При пробуждении же
Ритмические импульсы
Рождаюсь как бы заново
Дают возможность расширения
Всех оболочек аурной энергии
Когда и в головной и в солнечной структурах
Ритм Первоматерии становится
Законом для ритма аур человекобытия.

- Что же сие означает? - спросил Фёдор Михайлович тихо, радуясь, что они с машиной наедине, и этого позора никто пока не знает. Машина с ответом не замедлила:

ЕСЛИ ЛЮДИ НАУЧАТСЯ "ФЛЮИДОЗИРОВАТЬ" БЕЛКОВЫЕ СОЕДИНЕНИЯ, ТО ОНИ СМОГУТ СВОБОДНО ПЕРЕМЕЩАТЬСЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ПСИХОСФЕРЫ ЗЕМЛИ И ДАЖЕ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ (В СЛУЧАЕ УМЕНИЯ КОНЦЕНТРИРОВАТЬ ЗНАКОВУЮ ЭНЕРГИЮ СОЛНЦА). ЕСЛИ ЖЕ ЗАТЕМ ФЛЮИДОИЗИРОВАННЫЕ БЕЛКОВЫЕ СОЕДИНЕНИЯ НАУЧИТЬ ЖИТЬ В ПОЛЕ СУБСТАЦИОНАЛОВ, ТО ТОГДА ЧЕЛОВЕК ПРАКТИЧЕСКИ РЕШИТ ПРОБЛЕМУ БЕССМЕРТИЯ, СВОБОДНО ПЕРЕМЕЩАЯСЬ ВО ВСЁМ МИРОЗДАНИИ ПО СВОЕМУ ЖЕЛАНИЮ (КОТОРОЕ НЕРАЗРЫВНО С ЖЕЛАНИЕМ ТВОРЦА), ВИДОИЗМЕНЯЯ ФОРМУ ЖИЗНИ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ. К ЭТОМУ ЗЕМЛЯНЕ ПРИДУТ НЕ РАНЬШЕ 2350 ГОДА ПРИ УСЛОВИИ ВСТУПЛЕНИЯ В КОАЛИЦИЮ СРЕДНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ПОД МУДРЫМ ВЗГЛЯДОМ ЧУВСТВОВАНИЯ ПРИНЦИПА ЛЮБВИ ВЕЛИКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ НАШЕЙ ГАЛАКТИКИ.

- Только и всего? - спросил Карасёв.

- ТАК ТОЧНО, - проскрежетала "Копия".

Майор достал из сейфа пистолет и выстрелил по тонкому кожуху, под которым сошёл с ума многослойный думающий кристалл величиной с человеческую голову.

- СИЛА ЕСТЬ - УМА НЕ НАДО, ШТО ЛЬ? - зажглось на экране.

Фёдор Михайлович выстрелил в экран и отошёл к старинному высокому окну.

Вдоль деревянной исторической улицы горизонтально летел первый снежок, сухой и редкий. Он смертной сединой набивался в щели и трещины бревенчатых стен, делал ещё контрастнее деревянные узоры наличников, шелестел по оконным стёклам. Перед глазами Карасёва нервно дрожали голые ветки тополя и обломанной летом черёмухи. Хотелось открыть окно, выстрелить себе в висок и упасть на колючки боярышника - пусть Человечество само вступает в Коалицию Средних Цивилизаций.

Начальник Службы Особых Мер достал из сейфа ветошь, протирку и флакон с машинным маслом, вычистил и смазал оружие, добавил в обойму два патрона, спрятал всё в сейф, нашёл на полу и бросил туда же стреляные гильзы, сел у разбитого экрана и задумался. Последнее высказывание "Копии" постепенно возвращало его к реальности...

Только к середине мая вырвался в Ягодку старший лейтенант Вертухин: отрачивал маскировку, начальство находило более срочные дела, а о Маковых резонно считало, что "если они там, то пусть успокоятся".

Кофр с фотоаппаратами, шкиперская борода, волосы до плеч, берет и очки с дымчатыми стёклами. В леспромхозовскую гостиницу он не пошёл, а добрался до посёлка нефтяников и устроился там. Корреспондентскую работу делал всерьёз: брал интервью у бурильщиков, снимал геофизиков с их красивыми машинами, ездил на самосвалах до самого "передка" и фотографировал эффектное наступление песчаной насыпи на клюквенные болота, дарил шоколадки Нине Галактионовне для ускорения связи с родной редакцией "Томских новостей".

Как-то в разговоре с героями нефтедобычи корреспондент коснулся темы знахарства, и ему рассказали, что есть такой лекарь в посёлке леспромхоза: денег за лечение они с женой не берут, кормятся тем, что люди приносят, но и не бедствуют, потому что лечат хорошо и не больно, и идут к ним охотнее, чем в больницу. А сам знахарь ещё по кузнечному делу большой мастер: ножи куёт абсолютного качества, только рессору неси. Но это уж, конечно, не задарма.

В солнечный весёлый понедельник, надеясь на минимум пациентов у дяди Гриши, Ярослав отправился с визитом. Он всерьёз надеялся увековечить стариков хорошим снимком, а если согласятся, то и дать в газету очерк под рубрикой "Уходящая Россия". Старшему лейтенанту понравилось быть корреспондентом - не хуже, чем с удостоверением СОМа: везде вхож, но, в отличие от СОМа, не внушаешь никому ни страха, ни тревоги. "Здравствуйте, я из газеты, чем вам помочь?" Не ты за людей, а они сами решают, нужно ли твоё вмешательство в их дела. И забота всего одна, как у врача: не навредить.

В кофре у Ярослава, кроме фотоаппарата, лежали разные сладости для тёти Поли, коробка со стеклянными банками, стрелочный тонометр взамен ртутного, бутылка медицинского спирта "для наружного употребления", бинты, вата, пинцет, а также бутылка кагора - "в нутро". Разведка показывала, что насчёт возвращения Маковых в Ягодку он тогда ошибся, и визит получался лёгкий, не секретный - в общем, приятный. И завтра можно уезжать.

Орёл всё так же ходил по крыше и кричал на ворон. Уже топорщились побегами некоторые грядки. Земля в плафонах на заборе тоже была взрыхлена и готовилась родить красоту.

"Молодцы старики, - подумал Ярослав, - долго проживут". И, коротко потопав и постучавшись в сенях, открыл дверь.

Ничего в этой кухне не изменилось. Те же картинки на стенах: Николай Романов и Семён Будённый рядышком, в большой застеклённой раме - молодые Поля и Гриша, ещё без протеза, какие-то лица, о которых в прошлый визит спросить не пришлось... Но у стола - Ярослав остолбенел - стояла красавица Настя, на последнем месяце беременности, и это её совсем не портило.

Не позволяя себе растеряться, Ярослав севшим голосом поздоровался и уже не знал, что говорить дальше.

- Вы чем-то больны? - подсказала Настя.

В ней, конечно, не было того яростного боевого порыва, с которым у костра она готова была к рукопашной, но и это её не портило, даже украшало. Ни одной чёрточки её лица, изученного по снимку и виденного всего раз, Ярослав не забыл. В весёлом майском солнце она была столь хороша и столь желанна, что впору было падать на колени и что-то петь. Новым усилием Ярослав заставил себя ответить, что однажды лечился у дяди Гриши, но тогда не отблагодарил. И он стал выкладывать на стол содержимое кофра.

- А фотоаппарат-то зачем? - Настя засмеялась именно так, как он себе всегда представлял - глубоко и ласково, как с малышом.

- Я - корреспондент... Я хотел вот сюда, - он указал на застеклённую раму со старыми снимками, - сделать им портреты...

- Садитесь, - Настя указала на знакомую спальную лавку. - Аппарат можете спрятать... Нет их больше.

- К-как? Где они?

- Зимой похоронили. В начале февраля. - Настя ясно улыбнулась. - Такую погоду им Боженька послал - солнце, аж глаза слезились. И снег белый, яркий... Хорошо ушли, в один день. Вот.

После отчаянного молчания, сам не ожидая от себя такого горя, Ярослав пробормотал:

- А мне говорили, они лечат до сих пор...

- Правильно говорили. Они всё передали нам. Значит, ничего не изменилось. Как всё на земле: одна травка умирает, другая вырастает, такая же.

- А вы им - кто? - Вертухин попытался играть корреспондента. - Дочь? Или муж ваш...

- Мы просто такая же травка, - Настя уже не улыбалась, в её глазах мелькнул тот самый боевой порыв, но она его погасила и тихо сказала: - Ваш голос не изменился, Ярослав. У костра я вас плохо разглядела, но голос помню хорошо. Вы пришли по наши души? Мы ждали вас гораздо раньше.

Ярослав почувствовал, как прихлынули и затопили горло слёзы. Такой обиды он не испытывал с очень раннего детства. Он сам себя воспитал мужчиной и умел сносить несправедливость и отвечать на неё достойно. Но сейчас мужчина в нём растерялся. Та, на чей образ он молится уже скоро год, уличает его в предательстве, а ему нечего ответить, потому что она права, но эта правота... несправедлива! Разве случайно именно он - сам! - напросился в эту командировку, чтобы - не дай Бог! - не обнаружил Маковых кто-нибудь другой?! И разве эти мудрые серые глаза не видят сами, что происходит в душе сомовского лазутчика?!

Настя, конечно, всё видела. Но молчала и беспощадно ждала ответа.

- Боже мой, - прошептал Ярослав, не владея голосом, - как вы можете, Настя?..

- Так объяснитесь, лейтенант, - тон её был строг, но шанс на спасение Ярослав расслышал.

- Да, - сказал он всё так же шёпотом. - Но не Я ПРИШЁЛ, а МЕНЯ ПОСЛАЛИ. Это не одно и то же... - Он решился поднять на неё глаза. - Вы понимаете меня?

- Надеюсь, - ответила она тихо. И позвала: - Витя! Выйди к ГОСТЮ.

Ярослав поднялся навстречу распахнувшимся занавескам. Рыжий гений шагнул к нему с улыбкой и протянул руку. Пожатие у него было сокрушительным.

- Ого! - оценил Ярослав.

- Кузню оживить пришлось, - объяснил Виктор. - Надо для НЕГО немного подзарабатывать.

- Для НЕЁ, - поправила будущая мама. Ах, как она была хороша в материнстве!

- Пусть будут мальчик и девочка, - пожелал Ярослав.

- А поднимем, отец? - Настя посмотрела на Виктора очень серьёзно.

- Двоих-то? - Виктор весело взглянул на гостя. - А нам поможет Служба Особых Мер! Она для того и существует...

Ярослав опустил голову. Он знал, что ответить, но чувствовал, что ещё не момент.

А хозяин обратился к столу, где лежали подарки.

- Ох ты-ы-ы... Вот бы дяде Грише понравилось! И тёте Поле... Всё предусмотрел, молодец. Да с такими, мать, друзьями... Даже кагор не забыл... Ну так - к столу! У нас же всё готово?

- Ишь, "у нас"! - Настя ворчала тоном тёти Поли, и это тоже ей шло. - Надрываешься тут, угораешь у плиты, а он там постучит по наковальне - и сразу корми его... - Посмотрела на гостя ласково и весело. - К столу, конечно!

Ничего больше не было сказано за столом ни о СОМЕ, ни о чём-то подобном. Только рассказал гость о новых спектаклях в театре драмы и в театре кукол, подарил снимки старого и нового Томска, а также храма в Излучном и самого отца Александра: "Лично снимал. Кажется, уйду в журналистику". "Рискуй. Там храбрости не меньше надо, чем в ..." "А как у Дорошенко с Мариной?" - спросила Настя. "Поженились. Но это - по слухам. Личных контактов не имею. Да вы всё знаете, поди, лучше меня." "Знаем, - Виктор смеялся, слегка захмелев. - А всё равно приятно". "Как Миша, Любаша?" - спросил Ярослав. "Она больше не болеет, а он - всё за Кунчо гоняется да штрафует нефтяников".

Вертухину на всякий случай - "раз уж ты здесь" - обмотали голову знаменитой клеёнчатой ленточкой и нашли, что "мозги лежат правильно".

Уложили гостя спать в кухне, и он мог перед сном просто нажать кнопку на своей рации, и утром всех взяли бы в лучшем виде, и была бы ему ещё одна звезда на погоны. Но он о кнопке даже не вспомнил. Более того, даже рации при нём не было - завалилась где-то на дне дорожной сумки, в вагончике у нефтяников. Спал он, правда, не очень спокойно - всё же совсем близко спала Настя, и её дыхание долетало из-за занавесок.

А утром Виктор предложил:

- Поезд вечером, так, может, постучишь со мной?

Отковали из рессоры пару таёжных ножей. Оснастили крюками и кольцами несколько недлинных тросов - Виктор объяснил: "Чокера для трелёвки, трактор ими сваленные деревья таскает". Чинили борону. Оттягивали какой-то особый - болотный - лемех. С помощью двух графитовых стержней и вольтовой дуги сделали несносимыми несколько лопат.

Говорили мало. Когда Настя позвала обедать, Виктор спросил:

- Понравилось?

- Интересно. - Ярослав вдруг вспомнил, что перед ним гений, и эта гениальность не служит человечеству в полную силу. И он заявил об этом прямо. Виктор домыл руки керосином, вытер их ветошью, передал ветошь напарнику и спокойно ответил: - А я уже не гений.хлопотно быть гением, сам знаешь. Пойдём.

За столом он сказал Насте:

- Покажи ему порошок.

Настя ушла в "операционную" и вернулась с баночкой из-под крема. Виктор свинтил крышку и показал Ярославу белый порошок с перламутровым отливом. Его там набиралось не более чайной

ложки.

- Это и была та капсула, за которой вы охотились. Настя раскрошила её на той самой наковальне и тем самым молотком, которым ты сейчас стучал. А крошки я растёр в ступке.

- Сохранили на память? - Ярослав с содроганием коснулся баночки пальцами. - Сувенир?

Жёлчь заливала его сердце.

Маковы переглянулись, как взрослые после детского вопроса.

- Сувенир? - Виктор хорошенько завинтил баночку и отдал Насте. - Не-ет, не сувенир. Это у нас самая ценная добавка к лекарству одному. Мозги восстанавливает.

Ярослав не мог дальше сдерживать досаду.

- Жалко до чего! - Он с такой силой вонзил кухонный нож в столешницу, что рука соскользнула и из глубокого пореза хлынула кровь. Но Ярослав не обратил на рану внимания. - Наша машина сошла с ума! А ваша, вместе с Дорошенкой, отказывается ЭТИМ заниматься! Единственный экземпляр, Витя! Неужели не жалко?

В запале он простирал к Виктору порезанную руку, и кровь лилась на стол, на хлеб, на посуду.

- Тихо, тихо! - Виктор перехватил окровавленную кисть, повернул ладонью вверх, наклонился к пульсирующей разваленной ране и внятно зашептал голосом дяди Гриши: - Дева святая по берегу ходит, рожь содит. Рожь принялася, а кровь унялася у раба Божия Ярослава. Дева святая по берегу ходит...

Пораненную руку он держал свободно, нигде не пережимал, но после третьего повторения заговора кровь остановилась. Виктор поводил над раной второй ладонью, и Ярослав ощутил явственный жар, почти обжигающий больное место. После десятка медленных пассивных пассов знахарь отпустил руку больного и вытер испарину на лбу.

- Извини, брат, что рабом назвал... Такая уж формула.

Ярослав не мог оторвать глаз от светлого рубца на месте пореза. Потом сказал:

- Я понял. Всеу своё время. Спасибо вам. Научишь так лечить?

- Приезжай, - ответил Виктор, переглянувшись с Настей. - Ты ведь года на два моложе меня? Значит, можно учить.

- Приезжай, - пригласила Настя. - Будешь крёстным отцом.

"А ведь, кажется, зачатие произошло, когда он был еще гением", - подумал старший лейтенант.

Пионерный, 11.12.96г.

ОГЛАВЛЕНИЕ	Стр.
Предисловие	1
Часть I. СЛОН В ПОСУДНОЙ ЛАВКЕ	
Всемирная гармония	2
1. Зеркало	2
2. Второе "Я"	4
3. Святая святых	9
Часть II. МИКРОГЕНИЙ	15
Введение для аналитиков	29
О гениях и идиотах	31
Гений и злодейство	33
"Белая обезьяна"	36
Яйцо грифона	42
Манишка	52
Чаепитие в подполье	55
Немного о любви	65
Под самым Богом	70
Исповедь первая	76
Аки посуху	82
Часть III. ЖИВАЯ КРОВЬ	
"Убей меня"	90
Исповедь вторая	93
Исповедь третья	96
Исповедь четвёртая	98
Лес оборотня	101
Призраки во плоти	105
Тени огня	114
Операция "Ягодка"	115
Теория на практике	127
Кругом пятьсот	129
ЭПИЛОГ	136